

ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 5 (136) • 2020

ISSN 2227-7315

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

**Распространяется по подписке.
Подписной индекс 46490 в каталоге агентства «Роспечать»**

Цена для подписчиков — 572 руб., в розничной продаже — свободная.

Электронная версия размещена на официальном сайте Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу:
<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Журнал зарегистрирован Управлением разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 13 февраля 2012 г. ПИ № ФС77-48565.

Редактор, корректор ***М.В. Седова***

Верстка ***Е.С. Сидоровой***

Подписано в печать 26.10.2020 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 24,2. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 950 экз. Заказ 236.

Отпечатано в типографии издательства
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия», 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.Н. Сенякин	доктор юридических наук, профессор (гл. редактор) (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Б. Аникин	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
А.П. Анисимов	доктор юридических наук, профессор (Волгоградский институт управления – (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)
С.Ф. Афанасьев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Т. Аширбекова	доктор юридических наук, доцент (Волгоградский институт управления (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)
В.М. Баранов	доктор юридических наук, профессор (Нижегородская академия МВД России)
С.А. Белоусов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Бит-Шабо	доктор юридических наук, доцент (Российский государственный университет правосудия)
А.Л. Благодир	доктор юридических наук, доцент (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
А.Г. Блинов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Д.С. Боклан	доктор юридических наук (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
Н.Л. Бондаренко	доктор юридических наук, профессор (Международный университет «МИТСО» (Республика Беларусь))
Д.Х. Валеев	доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
А.Н. Варыгин	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Н.М. Великая	доктор политических наук, профессор (Российский государственный гуманитарный университет)
Н.Д. Вершило	доктор юридических наук, профессор (Российский государственный университет правосудия)
А.А. Вилков	доктор политических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
А.Ю. Винокуров	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Н.И. Грачев	доктор юридических наук, профессор (Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации)
Р.Ш. Давлетгильдеев	доктор юридических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
Т.В. Заметина	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.В. Иванчин	доктор юридических наук, доцент (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)
О.В. Исаенкова	доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
А.М. Каминский	доктор юридических наук, профессор (Удмуртский государственный университет)

Н.Н. Карпов	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Н.Н. Ковалева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
Г.Н. Комкова	доктор юридических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)
Л.В. Логинова	доктор социологических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Н.С. Манова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.В. Минбалеев	доктор юридических наук, доцент (Южно-Уральский государственный университет)
П.Е. Морозов	доктор юридических наук, доцент (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)
Н.А. Подольный	доктор юридических наук, доцент (Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский университет юстиции» (РПА Минюста России))
Д.В. Покатов	доктор социологических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)
Е.В. Покачалова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
О.В. Понукалина	доктор социологических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Б.Т. Разгильдиев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Б. Разгильдиева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
О.С. Рогачева	доктор юридических наук, доцент (Воронежский государственный университет)
О.М. Родионова	доктор юридических наук, профессор (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)
В.С. Слободникова	доктор политических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.Ю. Соколов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Ж. Соловых	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Л.А. Тимофеев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Ю.В. Францифоров	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
В.С. Хижняк	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
З.И. Цыбуленко	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Е. Чаннов	доктор юридических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Л.Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
Б.С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Центральная избирательная комиссия РФ)

SARATOV
STATE
LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL
ESTABLISHED IN JANUARY, 1995
PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 5 (136) • 2020

ISSN 2227-7315

The journal is included by Higher Attestation Commission of Ministry of Education and Science of the Russian Federation to the Russian list of reviewed journals, where major scientific dissertations and thesis results are to be published

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy". 410056, Saratov, Volskaya, 1.

E-version is located on the official site of Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy" (<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>)

E-mail: vestnik2@ssla.ru

The journal is registered by Censorship Office in the Sphere of Mass Communication of Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communication February 13, 2012. ПИ № ФС77-48565.

© Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy", 2020

EDITORIAL BOARD

I.N. Senyakin	doctor of law, Professor (Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
S.B. Anikin	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
A.P. Anisimov	doctor of law, Professor ((Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
S.F. Afanasiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.T. Ashirbekova	doctor of law, Associate professor (Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
V.M. Baranov	doctor of law, Professor (Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs)
S.A. Belousov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Bit-Shabo	doctor of law, Associate professor (Russian State University of Justice)
A.L. Blagodir	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
A.G. Blinov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
D.S. Boklan	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
N.L. Bondarenko	doctor of law, Professor (International University «MITSO» (Republic of Belarus))
D.K. Valeev	doctor of law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
A. N. Varygin	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
N.M. Velikaya	doctor of political sciences, Professor (Russian state University for the Humanities)
N.D. Vershilo	doctor of law (Russian State University of Justice (Moscow))
A.A. Vilkov	doctor of political sciences, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
A.Yu. Vinokurov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N.I. Grachev	doctor of law, Professor (Volgograd Academy of the Ministry of the Interior Russian Federation)
R.S. Davletgildeev	doctor of law, Associate professor (Kazan (Volga region) Federal University)
T.V. Zametina	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
A.V. Ivanchin	doctor of law, Associate professor (Yaroslavl State University named after him. P. G. Demidov)
O.V. Isaenkova	doctor of law, Professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
A.M. Kaminsky	doctor of law, Professor (Udmurt State University)
N.N. Karpov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N.N. Kovaleva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
G.N. Komkova	doctor of law, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
L.V. Loginova	doctor of sociology, Professor (Saratov State Law Academy)
N.S. Manova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
A.V. Minbaleev	doctor of law, Associate professor (South Ural State University)
P.E. Morozov	doctor of law, Associate professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
N.A. Podolnyi	doctor of law, Associate professor (Srednevolzhsky Institute (branch) All-Russian University of Justice (RPA) of the Ministry of justice)

D.V. Pokatov	doctor of sociology, Professor (Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky)
E.V. Pokachalova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
O.V. Ponukalina	doctor of sociology Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
B.T. Razgildiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.B. Razgildieva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
O.S. Rogacheva	doctor of law, Associate professor (Voronezh State University)
O.M. Rodionova	doctor of law, Professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
V.S. Slobozhnikova	doctor of political sciences (Saratov State Law Academy)
A.Yu. Sokolov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.Zh. Solovykh	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
L.A. Timofeev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
Yu.V. Frantsiforov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
V.S. Khizhnyak	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
Z.I. Tsybulenko	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.E. Channov	doctor of law, Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
L.G. Shapiro	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Shesteryakova	doctor of law, Associate professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
B.S. Ebzeev	doctor of law, Professor (Central electoral Commission)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- 15 **Сенякин И.Н., Лазарева О.В.**
Свобода как основа судейского усмотрения
- 26 **Ворошилова С.В.**
Правовое положение супругов в период становления Советского государства
- 34 **Шугуров М.В.**
Факторы развития механизма правового регулирования международного научно-технологического сотрудничества в условиях Четвертой промышленной революции: теоретико-правовые аспекты
- 48 **Грешнова Н.А.**
Теоретический аспект реализации презумпции невиновности личности
- 53 **Ныркв В.В.**
Научные (доктринальные) основы концепции развития и унификации законодательства, регулирующего применение цифровых технологий в области цивилистического судопроизводства
- 63 **Полуда О.Н.**
Условное осуждение в России во второй половине XIX – начала XX века
- 71 **Переплетчикова А.И.**
Конкретизация и толкование норм российского права: соотношение и взаимосвязь

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- 78 **Стребкова Е.Г.**
Проблемы реализации права иностранных граждан и лиц без гражданства на охрану здоровья и медицинскую помощь
- 88 **Шуршалова Е.С.**
Программно-стратегическое регулирование искусственного интеллекта в сфере реализации социально-экономических прав человека в Китае
- 96 **Арефьева М.С.**
К вопросу о необходимости регламентации правового статуса человеческого плода как субъекта права на физическую неприкосновенность в РФ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- 108 **Липкина Н.Н.**
Принцип суверенитета государства в киберпространстве: подходы к определению правовой природы в современном международном праве
- 114 **Шугурова И.В.**
Полномочия Евразийской экономической комиссии в сфере научно-технологической интеграции государств-членов ЕАЭС

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- 129 Соколов А.Ю., Лакаев О.А.**
Возможные направления совершенствования института ученых званий в России
- 139 Ильгова Е.В., Смагина Т.А., Тугушева Ю.М.**
К вопросу о правовой природе понятия «данные несовершеннолетних»: междисциплинарный аспект
- 149 Санникова С.С.**
Административно-правовое обеспечение продовольственной безопасности Российской Федерации в условиях глобальных внешних вызовов
- 154 Лаптева Т.А.**
Пределы действия принципов контрактной системы в закупках товаров, работ, услуг, включаемых в государственный оборонный заказ
- 164 Семикин А.Р.**
Критерии выделения и виды стадий процедуры аккредитации медицинских специалистов

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- 170 Зайцева Н.В.**
Способы определения разумности в деликтных правоотношениях на примере стран общего права
- 179 Казакова С.П., Кухарева О.А.**
Посредничество в системе примирительных процедур: понятие, виды, проблемы практического применения по гражданским и административным делам

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- 187 Благов Е.В.**
О законодательных видах соучастия в преступлении
- 194 Разгильдиев Б.Т.**
Проблемы понятия профилактики преступления
- 202 Евстифеева Е.В., Дородонова Н.В., Лапунин М.М.**
Социальный запрос общества на использование технологий редактирования генома человека
- 213 Насиров Н.И.**
Предмет уголовно-исполнительного права и его понимание
- 221 Шляпникова О.В., Чаусова С.А.**
О целесообразности принятия закона «о профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации»

ФИНАНСОВОЕ, БАНКОВСКОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

- 228 Пастушенко Е.Н., Земцова Л.Н.**
Новеллы правового регулирования развития защиты прав потребителей финансовых услуг как функции центрального банка Российской Федерации в условиях цифровой экономики

- 235 Гугнюк И.Г., Гугнюк К.М.**
Перспективы развития парламентского финансового контроля
- 241 Вавилова Е.М.**
Платежи по QR-коду в России: правовой аспект
- 248 Ларшина Е.М.**
Некоторые проблемы деятельности операторов по переводу денежных средств в национальной платежной системе России

РЕЦЕНЗИИ

- 254 Усанов И.В.**
«Средневековая» криминалистика — наше «светлое» будущее? (критические заметки о статье Б.Г. Розовского, С.Р. Тагиева и А.В. Бочковского «Глас вопиющего в пустыне — ПОЧЕМУ?»)
- 258 Светлой памяти Татьяны Митрофановны Цепковой**

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

- 16 Senyakin I.N., Lazareva O.V.**
Freedom as the Basis of Judicial Discretion
- 26 Voroshilova S.V.**
Legal Status of Spouses in the Period of the Soviet State Formation
- 34 Shugurov M.B.**
Factors of Developing the Mechanism of Science and International Technology Cooperation Legal Regulation in Conditions of the Fourth Industrial Revolution: Theoretical-legal Aspects
- 48 Greshnova N.A.**
Theoretical Aspect of the Individual's Presumption of Innocence Implementation
- 54 Nyrkov V.V.**
Scientific (Doctrinal) Foundations of the Concept of Development and Unification of Legislation Regulating the Use of Digital Technologies in the Field of Civil Legal Proceedings
- 63 Poluda O.N.**
Probation in Russia in the Second Half of the XIX – early XX Century
- 71 Perepletchikova A.I.**
Concretization and Interpretation of the Norms of Russian Law: Relationship and Interdependence

CONSTITUTIONAL LAW

- 79 Strebkova E.G.**
Problems of Realization of the Right of Foreign Citizens and Stateless Persons to Health Protection and Medical Care
- 89 Shurshalova E.S.**
Program and Strategic Regulation of Artificial Intelligence in the Sphere of Realization of Socio-Economic Human Rights in China
- 96 Arefeva M.S.**
On the Need to Regulate the Legal Status of the Human Fetus as a Subject of the Constitutional Right to Physical Integrity in the Russian Federation

INTERNATIONAL LAW

- 109 Lipkina N.N.**
Principle of State Sovereignty in Cyberspace: Approaches to Determining its Legal Nature in Contemporary International Law
- 114 Shugurova I.V.**
Powers of Eurasian Economic Commission in the Field of Science and Technology Integration of the EAEU's Member States

ADMINISTRATIVE AND MUNICIPAL LAW

- 130 Sokolov A.Yu., Lakaev O.A.**
Possible Directions for Improving the Institute of Academic Titles in Russia
- 140 Ilgova E.V., Smagina T.A., Tugusheva Yu.M.**
On the Legal Nature of the “Data of Minors” Concept: an Interdisciplinary Aspect
- 149 Sannikova S.S.**
Administrative and Legal Support of Food Security of the Russian Federation in the Context of Global External Challenges
- 154 Lapteva T.A.**
Limits Of The Principles Of The Contract System In The Procurement Of Goods, Works And Services, Included In The State Defense Order
- 164 Semikin A.R.**
Selection Criteria and Types of Stages of the Accreditation Procedure for Medical Specialists

CIVIL LAW

- 171 Zaitseva N.V.**
Methods for Determining Reasonableness in Tort Relations on the Example of Common Law Countries
- 180 Kazakova S.P., Kukhareva O.A.**
Mediation in the System of Conciliation Procedures: Concept, Types, Problems of Practical Application in Civil and Administrative Cases

CRIMINAL AND PENAL ENFORCEMENT RIGHT. CRIMINAL PROCEEDING

- 187 Blagov E.V.**
On Legal Types of Complicity in Crime
- 195 Razgildiev B.T.**
Problems of crime prevention concept
- 203 Evstifeeva E.V., Dorodonova N.V., Lapunin M.M.**
Social Demand of Society for the Use of Human Genome Editing Technologies
- 213 Nasirov N.I.**
Subject of Criminal Executive Law and Its Understanding
- 222 Shlyapnikova O.V., Chausova S.A.**
About Expediency of Adoption of the Law „On Prevention of Family and Domestic Violence in the Russian Federation”

FINANCIAL, BANKING AND CUSTOMS LAW

- 229 Pastushenko E.N., Zemtsova L.N.**
Novelties of Legal Regulation of the Development of Consumer Rights’ Protection of Financial Services as a Function of the Central Bank of the Russian Federation in the Digital Economy

- 235 Gugnyuk I.G., Gugnyuk K.M.**
Prospects for the Development of Parliamentary Financial Control
- 241 Vavilova E.M.**
Payments by QR Code in Russia: Legal Aspect
- 249 Larshina E.M.**
Some Problems in the Activities of Money Transfer Operators in the National Payment System of Russia

REVIEWS

- 255 Usanov I.V.**
The medieval criminalistics as our perfectly future? (Criticism of work by B.G. Rozovsky, S.R. Tugyev and A.V. Bochkovy «The voice of screaming man in the wilderness — WHY? »)
- 258 To the blessed memory of Tatyana Mitrofanovna Tsepko**

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10122

УДК 340.1

И.Н. Сенякин, О.В. Лазарева

СВОБОДА КАК ОСНОВА СУДЕЙСКОГО УСМОТРЕНИЯ

Введение: сложность познания свободы связана с многоаспектностью ее понимания и невозможностью однозначного определения ее в философском, экономическом, политическом и правовом смыслах. **Цель:** на основе правового аспекта свободы определить ее природу и пределы, обосновать свободу правоприменителя в совершении юридических действий как основу судебного усмотрения и судебного произвола. **Методологическая основа:** правовой анализ категории свободы, совокупность диалектического, метафизического, исторического, логического, системного, функционального, формально-юридического, сравнительного методов исследования. Диалектический метод позволяет определить сущность и природу свободы и исследовать взаимосвязь с иными явлениями. С помощью формально-юридического метода познаются пределы свободы судебного усмотрения. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно природы свободы и ее пределов, обоснована необходимость свободы правоприменителя в совершении правовых действий, исследованы риски и условия перехода судебного усмотрения в судебный произвол. **Выводы:** судебское усмотрение сопровождает правоприменительную деятельность в случаях, предусмотренных законом, исходя из принципов разумности и справедливости с учетом обстоятельств конкретного дела. Законодатель предоставил суду относительную свободу в совершении правовых действий, чтобы исключить механическое применение правовых норм, обеспечить оптимальную реализацию их на практике, гарантировать стабильность правового регулирования.

Ключевые слова: свобода, законные пределы свободы, судебское усмотрение, судебный произвол.

© Сенякин Иван Николаевич, 2020
Доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия)

© Лазарева Ольга Владимировна, 2020
Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: mureksin_sar@mail.ru

© Senyakin Ivan Nikolaevich, 2020
Doctor of law, Professor, Theory of state and law department (Saratov State Law Academy)
© Lazareva Olga Vladimirovna, 2020
Candidate of law, associate Professor, Theory of state and law department (Saratov State Law Academy)

I.N. Senyakin, O.V. Lazareva

FREEDOM AS THE BASIS OF JUDICIAL DISCRETION

Background: the complexity of the knowledge of freedom is associated with the multidimensional nature of its understanding and the inability to define it unambiguously in philosophical, economic, political and legal terms. **Objective:** on the basis of the legal aspect of freedom to determine its nature and limits, to justify the freedom of the law enforcement officer to perform legal actions as the basis of judicial discretion and judicial arbitrariness. **Methodology:** legal analysis of the category of freedom, a set of dialectical, metaphysical, historical, logical, system, functional, formal-legal, comparative research methods. The dialectical method allows us to determine the essence and nature of freedom and explore in relation to other phenomena. With the help of the formal legal method, the limits of the freedom of judicial discretion are known. **Results:** the author's position on the nature of freedom and its limits is argued, the necessity of the law enforcement officer's freedom to perform legal actions is justified, and the risks and conditions for the transition of judicial discretion to judicial arbitrariness are studied. **Conclusions:** judicial discretion accompanies law enforcement activities in cases stipulated by law, based on the principles of reasonableness and fairness and taking into account the circumstances of a particular case. The legislator gave the court relative freedom to perform legal actions in order to exclude the mechanical application of legal norms, ensure their optimal implementation in practice, and guarantee the stability of legal regulation.

Key-words: freedom, legal limits of freedom, judicial discretion, judicial arbitrariness.

В юридической науке проблема судейского усмотрения обстоятельно изучена. Существует большое количество работ, посвященных исследованию понятия и природы юридического усмотрения, оснований и пределов судейского усмотрения, рисков и условий перехода судейского усмотрения в судебный произвол, возможностей расширения или сужения усмотрения суда в зависимости от специфики правовой системы и исторических условий. Однако до настоящего времени отдельные направления судейского усмотрения остаются вне поля зрения правоведов, одним из таких направлений является связь усмотрения с проблемой свободы правоприменителя. В современных условиях наметившаяся цифровая трансформация правосудия вызвала дальнейшее конструктивное обсуждение проблем судейского усмотрения в рамках I Московского правоприменительного форума «Судейское усмотрение в практике судов города Москвы», состоявшегося 21 ноября 2019 г.

«Где есть право, — отмечает А. Барак, — там будет и судейское усмотрение. История права есть также история расширения или сужения судейского усмотрения в различные времена и при различных обстоятельствах, согласно соответствующим политическим соображениям. Таким образом, даже самая острая критика... не стремится к его полному устранению. Реальный вопрос состоит не в том, следует или не следует допускать существование судейского усмотрения. Реальный вопрос — это должный объем, пределы судейского усмотрения» [1, с. 352–353].

Сложность определения правовой свободы и юридического усмотрения связана с неоднозначным пониманием и трактовкой данных явлений в общесоциальном смысле. Как справедливо отмечал выдающийся итальянский юрист и общественный деятель Леони Бруно, «в течение столетий было сформулировано множество определений свободы, и не все из них были совместимы друг с другом.

В результате однозначного определения свободы не существует» [2, с. 18]. Такое положение дел Л. Бруно связывает с существованием философского, экономического, политического и правового подходов к пониманию свободы. Он обращает внимание на то, что свобода является правовым понятием, из которого неизбежно возникает ряд правовых последствий. Так, возможность заключения договора, предусмотренная Гражданским кодексом РФ, Семейным кодексом РФ, Трудовым кодексом РФ, основана на свободе субъектов права в совершении действий и ответственности в случае нарушения закона.

Посредством специфики права (государственно-волевой характер, общеобязательность, формальная определенность, наделенность в равной мере по отношению к поведению субъектов) и его принципов законности и равенства проводится разграничение между свободой и произволом. Свобода определяется как право субъектов, существующее в юридической форме, закрепляются структурные элементы и законные пределы свободы, регулируется поведение субъектов права, действия которых подчинены требованиям закона, «взвешиваются» и оцениваются с помощью единых «весов правосудия» [3, с. 3].

Свобода, официально закрепленная в нормативно-правовых актах, приобретает юридический характер, включается в систему субъективных прав и юридических обязанностей, выступает как познанная общественная необходимость. По мнению Д.А. Толченкина, «в результате этого осознания государство закрепляет в праве ту меру свободы, которая является социально оправданной, социально необходимой для удовлетворения социально значимых потребностей» [4, с. 18].

Получая закрепление в праве, свобода ограничивается законом и естественными правами. В Декларации прав человека и гражданина, принятой во Франции 26 августа 1789 г., закреплено, что «свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Пределы эти могут быть определены только законом» (ст. 4). «Закон имеет право запрещать лишь действия, вредные для общества» (ст. 5). И далее: «закон есть выражение общей воли... Он должен быть единым для всех, охраняет он или карает» (ст. 6) [5, с. 117–119].

В Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой в России 22 ноября 1991 г., также предусмотрено, что «осуществление человеком своих прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц. Запрещается использование прав и свобод для насильственного изменения конституционного строя, разжигания расовой, национальной, классово-религиозной ненависти, для пропаганды насилия и войны» (ст. 4)¹.

Государство и индивид исполняют взаимные обязанности друг перед другом. Российское государство признает, соблюдает и защищает права и свободы человека и гражданина. Взятые государством на себя обязательства составляют основание свободы, суть которых заключается в перечислении того, что должно делать государство и от чего оно должно воздержаться.

¹ См.: Постановление Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52, ст. 1865.

Специфика юридической свободы связана с субъектным составом ее реализации. В судебной деятельности таким субъектом является суд. А.Б. Зеленцов и О.А. Ястребов разделяют права суда, т.е. его властные полномочия, на два вида:

1) «связанные, или подчиненные», носящие императивный характер и осуществляемые судом в строго регламентированном порядке осуществления правосудия;

2) «свободные, или самостоятельные», имеющие диспозитивный характер и осуществляемые по усмотрению суда в определенных законом пределах [6, с. 6].

В юридической литературе отсутствует однозначное понимание правоприменительного усмотрения. Оно исследуется как возможность выбора оптимального решения по правовому спору. Так, П.А. Лупинская определила правоприменительное усмотрение как «предоставленную правоприменителю законом возможность выбирать решение, осуществлять поиск оптимального решения по делу» [7, с. 93]. Исследуя судебское усмотрение, А. Барак отмечает, что лицо, наделенное властью, обладает полномочием избрать между двумя и более альтернативами, каждая из которых является законной [1, с. 13].

Усмотрение рассматривается как деятельность правоприменителя. По мнению А.Т. Боннера, судебное усмотрение — это специфический вид судебной правоприменительной деятельности, сущность которой заключается «в предоставлении суду в соответствующих случаях правомочия находить наиболее оптимальное решение правового вопроса, исходя из общих положений закона, целей, преследуемых законодателем, конкретных обстоятельств дела, а также принципов права, законов развития общества и норм морали» [8, с. 36]. И ученый отмечает, что возможность выбора решения не означает разгула судебного произвола. Суд правомочен решать правовой вопрос по усмотрению лишь в случаях и пределах, предусмотренных законом. Принимаемое судом решение должно соответствовать конкретным обстоятельствам дела, определяться объективными, а не субъективными (волевыми) факторами, находиться под контролем как лиц, участвующих в деле, так и вышестоящих судов, быть тщательно мотивировано.

Аналогичной позиции придерживается Н.А. Власенко, рассматривающий судебное усмотрение как «деятельность суда, состоящую в реализации полномочий по осуществлению правосудия, возложенных на него государством, с помощью которого производится относительно свободный выбор решения, обеспечивающий достижение определенности правового регулирования в конкретной жизненной ситуации» [9, с. 101]. Следовательно, неопределенность правового регулирования лежит в основе судебного усмотрения, относительная свобода выбора решения составляет его природу, а предусмотренные законом пределы усмотрения выступают гарантией стабильности и разумности правового регулирования.

О тесной связи понятий «свобода» и «усмотрение» писал Д.М. Чечот. Исследуя административное усмотрение, он отмечал, что «понятие усмотрения предполагает, что соответствующий орган или должностное лицо действует по своей воле, не связанной при принятии решения какой-либо нормой». В пределах своих полномочий государственный орган «свободен в выборе соответствующего решения». В отличие от административного, судебное усмотрение обладает следующими специфическими особенностями: «1) совершение по усмотрению суда любого процессуального действия может иметь место лишь в случаях, прямо предусмотренных законом; 2) решение материально-правовых вопросов

по усмотрению суда возможно лишь в случаях, предусмотренных в законе и касающихся правоотношений, урегулированных законодателем частично с тем, чтобы их конкретизация осуществлялась судом» [10, с. 68, 72, 73].

Наличие свободы судебного усмотрения как объективно существующего явления, присущего российской правовой системе, констатирует Конституционный Суд РФ в Постановлении от 25 января 2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова»². Конституционный Суд РФ разъясняет: применяя общее правовое предписание (норму права) к конкретным обстоятельствам дела, судья дает собственное толкование нормы, принимает решение в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения (иногда весьма значительной) и, зачастую оценивает обстоятельства, не имея достаточной информации (иногда скрываемой от него). И далее отмечается что суд общей юрисдикции или арбитражный суд, на основании ст. 120 Конституции РФ самостоятельно решая вопрос о том, подлежит ли та или иная норма применению в рассматриваемом им деле, уясняет смысл нормы, т.е. осуществляет ее казуальное толкование.

Вместе с тем в судебной практике должно обеспечиваться конституционное толкование подлежащих применению норм. Как следует из ч. 2 ст. 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конституционное толкование нормативного акта или отдельного его положения, проверяемого посредством конституционного судопроизводства, относится к компетенции Конституционного Суда РФ, который, разрешая дело и устанавливая соответствие Конституции РФ оспариваемого акта, в том числе по содержанию норм, обеспечивает выявление конституционного смысла действующего права. В таком случае данное им толкование, как это вытекает из закона, является общеобязательным, в т.ч. и для судов. Следовательно, суд в ходе применения нормативного правового акта по конкретному делу осуществляет его официальное казуальное толкование, но при этом он не вправе придавать акту такое толкование, которое расходилось бы с его конституционно-правовым смыслом, определенным Конституционным Судом РФ.

Е.В. Кудрявцева и Л.А. Прокудина обращают внимание на то, что «для судебного усмотрения важным является не только правильное определение пределов выбора, закрепленных в норме материального права, применяемой к конкретным правоотношениям, но и следование процессуальным правилам, установленным в отношении процедуры рассмотрения и разрешения дел» [11, с. 35].

В 1824 г. Председатель Верховного Суда США Джон Маршалл занимал подобную позицию в отношении применяемого судьями усмотрения: «Когда им сказали применять усмотрение, речь шла о чисто юридическом усмотрении, об усмотрении, которое должно применяться при открытии предусмотренной правом процедуры; а когда она открыта, долг Суда ей следовать. Судебная власть никогда не осуществляется в целях осуществления воли судьи, но всегда в целях осуществления воли законодателя, или, другими словами, воли закона»³.

Судья в процессе судопроизводства, оценив доказательства по делу по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном их исследовании, осуществляет выбор подлежащих при-

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 7, ст. 700.

³ *Osborn v. The Bank of the United States*, 22 U.S. 738, 8G6 (1824). URL: <https://openjurist.org/22/us/738> (дата обращения: 16.04.2020).

менению в конкретном деле норм, дает собственное их толкование в системе действующего правового регулирования и принимает решение в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения⁴.

Самостоятельное, непредвзятое принятие решений при осуществлении правосудия возможно посредством баланса независимости, несменяемости и неприкосновенности судьи и ответственности судебной власти перед обществом.

В процессуальном законодательстве предусмотрено требование мотивированности решений, выносимых судом. В частности, ст. 170 АПК РФ содержит требование о том, что в мотивировочной части решения должны в обязательном порядке быть указаны:

1) фактические и иные обстоятельства дела, установленные арбитражным судом;

2) доказательства, на которых основаны выводы суда об обстоятельствах дела и доводы в пользу принятого решения; мотивы, по которым суд отверг те или иные доказательства, принял или отклонил приведенные в обоснование своих требований и возражений доводы лиц, участвующих в деле;

3) законы и иные нормативные правовые акты, которыми руководствовался суд при принятии решения, и мотивы, по которым суд не применил законы и иные нормативные правовые акты, на которые ссылались лица, участвующие в деле. В мотивировочной части решения должны содержаться также обоснования принятых судом решений и обоснования по другим вопросам.

Кроме этого, согласно ч. 4.1 ст. 198 ГПК РФ в мотивировочной части решения суда могут содержаться ссылки на постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики, постановления Президиума Верховного Суда РФ, а также на обзоры судебной практики Верховного Суда РФ, утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ. Следовательно, суд должен указать мотивы, по которым он сделал выводы в пользу принятого решения.

Согласно положениям уголовно-процессуального законодательства суды обязаны строго выполнять требования ст. 307 и 308 УПК РФ о необходимости мотивировать в обвинительном приговоре выводы по вопросам, связанным с назначением уголовного наказания, его вида и размера. Во всех случаях резолютивная часть обвинительного приговора должна быть изложена таким образом, чтобы не возникало сомнений и неясностей при его исполнении.

По усмотрению суда с учетом положений ст. 64, 73 и 80.1 УК РФ могут быть назначены: более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление; условное осуждение; осужденный может быть освобожден от отбывания наказания (ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ). Приведем пример из судебной практики, подтверждающий наличие у суда права (возможности) назначить более мягкий вид наказания или не применять дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного.

Псковский городской суд, рассмотрев в открытом судебном заседании уголовное дело в отношении Гаврилова А.И., ранее несудимого, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ (незаконный сбыт наркотических средств в значительном размере) и ч. 1 ст. 228 УК РФ (незаконные приобретение и хранение без цели сбыта наркотических средств в значительном размере), признал его виновным в совершении данных

⁴См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 декабря 2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 12.

преступлений⁵. При назначении наказания суд принял во внимание следующие моменты: отсутствие отягчающих обстоятельств; наличие исключительной совокупности смягчающих обстоятельств (подсудимый впервые привлекается к уголовной ответственности, по месту жительства характеризуется положительно, в судебном заседании полностью признал свою вину, раскаялся в содеянном и проходит лечение от наркотической зависимости, подтверждено неудовлетворительное состояние здоровья подсудимого), свидетельствующих о снижении степени общественной опасности личности подсудимого, и нашел возможным на основании ст. 64 УК РФ за преступление, предусмотренное п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, назначить наказание в виде реального лишения свободы ниже низшего предела, предусмотренного санкцией статьи и не применять дополнительные виды наказаний, а за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 УК РФ, назначить наказание в виде обязательных работ в минимальном размере. Таким образом, вынесенный приговор является результатом усмотрения суда, в основе которого лежит свобода правоприменителя в совершении правовых действий по применению ст. 64 УК РФ.

Чтобы свобода судебного усмотрения не перешла в судебный произвол, законодатель предусмотрел необходимые условия и пределы их усмотрения. Условия определены достаточно абстрактно путем указания на возможность признания судом одного конкретного обстоятельства или совокупности таких обстоятельств в качестве исключительных, т.е. понижающих общественную опасность совершенного преступления. В Апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 февраля 2014 г. № 56-АПУ14-3 закреплено, что «признание исключительными смягчающих наказание обстоятельств является исключительной прерогативой суда»⁶. Суд в приговоре должен указывать, какие конкретно обстоятельства он признает исключительными, дающими основания для применения ч. 1 ст. 64 УК РФ, или мотивировать ее неприменение по причине непризнания смягчающих обстоятельств исключительными. На практике суды ограничиваются утверждением о том, что «оснований, дающих право на применение ст. 64 УК РФ, не имеется», или отмечается что «с учетом характера и конкретных обстоятельств совершенного преступления, оснований для применения ст. 64 УК РФ суд не усматривает» или «оснований для применения положений статьи 64 УК РФ суд не усматривает, поскольку исключительных обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности совершенного подсудимым преступления, не установлено».

Необходимо отметить, что одно и то же смягчающее обстоятельство (или их совокупность) может быть признано одним судом в качестве исключительного обстоятельства, а другим — судом в качестве обычного обстоятельства. Так, по приговору Троицкого районного суда г. Москвы от 20 февраля 2018 г. Л.А. Бабаев признан виновным в незаконном сбыте наркотических средств⁷. При назначении наказания суд принял во внимание отсутствие отягчающих

⁵ См.: Приговор Псковского городского суда Псковской области от 27 сентября 2019 г. по делу № 1-34/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WCFp1swKUQ5f/> (дата обращения: 13.04.2020).

⁶ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 февраля 2014 г. № 56-АПУ14-3. URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/b73a1ad5e2fa8a33cefcc74b6f275011/> (дата обращения: 13.04.2020).

⁷ См.: Приговор Троицкого районного суда г. Москвы от 20 февраля 2018 г. по делу № 1-18/2018. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/f6dd7907-a049-4abd-ad61-14fafad508b5> (дата обращения: 13.04.2020).

обстоятельств, наличие совокупности обычных смягчающих обстоятельств (раскаяние подсудимого в содеянном и отсутствие судимости, положительная характеристика, нахождение малолетнего ребенка на иждивении и супруги в состоянии беременности, оказание помощи близким родственникам, активное участие в общественной жизни, донорство) и отказал в применении положения ст. 64, ч. 6 ст. 15 УК РФ. С целью восстановления социальной справедливости, исправления подсудимого и предупреждения совершения подсудимым новых преступлений суд счел необходимым назначить подсудимому наказание в виде реального лишения свободы и не назначать дополнительное наказание в виде ограничения свободы.

Однако судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда, рассмотрев в открытом судебном заседании апелляционное представление заместителя прокурора и апелляционную жалобу адвоката, изменила приговор Трицкого районного суда города Москвы, т.к. посчитала необходимым признать совокупность смягчающих наказание обстоятельств исключительными и снизила назначенное Л.А. Бабаеву наказание с применением положений ст. 64 УК РФ⁸. Следовательно, суд правильно установил наличие в действиях Л.А. Бабаева смягчающих наказание обстоятельств, однако без достаточных к тому оснований отказал в применении ст. 64 УК РФ.

В практике встречаются противоположные ситуации — например, когда суд переоценил совокупность смягчающих обстоятельств и признал их исключительными без достаточных на то оснований или при наличии исключительных обстоятельств без приведения доводов указал на повышенную общественную опасность совершенного преступления (Постановление Президиума Ставропольского краевого суда от 16 мая 2018 г. по делу № 44У-156/2018)⁹.

Кроме условий применения судейского усмотрения законодатель определил его пределы. Они получили закрепление в Уголовном кодексе РФ в виде исчерпывающего перечня преступлений (ч. 3 ст. 64), за совершение которых виновным не может быть назначено наказание ниже низшего предела или назначен более мягкий вид наказания либо не применен дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного.

Отсутствие четкости в правовых предписаниях расширяет пределы усмотрения правоприменителя, что может порождать вынесение произвольных решений, злоупотребление правами и коррупцию. Можно вспомнить слова американского судьи Уильяма Дугласа утверждавшего, что «абсолютное усмотрение, как коррупция, означает начало конца свободы»¹⁰.

Приведем пример — когда относительная свобода является основой судейского усмотрения, а абсолютная свобода — основой судебного произвола, когда появляется возможность неправомерного перехода судейского усмотрения в судебный произвол. Согласно п. 3 ст. 114 Налогового кодекса РФ, при наличии хотя бы одного смягчающего ответственность обстоятельства размер штрафа подлежит уменьшению не менее, чем в два раза по сравнению с размером, установленным

⁸ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 24 апреля 2018 г. по делу № 10- 6764/18. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/f6dd7907-a049-4abd-ad61-14fafad508b5> (дата обращения: 13.04.2020).

⁹ См.: Постановление Президиума Ставропольского краевого суда от 16 мая 2018 г. по делу № 44У-156/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ceYibOkA6am4/> (дата обращения: 13.04.2020).

¹⁰ См.: State of New York v. United States, 342 U.S. 882, 884 (1951). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/342/882/> (дата обращения: 16.04.2020).

кодексом. Данная обязанность суда разъяснена в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ № 41 и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 9 от 11 июня 1999 г. «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации»¹¹.

Согласно разъяснениям, данным в п. 16 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации», учитывая, что п. 3 ст. 114 Налогового кодекса РФ установлен лишь минимальный предел снижения налоговой санкции, суд по результатам оценки соответствующих обстоятельств (например, характера совершенного правонарушения, количества смягчающих ответственность обстоятельств, личности налогоплательщика, его материального положения) вправе уменьшить размер взыскания и более чем в два раза¹².

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в постановлениях от 12 мая 1998 г. № 14-П, от 15 июля 1999 г. № 11-П, от 30 июля 2001 г. № 13-П и в определении от 14 декабря 2000 г. № 244-О¹³, санкции, налагаемые органами государственной власти, являются мерой юридической ответственности, поэтому размер взыскания должен отвечать критерию соразмерности и применяться с соблюдением принципов справедливости наказания, его индивидуализации и дифференцированности, с учетом характера совершенного правонарушения, размера причиненного вреда, степени вины правонарушителя, его имущественного положения и иных существенных обстоятельств.

На практике при наличии смягчающих ответственность обстоятельств суды самостоятельно определяют размер штрафа. Он может быть гораздо меньше, а именно:

в пять раз (Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 17 октября 2018 г. № Ф06-38650/2018 по делу № А65-41927/2017)¹⁴;

в восемь раз (Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19 июня 2019 г. № Ф02-2677/2019 по делу № А58-9453/2017)¹⁵;

в десять раз (Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22 ноября 2018 г. № Ф10-4922/2018 по делу № А14-1736/2018)¹⁶. В данном случае законные и обоснованные судебные акты, принимаемые на основании судебного усмотрения, полностью отвечают конкретным обстоятельствам дела, отражают баланс публичных и частных интересов. Но так бывает не всегда.

¹¹ См.: Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1999. № 8.

¹² См.: Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013. № 10.

¹³ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2000 г. № 244-О «По жалобам граждан А.И. Косика и Т.Ш. Кенчхадзе на нарушение их конституционных прав положениями абзаца шестого статьи 6 и абзаца второго части первой статьи 7 Закона Российской Федерации «О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 3, ст. 272.

¹⁴ См.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 17 октября 2018 г. № Ф06-38650/2018 по делу № А65-41927/2017. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=APV&n=169984#018559412780074735> (дата обращения: 13.04.2020).

¹⁵ См.: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19 июня 2019 г. № Ф02-2677/2019 по делу № А58-9453/2017. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AVS&n=104449#06495277430322286> (дата обращения: 13.04.2020).

¹⁶ См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22 ноября 2018 г. № Ф10-4922/2018 по делу № А14-1736/2018. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ACN&n=114175#004662208050156136> (дата обращения: 13.04.2020).

Риск перехода судейского усмотрения в судебный произвол существует. Так, 5 февраля 2019 г. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что суды апелляционной и кассационной инстанций (Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд и Арбитражный суд Уральского округа) допустили существенные нарушения норм материального права, когда подлежащий взысканию с налогоплательщика штраф уменьшили до нуля рублей. Коллегия подтвердила, что уменьшение суммы штрафа более чем в два раза свидетельствует о возможности получить от совершенного действия нулевой результат. И далее отметила, что, снижая размер подлежащего взысканию штрафа до нуля рублей, суды фактически освободили общество от ответственности за совершение налогового правонарушения, что не соответствует положениям п. 3 ст. 114 Налогового кодекса РФ¹⁷. Поэтому постановления были отменены, а дело было направлено на новое рассмотрение.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

В правоприменительной деятельности допустимо существование судейского усмотрения, основой которого выступает свобода правоприменителя в совершении правовых действий. При осуществлении правосудия суды с одной стороны подчиняются строго регламентированному порядку, а с другой — способны свободно осуществлять права при исполнении обязанностей и соблюдении предусмотренных законом пределов.

Свободу как основу судейского усмотрения можно проследить через характеристику цели судебной деятельности, выбора средств и способов ее достижения, формирования и проявления воли и юридического мастерства в судебных решениях.

При осуществлении правосудия суд не определяет, а руководствуется законодательно закрепленной целью своей деятельности. Так, задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений (ст. 2, 148 ГПК РФ).

В рамках судейского усмотрения суд свободен в выборе способа устранения нарушения прав и законных интересов заявителя путем оценки спорных правоотношений и совокупности установленных фактических обстоятельств по делу.

Во вводной части судебного решения указывается, что оно постановляется от имени Российской Федерации. Следовательно, в решении содержится государственная воля, сформулированная судом, рассмотревшим дело.

В ходе рассмотрения дела и вынесения решения проявляется уровень профессионализма, мастерства судьи по применению действующего законодательства к конкретной жизненной ситуации. Отсутствие свободы правоприменителя в совершении правовых действий привело бы к механическому, а не вдумчивому применению правовых норм.

Таким образом, относительная, регламентированная правом свобода является основой судейского усмотрения, а абсолютная, неограниченная пределами свобода является основой судебного произвола.

¹⁷ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 5 февраля 2019 г. № 309-КГ18-14683 по делу № А76-5261/2017). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=569676#03287083384687466> (дата обращения: 13.04.2020).

Библиографический список

1. Барак А. Судейское усмотрение. М.: Норма, 1999. 376 с.
2. Бруно Л. Свобода и закон / пер. с англ. В. Кошкина под ред. А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2008. 308 с. (сер.: Право).
3. Нерсесянц В.С. От социализма к цивилизму: свобода, право, собственность // Собственность: право и свобода. М.: Институт государства и права Российской академии наук, 1992. С. 3–13.
4. Толченкин Д.А. Юридическая свобода: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 29 с.
5. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учебное пособие / сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В.В. Маклаков. 8-е изд., исправл. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 640 с.
6. Зеленцов А.Б., Ястребов О.А. Судебное административное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: Статут, 2017. 768 с.
7. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. 240 с.
8. Боннер А.Т. Применение закона и судебное усмотрение // Советское государство и право. 1979. № 6. С. 34–42.
9. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. 157 с.
10. Чечот Д.М. Административная юстиция (теоретические проблемы). Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1973. 134 с.
11. Кудрявцева Е.В., Прокудина Л.А. Как написать судебное решение. М.: Юрайт, 2012. 152 с.

References

1. Barak A. Judicial Discretion. Moscow: Norm, 1999. 376 p.
2. Bruno L. Freedom and Law / transl. from Engl. By V. Koshkin ed. by A. Kuryaev. M.: IRISEN, 2008. 308 p. (Series "Law").
3. Nersesyan V.S. From Socialism to Civilization: Freedom, Law, Property // Property: Law and Freedom, Moscow: Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences. 1992. P. 3–13.
4. Tolchenkin D.A. Legal Freedom: extended abstract of dis. ... cand. of law. Vladimir, 2006. 29 p.
5. Constitutions of Foreign States: Great Britain, France, Germany, Italy, the European Union, the United States of America, Japan: studies. textbook / comp. sat., transl., auth. objective and the introduction by V. V. Maklakov. 8th ed., revised and supplied. M.: Infotropik Media, 2012. 640 p.
6. Zelentsov A.B., Yastrebov O.A. Judicial Administrative Law: textbook for University students studying in the specialty «Jurisprudence». Moscow: Statute, 2017. 768 p.
7. Lupinskaya P.A. Decisions in Criminal Proceedings: Theory, Legislation, Practice. 2nd ed., revised and suppl. M.: Norm: INFRA-M, 2010. 240 p.
8. Bonner A.T. Application of the Law and Judicial Discretion // The Soviet state and law. 1979. No. 6. P. 34–42.
9. Vlasenko N.A. Reasonableness and Certainty in Legal Regulation: monograph. Moscow: Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M, 2019. 157 p.
10. Chechot D.M. Administrative Justice (Theoretical Problems). L.: Leningrad University Press, 1973. 134 p.
11. Kudryavtseva E.V., Prokudina L.A. How to Write a Judicial Decision. M.: Yurait, 2012. 152 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10123

УДК 34.096

С.В. Ворошилова

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУПРУГОВ В ПЕРИОД
СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Введение: в статье рассматривается содержание нормативных актов, изданных в первые годы Советской власти, закрепивших принцип равноправия супругов в браке. Характеризуются личные и имущественные права супругов, а также их обязанности. **Цель:** выявление условий создания первых советских законов, регулировавших сферу семейных отношений. **Методологическая основа:** использовались как общенаучные, так и специальные методы исследования среди которых: анализ, синтез, формально-юридический, историко-правовой и др. **Результаты:** сформулирована авторская позиция о причинах кодификации норм семейного права. Определены особенности правового положения супругов в период формирования Советского государства. **Вывод:** законодательство первых лет Советской власти предоставляло супругам широкие личные права. Вместе с тем в имущественной сфере устанавливались жесткие рамки, лишавшие супругов права самостоятельно выбирать модель регулирования имущественных отношений.

Ключевые слова: кодекс, семья, брак, супруги, права и обязанности.

S.V. Voroshilova

LEGAL STATUS OF SPOUSES IN THE PERIOD
OF THE SOVIET STATE FORMATION

Background: the article deals with the content of normative acts issued for the first time during the Soviet era, which established the principle of equality of spouses in marriage. The personal and property rights of spouses, as well as their responsibilities are characterized. **Objective:** to identify the conditions for the creation of the first Soviet laws regulating the sphere of family relations. **Methodology:** both General scientific and special research methods were used, including analysis, synthesis, formal-legal, historical-legal, etc. **Results:** the author's position on the reasons for codification of family law is formulated. The features of the legal status of spouses during the formation of the Soviet state are defined. **Conclusion:** the legislation of the first years of Soviet power gave spouses a broad right to privacy. At the same time, in the property sphere, strict limits were established that deprived spouses of the right to independently choose a model for regulating property relations.

Key-words: code, family, marriage, spouses, rights and obligations.

Создание Советского государства привело к кардинальным изменениям в системе семейного законодательства. Нормы, регулировавшие церковный брак, с отделением церкви от государства и провозглашением принципа равноправия мужчин и женщин утратили юридическую силу. Показательно, что первым

© Ворошилова Светлана Вячеславовна, 2020

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия)

© Voroshilova Svetlana Vyacheslavovna, 2020

Doctor of law, Professor, professor, History of state and law department (Saratov State Law Academy)

декретом Советской власти в области семейного права стал Декрет о расторжении брака¹. Выступая на 1 Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г., В.И. Ленин определил приоритетные задачи Советской власти в сфере правового положения женщин: «Задача Советской республики — в первую голову уничтожить все ограничения прав женщин. Источник буржуазной грязи, подавленности, приниженности — бракоразводный процесс — Советская власть уничтожила полностью» [1, с. 185].

Известно два проекта декрета «О расторжении брака», опубликованных в советских газетах. Первый проект был напечатан в Газете Временного Рабочего и Крестьянского правительства и предлагал расторгать брак при наличии закрепленных в законе оснований. Второй проект, изданный в газете «Правда» и ставший основой Декрета, предоставлял полную свободу развода, без выяснения судьей его причин и оснований [2, с. 14].

Декретом ВЦИК и СНК РСФСР «О расторжении брака», вступившим в силу 16 декабря 1917 г., супругам предоставлялось право подавать в местный суд прошение о разводе. Важно отметить, что брак мог быть расторгнут как по просьбе обоих супругов, так и по желанию хотя бы одного из них (ст. 1). Вопрос о том, с кем из родителей останутся несовершеннолетние дети, при отсутствии согласия между супругами, решал судья. Следует отметить, что, несмотря на принцип равноправия супругов в браке, декрет предусматривал возложение обязанности оказывать материальную помощь в отношении бывшей супруги только на мужа. Судья при отсутствии соглашения между супругами решал вопрос об участии мужа в «доставлении бракоразведенной жене своей пропитания и содержания»², если жена нуждалась в средствах и была неспособна к труду. Справедливости ради следует отметить, что в судебной практике первых месяцев Советской власти данный вопрос решался в соответствии с изданной московским правительством «Инструкций для судопроизводства по делам о расторжении брака при единоличном рассмотрении означенных дел местным народным судьей», где в ст. 32 и 35 право на содержание предоставлялось обоим супругам [3, с. 53].

18 декабря 1917 г. был опубликован декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния», признавший законными только гражданские браки, зарегистрированные в органах ЗАГС. Проект данного декрета был опубликован в газете «Известия» № 231 от 21 ноября 1917 г. В отличие от церковного брака, который, согласно декрету, являлся частным делом брачующихся, гражданский брак был более свободным. Не требовалось согласие на брак родителей, опекунов или начальства. Не ограничивалось количество допустимых браков. Снимались запреты на брак между представителями различных конфессий.

Согласно декрету, желающие вступить в брак давали подписку о добровольности данного решения и об отсутствии перечисленных в декрете препятствий. Заявления о желании вступить в брак не принимались от лиц, не достигших брачного возраста; родственников по прямой линии, полнородных и неполнородных братьев и сестер; состоящих в браке; умалишенных (ст. 2). Декрет закреплял право будущих супругов выбрать себе фамилию (фамилию жениха или невесты, или иметь «соединенную фамилию»). В разделе «О детях» внебрачные

¹ См.: Декрет о расторжении брака // Собр. узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 150–151.

² См.: Там же.

дети уравнивались в правах с детьми, рожденными в законном браке. Отцом и матерью ребенка признавались лица, подавшие о том заявление и давшие в том соответствующую подписку³. Следует подчеркнуть, что у матери, как и у отца ребенка, в соответствии с декретом были равные права и обязанности в отношении детей.

Вопрос о необходимости кодификации норм, регулировавших брачные и семейные отношения в первые месяцы существования Советского государства, обсуждался и продолжает обсуждаться достаточно активно. Ряд авторов считает, что в условиях противостояния Советского государства и РПЦ в вопросах регулирования семейных отношений принятие кодифицированного акта являлось вынужденной необходимостью [2, с. 25; 4, с. 196–197]. Другие исследователи связывают принятие первого советского Кодекса с необходимостью урегулирования семейных отношений в условиях практически полной отмены частной собственности и признания Советским государством гражданского права «отмершим буржуазным институтом» [5, с. 6; 6, с. 60; 7, с. 13]. Так, например, А.Г. Гойхбарг считал, что с созданием Советского государства брачное, семейное и опекуное право более не связаны друг с другом, поскольку происхождение детей в данном случае основывается на кровном родстве, а не на браке. Опека в Советском государстве, по мнению автора, не связана ни с браком, ни с семьей⁴. Интересной является и точка зрения С.В. Александровского, утверждавшего еще в 20-х гг. XX века, что кодификация была необходима в связи с тем, что брачное право в РСФСР построено на принципе полного раскрепощения личности в браке как от пережитков церковного права, так и от использования брачного института государством в целях укрепления своего существования [8, с. 99].

Учитывая мнения различных авторов, не менее важной причиной принятия первого семейного кодекса, имеется необходимость внесения ясности в совершенно новые в правовом отношении категории — советский брак и советская семья, что в условиях отмены практически всех ограничений и отсутствия единого взгляда на семейные отношения являлось приоритетной задачей. Так, известный политический деятель А.Н. Коллонтай, выступая в своих трудах за равноправие и раскрепощение женщин, признавала традиционную семью устаревшей и выступала за «свободную любовь» и сохранение брака исключительно в виде товарищеского союза двух равноправных членов трудовой семьи [9; 10]. Против принципа единобрачия как буржуазного пережитка, ограничивающего свободу личности, выступала и член ВЦИК Н.А. Рославец⁵. Более того, в 1918 г. в редакции «Искры» была выпущена брошюра «Социализация женщин», в которой наряду с произведениями А. Бебеля, Ш. Бодлера, А. Блока, Д.С. Мережковского и других авторов приводятся тексты «декретов», изданных в различных городах страны. Так, например, «декрет», изданный анархистами в Саратове 1 марта 1918 г., отменял «частное владение женщинами, достигшими возраста от 17–32 лет». А во владимирском проекте социализации женщин говорилось о

³ См.: Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния // Собр. узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 161–163.

⁴ См.: 1-й Кодекс законов РСФСР. Об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекуном праве. М., 1918. С. 8.

⁵ См.: Пятый созыв Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета: стенографический отчет. М., 1919. С. 150.

том, что «После 18-летнего возраста всякая девица объявляется государственной собственностью» [11, с. 3, 4].

В этих условиях возрастала значимость кодифицированного акта, регулирующего брачные отношения и закреплявшего политику Советского государства в семейной сфере.

Подготовка Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (КЗАГС) осуществлялась НКЮ с весны 1918 г. Определяя цели правового регулирования, член коллегии НКЮ А.Г. Гойхбарг отмечал, что Кодекс должен помимо освобождения семьи и брака от влияния церкви уравнивать женщин в правах с мужчинами⁶.

По свидетельству ряда исследователей, материалов деятельности каких-либо комиссий, готовивших проект КЗАГС 1918 г., обнаружить не удалось [7, с. 14]. Действительно, в фонде Народного комиссариата внутренних дел РСФСР в Государственном архиве Российской Федерации хранится Проект Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном, опекунском и наследственном праве [12], который, несмотря на схожее название, был создан в 1924 г. и стал основой для создания второго советского семейного Кодекса, утвержденного в 1926 г.

Обсуждение Кодекса состоялось 16 сентября 1918 г. на заседании ВЦИКа, где с докладами выступили нарком юстиции РСФСР Д.И. Курский и один из основных авторов проекта А.Г. Гойхбарг. В прениях по докладу выступила только Н.А. Рославец, выдвинувшая предложение исключить из Кодекса часть о государственном регулировании брачных отношений, поскольку «брак должен являться полным освобождением личности и оздоровлением общества»⁷. Данное предложение не встретило поддержки у членов ВЦИКа и в результате голосования было отвергнуто. Вместе с тем предложение Н.А. Рославца о необходимости информирования при вступлении в брак о наличии «заразительной» болезни будущего супруга получит свое дальнейшее развитие и в Проекте Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном, опекунском и наследственном праве 1924 г., и в самом Кодексе законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. (ст. 132). Так, в I разделе Проекта «Общие положения» содержится глава «Запись браков», в которой закрепляются различные обязанности для лиц, вступающих в брак. Будущие супруги, помимо обязанности предоставить в ЗАГС удостоверение личности и подписку о добровольном вступлении в брак и об отсутствии препятствий к браку, были обязаны указать также, в который по счету брак они собираются вступить и сколько имеют детей, находящихся у них на содержании (ст. 41). Статья 42 Проекта устанавливала не менее важное требование для брачующихся: осведомить друг друга о состоянии своего здоровья, в частности «в отношении венерических, душевных и туберкулезных заболеваний» [12, л. 2–4].

Вопрос о возрасте вступления в брак в первых советских законах вызывал наибольшую дискуссию. Если декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» определял брачный возраст как 18 лет для мужчин и 16 лет для женщин, а для «туземных жителей» Закавказья возраст снижался до

⁶ См.: 1-й Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. М., 1918. С. 8.

⁷ См.: Пятый созыв Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета: стенографический отчет. С. 151.

16 лет для жениха и 13 лет для невесты (ст. 2), то Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. не предусматривал особого брачного возраста для жителей Закавказья, закрепив в ст. 65 единый возраст вступления в брак «для женского пола 16 лет, а для мужского пола в 18 лет»⁸. Вместе с тем единого мнения по данному вопросу в советских судах не было, о чем свидетельствует запрос комиссара юстиции Петроградской трудовой коммуны, направленный в июле 1918 г. народному комиссару юстиции РСФСР П.И. Стучке [2, с. 27].

Вопрос о брачном возрасте обсуждался и в отделе Гражданской медицины Народного комиссариата здравоохранения РСФСР, куда 10 марта в 1919 г. был направлен циркуляр за № 4903, составленный Центральным отделом ЗАГС НКВД РСФСР, с предложением разрешить регистрацию браков ранее достижения брачующимися установленного законом возраста [13, л. 1]. Ссылаясь на решение Президиума Ученого медицинского совета о том, что «достижение отдельными лицами физического развития, при котором брак не может оказать вредного влияния на потомство брачующихся и на здоровье их самих, в зависимости от расовых, климатических и индивидуальных условий, наступает то несколько ранее, то позднее», а экономические причины ранних браков, предполагавшие необходимость принятия в хозяйство новой рабочей силы в лице невестки или зятя, вызывают потребность скорейшего принятия решения, Центральный отдел ЗАГС просил Наркомздрав дать свое заключение по данному вопросу в трехдневный срок. Коллегия Народного комиссариата Здравоохранения согласилась с заключением Ученого медицинского совета и разрешила регистрацию браков ранее достижения брачующимися возраста, установленного 66 ст. Кодекса, при условии достижения ими физической зрелости [13, л. 3].

Права и обязанности супругов закреплялись в главе V Раздела II «Брачное право» КЗАГС 1918 г. Только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в органах ЗАГС в установленном законом порядке, порождал права и обязанности супругов (ст. 52)⁹. Стремясь закрепить принцип равноправия супругов в браке, Кодекс устанавливал свободный выбор фамилии (ст. 100–102), гражданства (ст. 103), места жительства (ст. 104) и полную имущественную самостоятельность супругов (ст. 105 и 106).

В отличие от дореволюционного законодательства, в котором подданство замужней женщины определялось подданством ее супруга, ст. 103 КЗАГС 1918 г. предусматривала возможность избрания мужем (женихом) гражданства своей жены (невесты) или сохранения супругам добрачного гражданства. Причем перемена гражданства супругов могла последовать только по желанию самих супругов. Предоставление Конституцией РСФСР 1918 г. иностранцам всех прав советских граждан создавало условия для реализации данной нормы.

Принцип равноправия супругов в браке отменял и существовавшую до 1917 г. обязанность жены повсюду следовать за мужем. Отсутствовала в советских законах и норма, обязывающая супругов проживать совместно, что предполагало возможность сохранения прежнего места жительства супругами и после регистрации брака.

⁸ См.: 1-й Кодекс законов РСФСР. Об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. М., 1918. С. 35.

⁹ См.: Там же.

Значительная часть КЗАГС 1918 г. посвящена имущественным правам супругов. По мнению М.В. Антокольской, императивная норма ст. 105, по которой брак не создавал общности имущества супругов, нарушала интересы женщин, поскольку режим раздельности не давал женщине, не работавшей вне дома, никаких прав на имущество семьи [6, с. 67]. Эта норма вызывала критику и со стороны современников первого семейного Кодекса. Так, С.И. Раевич отмечал, что желательно при заключении брака закреплять в договоре право жены на часть имущества мужа, что давало бы возможность женщине получить эту часть при разводе. Статью 106 он предлагал изменить, сохранив лишь запрет соглашений, умаляющих права жены [14, с. 425].

Признавая за супругами право вступать друг с другом во все разрешенные законом имущественные договорные отношения, Кодекс ограничивал эти отношения, признавая недействительными и необязательными как для третьих лиц, так и для супругов договоры, «направленные к умалению имущественных прав жены или мужа» (ст. 106).

Реализуя равные имущественные права супругов, ст. 107 Кодекса закрепляла право «нуждающегося (т.е. не имеющего прожиточного минимума) и нетрудоспособного супруга» на получение содержания от другого супруга при условии, что последний имел возможность его выплачивать. Таким образом, в отличие от декабрьского декрета «О расторжении брака», КЗАГС 1918 г. предоставлял право на содержание в случае нужды как жене, так и мужу. В случае отказа супругом содержать «нуждающегося», предусматривалось «принуждение супруга к выдаче содержания» (ст. 108). Следует отметить, что в момент обсуждения Кодекса против данной нормы выступила Н.А. Рославец, назвав подобное содержание «платой за любовь», которая будет способствовать закреплению женщины, «ибо обязанность содержать другого супруга в большинстве случаев будет лежать на муже», что неизбежно, по мнению автора, будет подталкивать девушку к поиску жениха, вместо того, чтобы «развивать в себе человека»¹⁰.

Право нуждающегося и нетрудоспособного супруга на получение содержания от другого супруга сохранялось и в случае развода (ст. 130). Причем если супруги не могли прийти к соглашению по этому вопросу в момент расторжения брака, он разрешался народным судом в общеисковом порядке. В случае смерти супруга-плательщика содержание нуждающемуся и нетрудоспособному супругу продолжало выплачиваться из оставшегося после умершего имущества (ст. 119).

Споры между супругами об оказании материальной помощи рассматривались в отделах социального обеспечения по месту жительства (ст. 108). Следует отметить, что, устанавливая размер содержания, который не мог превосходить прожиточный минимум, учитывалась «степень нужды и трудоспособности заявителя» (ст. 113). В Примечании к данной статье отмечалось, что нетрудоспособными признавались несовершеннолетние, а также мужчины, достигшие 55, а женщины — 50 лет¹¹. Таким образом, оправдываясь «вынужденными условиями переходного момента»¹², авторы Кодекса освобождали государство от обязанности содержать нетрудоспособных граждан.

¹⁰ Пятый созыв Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета: стенографический отчет. С. 151.

¹¹ См.: 1-й Кодекс законов РСФСР. Об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. М., 1918. С. 40.

¹² См.: Там же. С. 16.

Необходимо подчеркнуть, что статьи Кодекса, устанавливающие порядок выдачи содержания (ст. 108–118, 122–129), перекликались с положениями декрета «Об отмене наследования» и инструкции «О порядке введения в действие декрета об отмене наследования», в которых говорилось о праве нуждающихся и нетрудоспособных родственников получать содержание из оставшегося после него имущества [15, с. 87].

Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. значительно упрощал процедуру развода, предоставляя супругам равное право выступать с такой инициативой, а также определять какой фамилией после прекращения брака будут именоваться их дети (ст. 146).

Стремясь защитить права детей, Кодекс закреплял равную обязанность за родителями заботиться о несовершеннолетних детях, воспитывать их и готовить к «полезной деятельности» (ст. 154). Уравнивая в правах детей, рожденных в браке и рожденных вне брака, советский законодатель с целью выявления «действительных» родителей ребенка предусматривал процедуру установления отцовства. Утвержденный в 1918 г. КЗАГС в ст. 140 закреплял для матери ребенка обязанность не позднее чем за три месяца до его рождения подать заявление в местный отдел ЗАГСа с указанием времени зачатия, имени и местожительства отца. Поступившее заявление немедленно регистрировалось (форма № 6 приложение к ст. 7 Кодекса), лицо, названное в заявлении отцом, извещалось органом ЗАГСа о праве в двухнедельный срок со дня получения подобного извещения возбудить судебный спор против заявительницы. Нежелание мужчины, указанного в заявлении, признать себя отцом, предусматривало судебный порядок разрешения данного спора (ст. 143). В случае признания судом лица, указанного в заявлении, отцом ребенка суд обязывал мужчину содержать ребенка и его мать. Если при рассмотрении данного вопроса устанавливалось, что женщина в «момент зачатия» ребенка состояла в близких отношениях и с другими лицами, суд признавал последних соответчиками и возлагал на них обязанность участвовать в расходах на содержание ребенка и его матери вместе с установленным отцом (ст. 144)¹³.

Таким образом, законодательство первых лет Советской власти, регулируя права и обязанности супругов, закрепляло принцип равноправия супругов по отношению друг к другу и к детям, предоставляя им широкие личные права. Вместе с тем в имущественной сфере устанавливались жесткие рамки, лишавшие супругов права самостоятельного выбора модели регулирования имущественных отношений.

Библиографический список

1. Ленин В.И. Речь на 1 Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г. / полное собрание сочинений: в 55-т. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1969. Т. 37. (июль 1918 – март 1919 гг.). С. 185–187.
2. Семидеркин Н.А. Создание первого семейно-брачного кодекса: учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 1989. 96 с.
3. Гойхбарг А.Г. Новое семейное право. М.: Правоведение, 1918. 88 с.
4. Михеева Л.Ю. Развитие кодификации российского семейного права // Кодификация российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. М.: Статут, 2008. С. 196–233.

¹³ См.: 1-й Кодекс законов РСФСР. Об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве. М., 1918. С. 44.

5. *Стучка П.И.* Курс советского гражданского права: в 3-х т. М.: Гос. соц. экон. изд-во, 1931. Т. 1. 260 с.
6. *Антокольская М.В.* Лекции по семейному праву: учебное пособие. М.: Юрист, 1995. 143 с.
7. *Салогуб Я.Л., Фролов В.В.* Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. как этап большевистского эксперимента в правовом регулировании семейно-брачных отношений. Историография. Источники // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. Т. 2. № 4. С. 5–17.
8. *Александровский С.В.* Очерки по гражданскому праву РСФСР. М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1924. 136 с.
9. *Коллонтай А.М.* Новая мораль и рабочий класс. М.: Всерос. центр. испол. ком. сов. р. к. и к. д., 1919. 61 с.
10. *Коллонтай А.М.* Общество и материнство. М.: Госиздат, 1916. 265 с.
11. Социализация женщин. Пг.: Изд-во «Искры», 1918. 32 с.
12. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 47. Ед. хр.44.
13. ГАРФ. Ф. 482. Оп. 25. Ед. хр. 100.
14. *Раевич С.И.* Брачное и семейное право. Основы советского права: учебное пособие. М.; Л.: Госиздат, 1927. 520 с.
15. *Барсегянц О.Б.* Имущественные права граждан по декретам и распоряжениям РСФСР. М.: Знание, 1922. 132 с.

References

1. *Lenin V.I.* Speech at the 1st all-Russian Congress of workers on November 19, 1918 / the complete collection of works: in 55-vol. 5th ed. Moscow: Gospolitizdat, 1969, Vol. 37 (July 1918 – March 1919). P. 185–187.
2. *Semiderkin N.A.* Creation of the First Family and Marriage Code: textbook. Moscow: MSU Publishing house, 1989. 96 p.
3. *Goikhbarg A.G.* New Family Law. Moscow: Pravovedenie, 1918. 88 p.
4. *Mikheeva L.Yu.* Development of Codification of Russian Family Law // Codification of Russian Private law / ed. by D.A. Medvedev. M.: publishing house Statute, 2008. P. 196–233.
5. *Stuchka P.I.* Course of Soviet Civil Law: in 3 vols. M.: Gos. Soc. Econ. Publishing house, 1931. Vol. 1. 260 p.
6. *Antokolskaya M.V.* Lectures on Family Law: a study guide. Moscow: Yurist, 1995. 143 p.
7. *Salogub Ya.L., Frolov V.V.* Code of Laws on Acts of Civil Status, Marriage, Family and Guardianship Law of 1918 as a Stage of the Bolshevik Experiment in the Legal Regulation of Family and Marriage Relations. Historiography. Sources // Bulletin of the V.N. Tatishchev Volga state University. 2017. Vol. 2. No. 4. P. 5–17.
8. *Aleksandrovsky S.V.* Essays on Civil Law of the RSFSR. Moscow: Yurid. Izd-vo Nar-komyusta, 1924. 136 p.
9. *Kollontai A.M.* New Morality and the Working Class. Moscow: Vseros. center. Executive com. Sov. r.k. and k.d., 1919. 61 p.
10. *Kollontai A.M.* Society and Motherhood. Moscow: State Publishing House, 1916. 265 p.
11. Socialization of Women. Pg.: Izd-vo «Iskry», 1918. 32 p.
12. GARF. F. R-393. Op. 47. Un. of stor. 44.
13. GARF. F. 482. Op. 25. Un. of stor. 100.
14. *Raevich S.I.* Marriage and Family Law. Fundamentals of Soviet Law: a training manual. Moscow: Leningrad: State Publishing House, 1927. 520 p.
15. *Barseghyants O.B.* Property Rights of Citizens under Decrees and Orders of the RSFSR. M.: Znanie, 1922. 132 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10124

УДК 340.116

М.В. Шугуров

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ*

Введение: осуществление международного научно-технологического сотрудничества в условиях Четвертой промышленной революции предполагает постановку вопросов теоретико-правового характера относительно механизма его правового регулирования. **Цель:** выявление на системном уровне основных процессов, тенденций и закономерностей в современном международном научно-технологическом сотрудничестве, которые выступают объективными факторами развития механизма его правового регулирования. **Методологическая основа:** общенаучные методы (системный, структурно-функциональный), частнонаучные методы (сравнительно-правовой, догматическо-правовой). **Результаты:** установлена содержательная связь между понятиями «модель правового регулирования МНТС» и «механизм правового регулирования МНТС»; установлена роль национальных интересов в модернизации договорно-правовых и организационно-правовых механизмов МНТС. **Выводы:** к факторам развития отраслевого механизма правового регулирования относятся: парадигма МНТС, усиление роли программно-стратегического регулирования, новые тренды в организационном и инфраструктурном обеспечении.

Ключевые слова: международное научно-технологическое сотрудничество, теория права, механизм правового регулирования, цифровые трансформации, глобальная научная повестка, Индустрия 4.0, национальные интересы.

М.В. Shugurov

FACTORS OF DEVELOPING THE MECHANISM OF SCIENCE AND INTERNATIONAL TECHNOLOGY COOPERATION LEGAL REGULATION IN CONDITIONS OF THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION: THEORETICAL-LEGAL ASPECTS

Background: the implementation of international scientific and technological cooperation in the context of the Fourth Industrial Revolution involves raising questions of a theoretical and legal nature regarding the mechanism of its legal regulation. **Objective:** identification at the system level of the main processes, trends and patterns in modern international scientific and technological cooperation, which are objective factors in the

© Шугуров Марк Владимирович, 2020

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: shugurovs@mail.ru

© Shugurov Mark Vladimirovich, 2020

Doctor of philosophical sciences, professor, International law department (Saratov State Law Academy)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00780 («Модель правового регулирования научно-технологической и инновационной интеграции в рамках ЕАЭС и вызовы Четвертой промышленной революции»).

development of the mechanism of its legal regulation. Methodology: general scientific methods (system, structural and functional), private scientific methods (comparative-legal, dogmatic-legal). Results: meaningful connection between the concepts of “model of legal regulation of ISTC” and “the mechanism of legal regulation of ISTC is identified; the role of national interests in the modernization of legal and organizational-legal mechanisms of ISTC is set. Conclusions: the factors of the branch mechanism of legal regulation development include: ISTC paradigm, strengthening of the role of program and strategic regulation, new trends in organizational and infrastructure support.

Key-words: international scientific and technology cooperation, legal theory, mechanism of legal regulation, global science agenda, industry 4.0, national interests.

К одному из наиболее динамично развивающихся направлений современных международных отношений в условиях глобализации относится беспрецедентное по своему масштабу международное сотрудничество в сфере инноваций, науки и технологий (далее — МИНТС). Данного рода сотрудничество является чрезвычайно многообразным в силу широкого круга его участников, тематики и форм взаимодействия. Его субъектами являются государства, межгосударственные объединения, международные организации, частные компании, государственные научные учреждения и организации, наконец конкретные исследователи и разработчики. В свою очередь, данное сотрудничество находится на пересечении международных политических и экономических отношений, а также отношений в сфере культурного обмена, поскольку научные знания, а равно и технологии представляют собой в широком смысле слова артефакты культуры.

МИНТС обладает логикой собственного развития и самоорганизации, задаваемой не только закономерностями совместного получения новых знаний, но и логикой их воплощения в новые технологии и созданную на их основе новую продукцию, знаменующую возникновение новых отраслей экономики («отрасли будущего»). Будучи нацеленным на решение насущных проблем научно-технологического и социально-экономического развития государств, оно осуществляется в различных структурных формах начиная от совместных исследований и заканчивая передачей технологий. Все это позволяет констатировать необходимую закономерность усиления роли права в управлении МИНТС, что актуализирует необходимость постановки и разработки вопросов теоретического характера, относящихся к сфере его правового регулирования. К ним относится проблематика соотношения международно-правового и национально-правового регулирования, взаимосвязь международного публичного и международного частного права, система принципов, соотношение права и научно-технической политики государств, усилие значимости интеграционного права и т.д.

В настоящее время в отечественной литературе теоретико-правовые вопросы МИНТС представлены проблематикой его принципов, форм, используемых инструментов. Некоторые исследователи данные вопросы подчас сводят к обоснованию его оптимальной правовой модели [1, с. 64]. Представления о подобной рода модели находятся сегодня в стадии разработки [2, с. 133–136]. В непростой с методологической точки зрения ситуации сформулируем концептуальное положение о том, что данного рода модель представляет собой не что иное, как композицию правового измерения МИНТС, которая является результатом функционирования соответствующего механизма правового регулирования.

Это означает, что формирование концептуальных представлений о правовых моделях МИНТС ни в коем случае не должно оттеснять на задний план работу по системному осмыслению механизма его правового регулирования. По сути, эти модели в конечном счете как раз отражают данный механизм.

Подобного рода подход является развитием более общих идей, высказанных Т.Я. Хабриевой. В частности, рассматривая право в качестве продукта научного прогресса, который является одновременно фактором его развития, она отмечает, что право, подключая свойственные ему регулятивные механизмы, «создает нормативно-очерченную модель научного прогресса. Эта модель имеет сложно-составной характер. В первую очередь она, конечно, включает законодательство. Это — главный, но не единственный параметр правового измерения научного прогресса. Свою роль здесь играет правоприменение, юридическая наука и современные управленческие инфраструктуры» [3, с. 16]. Представляется, что в общетеоретическом смысле модель правового измерения НТП в целом и МИНТС в частности задается моделью механизма правового регулирования международных общественных отношений в сфере науки, технологий и инноваций.

По этой причине развитие правового регулирования МИНТС весьма перспективно анализировать в контексте разработки концептуально-теоретических основ соответствующего механизма правового регулирования. В конечном счете можно также говорить о развитии данного механизма в направлении повышения его целостности и эффективности, что является важным условием удовлетворения потребностей государств, а также иных субъектов в участии во все более усложняющемся МИНТС. Одновременно данный механизм представляет собой сложную систему средств и методов, составные части которой содействуют правовому упорядочению международных научно-технологических отношений на том или ином уровне (двустороннем или многостороннем), в рамках тех или иных структурных форм, а также организационных типов (координация, кооперация, ассоциация, гармонизация, региональная интеграция).

Развернутый теоретико-правовой анализ данного механизма предполагает проведение специального исследования. Поэтому в данной статье мы рассмотрим более общую проблематику факторов развития правового регулирования МИНТС в современных условиях. Выбор данного предмета исследования обусловлен тем, что условием развития механизма правового регулирования МИНТС является детальный учет — с точки зрения среднесрочных и долгосрочных перспектив — целой серии объективных тенденций, закономерностей и процессов, которые выполняют роль его движущих факторов. В настоящее время к ним, например, относятся трансформации, связанные с реализацией курса на революционный переход к Индустрии 4.0.

Как подчеркивается в литературе, «глобальные вызовы во многом формируют многополярный научный мир, определяют приоритеты научно-технологического развития, отражающиеся в том числе в национальных стратегиях развития отрасли» [4, с. 57]. Ответом на них выступает не только разработка эффективных политических мер (например, по развитию научной дипломатии, чрезвычайно важной в современных условиях) [5], но и мер правового характера. В последнем случае данные меры предполагают совершенствование правового измерения данного сотрудничества в целом и формирование современного и эффективного механизма правового регулирования отношений сотрудничества в сфере науки, технологий и инноваций, что позволяет обеспечить динамичное

устранение правовых пробелов и правовых барьеров, а также создать возможности для реализации наиболее перспективных тенденций. В результате право и его регулятивные механизмы становятся существенной частью экосистемы МИНТС.

Другим аспектом концептуального подхода, реализуемого в нашем исследовании, является признание мозаичного характера правового измерения международного научно-технологического сотрудничества государств, что вызвано многообразием конкретных взаимодействий между его участниками. В результате вполне можно говорить о том, что для тех или иных государств, для которых характерны различные модели организации МИНТС [6], свойственны также разнообразные модели механизма правового регулирования общественных отношений в рассматриваемой сфере международного сотрудничества. Во многом это определяется также различными форматами данного рода сотрудничества в зависимости от того, осуществляется ли оно на двухсторонней или многосторонней основе, например в рамках интеграционных объединений государств, международных межправительственных организаций или в рамках договорных механизмов, существующих на базе многосторонних международных договоров универсального характера.

Поскольку как таковое, правовое измерение МИНТС включает в себя международно-правовые и национально-правовые аспекты, постольку правила, касающиеся участия тех или иных государств, а также физических и юридических лиц, находящихся под его юрисдикцией, в международном научно-техническом взаимодействии, предусмотрены не только в международных договорах, но и в национальном законодательстве. В добавление к этому заметим, что национальный сегмент анализируемого правового регулирования (впрочем, как и сегмент международно-договорной) теснейшим образом соприкасается с концептуально-стратегическим измерением, которое задает направления политики государств в сфере научно-технического сотрудничества, что является фактором для развития его правовых основ, а в конечном счете и всего механизма правового регулирования.

МИНТС призвано решать насущные проблемы научно-технологического, а также экономического развития государств, которые имеют как сходные черты, так и различия. В принципе, каждое государство для того, чтобы интегрироваться в усложняющуюся и все более разветвляющуюся систему сотрудничества в его различных форматах, обеспокоено поддержанием и развитием его правового обеспечения. Выстраивая правовую модель своего участия в данного рода сотрудничестве, государства предпринимают совместные (на уровне договорной практики) и индивидуальные (на уровне национального законодательства) действия. Одновременно интерес представляет не только процесс развития правового регулирования МИНТС, но и результаты практической реализации тех или иных правовых подходов и юридических конструкций. При этом эффективный и комплексный механизм правового регулирования не только должен учитывать содержательную специфику международного научно-технологического сотрудничества и быть адаптированным к ней, но и обеспечивать достижение целей данного сотрудничества и их соответствие принципам права.

С нашей точки зрения, именно анализ факторов развития правового регулирования общественных отношений международного характера (особенно с учетом того, что они вступили в полосу динамичной трансформации) во многом

позволяет осуществить корреляцию между механизмом правового регулирования и современной фазой МИНТС. Подчеркнем, что его новая фаза, связанная с изменениями характера НТП, предполагает модернизацию подходов к правовому регулированию соответствующих общественных отношений, складывающихся на международном уровне в сфере науки, технологий и инноваций. Это означает, что развитие правового регулирования МИНТС в целом и его механизма в частности должно осуществляться и на практике уже осуществляется с учетом новейших сдвигов в экономике в силу теснейшего сопряжения сферы науки и технологий с промышленным производством и звеньями инновационного процесса начиная от разработки технологий и заканчивая их внедрением в производство и маркетингом.

Актуальность последовательного изучения факторов развития правового регулирования вызвана тем, что ситуации вхождения в фазу Четвертой промышленной революции, иницируемой развитыми странами, предполагает переход к новой модели экономического развития и роста на новом технологическом базисе. Последний включает в себя новые и новейшие, т.н. «прорывные» технологии (нано-, биотехнологии, конвергентные технологии), включающие в себя также «сквозные» цифровые технологии (блокчейн, когнитивные технологии, аналитические системы для больших данных, интернет вещей, облачные вычисления, искусственный интеллект), которые становятся основой современного инновационного процесса. Поэтому неслучайно фокус внимания участников МИНТС перемещается в направлении совместной разработки, передачи и использования именно указанных технологий. Более того, речь идет и о возникновении новых организационных форм, механизмов и инфраструктурных объектов данного сотрудничества. Учет данных изменений может позволить добиться управляемого участия государственных и негосударственных акторов и, что самое главное, обеспечить их инклюзивную интеграцию в МИНТС на его разных уровнях на основе разнообразных форм и моделей¹.

Как отмечается в литературе, сущность новой фазы МИНТС заключается в том, что «глобальная технологическая революция высветила не только необходимость быстрого наращивания собственного научно-технологического потенциала, который зависит от международной среды и во все большей степени опирается на внутренние ресурсы, но и комплексного отношения к национальному развитию» [7, с. 18]. Все это несет с собой целый ряд вызовов не только для научно-технологических комплексов развитых стран и их общих стратегий социально-экономического развития, но и существенные вызовы для государств, для которых характерен не столь высокий уровень научно-технологического развития. Подобного рода ситуацию отражает констатация, приведенная известными российскими специалистами в области законодательства в сфере науки и инноваций еще до наступления «бума» Четвертой промышленной революции. Так, ими отмечалось, что «высокотехнологичные производства по целому ряду приоритетных направлений науки, технологий и техники необходимо создавать в основном заново: на новой технологической базе и в новой структуре» [8, с. 88].

Вызовы, связанные с ситуацией вхождения в фазу Четвертой промышленной революции, имеют весьма существенное значение для России, как и для других

¹ Формы и модели международного научно-технического сотрудничества в России (Москва, 2018). URL: <https://france.mid.ru/upload/iblock/7f8/7f8aadb5de45b3a58103046d70eabef2.pdf> (дата обращения: 14.06.2020).

государств-членов ЕАЭС. Для данной группы государств повестка расширения участия в МИНТС на региональном и универсальном уровне была и остается одним из приоритетов государственной политики. Одновременно с этим они заинтересованы в выработке правовой модели МИНТС, отвечающей требованиям перехода к Четвертой промышленной революции. В дополнение к этому отметим, что весьма значимым является также вопрос об эффективном механизме правового регулирования МИНТС ЕАЭС.

Моделирование правового регулирования общественных отношений в рассматриваемой сфере международного взаимодействия (как, впрочем, и в других сферах международной и национальной жизни, не говоря уже о мониторинге результативности и эффективности реализации выбранных моделей) осуществляется на теоретическом уровне в рамках юридической науки. Ясно, что для того, чтобы последняя могла вырабатывать жизнеспособные концепции и юридические конструкции, она должна находиться в режиме междисциплинарного взаимодействия. Это означает учет результатов исследований и обобщений, достигнутых в других общественных науках.

МИНТС представляет собой самостоятельный предмет специальных научных исследований, в том числе проводимых в международном масштабе в контексте изучения тенденций развития науки и технологий. В частности, оно достаточно тщательно исследуется представителями экономической науки, например в теории мировых экономических отношений, а также политической наукой на уровне политической глобалистики.

Внимание экономической науки к МИНТС вызвано тем, что большая часть его структурных форм, например передача технологий, входят в сферу международных экономических отношений. Помимо этого такая его форма, как сотрудничество в сфере НИОКР, характеризующаяся различной степенью интернационализации, в настоящее время интегрирована в инновационную цепочку и в конечном счете оказывает воздействие на экономическое развитие посредством привнесения вклада в изменение технологической базы экономики. Поэтому представители экономической науки определяют международное научно-техническое сотрудничество как «систему отношений субъектов мировой экономики и трансграничных отношений хозяйствующих субъектов национальных экономик по поводу научно-технической деятельности» [9, с. 97]. В качестве базового подхода к технологическим изменениям, которые происходят в том числе благодаря МИНТС, здесь выступает институционализм, исходящий из того, что технологические изменения в экономике происходят в определенном контексте социально-экономических и политических институций. В исследованиях российских экономистов в качестве теоретических подходов к анализу изменений в рассматриваемом нами сотрудничестве используются представления о технологических укладах (ТУ). Одновременно с этим как в российской, так и в зарубежной экономической науке большую популярность в качестве теоретического подхода приобретает представление о промышленных революциях.

Если рассматривать политическую глобалистику, то здесь сформировалась теория международных научно-технологических отношений [10; 11]. В соответствующих исследованиях анализируются: а) глобальная и региональная научно-технологическая политика, ее парадигма; б) воздействие развития научно-технологической сферы, включая ИКТ, на систему международных отношений, что приводит к их усложнению, увеличению количества связей

между элементами увеличение скорости трансформаций, а также воздействие на мировые политические процессы и направления их развития со стороны мирополитического измерения научно-технического развития.

Происходящие институциональные сдвиги в организации МИНТС, а именно глобализация последнего, в свою очередь, выступают важным фактором глобализации как таковой. Как отмечает Е.С. Зиновьева, «научно-технологический процесс способствует глобализации и усилению взаимозависимости, ускоряет формирование полицентричного мира, так как технологии по своей сути транснациональны и быстро распространяются среди государств» [12, с. 243]. В качестве теоретических основ исследований технологических сдвигов выступают технологический детерминизм; социальный конструктивизм (встроенность технологий в социальные отношения, привязанность к технологиям тех или иных социальных структур). В политической науке большое внимание уделяется также вопросам и проблемам управления наукой (режимы управления: иерархия, рынок, сеть), в том числе управления глобальной наукой, которое предполагало бы не только необходимость снижения транзакционных издержек, но и означало бы рационализацию международного научно-технологического сотрудничества посредством устранения дублирования.

На основе всего сказанного не следует думать, что юридическая наука с учетом активного интереса других наук к МИНТС и его развитию, особенно в условиях Четвертой промышленной революции, играет второстепенную роль и всего лишь заимствует результаты, полученные другими науками. Со всей уверенностью можно утверждать, что оно представляет собой самостоятельный тематический предмет исследований юридической науки в контексте более общих тем — «правовое регулирование научной и научно-технической деятельности», а также «право и НТП». Во многом это определяется тем, что МИНТС является системой общественных отношений, регулируемых как национальным, так и международным правом. Конечно, к функции юридической науки не относится осуществление специального анализа происходящих изменений. Это обстоятельство определяется предметом юридической науки, ее понятийным аппаратом и познавательными возможностями. Однако она призвана принимать во внимание тенденции и закономерности, которые, будучи преломленными через «сетку» понятийного осмысления, становятся факторами развития правового регулирования МИНТС.

Не вызывает сомнения, что теоретическо-правовое осмысление факторов развития его правового регулирования с учетом реалий Четвертой промышленной революции предполагает высокий уровень понятийной определенности. На наш взгляд, весьма емкое и точное определение МИНТС приведено в Разделе I «Общие положения» Концепции международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации (далее — Концепция)². Здесь под ним понимается комплекс совместных мероприятий, работ, отношений и форм взаимодействия сотрудничающих сторон в различных областях науки, техники и инноваций с целью получения новых знаний, развития технологий, а также создания и усовершенствования новых продуктов и результатов интеллектуальной дея-

² Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации (одобрена решением Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2019 г. № ТГ-П8-952). URL: <https://france.mid.ru/upload/iblock/7f8/7f8aadb5de45b3a58103046d70eabef2.pdf> (дата обращения: 21.05.2020).

тельности для национальных нужд или реализации на мировом рынке. Все это в очередной раз демонстрирует экономическую составляющую данного рода сотрудничества, которая находит свое отражение в том, что, как далее указывается в указанном пункте Концепции, система МИНТС охватывает полный инновационный цикл — от фундаментальных исследований до реализации высокотехнологичных товаров. Это отражает вовлечение научных и технологических разработок в инновационный процесс и общую тенденцию коммерциализации науки, что также означает размывание границы между фундаментальными науками и прикладным научным знанием.

Отмеченное концептуальное представление не является окончательным результатом познания этого процесса, а является ступенью к более глубокому его пониманию на основе понятия «парадигма». Несмотря на то, что данное понятие является философским, в настоящее время оно используется в различных науках. В рамках теоретико-правового познания под парадигмой можно, например, понимать единство представлений о его правовой природе, целях и принципах. В итоге парадигма — это идейно-нормативная основа современной модели международного научно-технологического взаимодействия, которая хотя и реализуется в условиях Четвертой промышленной революции и смены технологических укладов, все же не определяется только данными факторами. Свидетельством тому является разнообразная система целей МИНТС, находящая свое правовое закрепление не только в научной доктрине и стратегических документах, но и в национальном законодательстве и международных договорах.

Так, в последнее время широкое распространение получила концепция Больших вызовов, под которыми понимаются проблемы глобального характера. Использование данной концепции применительно к интересующей нас сфере международного взаимодействия приводит к признанию того, что его субъекты должны быть нацелены на решение разнообразных глобальных проблем. Это означает, что имеются содержательные пределы для абсолютизации экономического подхода к МИНТС, что находит свое преломление в утверждении его многослойности и актуализации имеющего не меньшее значение сотрудничества в сфере выработки фундаментальных знаний, а также разработки технологий и генерирования инноваций для решения проблем в сфере охраны окружающей среды, сохранения культурного наследия, обеспечения информационной безопасности, изменения климата, энергетики, пандемий и т.д.

Однако все это не подразумевает некий блок целей, которые «параллельны» целям, детерминированными Четвертой промышленной революцией. Напротив, технологические изменения, которые она с собой приносит, призваны в том числе стать основой для решения указанных глобальных проблем. Все сказанное свидетельствует о многомерности современной парадигмы МИНТС, которая является основой глобальной повестки научно-технологического сотрудничества на мировой арене, а также системы его принципов, правил и механизмов, адекватных реальностям и масштабам современных инновационных процессов.

Как мы полагаем, парадигмальное видение будет достаточно абстрактным, если оно не дополняется пониманием соответствующих трендов, что в праксеологическом аспекте должно привести к выработке предложений по формированию и использованию гибких организационных средств, механизмов и инструментов сотрудничества в сфере науки, технологий и инноваций при переходе на современную правовую базу, развитие которой, в свою очередь, предполагает

выявление и оценку релевантных трендов. Несмотря на то, что понятие «тренд» отсутствует в российском законодательстве в сфере науки и инноваций, оно широко распространено в документах стратегического характера.

Прежде чем в системной форме охарактеризовать наиболее ключевые научно-технологические тренды, обратимся к содержанию данного понятия. В частности, Л.А. Новоселова и Ю.В. Степаненко отмечают, что тренд — это не просто спорадическая, слабо контролируемая и столь же слабо прогнозируемая тенденция, а «актуальное направление развития (осознанного, поступательного, эволюционного или революционного) того или иного социального объекта с заведомо известной целью и ожидаемым эффектом» [13, с. 91]. В настоящее время сложилась мировая практика выявления и мониторинга технологических трендов, являющаяся составной частью регулирования научно-технологической сферы не только на национальном, но и на наднациональном и международном уровне [14, с. 65]. С нашей точки зрения, объем трендов достаточно широк — это не только появление новых технологий, но также инновационные явления в механизмах организации МИНТС.

В качестве важнейшего тренда следует указать на усиление фактора интернационализации национальных научно-технологических комплексов вследствие глобализации научных исследований и разработок. Вполне заметно, что научно-технологические комплексы государств современного мира развиваются по экзогенному сценарию и становятся открытыми друг другу, в результате чего осуществляется — в той или иной степени интенсивности — их интернационализация. Как итог, все большее количество технологических инноваций и научных открытий является результатом трансграничных коллабораций.

Интернационализация предполагает возникновение и развитие новой инфраструктуры. Поэтому неслучайно в п. 5 раздела II «Рамочные условия реализации МНТС и интересы Российской Федерации в области МНТС» Концепции используется понятие мирового научно-технологического комплекса, в качестве тенденции развития которого указывается его быстрый переход в принципиально новое состояние, характеризуемое формированием глобальной институциональной и материальной инфраструктуры исследований и разработок, международных научно-технологических коллабораций, а также усилением роли цифровых и информационных технологий как в научных исследованиях, так и в высокотехнологичных секторах мировой экономики.

Представляется, что интернационализация сферы исследований и разработок, в основе которой находится принцип сотрудничества государств, и возникновение мирового научно-технологического комплекса, элементами которого является, например, инфраструктурное обеспечение проектов типа «Мегасайенс», не упраздняет, а, напротив, усиливает необходимость развития национальных научно-технологических комплексов. Все это позволяет сохранить научно-технологический суверенитет и конкурентоспособность государств. В свою очередь, развитость последнего определяет привлекательность того или иного государства с точки зрения вовлечения в международные коллаборации. Одновременно не следует забывать об издержках интернационализации. Так, по авторитетному мнению И. Дежиной, «широкие коллаборационные сети, которые чаще всего бывают интернациональными, нередко разрабатывают традиционные

темы, в том время как внутривостановые проекты могут быть оригинальными и прорывными исследованиями»³.

Как отмечает В.В. Иванов, «одним из важнейших результатов деятельности сектора науки и технологий является создание технологических платформ» [15, с. 53]. Вполне можно видеть, что данного рода платформы также претерпевают интернационализацию. Так, в основе Евразийских экономических платформ, являющихся важными инфраструктурными объектами МИНТС ЕАЭС, находятся российские технологические платформы. В данном случае можно наблюдать, что технологические платформы, вначале понимавшиеся в качестве совокупности технологий, обеспечивающих выпуск широкого спектра продукции, затем стали рассматриваться в качестве институциональной базы постиндустриального технологического уклада, далее ставшей важнейшим сегментом МИНТС на региональном уровне. По всей видимости, весьма перспективным может стать учреждение данных платформ в глобальном масштабе.

В качестве тренда в сфере управления рассматриваемой сферой международных отношений следует выделить тенденцию усиления роли стратегического, а также программного регулирования. Стратегии и программы, принимаемые в рамках международных организаций (ФАО, ЮНЕСКО, ЮНЕП и др.) или же в рамках многостороннего договорного сотрудничества (Конвенция ООН о биоразнообразии 1992 г., Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 г. и др.), направлены на облегчение выполнения договорных обязательств, в том числе не государственными акторами. В дополнение к этому программы и проекты, реализуемые в формате двухстороннего межгосударственного сотрудничества или же на уровне межгосударственных объединений, позволяют вовлечь значительное количество участников, находящихся под юрисдикцией различных государств.

Особо хотелось бы указать на наиболее значимый тренд в развитии МИНТС, который связан с цифровыми трансформациями в рамках Четвертой промышленной революции. Они представляют собой общесистемные преобразования экономики и общества на основе цифровых технологий, разработка и масштабное внедрение которых были инициированы развитыми странами. Все это предполагает, во-первых, развитие сотрудничества в сфере разработки цифровых технологий, а во-вторых, предполагает, цифровые трансформации самого МИНТС. В последнем случае мы имеем в виду использование цифровых технологий в процессе взаимодействия участников в рамках различных форм сотрудничества.

Так, на основе цифровых технологий функционируют цифровые исследовательские платформенные консорциумы (общественные цифровые исследовательские институты). Большой интерес вызывает, например, проект Евразийского консорциума «Прикладная наука», представляющий собой совокупность платформ для формирования сети общественных цифровых исследовательских институтов (DRnD Network), которая, как ожидается, повысит эффективность коммуникации исследователей и инженеров, организацию и реализацию научно-технологических проектов, а также использование результатов и монетизацию научного потенциала⁴.

³ Дежина И. Интернационализация науки в России: прогресс и неравенство возможностей (5 июня 2019). С. 5. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/internatsionalizatsiya-nauki-v-rossii-progress-i-neravenstvo-vozmozhnostey/> (дата обращения: 08.06.2020).

⁴ На ПМЭФ объявлено о создании Евразийского консорциума «Прикладная наука» 925.05.2018). URL: <https://www.intermedia.ru/news/323554> (дата обращения: 01.06.2020).

Говоря о факторах развития правового регулирования МНТС, не стоит забывать о том, что они преломляются сквозь призму национальных интересов. Все это приводит к выбору той или иной парадигмальной модели участия государств в международном взаимодействии в сфере науки, технологий и инноваций. Следует выделить две основные модели. В первом случае предполагается обеспечение догоняющего технологического развития, для которого приоритетом является импорт технологий и оборудования с их последующей адаптацией к местным условиям. В качестве альтернативы выступает модель, предполагающая интеграцию в цепочку научно-технологических разработок в рамках совместно осуществляемых научных проектов и далее в коммерциализацию полученных результатов. Ряд государств, например новые индустриальные державы перешли от первой модели ко второй, в ряде случаев став самостоятельными с технологической точки зрения державами.

В п. 36(в) Стратегии научно-технологического развития России 2016 г.⁵ (далее — Стратегия) указывается, что МИНТС призвано стать одним из способов обеспечения инновационного развития экономики в цифровом формате на основе интеграции в разворачивающуюся технологическую революцию в качестве ее активного субъекта. Национальные интересы научно-технологического развития нашли свое отражение в разделе 3 «Цель и основные задачи научно-технологического развития РФ» Стратегии. Обращает на себя внимание то, что согласно п. 29(д) данной Стратегии к одной из задач, необходимой для достижения цели научно-технологического развития РФ, относится формирование модели международного научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области исследований и технологического развития, позволяющей защищать идентичность российской научной сферы и государственные интересы в условиях интернационализации науки и повысить эффективность российской науки за счет взаимовыгодного международного взаимодействия. Не меньший интерес вызывает также Раздел «Основные направления и меры реализации государственной политики в области научно-технологического развития РФ», а именно п. 35 «Сотрудничество и интеграция», в котором содержатся основные стратегические направления внешней научно-технологической политики РФ.

В продолжение этого в п. 7 Концепции определяется, что «решение социальных задач социально-экономического развития и увеличение роли РФ в мировой экономике определяются ее научно-техническим потенциалом и достижениями в инновационной сфере. Для реализации интересов и приоритетов научно-технологического развития РФ активное, гибкое, эффективное и прагматичное МИНТС включает в себя привлечение лучших мировых кадров, идей и передовых технологий, повышение качества подготовки молодых ученых, формирование научно-технологических и инновационных альянсов, становится для РФ необходимостью и условием устойчивого развития». Важное значение имеют конкретные меры, предусмотренные разделами V и VI Концепции.

Проведенный анализ документов концептуального и стратегического характера позволяет сделать вывод о том, что в России достигнуто понимание парадигмы современного МИНТС, охватывающей его природу, принципы, содержание и тренды. Это понимание должно далее найти свое продолжение в выработке

⁵ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642). URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449/page/1> (дата обращения: 18.05.2020).

системы гибких правовых средств и инструментов, обеспечивающих переход к его новой модели, соответствующей Четвертой промышленной революции в целом и цифровой трансформации в частности.

Однако стоит отметить, что зачастую в исследованиях, посвященных анализу совершенствования данного законодательства, внимание не уделяется к совершенствованию соответствующего правового регулирования [16; 17]. Тем не менее мы можем видеть, что на основе преемственности со ст. 16 «Международное научное и научно-техническое сотрудничество Российской Федерации» действующего закона «О науке и государственной научно-технической политике»⁶ проект нового закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности»⁷ включил в себя ст. 8 «Международное сотрудничество в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности». В ней предусматривается дальнейшее развитие международной договорной базы, стимулирующей научное и научно-техническое сотрудничество с международными организациями и иностранными государствами, на практике означающее развитие сотрудничества российских и иностранных субъектов научной, научно-технической и инновационной деятельности.

Включение данной статьи в проект закона в очередной раз доказывает, что МИНТС того или иного государства регулируется не только международными договорами, но и национальным законодательством. Однако, как можно видеть из содержания ст. 8 проекта закона, в нее включены достаточно общие положения, хотя и более развернутые по сравнению с положениями ст. 16 действующего закона. Достаточно заметно, что они не отражают новых трендов, характерных для Четвертой промышленной революции, а также факт членства Российской Федерации в ЕАЭС. Поэтому задача развития правового регулирования российского МИНТС требует большей детализации законодательных норм с учетом зарубежной практики.

Повышение эффективности международного взаимодействия в сфере науки, технологий и инноваций в современном мире и достижение его целей предполагает также совершенствование международно-правовой подсистемы механизма его правового регулирования. По всей видимости, государствам не следует стремиться к заключению новых договоров в сфере научно-технологического сотрудничества, в особенности таких, положения которых представляют собой выражение декларативных намерений. Наиболее рациональный путь — это совершенствование договорных механизмов сотрудничества, а также использование потенциала программного регулирования. Заключать же новые межгосударственные договоры, а также соглашения на межправительственном и межведомственном уровне наиболее целесообразно по специальным вопросам, связанным с реализацией трендов Четвертой промышленной революции.

Завершая проведенное исследование, сформулируем итоговые выводы. Во-первых, закономерность повышения роли права в регулировании МИНТС отражается в необходимости совершенствования его правового регулирования. Во-вторых, составной частью теоретико-правового осмысления проблем и

⁶ См.: Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 35, ст. 4137

⁷ Проект Федерального закона от 28 марта 2018 г. «О научной, научно-технической и инновационной деятельности». URL: <http://profsobranie.ru/assets/files/проект-федерального-закона.pdf> (дата обращения: 01.07.2020).

перспектив данного направления международного взаимодействия выступает формирование теоретико-правовой концепции соответствующего механизма правового регулирования, которая должна опираться на системные представления о факторах его детерминации. В-третьих, к данным факторам относятся парадигма МИНТС, усиление роли программно-стратегического регулирования, новые тренды в его организационном и инфраструктурном обеспечении.

Библиографический список

1. Коваленко К.Е. Основные правовые формы международного научно-технического сотрудничества // Российско-Азиатский правовой журнал. 2019. № 2. С. 64–66.
2. Кожеуров Я.С., Теймуров Э.С. Конвенционные модели международного научно-технического сотрудничества на примере морских научных исследований // Lex Russia. 2019. № 9. С. 130–145.
3. Хабриева Т.Ю. Правовое измерение научного прогресса // Журнал российского права. 2009. № 8. С. 14–24.
4. Кацемир М., Кузнецова Т., Насыбулина Е., Пикалова А. Выбор направлений научно-технического сотрудничества России // Форсайт. 2015. Т. 9. № 4. С. 57. С. 54–72.
5. Романова М.Д. Научная дипломатия: измерения и практика // Наука, инновации, образование. 2017. № 1. С. 38–52.
6. Балякин А.А., Задорина А.К., Куклина И.Р., Малышев А.С., Тараненко С.Б. Позиционирование международного научно-технического сотрудничества в правовых документах стран-участников научной глобализации // Вестник РУДН. Сер.: СОЦИОЛОГИЯ. 2018. № 4. С. 651–667.
7. Крутских А., Бирюков А. Новая геополитика международных научно-технологических отношений // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 2. С. 6–26.
8. Дегтярев А.Н., Тодосийчук А.В. Формирование и реализация государственной научно-технической и инновационной политики: проблемы и перспективы // Инновации. 2014. № 7. С. 81–88.
9. Казарина Н.В. Международное научно-техническое сотрудничество: терминологический анализ // Журнал международного права и международных отношений. 2018. № 1–2. С. 90–101.
10. Голубев Д.С. Наука и инновации в теориях международных отношений // Международные процессы. 2015. Т. 13. Т. 2. С. 66–80.
11. Бирюков А.В. К вопросу о влиянии научно-технического прогресса на международные отношения в цифровую эпоху // Международная аналитика. 2015. № 3. С. 103–115.
12. Зиновьева Е.С. Мирополитическая концептуализация международного научно-технологического сотрудничества // Вестник МГИМО. 2018. № 6. С. 242–254.
13. Новоселова Л.А., Степаненко Ю.В. Методология исследования правовых проблем обеспечения реализации Национальной технологической инициативы // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Т. 1 № 1. С. 87–100.
14. Микова Н., Соколова А. Мониторинг глобальных технологических трендов: теоретические основы и лучшие практики // Форсайт. 2014. Т. 8. № 4. С. 64–83.
15. Иванов В.В. Инновационная парадигма XXI в. 2-е изд. М.: Наука, 2015. 383 с.
16. Тодосийчук А.В. О законодательном обеспечении достижения целей прорывного научно-технологического развития // Научно-технические исследования. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 176–198.
17. Габов А.В., Путило Н.В., Гутников О.В. Проект Федерального закона о науке — новый формат правового регулирования научной и инновационной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 38. С. 385–399.

References

1. *Kovalenko K.E.* Main legal forms of international scientific and technological cooperation // *Russian-Asian Legal Journal*. 2019. № 2. P. 64–66.
2. *Kozheurov Y.S., Teymurov E.S.* Convention models of international scientific and technical cooperation (based on the case of study of marine scientific research) // *Lex Russica*. 2019. № 9. P. 130–145.
3. *Khabrieva T.Y.* Legal dimension of scientific progress // *Journal of Russian law*. 2009. № 8. P. 14–24.
4. *Kotzemir M., Kuznetzova T., Nasybulina E., Pikalova A.* Identifying directions for Russia's science and technology cooperation // *Foresight*. Vol. 9. № 4. P. 54–72.
5. *Romanova M.D.* Science diplomacy: dimensions and practice // *Science, innovation, education*. 2017. № 1. P. 38–52.
6. *Balyakin A.A., Zadorina A.K., Kuklina I.R., Malyshev A.S., Taranenko S.B.* Positioning of international scientific-technical cooperation in the legal documents of the countries participating in scientific globalization // *RUDN Journal of Sociology*. 2018. № 4. P. 651–667.
7. *Krutskikh A., Biryukov A.* International science and technology relations as a new geopolitical reality // *International trends*. 2017. Vol. 15. № 2. P. 6–26.
8. *Degtyaryov A.N., Todosiychuk A.V.* The formation and implementation of the state science, technology and innovation policy: problems and prospects // *Innovation*. 2014. № 7. P. 81–88.
9. *Kazarina N.* International cooperation in science and technology terminological analysis // *International Law and International Relations*. 2018. № 1–2. P. 90–101.
10. *Golubev D.C.* Science and innovation in the theory of international relations // *International trends*. 2015. Vol. 13. № 2. P. 66–80.
11. *Biryukov A.V.* Remarks on the impact of science and technology progress on international relations in digital era // *International Analytics*. 2015. № 3. P. 103–115.
12. *Zinovieva E.S.* Conceptualization of the international cooperation in the field of science and technology // *MGIMO Review of International Relations*. 2018. № 6. P. 242–254.
13. *Novoselova L.A., Stepanenko Yu.V.* Methodology of research of legal problems of implementation of the National technology initiative // *Methodological Problems of Civil Studies*. 2019. Vol. 1. № 1. P. 87–100.
14. *Mikova N., Sokolova A.* Global technology trends monitoring theoretical frameworks and best practices // *Foresight*. 2014. Vol. 8. № 4. P. 64–83.
15. *Ivanov V.V.* Innovation paradigm of XX century. 2nd ed. M.: Science, 2015. 383 p.
16. *Todosiychuk A.V.* About legislative support of achieving breakthrough scientific and technological development // *Scientific studies*. Moscow: INION RAN, 2018. P. 176–198.
17. *Gabov A.V., Putilo N.V., Gutnikov O.V.* The Draft Federal law of science – a new format of legal regulation of scientific and innovation activities // *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2017. Issue 38. P. 385–399.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10125

УДК 340.11

Н.А. Грешнова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Введение: назначение презумпции невиновности заключается в сохранении баланса сторон в публичном состязательном процессе, и это при том что одной из сторон выступает государственный орган уголовного преследования, а другой — частное лицо, обвиняемое в совершении преступления. Указанные субъекты не равны по своим процессуальным возможностям, и презумпция невиновности, таким образом, выступает гарантом состязательного юридического процесса и принципа равноправия сторон. **Цель:** исследовать, как отражено историческое развитие презумпций в праве, их признаки и свойства, а также формирование единой концепции понимания презумпций в российской юридической науке и соотнесение презумпции невиновности личности и принципа состязательности. **Методологическая основа:** метод научного познания, диалектический, формально-юридический, системный, сравнительно-правовой методы исследования; анализ различных подходов к сущности презумпций и принципов. **Результаты:** предлагаются авторские дефиниции категорий «презумпция», «презумпция невиновности», излагается анализ значения презумпции невиновности личности для обеспечения состязательного юридического процесса. **Выводы:** взаимодействие презумпции невиновности и принципа состязательности носит двойственный характер.

Ключевые слова: презумпция, правовая презумпция, презумпция невиновности, судопроизводство, юридический процесс, состязательность, принцип состязательности.

N.A. Greshnova

THEORETICAL ASPECT OF THE INDIVIDUAL'S PRESUMPTION OF INNOCENCE IMPLEMENTATION

Background: the purpose of the presumption of innocence is to preserve the balance of the parties in a public adversarial process, while one of the parties is a state criminal prosecution body, and the other is a private person accused of committing a crime. These subjects are not equal in their procedural capabilities and the presumption of innocence thus acts as a guarantor of the adversarial legal process and the principle of equality of the parties. **Objective:** to study how the historical development of presumptions in law, their features and properties is reflected, as well as the formation of a unified concept of understanding presumptions in Russian legal science and the correlation of the presumption of innocence of the individual and the principle of the adversarial nature of the judicial processes. **Methodology:** method of scientific knowledge, dialectical, formal legal, systemic, comparative legal research methods; analysis of different approaches to the essence of presumptions and principles. **Results:** the author's definitions of the categories

© Грешнова Наталья Алексеевна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, ученый секретарь (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: itsovn001@gmail.com

© Greshnova Natalia Alekseevna, 2020

Candidate of law, associate Professor, Theory of state and law department, academic Secretary (Saratov State law Academy)

“presumption” and “presumption of innocence” are proposed, and the analysis of the significance of the presumption of innocence of an individual for ensuring an adversarial legal process is presented. Conclusions: the interaction of the presumption of innocence and the principle of competition is of dual nature.

Key-words: *presumption, legal presumption, presumption of innocence, legal proceedings, legal process, adversarial nature, adversarial principle.*

Состязательный юридический процесс в Российской Федерации характеризуется распределением обязанностей по доказыванию между сторонами. Тем не менее в уголовном процессе субъекты не равны по своим процессуальным возможностям. С целью сохранения баланса сторон в юридическом процессе, при участии государственного органа уголовного преследования с одной стороны и частного лица, обвиняемого в совершении преступления — с другой, в праве закреплён важнейший правовой институт — презумпция невиновности личности, выступающая гарантом обеспечения принципа равноправия сторон.

Многие авторы писали об особой роли правовых презумпций, их значении для судопроизводства, установления фактов, определяли презумпции как предположение или средство юридической техники [1, с. 168; 2, с. 262; 3, с. 48; 4, с. 22]. Сформулированы характерные особенности, отражающие отличия правовых презумпций от «неправовых»: закрепление в нормативно-правовых актах; обязательный характер презумпций; направленность на установление наличия или отсутствия фактов; возможность их опровержения при наличии высокой вероятности предположений, выраженного в презумпциях.

С учетом различных подходов к пониманию термина «презумпция», предлагается определять ее как высоковероятное нормативно установленное индуктивное предположение о наличии или отсутствии факта, имеющего юридическое значение, основывающееся на объективных данных и имеющемся опыте о рассматриваемой ситуации и являющееся обязательным для применения, пока не будет установлено иное.

Исходя из норм российского и международного права, необходимо выделить основные этапы реализации презумпции невиновности¹, действующей согласно Конституции Российской Федерации на всей территории России:

в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления действует презумпция невиновности. Несмотря на такую формулировку, представляется, что презумпция невиновности исходя из формально-логического смысла, распространяется и на подозреваемых и на подсудимых;

в законодательно определенном порядке устанавливается виновность лица в совершении преступления. Указанный порядок зафиксирован в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, основывающемся на Конституции Российской Федерации и общепризнанных нормах международного права;

процесс установления вины лица в совершении преступления завершается вступлением в законную силу приговора суда.

¹ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Рим, 4 ноября 1950 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163; Международный пакт о гражданских и политических правах. Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12; Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1998. 10 дек.

В ст. 49 Конституции Российской Федерации в полной мере указываются элементы рассматриваемой презумпции: лицо, обвиняемое в совершении преступления, не обязано доказывать свою невиновность, и все неустранимые сомнения в виновности этого лица должны трактоваться в его пользу.

Ученые-правоведы имеют различные точки зрения на содержание указанного правового института. Например, дополняют имеющиеся два элемента презумпции третьим — недоказанная виновность должна быть приравнена к доказанной невиновности [5, с. 96–97]. Или указывают на невозможность ведения процесса с обвинительным уклоном, основывая выводы о виновности лица на предположениях [6, с. 10].

Кроме того, многие исследователи, описывая сущность презумпции, говорят о том, что презумпция должна обеспечить отсутствие судебных или следственных ошибок, осуждено может быть только действительно виновное лицо [7, с. 108], а также, что указанная презумпция не может включать в себя положение о том, что неустранимые сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого [8, с. 208].

Учитывая мнения исследователей, представляется возможным сформулировать определение презумпции невиновности как нормативно закрепленного, обязательного для суда и лиц, участвующих в деле, предположения о невиновности лица в совершении преступления, которое может быть опровергнуто путем вынесения обвинительного приговора на основании собранных стороной обвинения доказательств. При этом имеющиеся сомнения трактуются в пользу обвиняемого, а обвиняемый не обязан собирать доказательства своей невиновности.

При таком подходе прослеживается значительное влияние презумпции невиновности на состязательный юридический процесс. Указанная презумпция позволяет распределять обязанности по доказыванию с учетом личных интересов человека, его прав как высшей ценности. Кроме того, презумпция призвана обеспечить такой ход рассмотрения дела, при котором сторона обвинения стремится изменить мнение суда о невиновности лица на иное.

Интересным представляется мнение О.В. Левченко, предположившего, что невиновность лица может быть выражена в трех видах — принципа, презумпции и правового института [9, с. 43]. В работах многих ученых прослеживается мысль о презумпции невиновности как о принципе юридического процесса [10, с. 157–178].

Действительно, изначально презумпция невиновности была закреплена среди других принципов в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик «О судостроительстве»², что подчеркивает ее особую роль. В административном и уголовном процессах презумпция невиновности также обозначается в качестве принципа.

В науке имеется точка зрения основывающаяся на том, что презумпция и принцип представляют собой различные уровни обобщения знаний, а следовательно выступают отличными друг от друга правовыми категориями. При этом выделяется более широкое значение принципов права [11, с. 105–115].

Представляется, что презумпция невиновности в процессе реформирования правовой жизни и конституционного строя Российского государства стала одной из основ реализации юридического процесса, была преобразована в принцип. В.М. Баранов в своих работах указывал, что презумпция и принцип — это не исключающие друг друга понятия и могут по своему содержанию совпадать.

² См.: Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик» // Ведомости Верховного Суда СССР. 1958. № 1, ст. 12.

Тем не менее возникает противоречие, когда говорят о том, что принцип — это обязательно истинное положение, а презумпция может быть опровергнута. Этому возможно найти объяснение при рассмотрении презумпции невиновности в качестве принципа исключительно в рамках распределения обязанностей сторон по доказыванию. То есть в качестве объективного положения, которое выступает гарантом от незаконного обвинения. В иных ситуациях предположение о невиновности является опровержимым.

В науке существует мнение, что презумпция невиновности выступает общим принципом права и имеет выраженные специфические черты в зависимости от отрасли, в которой применяется. К примеру, несмотря на то, что такое правило прямо не закреплено в гражданском или семейном праве, предлагается рассматривать в качестве презумпции невиновности предположение о человеке как о добросовестном до тех пор, пока не будет доказано иное [12, с. 17–19].

Представляется целесообразным не дублировать положения презумпций добросовестности и добропорядочности, не наделять чертами презумпции невиновности другие положения различных процессуальных отраслей. Кроме того, вопрос о вине может быть поставлен только в деликтных обязательствах.

О.В. Жажина прослеживает схожие функциональные черты у правовых презумпций и норм-преюдиций, т.к. они влияют определенным образом на особенности процесса доказывания. Тем не менее нормы-преюдиции призваны обеспечить единство судебной практики путем предупреждения возникновения противоречий в праве, тогда как презумпции действуют при уже возникшем противоречии фактических обстоятельств дела, а не норм [13, с. 23–24]. При этом нормы-преюдиции не являются опровержимыми, презумпции же могут быть лишь ложным предположением.

Важность института презумпции невиновности сложно переоценить. В демократическом обществе и в состязательном юридическом процессе распределение обязанностей по доказыванию обстоятельств дела при наличии неравных в процессуальных возможностях сторон имеет большую ценность. Однако расширенное распространение презумпции невиновности на все виды юридического процесса невозможно, так как это поставит одну из сторон в более выгодное положение. Задача указанной презумпции — защитить гражданина от необоснованного обвинения со стороны государственных структур. Но если субъекты в процессе по своим возможностям на судебную защиту равны, то презумпция невиновности не может быть применена. Для таких процессов существуют принципы и презумпции, имеющие другое содержание и цели.

В настоящий момент именно презумпция невиновности обеспечивает реализацию принципа состязательности в юридическом процессе по уголовным и административным делам. Взаимодействие презумпции невиновности и принципа состязательности имеет двойственный характер. С одной стороны, благодаря презумпции невиновности в юридическом процессе гарантируется равноправие сторон, обладающих различными процессуальными возможностями по сбору доказательств, а следовательно состязательный процесс. С другой стороны, принцип состязательности, предусматривающий распределение процессуальных полномочий защиты и обвинения, обеспечивает действие презумпции невиновности.

На данный момент это два важнейших института, обеспечивающих демократическое судопроизводство и гарантию реализации конституционных прав личности.

Библиографический список

1. *Строгович М.С.* Учение о материальной истине в уголовном процессе. М., 1947. 276 с.
2. *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М., 1961. 380 с.
3. *Нахова Е.А.* Роль презумпций и фикций в распределении обязанностей по доказыванию: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 176 с.
4. *Щекин Д.М.* Юридические презумпции в налоговом праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 24 с.
5. *Орлов Ю.К.* Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2001. 144 с.
6. *Францифоров Ю.В., Пономаренков В.А., Громов Н.А.* Презумпция невиновности в уголовно-процессуальном доказывании // Следователь. 1999. № 3. С. 10–15.
7. *Ефимичев П.С.* Презумпция невиновности: в чем ее сущность? // Журнал российского права. 2000. № 7. С. 104–112.
8. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1996. Т. 2. 606 с.
9. *Левченко О.В.* Презумпция невиновности обвиняемого в доказывании по уголовным делам. Астрахань, 2001. 147 с.
10. *Сенякин И.Н.* К вопросу о содержании презумпции невиновности в российском законодательстве // Очерки теории российского законодательства. Ч. 3. Волгоград, 2011. С. 157–178.
11. *Баранов В.М.* Презумпция истинности норм советского права // Методологические проблемы государства и права. Куйбышев, 1986. С. 105–115.
12. *Абдрашитов В.М.* Презумпция невиновности: генезис и перспективы развития в законодательстве и практике Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. 22 с.
13. *Жажина О.В.* Презумпции как субсидиарные правовые нормы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 27 с.

References

1. *Strogovich M.S.* Doctrine of Material Truth in Criminal Proceedings. M., 1947. 276 p.
2. *Ioffe O.S., Shargorodsky M.D.* Questions of the Theory of Law. M., 1961. 380 p.
3. *Nakhova E.A.* The Role of Presumptions and Fictions in the Distribution of Responsibilities for Proving: dis. ... cand. of law. Saratov, 2004. 176 p.
4. *Shchekin D.M.* Legal Presumptions in Tax Law: dis. ... cand. of law. M., 2001. 24 p.
5. *Orlov Yu.K.* Foundations of the Theory of Evidence in Criminal Proceedings. M., 2001. 144 p.
6. *Frantsiforov Yu.V., Ponomarenkov V.A., Gromov N.A.* Presumption of Innocence in Criminal Procedural Proving // Investigator. 1999. No. 3. P. 10-15.
7. *Efimichev P.S.* Presumption of Innocence: What Is Its Essence? // Journal of Russian Law. 2000. No. 7. P. 104–112.
8. *Foinitskiy I.Ya.* The Course of Criminal Proceedings: in 2 volumes. SPb., 1996. Vol. 2. 606 p.
9. *Levchenko O.V.* Presumption of Innocence of the Accused in Proving in Criminal Cases. Astrakhan, 2001. 147 p.
10. *Senyakin I.N.* On the Question of the Content of the Presumption of Innocence in Russian Legislation // Essays on the theory of Russian legislation. Part 3. Volgograd, 2011. P. 157–178.
11. *Baranov V.M.* Presumption of the Truth of the Norms of Soviet Law // Methodological problems of state and law. Kuibyshev, 1986. P. 105–115.
12. *Abdrashitov V.M.* Presumption of Innocence: Genesis and Development Prospects in the Legislation and Practice of the Russian Federation: extended abstract of dis. ... cand. of law. Volgograd, 2001. 22 p.
13. *Zhazhina O.V.* Presumptions as Subsidiary Legal Norms: extended abstract of dis. ... cand. of law. SPb., 2011. 27 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10126

УДК 34.01; 347.9

В.В. Нырков

НАУЧНЫЕ (ДОКТРИНАЛЬНЫЕ) ОСНОВЫ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ И УНИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ПРИМЕНЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБЛАСТИ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА*

Ведение: современное состояние электронно-цифровой формы социальной коммуникации и неизбежность ее дальнейшего прогрессивного развития требуют от юридического сообщества ускоренного решения задач по комплексной трансформации цивилистической процессуальной формы, которая существенно отстает от актуальных потребностей российского общества в использовании технологий электронного правосудия. **Цель:** определение общетеоретических основ содержания и структуры научной концепции развития и унификации российского процессуального законодательства, регулирующего применение цифровых технологий в области цивилистического судопроизводства. **Методологическая основа:** совокупность диалектического, системно-структурного, формально-юридического методов и логического приема анализа, которые дали возможность обобщить и уточнить доктринальные взгляды на проблему правового регулирования судопроизводственной деятельности, сопряженной с применением электронно-информационных средств и технологий. **Результаты:** представлена авторская позиция относительно содержания и структуры научной концепции развития и унификации процессуального законодательства в связи с внедрением новых электронно-информационных технологий в цивилистическое судопроизводство. **Выводы:** техническое правовое регулирование признается составной частью, одним из специфических элементов метода правового регулирования цивилистических процессуальных отношений, который в то же время вполне закономерно оказывает трансформирующее воздействие на иные, уже традиционные элементы упомянутого метода. В этой связи разрешение фундаментальной для современного правоведения проблемы соотношения и взаимосвязи процессуального права и норм технического правового регулирования предлагается осуществить посредством уточнения учения о предмете и методе правового регулирования процессуального права.

Ключевые слова: процессуальное право, электронное правосудие, предмет и метод правового регулирования, унификация процессуального законодательства.

© Нырков Владимир Владимирович, 2020
Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: k_tgp@ssla.ru
© Nyrkov Vladimir Vladimirovich, 2020
Candidate of law, associate Professor, Professor, Theory of state and law department (Saratov State Law Academy)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111.

V.V. Nyrkov

SCIENTIFIC (DOCTRINAL) FOUNDATIONS OF THE CONCEPT
OF DEVELOPMENT AND UNIFICATION OF LEGISLATION
REGULATING THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES
IN THE FIELD OF CIVIL LEGAL PROCEEDINGS

Background: the current state of the electronic-digital form of social communication and the inevitability of its further progressive development requires the legal community to accelerate the tasks of complex transformation of the civil procedural form, which currently lags significantly behind the actual needs of the Russian society in the use of electronic justice technologies. **Objective:** to determine the general theoretical foundations of the content and structure of the scientific concept of development and unification of the Russian procedural legislation regulating the use of digital technologies in civil proceedings. **Methodology:** dialectical, system-structural, formal-legal methods and logical methods of analysis, which made possible to generalize and clarify doctrinal views on the problem of legal regulation of judicial activities involving the use of electronic information tools and technologies. **Results:** the author's position on the content and structure of the scientific concept of development and unification of procedural legislation in connection with the introduction of new electronic information technologies in civil proceedings is presented. **Conclusions:** technical legal regulation is recognized as an integral part, one of the specific elements of the method of legal regulation of civil procedural relations, which at the same time quite naturally has a transformative effect on other already traditional elements of the mentioned method. In this regard, it is proposed to resolve the fundamental problem of correlation and interrelation of procedural law and technical legal regulation norms by clarifying the doctrine of the subject and method of legal regulation of procedural law.

Key-words: procedural law, electronic justice, subject and method of legal regulation, unification of procedural legislation.

В современных условиях назрела необходимость не только в унификации процессуальных норм и технико-юридических правил внедрения и использования информационно-коммуникационных средств в судопроизводственной деятельности, но и в пересмотре ряда принципов цивилистического судопроизводства, в определении фундаментального подхода к разграничению процессуального законодательства и норм технической регламентации в сфере электронного правосудия, а также в установлении между ними системно-функциональных связей. Важнейшей проблемой выступает поиск достаточного набора процессуальных и технико-юридических гарантий обеспечения прав участников цивилистического судопроизводства, путем равного их доступа к электронному правосудию и снижения риска неоправданного усложнения электронных процедур обращения в суд за защитой права.

В связи с этим представляется целесообразным и востребованным критический пересмотр ряда доктринальных положений в отношении предмета и метода правового регулирования процессуального законодательства, его соотношения с технико-юридическим регулированием судопроизводственной деятельности с использованием электронно-информационных технологий.

В рамках настоящей статьи предпримем попытку изложения авторской версии теоретико-методологических основ содержательного и структурного построения концепции развития и унификации законодательства, регулирующего

применение цифровых технологий в области цивилистического судопроизводства (далее — Концепция). Для этой цели представим в тезисном виде ее основное доктринальное содержание и структуру. Оговоримся, что мы не претендуем на формирование самой концепции в полном виде, поскольку это весьма масштабная задача, выполнить которую в состоянии лишь коллектив исследователей, а ее развернутое изложение возможно лишь в работе монографического характера. Кроме того, мы постараемся изложить именно общетеоретический взгляд на отмеченную проблему, выделив лишь общие доктринальные контуры наиболее важных, на наш взгляд, направлений унификации и дальнейшего развития процессуального законодательства в условиях электронизации российского правосудия.

На наш взгляд, научные основы данной концепции целесообразно структурно представить в виде 4 глав, подразделяемых на ряд параграфов.

Глава 1. Теоретико-методологические подходы к содержательному и структурному изложению научной концепции (основные идеи и положения).

1.1. Отправная идея. Концепция опирается на фундаментальную идею о диалектическом единстве содержания и формы правовых актов и иных документов, используемых в цивилистическом судопроизводстве в условиях дальнейшей интенсификации проникновения в него и в гражданский оборот электронно-цифровых средств и технологий коммуникации, что, в свою очередь, выступает безусловной детерминантой перехода к полноценной (а не усеченной, как в настоящий момент) электронной форме цивилистического судопроизводства и процесса исполнения судебных актов.

1.2. Унификация и иные направления оптимизации судебной процессуальной формы. Концепция предполагает приведение содержания и структурной организации процессуальной формы в соответствие с потребностями российского общества по дальнейшему развитию и расширению сферы внедрения информационно-коммуникационных технологий в гражданский оборот, иные значимые области жизнедеятельности.

Задачи концепции. Унификация и оптимизация процессуального законодательства в соответствие с данной Концепцией призвана:

выявить соотношение и взаимосвязь предметов правового регулирования процессуального законодательства и технического регламента в области применения цифровых технологий судами и судебными приставами-исполнителями;

уточнить существующий доктринальный подход к пониманию метода правового регулирования процессуальных отношений, а также дополнить системно трактуемый единый метод правового регулирования процессуального права новыми элементами (способами), необходимыми для успешного дальнейшего развития электронного правосудия;

предложить методологический аппарат, обеспечивающий совершенствование юридической техники внесения изменений в процессуальное законодательство ввиду внедрения в цивилистическое судопроизводство электронно-информационных технологий;

определить комплекс технико-юридических и процессуальных гарантий равного доступа заинтересованных лиц к электронным базам (платформам) судебных актов;

сформулировать понятие, процессуальные и технико-юридические требования к содержанию и форме электронных документов, используемых в судопроизводственной деятельности и в процессе исполнения судебных актов;

выявить пределы и ограничения внедрения электронной формы документооборота в судопроизводственной деятельности;

устранить пробелы в нормативной регламентации института подачи процессуальных документов в электронно-цифровой форме (иски, заявления, ходатайства, жалобы);

выработать единые процессуальные и технико-юридические правила уведомления лиц, участвующих в деле посредством информационно-коммуникационных средств и технологий;

уточнить ряд процессуальных норм института представления и оценки доказательств, имеющих электронно-цифровой образ;

смоделировать основные принципы ответственности за нарушение технико-юридических норм и процессуальных правил в сфере электронного правосудия;

определить основные параметры риска технических сбоев, ошибок и иных невиновных форм нарушения технического регламента и процессуальных норм в ходе отправления правосудия посредством информационно-коммуникационных средств и технологий;

разработать юридическую модель перераспределения бремени несения негативных последствий риска использования средств и технологий электронного правосудия между участниками процессуальных отношений, а также между ними и государством;

усовершенствовать и дополнить имеющиеся нормы процессуального и технико-юридического регламентирования рассмотрения дел судом с использованием видеоконференцсвязи;

оптимизировать правила реализации распорядительных действий сторон посредством электронно-цифровых инструментов и платформ;

предложить понятие, принципы формирования, требования к структуре и содержанию электронного дела;

определить унифицированные процессуальные и технико-юридические нормы дистанционного ознакомления с электронными материалами судебных дел;

наметить перспективы и формы внедрения искусственного интеллекта (далее — ИИ) в целях автоматизации многократно повторяющихся действий в ходе судопроизводственной деятельности;

выстроить процессуальную и технико-юридическую основу электронной коммуникации судов с вышестоящими судебными инстанциями, а также порядок подачи апелляционных, кассационных жалоб и иных документов участниками процесса в данные инстанции;

предложить модель дистанционного рассмотрения дел по обжалованию судебных актов.

Глава 2. Объект и предмет правового регулирования в области применения цифровых технологий судами и судебными приставами-исполнителями.

2.1. Обоснование необходимости пересмотра доктринальных взглядов. По мере все большего приближения к полноценной модели электронного правосудия в практике судопроизводства в России наблюдается все более тесное переплетение технико-правовых и процессуальных норм в структуре гражданского процессуального, арбитражно-процессуального права, а равно и административно-

процессуального законодательства. Ввиду этого дальнейшее позиционирование правовой регламентации использования электронно-информационных технологий в качестве составной части лишь информационного права и в отрыве от соответствующих процессуальных отраслей российского права будет весьма проблематичным, поскольку рассматриваемые технико-правовые нормы станут неотъемлемой частью процессуальной формы разрешения гражданских споров.

2.2. Соотношение и взаимосвязь процессуального правового регулирования и технических регламентов. Техническое правовое регулирование признается составной частью, одним из специфических элементов метода правового регулирования гражданских процессуальных отношений, который в то же время вполне закономерно оказывает трансформирующее воздействие на иные уже традиционные элементы упомянутого метода. В этой связи требует разрешения фундаментальная для современного правоведения проблема соотношения и взаимосвязи процессуального права и норм технического правового регулирования сквозь призму учения о предмете и методе правового регулирования.

2.3. Предложения по разграничению предмета регулирования между процессуальными кодексами и техническим регламентом в сфере электронного правосудия:

к предмету правового регулирования процессуальных кодексов следует отнести комплекс отношений, связанных с институтами подачи иска в электронной форме, с правилами доказывания и оценки электронных доказательств, с определением круга электронных документов и требований к ним, с установлением гарантий процессуальных прав лиц, использующих электронные технологии в ходе судопроизводства, с порядком извещения лиц судом посредством электронно-информационных средств, возложении ответственности и перераспределении бремени несения негативных последствий за невиновное нарушение процессуальных норм и технико-юридических предписаний в сфере электронного правосудия (защита прав на началах риска от технических сбоев, ошибок и т.д.);

в предмет регулирования единого технического регламента предлагается включить вспомогательные отношения по обеспечению беспрепятственной реализации сторонами процесса и судом юридически значимых действий (собственно самих процессуальных отношений как основных), осуществляемых посредством электронной формы в рамках судопроизводства, одним из субъектов которых выступают технические специалисты суда, операторы электронных платформ, провайдеры, операторы связи и иные субъекты.

Пределы технико-юридической регламентации отношений в сфере электронного правосудия четко определяются недопустимостью ее вмешательства в вопросы установления новых или изменения уже имеющихся процессуальных прав и обязанностей участников судебного процесса, компетенции суда, в институт представления и оценки доказательств, в правила об процессуальной ответственности и защиты от невиновного нарушения правил судопроизводства ввиду рисков использования электронных средств и технологий.

Глава 3. Теоретико-методологические (доктринальные) основы метода правового регулирования «электронных» правоотношений в сфере гражданского судопроизводства.

3.1. Предпосылки модернизации метода правового регулирования процессуального права. Наблюдается взаимопроникновение программных продуктов, технических норм, сопряженных с их использованием на базе АИС, соответ-

ствующих платформ и норм процессуального права. Последние органически должны дополняться целым комплексом именно технико-юридических норм, имеющих не просто технический характер, а именно технико-правовое содержание, поскольку за их нарушение должны следовать конкретные юридически значимые последствия в виде мер юридической ответственности, юридического механизма распределения рисков использования электронно-информационных ресурсов (защиты) между участниками судебного разбирательства, а также и государством, отвечающим за надлежащую работу подобных технических инструментов и платформ.

3.2. Основные идеи. На настоящем этапе развития правовой науки и российской судебной практики опыт информационного права в вопросе разработки специфического метода правового регулирования информационно-коммуникационных отношений [1, с. 62; 2, с. 91–94] представляется весьма ценным, полезным в плане его рецепции со стороны процессуального права и адаптации под условия и специфику судопроизводственной деятельности.

3.3. Предложения по модернизации метода правового регулирования:

необходимо системное рассмотрение содержания и структуры метода правового регулирования процессуальных отношений [3, с. 10–11; 4, с. 48; 5, с. 11–12; 6, с. 84–86], что позволяет учитывать в процессуальных юридических науках и на практике наиболее точным образом происходящую трансформацию процессуального законодательства ввиду внедрения в судебную практику электронно-цифровых технологий;

в кратком виде метод правового регулирования процессуальных отношений представляется целесообразным определить в качестве единого комплекса, системно организованного на основе соответствующих принципов, средств и способов правового регулирования в сфере отправления правосудия по гражданским, арбитражным и административным делам;

в модернизированном виде метод должен содействовать приближению правосудия по гражданским, арбитражным и административным делам по ряду параметров, по функционалу и доступности к публично-правовой услуге, оказываемой государством;

технологии внедрения электронного правосудия делают целесообразным предложение о пересмотре и существенном изменении следующих основных элементов метода правового регулирования цивилистических процессуальных отношений: процессуальная форма, принципы процессуального права, процессуальная ответственность и способы защиты права, пределы процессуально-правового регулирования, а также его связь с технической правовой регламентацией;

в трансформированном виде метод регулирования процессуальных отношений должен быть дополнен новыми принципами, отражающими специфику электронной формы судопроизводства, а ряд уже традиционных принципов процессуального права подлежит изменению (например, принцип непосредственности, принцип устности и др.);

сложноструктурированный метод правового регулирования процессуальных отношений предлагается дополнить таким относительно новым элементом, как технико-правовой способ отправления правосудия;

предлагается выделять относительно обособленный комплекс процессуальных и тесно с ними связанных технико-правовых норм, регламентирующих применение информационно-электронных средств в цивилистическом процессе

к настоящему моменту. Следовательно, исходя из общетеоретической методологической установки о существовании наряду с отраслевым методом правового регулирования и относительно самостоятельных методов правового регулирования у институтов права становится возможной трактовка анализируемого технологического способа отправления правосудия в качестве специфической разновидности последней группы методов.

3.4. Структурная модель электронно-технологического способа отправления правосудия как составная часть единого метода правового регулирования процессуальных отношений. Она должна включать в себя следующие моменты:

обязательное наличие в ее структуре и содержании специфических способов правового регулирования, в т.ч. интегрированных из других сфер научного знания, в первую очередь технической;

предоставление участникам процессуальных отношений правовых гарантий и дополнительных прав по защите персональных данных, гарантий соблюдения тайны личной и семейной жизни, установление процессуального и технико-инструментального обеспечения равного доступа к информации о деятельности судов и к судебной защите через электронные ресурсы;

наличие правовых средств по предотвращению информационных угроз и инструментов по минимизации их возможных негативных последствий в случае реализации;

закрепление дополнительных правовых ограничений и запретов в отношении подделки электронных форм документов, искажения электронных доказательств и неправомерного внесения изменений в электронно-цифровые образцы судебных актов;

определение критериев правовой защиты процессуальной информации ограниченного доступа, а также обеспечение должной реализации публичных информационных интересов по защите государственных электронно-информационных ресурсов от несанкционированного доступа (имеются ввиду ГАС «Правосудие» и др.);

наличие технико-правовых норм, предусматривающих порядок пользования информационным интерфейсом, определение порядка информационного обмена и учет последнего в качестве элемента определения правосубъектности (например, электронно-цифровая подпись как техническое средство идентификации субъекта в судебном процессе);

включение информационного допущения и доступа в качестве технических элементов в состав процессуальных юридических фактов;

средства процессуальной и технико-юридической фиксации действий субъектов по обмену юридически значимой информацией и документами в электронном виде;

требования об обязательности размещения в электронном виде определенной информации и документов участниками процесса и судом, а также наличие законодательных запретов на размещение, распространение в электронно-информационных системах определенных судебных и иных правовых актов, документов, охраняемых данных и сведений под угрозой процессуальной и иной юридической ответственности.

Глава 4. Методологический аппарат, обеспечивающий совершенствование юридической техники внесения изменений в процессуальное законодательство ввиду внедрения в цивилистическое судопроизводство электронно-информационных технологий.

4.1. *Обоснование необходимости модификации юридической техники подготовки как нормативных, так и правоприменительных документов и иных правовых актов в сфере цивилистического судопроизводства.* Сложившаяся ситуация требует более активной разработки и своевременного внедрения в практику совершенствования системы российского процессуального законодательства принципа двоичности правовой информации. Данный принцип может способствовать более полной и точной адаптации как содержания, так и структуры процессуального законодательства к набирающей темп информационно-технологической трансформации юридической практики.

Предлагаемый шаг по обновлению методов и средств правотворческой техники облегчит работу АИС в связи с интеграцией в них ИИ в будущем, а также выступит необходимой предпосылкой создания интерактивных форм процессуальных документов в АИС, что упростит работу с ними судьям и участникам судопроизводства.

Двоичная система построения правовой информации по ряду моментов схожа с двоичным кодированием, применяемым при создании программного обеспечения, широко используемого в информационно-технологических системах, в том числе обслуживающих и потребности судебной практики. Построение кодифицированных актов в сфере судопроизводства и разработка единого технического регламента по использованию электронного правосудия могут, а в перспективе должны базироваться на применении указанного принципа. Прямым выражением принципа двоичности правовой информации выступает использование в содержании законодательства парных юридических понятий и терминологических конструкций.

Двоичность законодательно устанавливаемых нормативных правовых предписаний проявляется и в специфике их структуры, которая предстает в виде простейшей формулы «если — то», что также позволяет допускать аналогии в сопоставлении языка права и языка программирования, используемого в информационно-коммуникационных технологических системах. При этом нормативные процессуальные правовые предписания, обладающие двухзвенной структурой, образуют сложные попарно взаимозависимые связки-цепочки (институты и подинституты процессуального права), обеспечивая тем самым системную реализацию друг друга на практике.

Одновременно необходимо привлечение к законопроектной деятельности экспертов в области разработки программного обеспечения в сфере legal tech, специалистов в области обслуживания АИС и платформ, на базе которых осуществляется внедрение электронных технологий в процесс отправления правосудия, юридического сообщества, непосредственно вовлеченного в процессуальные отношения — это не только судьи, адвокаты, нотариусы, но и представители других направлений юридической практики. Только совместными действиями возможно добиться итоговой цели — максимального адаптирования языка процессуального закона, процессуальных правоприменительных актов к возможностям машинной обработки текста, без чего полноценное внедрение «продвинутого варианта» ИИ в судопроизводство практически трудноосуществимо.

4.2. *Принцип двоичности юридической информации как необходимый методологический ресурс правотворческой техники.* Введение метода оценки нормативного содержания системы процессуального законодательства с позиции принципа двоичности правовой информации позволит решить в перспективе следующие задачи:

1) точного определения объекта правового регулирования в области применения цифровых технологий в юридическом процессе и деятельности судебных приставов в ходе исполнения судебных решений;

2) использовать алгоритм парных правовых понятий в правовой регламентации правоотношений, реализуемых с использованием современных информационно-коммуникационных технологий;

3) обеспечить теоретико-методологическую и практическую возможность сближения языка закона с используемым программным обеспечением в информационно-коммуникационных технических системах, что, в свою очередь, необходимо для дальнейшей автоматизации определенных процессуальных действий;

4) обосновать необходимость внедрения новых средств и способов нормативно-правовой регламентации правоотношений, возникающих в связи с применением цифровых технологий в различных отраслях права;

5) проводить дальнейшую унификацию в законодательстве различных видов юридических процессов с одновременным сохранением требуемого уровня их специализации;

6) корректировать структурное построение процессуального законодательства с учетом возрастания темпов и расширения процесса использования в юридической практике новейших информационно-коммуникационных технологий;

7) развивать моделирование процессуальной и иной юридической деятельности, усовершенствовать мониторинг действующего процессуального законодательства посредством применения современных информационных технологий (АИС и ИИ в сфере legal tech);

8) минимизировать информационную избыточность предписаний процессуального законодательства.

В таком виде нам представляется возможным определение основных положений доктринальной общетеоретической составляющей концепции развития и унификации законодательства, регулирующего применение цифровых технологий в области цивилистического судопроизводства. Одновременно следует заметить, что она не должна исчерпываться лишь общетеоретическими и методологическими установками. На их базе следует развивать научно-прикладную часть подобной концепции в целях выдвижения единого комплекса конкретных практических предложений по трансформации содержания и структуры российского процессуального законодательства в сфере цивилистического судопроизводства.

Библиографический список

1. Волков Ю.В. К вопросу о методе информационного права // Российский юридический журнал. 2010. № 5. С. 58–65.
2. Минбалева А.В. Характеристика метода правового регулирования (на примере метода информационного права) // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Право. 2013. Т. 13. № 2. С. 91–94.

3. *Витченко А.М.* Метод правового регулирования социалистических общественных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1969. 19 с.
4. *Витченко А.М.* Метод правового регулирования социалистических общественных отношений / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1974. 161 с.
5. *Комаров В.В.* Метод правового регулирования гражданских процессуальных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1980. 25 с.
6. *Байтин М.И., Петров Д.Е.* Метод регулирования в системе права: виды и структура // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 84–95.

References

1. *Volkov Yu.V.* On the Question of the Method of Information Law // Russian law journal. 2010. No. 5. P. 58–65.
2. *Minvaleev A.V.* Characterization Method of Legal Regulation (for example method of information law) // Bulletin of SUSU. Ser.: Law. 2013. Vol. 13. No. 2. P. 91–94.
3. *Vitchenko A.M.* Method of Legal Regulation of Socialist Public Relations: extended abstract of diss. ... cand. of law. Saratov, 1969. 19 p.
4. *Vitchenko A.M.* Method of Legal Regulation of Socialist Public Relations / under the editorship of M.I. Baitin. Saratov, 1974. 161 p.
5. *Komarov V.V.* Method of Legal Regulation of Civil Procedural Relations: extended abstract of diss. ... cand. of law. Kharkiv, 1980. 25 p.
6. *Baitin M.I., Petrov D.E.* Method of Regulation in the System of Law: Types and Structure // Journal of Russian law. 2006. No. 2. P. 84–95.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10127
УДК 343.281

О.Н. Полуда

УСЛОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Введение: развитие уголовно-правового законодательства России второй половины XIX – начала XX в. в историко-правовой науке традиционно рассматривается в контексте либеральных преобразований императора Александра II. В достаточной степени не изучаются новые подходы законодателя к трансформации институтов уголовного права, основанные на более глубоком анализе не столько самих преступлений, сколько их социальной природы и мотивов. **Цель:** изучение эволюции института условного осуждения в России второй половины XIX – начала XX в., особенностей и закономерностей его формирования и развития. **Методологическая основа:** частнонаучные и юридические методы применялись при анализе государственно-правового механизма регулирования исследуемых отношений. Сравнительно-правовой метод позволил выявить схожие и отличительные черты уголовного законодательства в исследуемый период. Формально-юридический метод применялся при исследовании законодательных актов, материалов судебной практики. В исследовании также нашли применение методы толкования закона, историко-сравнительный, а также статистический, социологический и др. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно содержания понятия «условное осуждение» в отечественном уголовном законе и судебной практике, цель его юридического оформления и социальной обусловленности в контексте общественно-политического развития России. **Выводы:** правовая сущность условного осуждения по закону 1909 г. состояла в возможности полного неприменения наказания в случае исправления осужденного. Закон об условно-досрочном освобождении детерминировался социально-экономическими, политико-правовыми и идеологическими факторами и соответствовал общим тенденциям развития правовой системы России в данный период.

Ключевые слова: государство, уголовная политика, условное осуждение, гуманизм, наказание, декриминализация.

O.N. Poluda

PROBATION IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY

Background: the development of criminal law in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries in historical and legal science is traditionally viewed in the context of the liberal reforms of Emperor Alexander II. At the same time, the new approaches of the legislator to the transformation of the institutions of criminal law, based on a deeper analysis not so much of the crimes themselves, but of their social nature and motives, are not sufficiently studied. **Objective:** to study the evolution of the institution of probation in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries, the features and patterns of

© Полуда Оксана Николаевна, 2020
Доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: poluda77@gmail.com
© Poluda Oksana Nikolaevna, 2020
Candidate of law, Associate Professor, associate Professor, History of state and law department (Saratov State Law Academy)

its formation and development. Methodology: private scientific and legal methods were used in the analysis of the state-legal mechanism for regulating the relations under study. The comparative legal method allowed us to identify similar and distinctive features of the criminal law in the study period. The formal legal method was used in the study of legislative acts, materials of judicial practice. The study also found application of the methods of interpretation of the law, historical and comparative, as well as statistical, sociological and other methods of cognition. Results: the author's position on the content of the concept of "conditional conviction" in domestic criminal law and judicial practice, the purpose of its legalization and social conditioning in the context of socio-political development of Russia is argued. Conclusions: the legal essence of conditional conviction under the law of 1909 consisted in the possibility of complete non-application of punishment in the case of correction of the convicted person. The conditional parole law was determined by socio-economic, political, legal, and ideological factors and was consistent with the general trends in the development of the Russian legal system in this period.

Key-words: state, criminal policy, conditional conviction, humanism, punishment, decriminalization.

Охрана прав и свобод личности, общества и государства от преступных посягательств осуществляется в настоящее время посредством уголовного законодательства, имеющего свою «историческую почвенность». Новая правовая действительность требует введения прогрессивных уголовно-правовых институтов. Практическим шагом по обеспечению прав личности в современном государстве стала инициатива Верховного Суда РФ о внесении в Государственную Думу проекта федерального закона, направленного на введение в Уголовный кодекс понятия «уголовного проступка»¹.

По мнению председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева, это позволит точнее дифференцировать меры уголовно-правового характера, исключив негативные для личности последствия судимости за совершение деяний, не наказуемых лишением свободы.

Россия в 60–70-е гг. XIX в. характеризовалась развитием отечественной юридической науки и возрождением идей естественного права, созданием гражданского общества через либеральные преобразования Александра II. Развитие науки уголовного права происходило под влиянием идей взаимной критики двух юридических школ — классической и антрополого-позитивной. На такой благодатной почве вызревает социологическое направление, результатом которого в теории уголовного права становится убеждение в недостаточности исключительно догматического подхода к сущности преступления и наказания, т.е. явления чисто юридические. Наряду с догматическим изучением права рассматриваемая наука обращается к изучению преступности в контексте социального развития, исследуются факторы, причины преступности, возможности эффективных мер по борьбе с ней. Первостепенными являются вопросы о целях и средствах наказания, об отношении уголовной науки к другим функциям государства [1, с. 3–4]. Общей тенденцией политико-правового развития государства являлось обновление законодательства в частности и уголовно-процессуального. В этот период уголовно-правовые отношения регулировались нормами Т. XV Свода за-

¹Выступление Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева на торжественном заседании, посвященном 95-летию со дня основания Верховного Суда РФ. Москва, 23 января 2018. URL: http://www.vsrp.ru/press_center/video_archive/26387/ (дата обращения:

конов Российской империи (в ред. 1857 г.), основываясь на принципе сословной исключительности. С принятием императором Александром II Судебных уставов 20 ноября 1864 г. связаны дальнейшие изменения в национальном уголовно-процессуальном законодательстве. Содержание новых редакций Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1866 г., 1885 г.) согласовывалось с основами действующего законодательства, т.е. Свода законов Российской империи. Уложение о наказаниях сочетало в себе исторически сложившиеся принципы отечественного законодательства и новые буржуазные идеи уголовного права, способные в условиях царской России обеспечить баланс интересов государства и общества, что неоднократно отмечалось дореволюционными и современными учеными-юристами. Новые подходы законодателя к дальнейшей трансформации институтов уголовного права, основанные на более глубоком изучении законов человеческой природы и потребностях общества, предопределяли человеческое, разумное и утилитарное отношение к нарушителям закона, имея в виду не столько сами преступления, сколько корни и мотивы противоправного поступка [2, с. 1].

В этой связи в условиях ослабления российской охранительной уголовной политики сложным и дискуссионным оставался вопрос о возможном включении в отечественный уголовный закон условного осуждения как меры наказания к лицам, совершившим менее тяжкие преступления и проступки. Научное сообщество, предваряя законодателя, обсуждало вопросы гуманизации институтов уголовного права, их организацию в соотношении с общечеловеческими ценностями. Активно проводилась мысль о необходимости построения системы наказания на идее исправления лица, преступившего закон. В начале XX столетия под «исправлением» правоведы понимали как морально-нравственное состояние человека, так и юридическое исправление, включая в понятие последнего несовершенство виновным новых преступлений [3, с. 6]. Так, И.А. Кучинский полагал, что преступление как отклонение человеческой природы от нормы, предписываемой социальными и нравственными условиями жизни, — явление неизбежное. Поэтому, несмотря на существующую систему превентивных мер и обусловленных ими институтов, карательные учреждения любого государства будут во все времена составлять необходимое орудие борьбы общества с преступной волей [4, с. 148]. Вместе с тем научное сообщество осознавало, что только репрессивным наказанием не обезопасить общество от посягательств на материальные и духовные блага. Наказанный преступник не перестает быть таковым, если он не будет адаптирован к жизни на свободе. Во многом реализации этого положения должен был способствовать институт условного осуждения.

Теории ученых-юристов оказали значительное влияние на последующее развитие отечественной уголовно-правовой науки и практики. К примеру, А.А. Пионтковский, посвятивший свое фундаментальное исследование институту условного освобождения, считал дело борьбы с преступностью в России немислимым без данного вида наказания, усматривал в нем мощное средство в достижении исправительных целей. Своеобразной формой реализации института условного освобождения, по мнению А.А. Пионтковского, было санкционированное Уставом о содержащихся под стражей освобождение лиц из исправительных приютов (с 1866 г.). Условный характер, полагал юрист, носило и разрешение жить вне острога для каторжных, признанных исправившимися, под условием

возвращения их в приют в случае дурного поведения (согласно Уставу о ссыльных 1890 г.) [5, с. 85–86].

В связи с этим институт условного освобождения, отсутствующий в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (в ред. 1866 г., 1885 г.), все же не был чужд отечественной правовой традиции.

Значительная роль в развитии теории об условном осуждении принадлежит одному из членов съезда криминалистов, активному стороннику данного института А.А. Жижиленко. «Условное осуждение в России, — пишет автор, — может быть реализовано в следующей форме: виновный освобождается на определенный срок от исполнения приговора суда; ему делается внушение и разъясняется значение условного приговора; он дает подписку воздержаться от совершения преступлений и оставляется на замечания суда» [6, с. 90]. В целом А.А. Жижиленко излагал тот же взгляд на правовую природу условного осуждения, что и А.А. Пионтковский, но эффективность этого вида наказания связывал с народным правосознанием.

Обращает на себя внимание сословный характер теории института условного осуждения, предложенной А.А. Жижиленко. Ссылаясь преимущественно на решения волостных судов, близкие по своей форме к исследуемому виду наказания, он считал, что внушение, наличие подписки, оставление под надзором полиции или общества являются близкими к условно-досрочному осуждению. Здесь же им отмечалось, что преступные деяния, в отношении которых применялись указанные меры, следующие: незначительные кражи, оскорбление словом и (или) действием, подача несправедливой жалобы, ложное обвинение, уклонение от службы [7, с. 21].

Сформулированные выводы подтверждались материалами судебной практики. Окружной суд при вынесении обвинительных приговоров по преступлениям и проступкам, как то незначительные кражи, оскорбления словом, действием, нарушение порядка благочиния, уклонение от службы, незаконное обучение детей грамоте, руководствовался как прежним поведением (правомерным, неправомерным) обвиняемого, так и его состоятельностью. Так, Саратовский окружной суд, рассмотрев материалы дела мещанки Татаркиной А.А. об оскорблении словом полицейского надзирателя при исполнении им служебных обязанностей в мае 1870 г., признал обвиняемую виновной и назначил наказание в виде штрафа в размере 1 руб., но в случае несостоятельности — ареста на 1 день [8, л. 23]. Как правило, по указанным категориям уголовных дел, суд ограничивался сроками наказания в виде ареста от 1–2 дней до нескольких лет с оставлением под надзором полиции или общества. Так, мещанин Самарской губернии Алаев Г.Д., обвиняемый в оскорблении священников в августе 1869 г., был признан виновным в нарушении благочиния в церкви и подвергнут аресту на 2 недели при полиции [9, л. 54]. Из приговора Саратовского окружного суда по делу о крестьянине Никитине А.Д., обвиняемом в незаконном обучении детей грамоте в январе 1888 г., следовало, что нарушителя нужно «подвергнуть денежному взысканию в сумме 1 руб. в пользу дома призрения и аресту при полиции на 1 день» [10, л. 21]. Судебная практика данного периода наглядно продемонстрировала зависимость приговоров от сословной принадлежности обвиняемых. В приговорах и резолюциях окружных судов в отношении мещан и крестьянства распространенной была формулировка «ввиду невежества и грубости подсудимого» [11, л. 38].

Итак, российским научным сообществом карательная политика государства предстает как системная деятельность государственных органов в интересах государства и общества. Одним из стержневых положений дискуссии на рубеже веков было формирование системы наказания, имевшей целью не только предупреждение совершения новых преступлений посредством устрашения, но и назначение наказания на основе идеи исправления преступника. Это означало, что наряду с репрессивным действием закона особое значение приобретала индивидуальная функция наказания, при которой объектом уголовной репрессии выступало не столько само преступное деяние, сколько личность преступника. По этому поводу прогрессивным научным сообществом России отмечалось, что уголовный закон, воздействуя на личность преступника посредством системы наказания, должен считаться с наказываемым не только как с ее средством, а как с личностью, обладающей самостоятельной ценностью [3, с. 19].

Условное наказание в доктринах правоведов могло быть применимо в отношении лиц, совершивших преступления под влиянием дурных наклонностей или в силу отсутствия нравственного воспитания, преступлений по легкомыслию, в силу неопытности или необдуманности, а иногда под влиянием лица, вовлекшего в преступление, и следовательно, не утративших шансов на исправление.

Таким образом, российская теория об условном осуждении зародилась на рубеже XIX – начале XX в. Многообразие теоретико-правовых исследований обуславливалось развитием отечественной уголовной науки, общим подъемом правовой культуры образованной части населения, определялось смещением вектора уголовной политики в сторону мер уголовно-правового воздействия на преступность. При этом доктрины об условном наказании не отличались внутренним единством и постоянством. Концептуально под условным осуждением в отечественном правоведении понималась мера уголовной ответственности, назначаемая судом за совершение преступлений (проступков), влекущих за собой меньшую социальную опасность, под условием добропорядочного, правомерного поведения осужденного как в тюремном учреждении, так и за его пределами с неперменной организацией полицейской опеки или патроната над условно освобожденным. Правоприменительная практика, более гибкая в отношении изменений в общественно-политической системе, пыталась следовать правительственному курсу на декриминализацию деяний, не представляющих опасности для царской России, по ним нередко выносились условные приговоры.

Наиболее активно доказывали необходимость обозначенных преобразований профессиональные сообщества юристов. Демонстрируя значительный интерес к изучению института условного осуждения, криминалисты усматривали в нем сочетание «справедливости, человечности и государственной пользы» [6, с. 101].

Реформа уголовной юстиции составляла стержневой элемент прогрессивного развития страны в последней четверти XIX – начале XX в. Законодатель стремился создать новое уголовное уложение, которое бы увязывалось с новаторскими принципами, введенными Судебными уставами 1864 г. и не противоречило фундаментальным идеям Свода законов Российской империи. Высочайшим повелением императора Александра III от 30 апреля 1881 г. был образован Комитет для создания законопроекта Уголовного уложения, призванного заменить собой Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (ред. 1866 г.), а также Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864 г.). Результатом кропотливой деятельности Редакционной комиссии, созданной с этой целью в

мае 1881 г. (Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, Н.А. Неклюдов и др.) стал проект нового Уголовного уложения, который прошел утверждение отдельными главами в отечественных государственных ведомствах, рецензирование иностранными и российскими учеными-юристами [12, с. 124].

Отношение членов Редакционной комиссии к включению условного осуждения в систему российского уголовного закона оставалось противоречивым и в большей степени осторожным. Констатировалось, что в условном осуждении следует видеть попытку изыскать новые способы воздействия на особую область преступности, на категорию нарушителей случайных, состоящую большей частью из людей молодых, не определившихся еще окончательно и еще не вполне испорченных. По убеждению экспертов, условное осуждение составляло необходимое дополнение всякой рационально устроенной тюремной системы, однако по причине отсутствия должной организации полицейского надзора и общественного патроната над условно освобожденными лицами для России эта мера была несвоевременной [13, с. 195].

Новым шагом на пути развития исследуемого института стала инициатива Государственного совета, который, при обсуждении в 1902 г. проекта Уголовного уложения предложил «предоставить министру юстиции войти в обсуждение вопроса об условном освобождении и предположения по этому предмету представить на законодательное рассмотрение...» [14, с. 373].

Итогом реализации поставленной задачи стало принятие закона об условном досрочном освобождении от 22 июня 1909 г. [15]. Основные его положения сводились к следующему. Приговоренные к заключению в тюрьме, в исправительном арестантском отделении или в исправительном доме могли быть условно освобождены из заключения при отбытии не менее определенного судебным приговором срока наказания, если они пробыли в месте заключения... не менее шести месяцев (п. 1). На условное досрочное освобождение могли рассчитывать заключенные, чье поведение во время заключения давало основания предполагать, что по освобождении они будут вести добропорядочный образ жизни (п. 2). Инициатива об условном освобождении, согласно закону, принадлежала лицам прокурорского надзора, начальнику места заключения, членам местных Обществ Патроната (п. 5). Оригинальным представляется положение о применении условного досрочного освобождения к заключенному начальником места заключения, выносимое на обсуждение Особого совещания под председательством одного из местных мировых судей, назначаемого съездом мировых судей или Окружным судом... (п. 7) [15]. Тем самым суду передавалась несвойственная ему ранее функция контроля над исполнением наказания. Таким образом, закон от 22 июня 1909 г. подвел черту под многолетней работой лучших представителей российской правовой науки и практики.

Впоследствии суды активно применяли условное осуждение в качестве предупреждающей меры под угрозой большего наказания для виновного. Так, распределение уголовных дел, находившихся в производстве Дмитриевского волостного суда с 1 января 1912 г. по 1 января 1913 г. выглядело следующим образом: из 151 дела 65 составляли дела о так называемых «личных обидах»; только 5 — дела «о краже, мошенничестве и обмане»; 50 — «всякого рода другие проступки». И только 20 дел касались проступков против порядка управления [16, л. 4]. Правоприменительная практика, более гибкая в отношении изменений в общественно-политической системе, следовала правительственному курсу на

декриминализацию деяний, не представляющих опасности для царской России, по ним нередко выносились условные приговоры.

Российское уголовное законодательство до принятия закона 1909 г. не знало института условного осуждения. Основные причины, обуславливающие данный факт, заключались в следующем: юридическая природа условного наказания состояла в возможности его применении к лицам, совершившим преступные деяния, влекущие за собой меньшую социальную опасность, и не утратившим шансов на исправление, при условии несовершения виновными новых противоправных действий.

Изменению подхода законодателя к определению сущности и виду наказания способствовала прежде всего индивидуализация наказания, требовалась иная организация тюремной системы и органов контроля за исполнением наказаний, исключая административный произвол. Необходимо было введение института патроната над условно осужденным.

Наконец, первым на повестку дня встало улучшение качества уголовного закона, содержащего исчерпывающий перечень преступлений и проступков, за которые мера уголовно-правового характера могла бы назначаться и, напротив, недопустимость применения условного наказания в отношении лиц, совершивших неоднократно однородные преступления. Поэтому вопрос об условном осуждении активно прорабатывался в процессе создания проекта Уголовного уложения (1903 г.). Объективным фактором, затрудняющим принятие закона об условном осуждении в России, в течение длительного времени являлось отсутствие демократических традиций в политической культуре страны. Характерно, что закон от 22 июня 1909 г. принимался в новой политико-правовой реальности, когда действовали Основные государственные законы в ред. от 23 апреля 1906 г., сдерживающие власть монарха законодательным собранием (Государственной Думой и Государственным Советом). Принятие закона 1909 г. об условном досрочном освобождении стало заметным шагом на пути к демократизации общественно-политической жизни России.

Библиографический список

1. *Пржевальский В.В.* Проект уголовного уложения и современная наука уголовного права. СПб., 1897. 104 с.
2. *Богдановский А.* Молодые преступники. Вопросы уголовного права и уголовной политики. СПб., 1871. 301 с.
3. Новые идеи в правоведении / под ред. Л.И. Петражицкого. СПб., 1914–1915. 20 с.
4. *Кучинский И.А.* К вопросу о нравственном исправлении преступников. // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 10. С. 147–158.
5. *Пионтковский А.А.* Условное освобождение. Уголовно-политическое исследование. Казань, 1900. 243 с.
6. *Жижиленко А.А.* Условное осуждение и народное правосознание (окончание) // Право. 1899. № 2. С. 84–90.
7. *Жижиленко А.А.* Условное осуждение и народное правосознание // Право. 1899. № 1. С. 17–22.
8. Дело о мещанке г. Царицына Татаркиной А.А., обвиняемой в оскорблении полицейского надзирателя / ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 18. 59 л.
9. Дело о мещанине г. Новокузнецка Самарской губернии Алаеве Г.Д., обвиняемом в оскорблении священников / ГАСО. Ф.8. Оп. 1. Д. 10. 136 л.

10. Дело о крестьянине с. Курдюма Саратовского уезда Никитине А.Д., обвиняемом в незаконном обучении детей грамоте / ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 169. 49 л.
11. Дело о старшем ремонтном рабочем Сибирской ж.д. Квасове И.М., обвиняемом в антиправительственных высказываниях / ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3631. 93 л.
12. Комиссия Московского юридического общества о проекте нового Уголовного уложения // Юридический вестник: издание Московского юридического общества. М., 1883. Т. XIII. №5. С. 124–191.
13. Уголовное уложение. Объяснение к проекту Редакционной комиссии. СПб.: Гос. тип., Т. I. 1895. 652 с.
14. Люблинский П.И. Основные черты условного досрочного освобождения по закону 22 июня 1909 г. / На смену старого права: сборник статей по вопросам текущей правовой жизни. Петроград, 1915. С. 367–413.
15. Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственной Думой закон об условном досрочном освобождении от 22 июня 1909 г. // ПСЗ РИ. 3-е собр. Т. XXIX. Отделение 1. 1909. № 32241.
16. Ведомости о деятельности Дмитриевского волостного суда по уголовным и гражданским делам с 1 января 1912 г. по 1 января 1913 г. / ГАСО. Ф. 806. Оп. 1. Д. 1. 325 л.

References

1. *Przhevalsky V.V.* The Draft Criminal Code and the Modern Science of Criminal Law. St. Petersburg, 1897. 104 p.
2. *Bogdanovsky A.* Young Criminals. Issues of Criminal Law and Criminal Policy. St. Petersburg, 1871. 301 p.
3. New Ideas in Jurisprudence / Ed. L.I. Petrazhitsky. SPb., 1914–1915. 20 p.
4. *Kuchinsky I.A.* On the Moral Correction of Criminals. // Journal of the Ministry of Justice. SPb., 1897. No. 10. P. 147–158.
5. *Piontkovsky A.A.* Conditional Release. Criminal Political Investigation. Kazan, 1900. 243 p.
6. *Zhizhilenko A.A.* Conditional Conviction and Popular Justice (ending) // Law. 1899. No. 2. P. 84–90.
7. *Zhizhilenko A.A.* Conditional Conviction and Popular Justice // Law. 1899. No. 1. P. 17–22.
8. The Case of the Tradeswoman Tatarikina A.A from the City of Tsaritsyn, Accused of Insulting a Police Overseer / GASO. F. 8. Op. 1. D. 18. 59 p.
9. The Case of the Tradesman Alaev G.D. from Novokuznetsk, Samara Province, Accused of Insulting Priests / GASO. F.8. Op. 1. D. 10. 136 p.
10. The Case of the Peasant Nikitin A.D. from v. Kurdyum, Saratov County Accused of Illegally Teaching Children to Read and Write / GASO. F. 8. Op. 1. D. 169. 49 p.
11. The Case of the Senior Repair Worker of the Siberian Railway Kvasov I.M. Accused of Anti-government Statements / GASO. F. 7. Op. 1. D. 3631. 93 p.
12. Commission of the Moscow Law Society on the Draft New Criminal Code // Legal Bulletin: publication of the Moscow Law Society. M., 1883. V. XIII. No. 5. P. 124–191.
13. Criminal Code. Explanation to the Draft Editorial Committee. SPb.: State. typ., T. I. 1895. 652 p.
14. *Lublinsky P.I.* The Main Features of Conditional Parole under the Law June 22, 1909 / To Replace the Old Law (collection of articles on current legal life). Petrograd, 1915. P. 367–413.
15. The Highest Approved Law on Conditional Parole of June 22, 1909, Approved by the State Council and the State Duma, // PSZ RI. 3rd collection T. XXIX. Branch 1. 1909. No. 3224 p.
16. Bulletin on the Activities of the Dmitrievsky Volost Court in Criminal and Civil Cases from January 1, 1912 to January 1, 1913 / GASO. F. 806. Op. 1. D. 1. 325 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10128

УДК 340.132.626

А.И. Переплетчикова

КОНКРЕТИЗАЦИЯ И ТОЛКОВАНИЕ НОРМ РОССИЙСКОГО ПРАВА: СООТНОШЕНИЕ И ВЗАИМОСВЯЗЬ

Введение: в настоящее время среди исследователей отсутствует единое мнение по поводу соотношения конкретизации и толкования правовых норм, а также ученые задаются вопросом, в чем состоит различие между ними. Тем не менее важно найти ответ на данный вопрос, поскольку действенное регулирование нормами права общественных отношений невозможно без толкования и конкретизации юридических предписаний. **Цель:** раскрытие одного из аспектов соотношения конкретизации и толкования норм российского права — различий между ними. **Методологическая основа:** применялись всеобщие, общенаучные, частнонаучные, частноправовые методы, такие как индукция, сравнение, описание, объяснение. **Результаты:** рассмотрено соотношение конкретизации и толкования юридических предписаний. **Выводы:** различия между конкретизацией и толкованием правовых норм выявляются по следующим критериям: привнесение нового в содержание нормы благодаря конкретизации или толкованию; изменение круга общественных отношений, подпадающих под конкретизируемую либо толкуемую норму; задачи и функции толкования и конкретизации в правовом регулировании; логические операции, применяющиеся при осуществлении указанных процессов; механизм реализации конкретизации и толкования.

Ключевые слова: конкретизация юридических норм, толкование правовых предписаний, конкретизационные нормы, толкующие положения, уяснение предписания, разъяснение нормы.

A.I. Pereplechikova

CONCRETIZATION AND INTERPRETATION OF THE NORMS OF RUSSIAN LAW: RELATIONSHIP AND INTERDEPENDENCE

Background: at present, there is no consensus among researchers about the relationship between concretization and interpretation of legal norms, and scientists are also asking themselves what the difference is between them. Nevertheless, it is important to find an answer to this question, since effective regulation of public relations by the norms of law is impossible without the interpretation and specification of legal prescriptions. **Objective:** to disclose one of the aspects of the ratio of concretization and interpretation of the norms of Russian law — the differences between them. **Methodology:** universal, general scientific, private law methods were used, such as induction, comparison, description, explanation. **Results:** the ratio of concretization and interpretation of legal prescriptions is considered. **Conclusions:** the author of the article argues that differences between the concretization and interpretation of legal norms are identified according to the following criteria: introducing new into the content of the norm through concretization or interpretation; changing the range of social relations that fall under the concretized or interpreted norm; tasks and

functions of interpretation and concretization in legal regulation; logical operations used in the implementation of these processes; mechanism for the implementation of concretization and interpretation.

Key-words: *concretization of legal norms, interpretation of legal norms, concretizing norms, interpreting statements, clarification of the norm, explanation of the norm.*

Конкретизация и толкование являются значимыми компонентами эффективного правового регулирования, в котором они существуют не изолированно, а имеют определенную связь друг с другом. Однако по поводу их соотношения среди ученых нет единого мнения. Как отмечается в литературе, конкретизация и толкование обладают определенным своеобразием, сложным характером соотношения и влияния друг на друга, и кроме того, разной степенью проявления творческого начала при реализации их судебным органом [1, с. 55]. В этой связи важно определить то, как именно они соотносятся друг с другом. Нельзя не обратить внимания на наличие общих черт между рассматриваемыми явлениями. Так, Г.Г. Шмелева отмечает, что конкретизация и толкование имеют общий объект, они объективно необходимы для эффективного правового опосредования, осуществляются уполномоченными органами, способны служить предпосылками единообразной реализации юридических норм, их итоги закрепляются в определенной форме и др. [2, с. 58–59] Тем не менее, сходство не единственный аспект соотношения указанных понятий. Для них характерны в т.ч. и различия, которые будут рассмотрены в рамках данной статьи.

Представляется, что различия между конкретизацией и толкованием правовых норм состоят в том, что:

1) благодаря конкретизации в содержание исходных норм добавляется новый элемент. Для толкования не характерно привнесение новизны в содержание толкуемых предписаний;

2) подпадающий под конкретизационную норму круг общественных отношений становится более узким, чем тот, который подпадал под исходное установление. В случае с толкованием он остается неизменным;

3) они имеют разные задачи и функции в правовом регулировании [2, с. 61];

4) существуют определенные различия при осуществлении логических операций, характерных для конкретизации и толкования [2, с. 61];

5) имеет место неодинаковый механизм реализации каждого из этих процессов.

Конкретизация предполагает расширение содержания конкретизируемой нормы за счет добавления новых признаков. Н.Н. Вопленко считает, что при осуществлении толкования возникает необходимость в логическом продолжении развития суждений законодателя, которые сформулированы в нормативном акте [3, с. 32]. В.Н. Карташов полагает, что логическое развитие является методом конкретизации принципов и создания определенного правила для решения не регламентированной правом ситуации, при толковании же оно используется, но крайне редко [4, с. 40–41]. В этой связи представляется важным определить границы упомянутого развития. Когда дается толкование предписания, новизна не привносится, поскольку смысл прямо вытекает, если не из самого толкуемого установления, то из содержания других норм. Благодаря интерпретации лишь оформляется текстуально то, что подразумевалось законодателем. Каким образом

необходимо определять то, что имел в виду субъект законотворчества? Думается, посредством логического выведения. Так, согласно ч. 1 п. 16 Постановления Пленума ВАС РФ от 22 октября 1997 г. № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением Положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки» покупатель обязуется оплачивать полученные товары в срок, который предусмотрен договором поставки либо установлен законом и иными правовыми актами, а при его отсутствии непосредственно до или после получения товаров¹. В положении содержится ссылка на п. 1 ст. 486 ГК РФ. В упомянутой норме, в свою очередь, говорится об обязанности покупателя оплатить товар непосредственно до либо после передачи ему продавцом товара, если иное не предусмотрено ГК РФ, иным законом, другими правовыми актами либо договором купли-продажи и не вытекает из существа обязательства². На первый взгляд кажется, что приведенные положения дублируют друг друга. Однако это не так. Приведенное Постановление было издано с целью обеспечения единого применения законодательства при разрешении арбитражными судами споров по договорам поставки³. Статья 486 ГК РФ содержится в общих положениях ГК РФ о купле-продаже. Следует заметить, что не все общие положения о купле-продаже применимы к поставке. Так, согласно п. 5 ст. 454 ГК РФ к отдельным видам договора купли-продажи, например к розничной купле-продаже, поставке товаров, контрактации, энергоснабжению и некоторым другим видам, общие положения о купле-продаже применяются, если иное не предусмотрено правилами ГК РФ об этих видах договоров⁴. Соответственно ч. 1 п. 16 Постановления Пленума ВАС РФ от 22 октября 1997 г. № 18 одновременно напоминает о применимости в некоторых случаях общих положений о купле-продаже к норме о поставке, касающейся срока оплаты товара, и соединяет указанные предписания друг с другом. Однако такая связь прослеживается благодаря логическому выводу из норм ст. 486 и 454 ГК РФ. Ничего нового благодаря толкованию указанных норм, результат которого отражен в ч. 1 п. 16 Постановления Пленума ВАС РФ от 22 октября 1997 г. № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением Положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки», не было привнесено.

Еще одним отличием конкретизации от толкования является область социальных отношений, на которые распространяется конкретизационное либо толкующее положение. При толковании она остается прежней. Так, в приведенном ранее примере положение ч. 1 п. 16 Постановления Пленума ВАС РФ от 22 октября 1997 г. № 18 не добавляет новые элементы в содержание нормы п. 1 ст. 486 ГК РФ. Подпадающий же под конкретизационное предписание круг общественных отношений становится более узким по сравнению с тем, который был

¹ См.: Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 22 октября 1997 г. № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением Положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки» // Российская юстиция. 1998. № 4.

² См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5, ст. 410; 2019. № 52, ч. I, ст. 7807.

³ См.: Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 22 октября 1997 г. № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением Положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки» // Российская юстиция. 1998. № 4.

⁴ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5, ст. 410; 2019. № 52, ч. I, ст. 7807.

охвачен общим установлением. Так, согласно ч. 2 ст. 39 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» таможенные сборы за таможенное сопровождение, таможенные сборы за хранение исчисляются таможенными органами. В соответствии с ч. 2 ст. 40 упомянутого федерального закона с целью исчисления сумм таможенных сборов за таможенное сопровождение применяются ставки, которые действуют на день регистрации транзитной декларации таможенным органом или на день принятия таможенным органом решения о применении таможенного сопровождения в случае, указанном в подп. 2 п. 4 ст. 343 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза⁵. Согласно Постановлению Правительства России от 11 сентября 2018 г. № 1082 «О ставках и базе для исчисления таможенных сборов за таможенное сопровождение и хранение» Правительством установлены ставки и база, в том числе для исчисления таможенных сборов за осуществление таможенного сопровождения каждого автотранспортного средства и каждой единицы железнодорожного подвижного состава на расстояние:

до 50 км включительно — 2000 руб.;

от 51 до 100 км включительно — 3000 руб.;

от 101 до 200 км включительно — 4000 руб.;

свыше 200 км — 1000 руб. за каждые 100 км пути, но не менее 6000 руб.;

за осуществление таможенного сопровождения каждого водного или воздушного судна — 20000 руб. независимо от расстояния перемещения⁶.

Следовательно, норма ч. 2 ст. 40 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» конкретизирует предписание ч. 2 ст. 39 указанного федерального закона. Благодаря приведенным нормам Постановления круг общественных отношений, подпадающих под ч. 2 ст. 39 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», становится меньше. При отсутствии приведенной нормы Постановления таможенные органы исчисляли бы ставки за таможенное сопровождение исключительно по своему усмотрению. Следовательно, они могли бы быть как меньше, так и больше содержащихся в действующем законодательстве. При наличии меньшего размера ставок возможно возникало бы большее количество желающих осуществить таможенное сопровождение транспортных средств. В этой связи круг общественных отношений, подпадающих под предписание ч. 2 ст. 39 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», складывалось бы также большее количество.

Несмотря на наличие у толкования и конкретизации единой главной цели, а именно эффективного регулирования общественных отношений, их непосредственные задачи отличаются друг от друга. Представляется, что изначально

⁵ См.: Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 8 июня 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 32, ч. I, ст. 5082; 2020. № 24, ст. 3740.

⁶ См.: Постановление Правительства РФ от 11 сентября 2018 г. № 1082 «О ставках и базе для исчисления таможенных сборов за таможенное сопровождение и хранение» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 38, ст. 5859.

для обоих процессов характерно уяснение. Оно является как задачей, так и стадией толкования. Не уяснив норму, сделать ее содержание более конкретным возможно, но теряется смысл такого преобразования. Конкретная, но неясная норма не будет так эффективно реализована, как ясная и конкретная. Это может выражаться либо в том, что норма не воплощается в жизнь совсем, либо реализуется, но искаженно — не так, как было задумано законодателем. Другие задачи, стоящие перед конкретизацией и толкованием, также отличаются друг от друга. Если при толковании за уяснением следует разъяснение, то при конкретизации — увеличение конкретности. Оно выходит за рамки разъяснения, так как привносит элемент новизны. Разъяснение предполагает доведение уполномоченным субъектом смысла нормы до тех, кто реализует предписание. Однако порой сделать норму более ясной, не конкретизировав ее у суда, не получается. Это вполне объяснимо. Существуют чрезмерно абстрактные предписания. Для того, чтобы они реализовывались более эффективно, необходимо увеличение не только ясности, но и определенности содержания таких норм. В ясном и конкретном содержании правовых предписаний проявляется принцип системности права. Оно представляет собой сложную, динамически развивающуюся систему, все элементы которой должны быть внутренне согласованы, едины друг с другом. Для этого, в свою очередь, необходимо достижение единства и согласованности в рамках системы более простого уровня — юридической нормы. При выполнении задач конкретизации либо толкования одновременно осуществляется переход от одного этапа к другому. Данные стадии также будут отличаться. Если смысл и содержание нормы удастся уяснить без развития, привнесения новизны, наступит следующий этап — разъяснение. Иными словами, происходит толкование. В случае же, когда смысл предписания остается недоступным, это свидетельствует о нечеткости, возможно нелогичности содержания нормы. Если требуется добавление новых признаков в содержание общей нормы, то осуществляется конкретизация. Тогда после уяснения последует иная стадия — расширения содержания исходного предписания. Таким образом, для толкования характерны уяснение и разъяснение нормы, для конкретизации — уяснение и добавление новых признаков в содержание исходного предписания.

В логических операциях, свойственных конкретизации и толкованию, имеются различия. Для конкретизации, как было выяснено ранее, характерно ограничение понятий, для толкования — определение понятий. Последнее представляет собой логическую операцию, благодаря которой раскрывается содержание понятия либо устанавливается значение термина [5, с. 31]. При этом новый элемент в результате толкования в содержание нормы не привносится в отличие от итога конкретизации. В этой связи представляется верным утверждение Г.Г. Шмелевой, согласно которому при интерпретации объем определяемого понятия тождествен объему определяющего. Результат толкования равен смыслу юридического предписания, вложенному в него законодателем [2, с. 60]. Для интерпретации характерно изменение качества содержания исходной нормы в сторону большей ясности, для конкретизации — в сторону большей конкретности. Вместе с тем нельзя не отметить условность разграничения упомянутых логических операций. Она проявляется в том, что термин «определение понятий» происходит от слова «предел», термин «ограничение понятий» от слова «граница». Граница и предел по сути своей являются синонимами. Исходя из

этого, обе операции подразумевают установление границ, пределов понятия. Следовательно, они вытекают одна из другой.

Разный механизм конкретизации и толкования подразумевает внутренние и внешние различия, характерные для каждого из этих процессов. Первые означают наличие разных звеньев, этапов внутри конкретизации и интерпретации. Так, толкование включает первый этап — уяснение смысла нормы, второй этап — его разъяснение, третий этап — результат, ясное содержание предписания. Конкретизация содержит ту же первую стадию — уяснение, вторую — усиление конкретности нормы, третью стадию — более высокий уровень конкретности ее содержания в сравнении с предшествующим этапом. Внешние различия вытекают из внутренних и подразумевают неодинаковые границы конкретизации и интерпретации, т.е., до каких пор целесообразно толковать или конкретизировать норму, сколько последовательно осуществляемых процессов толкования и конкретизации оправданно осуществить. Что касается интерпретации, то само наличие последовательно осуществляемых процессов толкования сомнительно. «Лестница толкования» встречается на практике значительно реже, чем «лестница конкретизации». Это объясняется тем, что можно обеспечить ясность нормы одним процессом интерпретации. В рамках одного процесса толкования при применении системного метода могут последовательно интерпретироваться несколько норм. Конкретизация же во многих случаях состоит из «лестницы конкретизации», когда каждая последующая норма конкретнее предыдущей. В литературе неоднократно упоминалось о многоступенчатом характере конкретизации [6, с. 28; 7, с. 98; 8, с. 160]. Соответственно пределом толкования является ясная норма, пределом конкретизации или «лестницы конкретизаций» будет одновременно отсутствие избыточности и чрезмерной абстрактности предписаний.

Таким образом, между конкретизацией правовых норм и их толкованием имеются определенные различия. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что теоретически данные понятия не совпадают. Однако не следует забывать, что помимо различий рассматриваемые явления имеют и другие стороны соотношения друг с другом. В этой связи необходимо дальнейшее исследование взаимосвязи конкретизации и толкования юридических предписаний.

Библиографический список

1. *Власенко Н.А., Залоило М.В.* Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 43–57.
2. *Шмелева Г.Г.* Конкретизация юридических норм в правовом регулировании. Львов: Изд-во при Львовском гос. ун-те, 1988. 106 с.
3. *Вопленко Н.Н.* Официальное толкование норм права. М.: Юридическая литература, 1976. 119 с.
4. *Карташов В.Н.* Институт аналогии в советском праве. Вопросы теории: учебное пособие / под ред. Н.И. Матузова. Саратов: М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Саратов. юрид. ин-т им. Д.И. Курского, 1976. 63 с.
5. *Демидов И.В.* Логика: учебное пособие для юридических вузов / под ред. Б.И. Каверина. М.: Юриспруденция, 2000. 208 с.
6. *Баранов В.М., Лазарев В.В.* Конкретизация права: понятие и пределы // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: материалы Международного

симпозиума (г. Геленджик, 27–28 сентября 2007 г.) / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. С. 16–33.

7. Дроздова А.М. Некоторые аспекты дискуссионных проблем, связанных с конкретизацией права // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: материалы IX Международной научно-практической конференции. М.: Российский государственный университет правосудия, 2015. С. 95–99.

8. Вопленко Н.Н., Гаврилова Ю.А. Объем толкования и конкретизация правовых норм // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики: материалы Международного симпозиума (г. Геленджик, 27–28 сентября 2007 года) / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. С. 145–162.

References

1. Vlasenko N.A., Zaloilo M.V. Concretization and Interpretation of Law as the Creative Content of Judicial Practice // Journal of the Russian law. 2016. No. 8. P. 43–57.

2. Shmeleva G.G. Concretization of Legal Norms in Legal Regulation. Lvov: Publishing house of Lvov State University 1988. 106 p.

3. Voplenko N.N. Official Interpretation of the Norms of Law. Moscow: Legal literature, 1976, 119 p.

4. Kartashov V.N. Institute of Analogy in Soviet Law. Questions of theory: textbook / ed. by N. I. Matuzov. Saratov: Ministry of Higher and secondary special education of the RSFSR. Saratov law Institute named after D.I. Kursky, 1976. 63 p.

5. Demidov I.V. Logic: textbook for law schools / under the editorship of B.I. Kaverin. M.: Jurisprudence, 2000. 208 p.

6. Baranov V.M., Lazarev V.V. Concretization of Law: Definition and Limits / Concretization of Legislation as a Technical and Legal Method of Normative, Interpretative, Law Enforcement Practice: materials of the International Symposium (Gelendzhik, September 27–28, 2007)] / Nizhny Novgorod. Ed. by V.M. Baranov. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation], 2008, P. 16–33.

7. Drozdova A.M. Some Aspects of Debatable Problems Related to the Concretization of Law // Concretization of Law: Theoretical and Practical Problems: materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Moscow: Russian State University of Justice, 2015. P. 95–99.

8. Voplenko N.N., Gavrilova Yu.A. The Scope of Interpretation and Concretization of Legal Norms // Concretization of legislation as a technical and legal method of rule-making, interpretation, law enforcement practice: materials of the International Symposium. (Gelendzhik, September 27–28, 2007)] / N. Novgorod. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Interior of the Russian Federation, 2008. P. 145–162.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10129

УДК 342.723

Е.Г. Стребкова

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ

Введение: вопросы, касающиеся здоровья продолжают оставаться актуальными для всех людей независимо от гражданства. Обеспечение прав иностранных граждан и лиц без гражданства на охрану здоровья и медицинскую помощь является необходимым условием существования современного демократического правового государства. **Цель:** на основе комплексного анализа исследовать проблемы, возникающие в процессе реализации прав иностранных граждан и лиц без гражданства на охрану здоровья и медицинскую помощь, определить направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики по обеспечению прав иностранных граждан и лиц без гражданства на охрану здоровья и медицинскую помощь. **Методологическая основа:** сравнительно-правовой, системный, системно-структурный методы исследования. **Результаты:** предлагается авторская дефиниция понятия «медицинский туризм», анализируются статистические данные о лечении иностранных граждан на территории России, а также особенности реализации прав иностранных граждан и лиц без гражданства в этой сфере. **Выводы:** иностранные граждане и лица без гражданства в Российской Федерации имеют право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Однако объем и вид данной помощи будет зависеть от правового статуса иностранного гражданина. Временно проживающие и постоянно проживающие в России иностранные граждане имеют право на медицинскую помощь в рамках системы обязательного медицинского страхования бесплатно. Временно пребывающие в России иностранные граждане, а также те иностранные граждане, которые прибыли в наше государство с целью трудоустройства, обязательно должны оформить полис добровольного медицинского страхования. Проведенный автором анализ нормативно-правовой базы источников, регламентирующих особенности реализации прав иностранных граждан на медицинскую помощь, позволяет говорить о том, что правовых механизмов реализации иностранными гражданами данных прав достаточно мало. В связи с этим требуется конкретизация объема медицинской помощи, на которую может рассчитывать иностранный гражданин вне зависимости от его правового статуса, наличия или отсутствия полиса обязательного медицинского страхования или полиса добровольного медицинского страхования. Российские медицинские

© Стребкова Елена Геннадьевна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: strebkowa.lena@yandex.ru

© Strebkova Elena Gennadievna, 2020

Candidate of law, associate Professor, Constitutional law department (Saratov State Law Academy)

организации вполне способны конкурировать с известными зарубежными медицинскими клиниками, поэтому следует обратить внимание на развитие медицинского туризма в России.

Ключевые слова: право на охрану здоровья и медицинскую помощь, иностранные граждане и лица без гражданства, обязательное медицинское страхование, добровольное медицинское страхование, медицинский туризм.

E.G. Strebkova

PROBLEMS OF REALIZATION OF THE RIGHT OF FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS TO HEALTH PROTECTION AND MEDICAL CARE

Background: health issues have always been and continue to be relevant for all people, regardless of citizenship. Ensuring the rights of foreign citizens and stateless persons to protection of health and medical care is a prerequisite for the existence of a modern democratic state of law. **Objective:** on the basis of a comprehensive analysis to study the problems that arise in the process of realizing the rights of foreign citizens and stateless persons to health protection and medical care, to identify areas for improving legislation and law enforcement practice to ensure the rights of foreign citizens and stateless persons to health protection and medical care. **Methodology:** comparative legal, systemic, systemic and structural research methods. **Results:** the author's definition of the concept of "medical tourism" is proposed, statistical data on the treatment of foreign citizens in Russia, as well as features of the implementation of the rights of foreign citizens and stateless persons in this area are analyzed. **Conclusions:** foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation have the right to protection of health and medical care. However, the amount and type of this assistance will depend on the legal status of the foreign citizen. Foreign citizens temporarily residing and permanently residing in Russia are entitled to free medical assistance under the compulsory health insurance system. Foreign citizens temporarily staying in Russia, as well as those foreign citizens who arrived in our state for the purpose of employment, must necessarily issue a voluntary medical insurance policy. The author's analysis of the regulatory framework of sources governing the specifics of the realization of the rights of foreign citizens to medical care suggests that there are not enough legal mechanisms for the realization of these rights by foreign citizens. In this regard, specification of the volume of medical care that a foreign citizen can count on, regardless of his legal status, the presence or absence of a compulsory medical insurance policy or voluntary medical insurance policy, is required. Russian medical organizations are quite capable of competing with well-known foreign medical clinics, so you should pay attention to the development of medical tourism in Russia.

Key-words: the right to health care and medical care, foreign citizens and stateless persons, compulsory medical insurance, voluntary medical insurance, medical tourism.

*Цель медицины — действие,
а не ожидание. Опасность ошибиться
в диагнозе всегда велика,
но еще опаснее рисковать жизнью больного,
оставив его без лечения
К. Бернар, французский физиолог*

Явление миграции сопровождает человечество много веков, однако глобальная мобильность населения в XXI в. продолжает оставаться актуальной в со-

временном мире. Одной из самых важных задач современного демократического государства является реальное обеспечение прав человека в сфере охраны здоровья. Данная статья является попыткой проанализировать проблемные вопросы реализации права иностранных граждан и лиц без гражданства на охрану здоровья и медицинскую помощь. При этом исследованию будут подвергаться права иностранных граждан при их реализации на территории нашего государства.

Во-первых, следует отметить ученых-правоведов, занимавшихся указанной проблематикой. В частности, Е.А. Отставнову, монография которой посвящена конституционным основам защиты права человека и гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь в современной России, Л.Р. Климовскую, исследовавшую права пациентов на трансграничную медицинскую помощь в ЕС и на евразийском пространстве, Д.И. Богданову, проанализировавшую вопросы сотрудничества государств по обеспечению права человека на получение медицинской помощи при нахождении за пределами собственного государства, А.С. Павловского, диссертация которого посвящена социальным правам иностранных граждан в РФ, Б.А. Асрияна, рассмотревшего социальные и трудовые права мигрантов в РФ, А.В. Басову, изучившую конституционный принцип равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от состояния здоровья в РФ, И.А. Колоцей, работа которой посвящена праву на охрану здоровья и медицинскую помощь как конституционной ценности. Как мы видим, достаточно много правоведов внесли свой вклад в развитие темы прав иностранных граждан, связанных с получением медицинской помощи. Данная статья является попыткой автора проведения собственного анализа названной проблематики и внесения своего небольшого вклада в науку.

Во-вторых, следует определиться с нормативно-правовой базой для реализации прав иностранных граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь. Начать следует с международно-правовых актов, регулирующих данную сферу прав. В первую очередь следует назвать Декларацию о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают¹.

Особенности реализации прав иностранных граждан на медицинскую помощь могут определяться многосторонними или двусторонними соглашениями между государствами. Например, Соглашение о взаимном предоставлении гражданам Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации равных прав в получении скорой и неотложной медицинской помощи (1998 г.)². Однако в связи с учреждением Евразийского экономического союза в отношениях между государствами-членами Евразийского экономического союза указанное Соглашение применяется в части, не противоречащей Договору о Евразийском экономическом союзе, заключенном в Астане 20 мая 2014 года. Данный Договор был заключен между Россией, Казахстаном и Белоруссией³ и вступил в силу 1 января 2015 года. Со 2 января 2015 года к Договору присоединилась Республика Армения, с 12 августа 2015 года — Кыргызская

¹ См.: Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают (утверждена Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/144 от 13 декабря 1985 г.). URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2541084/chapter/5633a92d35b966c2ba2f1e859e7bdd69/> (дата обращения 19.12.2019).

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации 2005. № 48, ст. 4970.

³ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения 19.12.2019).

Республика. В указанном Договоре имеется приложение 30 «Протокол об оказании медицинской помощи трудящимся государств-членов и членам семей».

Существенную роль в правовом регулировании прав граждан иностранных государств играют двусторонние международные договоры, заключенные Российской Федерацией с другими странами: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Болгарии о сотрудничестве в области здравоохранения и медицинской науки (заключено в г. Софии 7 июля 2014 г.)⁴, Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Великого Герцогства Люксембург о сотрудничестве в области здравоохранения, медицинской науки и медицинской промышленности (заключено в г. Москве 27 января 1998 г.)⁵.

Конституция Российской Федерации, федеральные законы, постановления Правительства РФ также содержат нормы, регулирующие права на медицинское обслуживание иностранных граждан в РФ.

В частности ч. 3 ст. 62 Конституции РФ закрепила равенство прав иностранных граждан и граждан РФ, за исключением установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации случаев.

Следует обратить внимание на п. 3 ст. 19 Закона об основах охраны здоровья граждан⁶, в соответствии с которым, иностранные граждане, проживающие и пребывающие на территории Российской Федерации, имеют право на медицинскую помощь. При этом лица без гражданства, постоянно проживающие в Российской Федерации, пользуются равными с гражданами Российской Федерации правами на медицинскую помощь, если международными договорами РФ не предусмотрено иное.

В Российской Федерации действует система обязательного медицинского страхования, направленная на обеспечение гарантий бесплатного оказания застрахованному лицу медицинской помощи за счет средств обязательного медицинского страхования. В соответствии со ст. 10 закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»⁷ помимо российских граждан застрахованными лицами являются:

- 1) постоянно проживающие в Российской Федерации иностранные граждане;
- 2) временно проживающие в Российской Федерации иностранные граждане;
- 3) лица без гражданства;
- 4) лица, признанные беженцами в соответствии с законодательством РФ;
- 5) лицо, ходатайствующее о признании его беженцем, и прибывшие с ним члены его семьи.

Высококвалифицированные специалисты и члены их семей являются исключением из этого правила, на них действие указанного закона не распространяется.

⁴ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения:

⁵ См.: Бюллетень международных договоров. 1998. № 6. С. 81–83.

⁶ См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 27 декабря 2019 г.) // Российская газета. 2011. 23 нояб.; 2019. 31 дек.

⁷ См.: Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (в ред. от 2 декабря 2019 г.) // Российская газета. 2010. 3 дек.; 2019. 4 дек.

Таким образом, обязательное медицинское страхование является целостной системой предоставления бесплатной медицинской помощи. При этом иностранные граждане, за исключением высококвалифицированных специалистов и членов их семей, а также временно пребывающих на территории нашей страны иностранцев, также имеют право воспользоваться указанной системой. Для подтверждения участия в системе обязательного медицинского страхования иностранные граждане должны выбрать страховую медицинскую организацию и обратиться с заявлением приложив необходимые документы. После этого они получают полис единого образца, который они предъявляют при обращении за медицинской помощью.

Есть еще одна категория иностранных граждан — временно пребывающие в Российской Федерации⁸. Они не имеют вида на жительство или разрешения на временное проживание в России. Такие иностранцы не могут рассчитывать на бесплатную медицинскую помощь по системе обязательного медицинского страхования. Оказание им медицинской помощи осуществляется в соответствии с Правилами оказания медицинской помощи иностранным гражданам на территории Российской Федерации, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 6 марта 2013 г. № 186 «Об утверждении Правил оказания медицинской помощи иностранным гражданам на территории Российской Федерации»⁹.

Особо следует обратить внимание на случаи, когда медицинские организации обязаны оказывать медицинскую помощь вне зависимости от наличия или отсутствия медицинской страховки. Экстренная медицинская помощь должна оказываться при состояниях, представляющих угрозу жизни человека, государственными и муниципальными медицинскими организациями бесплатно. После нормализации состояния иностранного гражданина он может получить медицинскую помощь на платной основе либо в соответствии с полисом добровольного медицинского страхования.

Актуальной проблемой является поиск источников финансирования медицинских услуг, оказываемых временно пребывающим в Россию иностранным гражданам. Указанная проблема возникает тогда, когда иностранный гражданин не имеет ни полиса обязательного медицинского страхования, ни полиса добровольного медицинского страхования. После оказания необходимой медицинской помощи таким лицам и стабилизации их состояния, возникает закономерный вопрос: Кто оплатит расходы? Ведь медицинские организации в большинстве случаев не имеют необходимых финансовых средств, поэтому вынуждены обращаться в суд с заявлением о взыскании задолженности по оказанию медицинских услуг. При этом суд принимает решение в пользу медицинских организаций, даже в случае отказа иностранных граждан от подписания договора на оказание платных медицинских услуг¹⁰. Исполнение решения суда также может вызвать немало трудностей для медицинских организаций.

Как мы помним, в 2014 г. начали происходить вооруженные конфликты в восточной Украине. Люди были вынуждены покидать свое обычное место

⁸ См.: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в ред. от 27 декабря 2019 г.) // Российская газета. 2002. 31 июля.

⁹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 10, ст. 1035.

¹⁰ См.: Определение Апелляционной инстанции Прикубанского районного суда города Краснодара от 15 июня 2018 г. дело 11–255/2018. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 23.02.2020).

жительства, чтобы сохранить жизнь себе и своим семьям. Так как по прибытию в Российскую Федерацию статус данных лиц еще не был определен, а в медицинской помощи они нуждались, то Постановление Правительства от 31 октября 2014 г. № 1134 позволило в кратчайшие сроки обеспечить получение медицинской помощи гражданам Украины и лицам без гражданства, попавшим в трудную жизненную ситуацию¹¹.

В иных случаях медицинская помощь оказывается иностранным гражданам в соответствии с договорами на оказание платных медицинских услуг либо полисом добровольного медицинского страхования.

По данным Банка России, лидирующими страховыми организациями по сбору премий в добровольном медицинском страховании по итогам 2019 г. являлись СОГАЗ, РЕСО-Гарантия, Росгосстрах, АльфаСтрахование, Ингосстрах. Основными факторами влияющими на цену полиса добровольного медицинского страхования являются: возраст застрахованного, длительность страховки, количество застрахованных и сумма страхового покрытия. Например, по полису стоимостью 1690 руб. иностранный гражданин может рассчитывать на получение медицинских услуг в пределах 100 тыс. руб. в год, включая прием в поликлинике, госпитализацию и услуги травматолога. Это самая низкая базовая цена полиса. «Ресо-Гарантия» предлагает полис за 2000 руб., что будет покрывать расходы в пределах от 25 000 до 56 000 руб. по различным видам заболеваний¹².

Проблема в том, что иностранные граждане приезжающие в нашу страну на заработки, не покупают полисы добровольного медицинского страхования членам своей семьи. Такие полисы являются лишь одним из тех документов, необходимых для приобретения патента или разрешения на работу. При этом возможны ситуации, что купленный по минимальной цене полис не сможет покрыть реальные траты на лечение иностранного гражданина.

Следует обратить внимание на ограничительные меры, применяемые к иностранным гражданам с целью охраны здоровья российских граждан. Наличие таких инфекционных заболеваний, как туберкулез, лепра, сифилис, ВИЧ, является основанием для отказа в выдаче либо аннулирования разрешения на временное проживание иностранных граждан и лиц без гражданства, или вида на жительство, или патента, или разрешения на работу в Российской Федерации¹³.

Обратимся к практике Конституционного Суда РФ. Проанализируем Постановление от 20 октября 2016 г. № 20-П по делу о проверке конституционности

¹¹ См.: Постановление Правительства РФ от 31 октября 2014 г. № 1134 «Об оказании в 2014–2016 годах медицинской помощи на территории Российской Федерации гражданам Украины и лицам без гражданства, постоянно проживавшим на территории Украины, вынужденно покинувшим территорию Украины и прибывшим на территорию Российской Федерации в экстренном массовом порядке, и компенсации за счет средств федерального бюджета расходов, связанных с оказанием им в 2014–2016 годах медицинской помощи, а также затрат по проведению указанным лицам профилактических прививок, включенных в календарь профилактических прививок по эпидемическим показаниям» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 45, ст. 6227.

¹² См.: *Васильева Ю.* Пока что иностранцы. URL: <https://rg.ru/2019/10/23/na-kakuiu-medpomoshch-mogut-rasschityvat-rossijskie-i-belorusskie-studenty.html> (дата обращения: 25.11.2019).

¹³ См.: Приказ Минздрава России от 29 июня 2015 г. № 384н «Об утверждении перечня инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих и являющихся основанием для отказа в выдаче либо аннулирования разрешения на временное проживание иностранных граждан и лиц без гражданства, или вида на жительство, или патента, или разрешения на работу в Российской Федерации, а также порядка подтверждения их наличия или отсутствия, а также формы медицинского заключения о наличии (об отсутствии) указанных заболеваний». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

положений ч. 4 ст. 25.10 и подп. 1 ч. 1 ст. 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Корея Х. В связи с выявлением у гр. Х инфилтративного туберкулеза в отношении него на основании положений ст. 25.10 и 27 оспоренного Закона было принято 27 ноября 2014 г. решение о нежелательности его пребывания в Российской Федерации. Начиная с октября 2014 г. он проходил в Республике Корея курс интенсивной противотуберкулезной терапии. После прохождения лечения ему было выдано медицинское заключение, в соответствии с которым гражданин Х. опасности для окружающих не представлял. Затем он обратился в Тверской районный суд г. Москвы с заявлением об отмене решения от 27 ноября 2014 г. Суд не принял во внимание представленные медицинские документы и в удовлетворении требований заявителя отказал. Апелляционной инстанцией решение районного суда оставлено без изменения. По мнению гражданина Х., оспоренными законоположениями нарушены его права, гарантированные ст. 19, 45, 46 и 55 Конституции РФ.

Конституционный Суд признал оспоренные нормы соответствующими Конституции РФ, поскольку они направлены на защиту здоровья населения России, но во втором пункте резолютивной части Постановления упомянул об их несоответствии Конституции РФ, т.к. те создают непреодолимые препятствия для въезда в Российскую Федерацию вне зависимости от документов, подтверждающих излечение. В данном случае Конституционный Суд принял решение, не исключающий угрозу здоровью, правам и законным интересам населения страны.

Еще одним примером из судебной практики по реализации прав иностранных граждан на медицинскую помощь является решение Октябрьского районного суда г. Барнаула Алтайского края от 30 мая 2019 года (дело № 2-1373/2019)¹⁴. Прокурор обратился с иском в защиту интересов неопределенного круга лиц к противотуберкулезному диспансеру о возложении обязанности госпитализировать иностранного гражданина из центра временного содержания иностранных граждан для обследования и лечения в условиях стационара. У иностранного гражданина Широбокова была выявлена активная форма туберкулеза. Он находился в Центре временного содержания иностранных граждан и ожидал депортацию в Казахстан. В центре временного содержания отсутствовали необходимые медикаменты для лечения гражданина Широбокова, поэтому он был отправлен в противотуберкулезный диспансер. В диспансере выяснилось, что Широбокову не может быть назначена программа лечения, т.к. у него устойчивость ко всем противотуберкулезным препаратам, рекомендовали паллиативную помощь для облегчения состояния. При этом медицинское учреждение отказалось госпитализировать иностранного гражданина, т.к. лечение иностранца в условиях стационара не обеспечивается финансированием из бюджета по программе обязательного медицинского страхования, не является скорой, неотложной либо плановой медицинской помощью и не может быть обеспечено на платной (договорной) основе. Суд удовлетворил исковое заявление прокурора и возложил на противотуберкулезный диспансер обязанность госпитализировать Широбокова из Центра временного содержания иностранных граждан для обследования и лечения в условиях стационара. Особый интерес представляют те конкретные обстоятельства, которые учел суд. Это тяжесть заболевания Широбокова и его

¹⁴ URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 25.05.2020).

опасный характер для окружающих, особая социальная значимость охраняемого законом общественного интереса — здоровья неопределенного круга лиц, а также здоровья самого иностранного гражданина. В таких условиях суд принял единственно верное, и с моральной и с правовой точки зрения, решение — оказать необходимую медицинскую помощь человеку.

Таким образом, иностранные граждане и лица без гражданства в Российской Федерации имеют право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Однако объем и вид данной помощи будет зависеть от правового статуса иностранного гражданина. Временно проживающие и постоянно проживающие в России иностранные граждане имеют право на медицинскую помощь по системе обязательного медицинского страхования бесплатно. Временно пребывающие в России иностранные граждане, а также те иностранные граждане, которые прибыли в наше государство с целью трудоустройства, обязательно должны оформить полис добровольного медицинского страхования.

В эпоху развития современного транспорта и технологий граждане имеют возможность путешествовать по всему миру. В нашу страну иностранцы едут не только полюбоваться достопримечательностями и бескрайними просторами. Многие люди приезжают к нам для восстановления и укрепления своего здоровья. О медицинском туризме было написано достаточно много статей, монографий [1; 2; 3; 4; 5, 6]. Особо следует отметить монографию Н.Н. Седовой, Г.Ю. Щекина «Медицинский туризм: история, теория и практика», в которой авторы определили перспективы развития медицинского туризма и роль органов здравоохранения в этом процессе [3]. В основном указанные авторы уделяли внимание социологическим, экономическим, медицинским аспектам данного понятия. Однако правовой аспект данного термина не исследовался. По нашему мнению, медицинский туризм, с точки зрения юриспруденции, это путешествия, связанные со сменой постоянного места жительства лиц в лечебно-оздоровительных целях.

В России есть достойные медицинские центры, в которые приезжают иностранцы с целью получения медицинских услуг. Примечательно, что находятся они не только в Москве и Санкт-Петербурге. Например, Национальный медицинский исследовательский центр им. академика Е.Н. Мешалкина является одним из крупнейших учреждений специализированной медицинской помощи Министерства здравоохранения Российской Федерации, он находится в Новосибирске. В 2018 г. в стационаре данного центра оказали помощь нескольким тысячам иностранных граждан. В основном это граждане Беларуси, Грузии, Казахстана, Китая, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана. Это пациенты с ишемической болезнью сердца, которые нуждаются в коронарографии, стентировании, аортокоронарном шунтировании. Востребованы услуги детских кардиохирургов¹⁵.

С каждым годом число иностранных граждан приезжающих в Россию на лечение увеличивается: 60% иностранцев — жители стран Центральной Азии, 37% — европейцы (большая их часть — сербы и немцы). Определяющими факторами для выбора нашей страны являются высококлассные специалисты, современные методы лечения и доступные цены. Многие виды медицинской помощи у нас намного дешевле, чем аналогичные медицинские манипуляции

¹⁵ См.: *Зайков Н.* Летучий доктор спешит на помощь. URL: <https://rg.ru/2019/11/26/reg-sibfo/novosibirskie-kardio-i-nejrohirurgi-proslavilis-slozhnejshimi-operaciami.html> (дата обращения: 30.11.2019).

в европейских странах и США. Например, стентирование в России обойдется в 250 000 руб., в Германии — от 7 500 евро, в Израиле — 19 770 долларов¹⁶.

Родители девочки из США Луны Феннер, родившейся с гигантским меланоцитарным невусом на лице, предпочли лечить ее в клинике Краснодара, а не в США. Американские врачи предлагали исправить недостаток за 500 000 долларов, проведя сотню операций в течение нескольких лет. Страховая компания отказалась покрывать такие расходы из-за отсутствия гарантии успеха. Краснодарские врачи предложили нехирургический способ удаления невуса (фотодинамическую терапию) и за 1,5 года и проведут всего 7 операций¹⁷.

В настоящее время иностранные граждане чаще всего приезжают в Россию на лечение по туристической визе, которая может выдаваться иностранному гражданину на срок до 3 месяцев. Однако за указанный период времени иностранный гражданин может не успеть пройти весь курс лечения и быть готовым к длительному путешествию в свою страну. Исправить ситуацию могут электронные визы. Процесс их получения можно упростить так же, как для футбольных болельщиков, приезжавших в Россию на чемпионат мира по футболу. Электронные визы в настоящее время выдаются иностранцам, прибывающим в Российскую Федерацию через Владивосток, Калининградскую область и Дальневосточный федеральный округ. Следует обратить внимание на то, что получить такие визы могут не все иностранные граждане, а лишь те, что указаны в Распоряжении Правительства от 14 апреля 2017 г. № 692-р¹⁸. В перечень включены 53 страны.

Еще одним фактором, влияющим на развитие медицинского туризма в России является доступность информации. Если никто не знает о клиниках, современных методиках лечения, то о каком потоке туристов может идти речь? Возникает необходимость в глобальной информационной системе. Не следует пренебрегать рекламой: в аэропортах, в пунктах пропуска при пересечении границы необходимо размещать рекламные стенды, раздавать брошюры, информирующие о возможности получения в России медицинской помощи, ее видах и стоимости услуг. В настоящее время запущен специальный сайт russiamedtravel.ru. На нем размещена информация о медицинских организациях, правилах оформления визы в Россию, видах лечения по 35 направлениям: акушерство, гематология, кардиология, неврология, реабилитация и т.д. На сайте можно выбрать медицинский центр, который имеет необходимый профиль. Затем перейти на сайт выбранной медицинской организации и получить всю необходимую информацию о нем (врачах, стоимости лечения, инфраструктуре и т.д.). Удобно то, что на сайте можно переключить язык и английский, выбрать медицинское учреждение, перейти на его страницу в сети. А на сайте выбранного медицинского учреждения отыскать вкладку «Foreign visitors» со всей необходимой контактной информацией и прейскурантом цен. К сожалению не на всех сайтах медицинских

¹⁶ См.: Гусенко М. Приезжайте к нам полечиться. URL: <https://rg.ru/2019/12/01/230-millionov-dollarov-prines-eksport-meduslug-za-pervoe-polugodie.html> (дата обращения: 02.12.2019).

¹⁷ URL: <https://www.tvc.ru/news/show/id/173455> (дата обращения: 30.11.2019).

¹⁸ См.: Распоряжение Правительства РФ от 14 апреля 2017 г. № 692-р «Об утверждении перечня иностранных государств, гражданам которых при прибытии в Российскую Федерацию через пункты пропуска свободного порта Владивосток оформляются обыкновенные однократные деловые, туристические и гуманитарные визы в форме электронного документа» (в ред. от 24 января 2020 г.). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.11.2019).

организаций есть возможность выбора языка и необходимая информация для иностранных пациентов.

Проведенный автором анализ нормативно-правовой базы источников, регламентирующих особенности реализации прав иностранных граждан на медицинскую помощь, позволяет говорить о том, что правовых механизмов реализации иностранными гражданами данных прав достаточно мало. Поэтому необходимо принятие нормативно-правового акта, конкретизирующего объем медицинской помощи иностранному гражданину вне зависимости от его правового статуса, наличия или отсутствия полиса обязательного медицинского страхования или полиса добровольного медицинского страхования.

Медицинский туризм следует развивать в тех субъектах, в которых имеются высококлассные врачи, обладающие уникальными профессиональными знаниями и умениями, а также необходимое высокотехнологичное оборудование. Не следует пренебрегать рекламой наших медицинских услуг и таким образом продвигать их на мировой рынок. Как показывает статистика, российская медицина вполне способна конкурировать с лидерами в данной сфере. У нас есть главное преимущество — доступный уровень цен при высоком качестве предлагаемых услуг.

Реализация рассмотренных предложений позволит развиваться медицинскому туризму как самостоятельному виду туризма, имеющему свои особенности.

Библиографический список

1. Каримова Д.Ю. Тенденции развития медицинского туризма // Туризм: право и экономика. 2012. № 2. С. 15–18.
2. Мулихов М.Н., Куцевол Н.Г. Разработка механизма реализации концепции медицинского туризма. // Фундаментальные исследования. 2012. № 6–3. С. 739–743.
3. Седова Н.Н., Щекин Г.Ю. Медицинский туризм: история, теория и практика. Волгоград: Волгоградский государственный медицинский университет, 2017. 332 с.
4. Селезнев В.Д. Медицинский туризм и его развитие в современных условиях // Вестник национальной академии туризма. 2012. № 4(24). С. 21–23.
5. Серобабина Г.М. Проблемы и перспективы развития российского медицинского туризма // Вестник национальной академии туризма. 2009. № 3. С. 51–53.
6. Шепелева Д.А., Тихомиров А.В. Проблемы и решения правового обеспечения медицинского туризма // Главный врач: хозяйство и право. 2012. №2. С. 24–26.

References

1. Karimova D.Yu. Trends in the Development of Medical Tourism // Tourism: Law and Economics. 2012. Vol. 2. P. 15–18.
2. Mulikhov M.N., Kutsevol N.G. Development of a Mechanism for Implementing the Concept of Medical Tourism. // Fundamental study. 2012. Vol. 6–3. P. 739–743.
3. Sedova N.N., Shchekin G.Yu. Medical Tourism: History, Theory and Practice. Volgograd: Volgograd State Medical University, 2017. 332 p.
4. Seleznev V.D. Medical Tourism and its Development in Modern Conditions // Bulletin of the National Academy of tourism. 2012. Vol. 4(24). P. 21–23.
5. Serobabina G.M. Problems and Prospects of Development of Russian Medical Tourism // Bulletin of the National Academy of tourism. 2009. Vol. 3. P. 51–53.
6. Shepeleva D.A., Tikhomirov A.V. Problems and Solutions of Legal Support of Medical Tourism // Chief physician: economy and law. 2012. Vol. 2. P. 24–26.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10130

УДК 004.8; 342.4

Е.С. Шуршалова

**ПРОГРАММНО-СТРАТЕГИЧЕСКОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В КИТАЕ***

Введение: *вопрос развития технологий искусственного интеллекта весьма актуален, поскольку человек с давних времен стремился улучшить качество жизни путем развития науки. На сегодняшний день исследования искусственного интеллекта направлены на решение технологических задач и применение его в сфере услуг (особенно социальных). Создание национального законодательства о правовом регулировании использования искусственного интеллекта стоит остро во всех странах мира, в том числе и в Китае (т.к. это мировой флагман). Цель: на основе комплексного анализа исследовать вопрос регулирования искусственного интеллекта в сфере реализации социально-экономических прав, а также рассмотреть вопрос о дальнейшем развитии законодательства в данной области с учетом внедряемых технологий искусственного интеллекта. Методологическая основа: исторический, сравнительно-правовой, системный, анализа и синтеза, системно-структурный методы исследования. Результаты: национальное регулирование развития искусственного интеллекта в Китае как самостоятельный уровень правового регулирования полноценно не сформирован, в связи с чем необходимо уделить особое внимание вопросу юридического сопровождения новых направлений применения технологий искусственного интеллекта и больших данных в социально-экономической сфере, создавая соответствующие регулятивные механизмы. Выводы: помимо развития и совершенствования технологий на государственном уровне должны разрабатываться нормативно-правовые основы для стабильного развития и управления системами искусственного интеллекта. Анализ стратегических инициатив развития и внедрения искусственного интеллекта в Китае показал, что в случае успешной апробации искусственного интеллекта в социально-экономической сфере потребуются совершенствование законодательства в таких вопросах, как защита личной жизни, права собственности, применения методов информационной безопасности, внесение изменений в нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы образования, социального страхования и социального обеспечения.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект; социальное государство; информация; социальный рейтинг, образование; инновационное предпринимательство.*

Вестник Саратовской государственной юридической академии • № 5 (136) • 2020

© Шуршалова Елена Сергеевна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: shurshalova_elen@mail.ru

© Shurshalova Elena Sergeevna, 2020

Candidate of law, Associate Professor, Constitutional law department (Saratov State Law Academy)

E.S. Shurshalova

PROGRAM AND STRATEGIC REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE SPHERE OF REALIZATION OF SOCIO-ECONOMIC HUMAN RIGHTS IN CHINA

Background: the issue of the development of artificial intelligence technologies is very relevant, since people have long sought to simplify their lives by creating a lot of scientific developments. The current trend of artificial intelligence research is aimed at solving technological problems and applying it in the service sector, especially social ones. The creation of national legislation on the legal regulation of the use of artificial intelligence is urgent in all countries of the world, including China. **Objective:** on the basis of a comprehensive analysis to study the issue of regulation of artificial intelligence in the implementation of socio-economic rights, as well as to consider the further development of legislation in this area, taking into account the introduced artificial intelligence technologies. **Methodology:** historical, comparative legal, systemic, analysis and synthesis, systemic and structural research methods. **Results:** the importance of legal regulation of new directions in the application of artificial intelligence and big data technologies in healthcare, pensions and education was noted; the positive and negative aspects of legislative consolidation and implementation of the social rating program were considered. **Conclusions:** in addition to the development and improvement of technologies at the state level, regulatory and legal frameworks should be developed for the stable development and management of AI systems. Analysis of strategic initiatives for the development and implementation of AI in China has shown that if AI is successfully tested in the socio-economic sphere, it will be necessary to improve legislation in such matters as the protection of personal life, property rights, the use of information security methods, and amendments to legal acts regulating education, social insurance, and social security.

Key-words: artificial intelligence; social state; information; social rating, education; innovative entrepreneurship.

В современном обществе уровень развития технологий позволил сделать возможным создание систем искусственного интеллекта (далее — ИИ), которые обладают широким функционалом. Тем самым развитие ИИ изменило не только жизнь человеческого общества на современном этапе, но и мир в целом. Так, по мнению профессора А. Карцхия, современный человек оказался вовлеченным в уникальный период трех технологических революционных перемен, происходящих одновременно: бурный рост облачных вычислений (cloud computing), развитие интеллектуальных баз данных (Big Data) и всеохватывающее распространение мобильности. Это сопровождается ростом по экспоненте массивов информации, которые не могли бы быть обработаны исключительно силами человека, что стимулирует развитие искусственного интеллекта [1, с. 24]. Китай является драйвером, формирующим структуру международной цифровизации, обладает преимуществом в обработке больших данных, биометрической идентификации, интеллектуальном мониторинге и робототехнике, у него решающая роль в цифровизации всех сфер жизни общества, а также государственного управления. В Китае эти функции делегированы правительству.

Более 60 лет развитие ИИ совершенствовалось и эволюционировало, особенно в таких областях, как мобильный интернет, большие данные, распространение нейронных сетей. ИИ стал новым вызовом для международной конкуренции в

сфере IT-технологий, вследствие чего было создано много научных разработок, улучшающие качество человеческой жизни. Так, согласно статистическим данным компании Tractica, к 2025 г. произойдет рост мирового рынка технологий ИИ до 59,75 млрд долл.¹

Китай является лидером не только в области развития технологий ИИ, но и в разработке законодательных инициатив, направленных на создание «дорожной карты» для дальнейшего развития и применения систем ИИ. Еще с 80-х гг. XX века в этой стране реализуется ряд правительственных программ, нацеленных на повышение конкурентоспособности Китая в стратегически важных научно-технических направлениях в XXI в. [2, с. 109]

Одной из самых крупных программ является программа «Овладение научно-техническими вершинами» 1982 г., которая призвана разрешить важные проблемы комплексного характера, касающиеся направления социально-экономического развития. Телекоммуникации, транспорт, новые материалы, охрана окружающей среды и здравоохранение являются приоритетными направлениями Программы.

Все исследования в области ИИ государство финансирует с помощью национальных программ, включая Программу 863, Программу 973. Так, в 2018 г. совокупный объем инвестиций в развитие ИИ составлял 291,58 млрд долл., что на 11,6 % больше чем в 2017 г.²

Программа «863» была принята в 1986 г. и она направлена на развитие исследований в области высоких технологий, охватывает информатику, космическую и лазерную технику, биологию, автоматизацию, разработку новых материалов. Макроконтроль и сервисное обеспечение являются основными функциями правительственных ведомств в реализации Программы «863». Особенность Программы заключается в быстром внедрении достижений науки и инновационных технологий в производство³.

Целью Государственной программы (Программа «973») является расширение научного мировоззрения в разных сферах науки, теоретическое обоснование принятых решений. Одной из задач Программы является социально-экономическое развитие страны, в связи с чем Программа поощряет исследования ведущих ученых, нацеливает на передовые рубежи науки и решение важных научно-технических проблем, а также развертывание приоритетных фундаментальных исследований. Ориентирует их на воплощение в жизнь намеченных государством целей, тем самым обеспечивая научно-техническое сопровождение решения важных экономических и социальных проблем Китая в XXI в. [3, с. 6]

В настоящее время идет бурное развитие систем AI в Китае, и это стало основой для роста государственной экономики, а к 2030 г. страна планирует стать мировым лидером в этой области. Концентрация на новой стратегии развития экономики позволит существенно улучшить уровень жизни граждан Китая, а также дает большие возможности реализации социальных и экономических прав

¹ Artificial Intelligence: 10 Key Themes Across Use Cases // Tractica. 2017. URL: <https://www.tractica.com/resources/white-papers/artificial-intelligence-10-key-themes-acrossuse-cases/> (дата обращения: 15.04.2020).

² Доклад о работе правительства. Агентство «Синьхуа». 2019. 16 марта. URL: http://russian.news.cn/2019-03/16/c_137900107.htm/ (дата обращения: 15.04.2020).

³ Государственные программы по развитию науки и техники. Пекин. 2008. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/China2006/txt/2006-12/06/content_2279098.htm (дата обращения: 15.04.2020).

и свобод в условиях развития информационных технологий нового поколения. Генеральный секретарь китайской коммунистической партии Си Цзиньпин говорил: «искусственный интеллект — это новая движущая сила технологической революции и трансформации. Нам необходимо активизировать усилия в сфере развития технологий искусственного интеллекта нового поколения, чтобы придать импульс качественному экономическому росту страны»⁴.

Для формирования и развития систем искусственного интеллекта необходимы совершенная законодательная система, законы и правила.

Развитие ИИ играет большую роль в реализации запущенной в 2015 г. государственной программы «Сделано в Китае-2025». Она предусматривает, в частности, создание фонда объемом \$300 млрд для развития высоких технологий, робототехники, разработки новых материалов и модернизации производства. Наибольших успехов китайские компании достигли в сферах компьютерного распознавания речи и распознавания образов⁵.

Одним из первых нормативных документов, где упоминается термин «искусственный интеллект», является «Тринадцатый пятилетний план экономического и социального развития Китая 2016–2020», который был принят Государственным Советом Китая в 2016 г. Искусственный интеллект теперь отмечен под шестым номером из 69 основных государственных приоритетов в ключевых долгосрочных планах, относящихся к науке и технологиям, пользуется значительной финансовой поддержкой. В этом же году Госсовет принял и обнародовал стратегию «Интернет+», которая регулирует сферу промышленности в части внедрения в нее искусственного интеллекта⁶.

В 2016 г. Министерство промышленности и информационных технологий и Министерство финансов Китая совместно разработали «План развития индустрии робототехники» (2016–2020). В 2017 г. китайский премьер Ли Кэцян впервые использовал термин «искусственный интеллект» в отчете правительства.

В 2017 г. Государственный Совет КНР издал «План развития искусственного интеллекта нового поколения». Основными принципами плана являются следующие: лидерование в науке и технике; целенаправленное развитие системы исследований и разработки в области искусственного интеллекта; коммерциализация научных достижений и формирование конкурентного преимущества; преобразование достижений военной, социальной, экономической и технологических сфер.

Согласно Стратегии нового курса развития AI нового поколения выделяются следующие направления в области экономики и социального развития:

развитие ИИ в сфере предпринимательства. Современное развитие предпринимательства играет особую роль в экономике Китая. Развиваясь и совершенствуясь, КНР вышла в мировые лидеры по продаже и внедрению инновационных технологий [4, с. 74]. Так, экономический эффект от разработки микросхем для ИИ за 2019 г. оценивается в 1,73 млрд \$, что на 50% больше, чем в 2018 г.

⁴ ИИ двойного назначения. Китай планирует опередить США в области искусственного интеллекта// ИТ в госсекторе. Москва. 2020. 11 февраля. URL: https://gov.cnews.ru/articles/2020-02-10_ii_dvojnogo_naznacheniyakitaj_planiruet (дата обращения: 15.04.2020)

⁵ Там же.

⁶ The 13th Five-Year Plan For Economic and Social Development of the People's Republic of China (2016–2020), 2016. National Development and Reform Commission (NDRC) People's Republic of China. URL: <https://en.ndrc.gov.cn/> (дата обращения: 15.04.2020).

создание и распространение умных заводов. Министерство промышленности и информатизации КНР определило семнадцать приоритетных областей для развития ИИ путем создания национальных команд для достижения технологических прорывов. В 2019 г. в Шанхае началось строительство первой пилотной зоны для инноваций и применения ИИ, перед которой поставлены задачи: создать основной промышленный кластер ИИ, содействовать инновациям и применению ИИ, выстроить систему поддержки инноваций ИИ;

развитие ведущих предприятий ИИ, работающих в настоящее время над производством беспилотных летательных аппаратов, систем распознавания речи.

создание национального парка ИИ. Так, в Пекине в 2018 г. компания Baidu открыла уникальный парк (смарт-парк), в котором были представлены технологические новинки с использованием ИИ;

создание национальной базы ИИ, что будет способствовать поддержке инновационного предпринимательства на ИИ.

Что касается социальной сферы, то, согласно стратегии, ИИ активно применяется в здравоохранении, пенсионном обеспечении и образовании.

В КНР активно ведется работа по внедрению в практику органов здравоохранения, лечебных и диагностических учреждений ИИ, робототехники и телемедицины. Это прежде всего связано с нехваткой медицинских работников, так, согласно статистике на 1000 человек приходится всего 1,5 врача. В настоящее время в Китае около 130 компаний работают над внедрением ИИ в здравоохранение. Так, с апреля 2018 г. в больницах все компьютерные сканирования легких анализируются алгоритмами ИИ для более точного и быстрого установления диагноза. По подсчетам международной консалтинговой компании IDC, рынок медицинских услуг КНР на базе ИИ достиг в 2020 г. оборота в 930 млрд долл.⁷

С первых шагов противостояния эпидемии коронавируса сначала Китай, а потом и другие страны активно используют технологии искусственного интеллекта (ИИ) и больших данных (БД). Была активизирована работа по внедрению находящихся в стадии разработки инновационных медицинских решений: разработана система количественного анализа медицинских изображений с помощью ИИ; разработано мобильное приложение для оценки риска заражения; создана система идентификации личности; запущена система ИИ для распознавания людей с повышенной температурой тела или без медицинской маски. Профессор Института журналистики университета Цинхуа Шэнь Ян пишет, что это «первый в истории человечества случай объединения данных общенародного характера, и такая унификация основана на авторизации пользователей»⁸. Все эти меры в совокупности показали огромный потенциал китайского общества в сфере здравоохранения в борьбе с инфекцией. Вопрос пенсий и социального страхования является также одним из приоритетных для государства и занимает особое место в программе реформ китайского правительства. Для этого в плане развития стратегии ИИ нового поколения приоритетным является модернизация пенсионной системы. Будет создано специальное оборудование, которое, например, поможет компенсировать утрату слуха.

⁷ China Plans to Use Artificial Intelligence to Gain Global Economic Dominance by 2030// MIT Technology Review. URL: <https://www.technologyreview.com/2017/07/21/150379/china-plans-to-use-artificial-intelligence-to-gain-global-economic-dominance-by-2030/> (дата обращения: 15.04.2020).

⁸ Шэнь Ян: насколько эпидемия приблизила будущее? //Хуаньцю шибао. Китай. 2020. URL: <https://inosmi.ru/social/20200403/247185785.html/> (дата обращения: 15.04.2020).

В 2014 г. Госсовет Китая обнародовал «Программу создания системы социального кредита» (2014–2020), согласно которой внедрена программа социального рейтинга. Социальный рейтинг рассчитывается алгоритмом по баллам, регулирует доступность и выгодность следующих возможностей/услуг: государственное образование; бюджетная работа; путешествия в/вне страны; страховые выплаты; социальные услуги, к примеру медицина; условия кредитования; доступность интернета. Складывается итоговый балл из множества факторов — от покупательских привычек и почитания родителей до своевременности оплаты ЖКХ.

Этих факторов действительно много, и иногда они затрагивают довольно частные сферы. К примеру, система онлайн-учета фиксирует, с какими пользователями вы контактируете или какую информацию копируете, а система общественного контроля может учитывать, насколько честно вы учитесь. Отсюда возможно начать выделять некоторые положительные и отрицательные стороны данной программы, т.к. вполне очевидными они становятся исходя из полагаемого итога. В завершение государство собирается получить полностью регламентированное общество, которое будет управляться при помощи устанавливаемых норм и правил.

Интересным нововведением Программы являются черные списки, которые уже действуют и включают в себя граждан, признанных неблагонадежными. Таким людям запрещают пользоваться множеством социальных благ (кредиты, путешествия и др.).

Другим интересным элементом Программы является использование уличных камер, которые умеют распознавать лицо каждого гражданина Китая. Предполагается, что такая система будет отслеживать поведение человека и автоматически начислять/списывать баллы. Сейчас в некоторых провинциях вас уже могут оштрафовать, если вы не уступили сиденье в транспорте инвалиду или, например, поощрить за волонтерство.

Безусловно, внедрение норм, которые регламентируют некоторые стороны жизни общества и создают удобство для всех, — не является полезным. Нередко именно неустроенность некоторых элементарных социальных конструкций и взаимоотношений мешает обществу в целом. Любые положительные качества внедряются через воспитание личности и культуру, но не через навязывание извне и принуждение к соблюдению чего-либо. Однако систем такого плана раньше никогда не было, и вполне возможно, что это основа нового, справедливого общества.

Для поддержки национальной культурной политики в рамках Программы создаются информационные базы в таких областях, как онлайн-развлечения, онлайн-представления и т.д.

С 2019 г. введены системы социального рейтинга для компаний, в т.ч. иностранных. Бизнес должен будет строго соблюдать около 300 требований, касающихся налогового контроля, охраны окружающей среды, безопасности труда, качества продукции, кибербезопасности и т. д.

В последние несколько лет инвестиции страны в преподавание и обучение с использованием ИИ резко возросли. Технологические гиганты, стартапы и работники сферы образования — все они выросли. Десятки миллионов студентов теперь используют ту или иную форму ИИ, чтобы учиться — будь то через внеклассные учебные программы (такие как Squirrel's) через цифровые обучающие

платформы (такие как 17ZuoYe) даже в своих основных классах⁹. Для осуществления этой учебной цели с 2019 г. в школах и колледжах правительство Китая ввело учебник под названием «Основы искусственного интеллекта». Эксперимент стартовал в 40 средних школах. В учебнике изложена история развития ИИ и то, как эти технологии могут применяться в таких областях, как распознавание лиц, автономное вождение и общественная безопасность. Учебник был написан по заказу правительства Китая для включения данной дисциплины в курс начальной и средней школы¹⁰.

В рамках плана Китая по доминированию и созданию правил в сфере ИИ Министерство промышленности и информационных технологий выпустило «Трехлетний план действий по развитию нового поколения индустрии искусственного интеллекта (2018–2020 годы)». В трехлетнем плане излагается агрессивный план китайского правительства по использованию ИИ в попытке поднять национальную гордость и осуществить технологический прорыв [5, с. 292]. В плане обосновывается также необходимость «ускорить подготовку персонала» и «углубить реформы системы и механизмов подготовки талантов»¹¹. Для достижения этой цели китайское правительство различными способами привлекает и обучает высококвалифицированных специалистов для ИИ и инновационного предпринимательства различными способами и поддерживает развитие группы ведущих талантов и поиск первоклассных молодых талантов.

Но эксперты беспокоятся о том, какое направление принимает этот порыв ИИ в образовании. В лучшем случае ИИ может помочь учителям развивать сильные стороны своих учеников. В худшем случае — это может еще больше закрепить глобальную тенденцию к стандартизированному обучению и тестированию, оставив следующее поколение плохо подготовленным в быстро меняющемся мире труда [6, с. 36].

Тем не менее это самый большой в мире эксперимент по ИИ в образовании, который используется для развития талантов. Проведение реформы системы образования направлено на создание образовательной среды, которая ориентируется на особенности учащихся посредством интерактивного и персонализированного обучения.

Таким образом, в настоящее время государственная политика Китая направлена на всестороннюю поддержку науки, экономики и социального развития. Преимущественно перспективы внедрения ИИ в социальную сферу и обеспечение реализации социальных прав граждан установлены программными документами. Алгоритмы закреплены в государственных программах и планах правительства по развитию искусственного интеллекта и технологий. Центральным звеном всей этой мощи AI является правительственная «Программа создания системы социального кредита», согласно которой государство внедряет разработки в области искусственного интеллекта в такие сферы, как социальное обеспечение, здравоохранение, образование и др.

⁹ Chinese K-12 Online Company, 'Homework Together' Raises \$250 Million. URL: <https://www.edsurge.com/news/2018-03-12-chinese-k-12-online-company-homework-together-raises-200-million/> (дата обращения: 15.04.2020).

¹⁰ Китай переживает бум ИИ-образования. URL: <https://hightech.plus/2019/08/05/kitai-perezhivaet-bum-ii-obrazovaniya> (дата обращения: 15.04.2020).

¹¹ Трехлетний план действий по развитию нового поколения индустрии искусственного интеллекта (2018–2020 годы). URL: <https://habr.com/post/358782/> (дата обращения: 15.04.2020).

Представляется, что в случае успешной апробации ИИ в социальной сфере это объективно потребует изменения законодательства Китая, в т.ч. в части внесения изменений в существующие нормативно-правовые акты (такие как Закон КНР от 18 марта 1995 г. «Об образовании», Закон КНР от 28 октября 2010 г. «О социальном страховании») и создания современной нормативно-правовой базы, направленной на регулирование социально-экономических сфер с учетом внедряемых и применяемых в них систем ИИ. Переплетение AI технологий и китайского социального управления достойны дальнейшего исследования и пристального внимания.

Библиографический список

1. *Карцхия А.* Искусственный интеллект: «ларец Пандоры» или новая надежда? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 4. С. 24.
2. *Соломин Д.Н.* Инновация как ценность в управленческой практике модернизационного развития КНР // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник восточного центра. 2017. № 20. С. 107–111.
3. *Авдокушин Е.Ф.* Новая экономика и формирование национальной инновационной системы в Китае // Вопросы новой экономики. 2010. № 1. С. 4–16.
4. *Климова Н.В., Глущенко О.С.* Инновационное предпринимательство в Китае // Фундаментальные исследования. 2018. № 10. С. 74–78.
5. *Веретехина С.В.* Обзор применения искусственного интеллекта в системе документационного обеспечения управления, управления тяжелыми транспортными объектами и в управлении состоянием сельскохозяйственных полей // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. Революция в управлении: новая цифровая экономика или новый мир машин. Вып. 2. Государственный университет управления. 2018. С. 291–296.
6. *Монахова Л.Ю., Рябоконт Е.А.* Две парадигмальные стратегии развития образования: стандартизация и гуманизация // Colloquium-journal. 2019. № 17–4 (41). С. 35–37.

References

1. *Kartskhiya A.* Artificial Intelligence: “The Pandora’s box” or a New Hope? // Intellectual property. Copyright and related rights. 2017. No.4. P. 23–32.
2. *Solomin D.N.* Innovation as a Value in Management Practice of Modernization Development of the PRC // Russia and China: Problems of Strategic Interaction: collection of the Eastern center. 2017. No. 20. P. 107–111.
3. *Avdokushin E.F.* New Economy and Formation of the National Innovation System in China // Questions of the new economy. 2010. No. 1. P. 4–16.
4. *Klimova N.V., Glushchenko O.S.* Innovative Entrepreneurship in China // Fundamental research. 2018. No. 10. P. 74–78.
5. *Veretekhina S.V.* Review of the Use of Artificial Intelligence in the System of Documentation Support for Management, Management of Heavy transport Objects and in the Management of the State of Agricultural Fields // Step into the Future: Artificial Intelligence and the Digital Economy. Revolution in Management: a New Digital Economy or a New World of Machines. Issue 2. State University of management. 2018. P. 291–296.
6. *Monakhova L.Yu., Ryabokon E.A.* Two Paradigmatic Strategies for the Development of Education: Standardization and Humanization // Colloquium-journal. 2019. No. 17–4 (41). P. 35–37.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10131

УДК 342.721

М.С. Арефьева

**К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ
РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПЛОДА КАК СУБЪЕКТА ПРАВА
НА ФИЗИЧЕСКУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ В РФ**

Введение: право на физическую неприкосновенность является юридической гарантией невмешательства в индивидуальные области жизнедеятельности личности. Поскольку оно обеспечивает целостность тела человека как биологического существа, то требуется установить, подлежит ли правовой защите физическое состояние плода как субъекта права, тем более, что данный вопрос не регламентирован российским законодателем. **Цель:** необходимо осуществить обоснование категории «человеческий плод» с позиции оценки уровня развития его физиологической составляющей, установить критерии, в силу которых физическое состояние данной формы жизни подлежит правовой защите. **Методологическая основа:** формально-юридический, сравнительно-правовой методы, анализ. **Результаты:** рассмотрен фактор уникальности генетических элементов тела человеческого плода. Исследованы особенности проявления волевого критерия в контексте соотношения интересов матери и лица, не появившегося на свет. Дана трактовка следующих категорий: «плод человека», «жизнеспособность», «живорождение». **Выводы:** поскольку человеческий плод, обладает свойством телесной обособленности, он не является частью материнского тела. Для обеспечения защиты телесной целостности данной формы жизни как человеческого существа, обладающего физической неприкосновенностью, требуется внесение изменений в содержание отечественных нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: физическая неприкосновенность, конституционно-правовая защита, конституционная правосубъектность, личность, жестокое обращение.

M.S. Arefeva

**ON THE NEED TO REGULATE THE LEGAL STATUS
OF THE HUMAN FETUS AS A SUBJECT OF THE
CONSTITUTIONAL RIGHT TO PHYSICAL INTEGRITY
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Background: the right to physical integrity is a legal guarantee of non-interference in individual areas of personal life. Since it ensures the integrity of the human body as a biological entity, it is necessary to determine whether the physical condition of the fetus as a subject of law is subject to legal protection, especially since this issue is not regulated by the Russian lawmaker. **Objective:** it is necessary to justify the category «human fetus» from the point of view of assessing the level of development of its physiological component,

© Арефьева Мария Сергеевна, 2020

Аспирант кафедры Конституционного и муниципального права Юридического факультета (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского); e-mail: mascha.arefiewa@yandex.ru

© Arefeva Maria Sergeevna, 2020

Postgraduate student, Constitutional and municipal law department of the Faculty of law (Saratov national research state University named after N.G. Chernyshevsky)

*to establish criteria by which the physical condition of this form of life is subject to legal protection. **Methodology:** formal legal, comparative legal, analysis. **Results:** the factor of uniqueness of genetic elements of the human fetal body is considered. The features of the manifestation of the will criterion in the context of the relationship between the interests of the mother and the person who was not born are studied. The terminological interpretation of the following categories-«human fetus», «viability», «live birth» — is carried out. **Conclusions:** since the human fetus has the property of bodily isolation, it is not part of the mother's body. To ensure the protection of the bodily integrity of this form of life as a human being with physical integrity, it is necessary to make changes to the content of domestic legal acts.*

Key-words: physical integrity, constitutional and legal protection, constitutional legal personality, personality, ill-treatment.

Закрепление в нормах отечественного законодательства правовых предписаний, реализация которых направлена на обеспечение целостности организма человека, свидетельствует о признании абсолютной ценности компонентов его организма, составляющих сущность понятия «физическая неприкосновенность». Так, ст. 22 Конституции РФ предусматривает недопустимость произвольного воздействия на тело человека, применения в отношении него насилия, жестокого обращения, а также реализации с указанной целью манипуляций медицинского, научного и иного характера¹. Однако в настоящее время возникают сложности, связанные с характеристикой субъекта, физическая целостность которого подлежит конституционно-правовой защите. В частности, наибольшая дискуссионность обнаруживается при решении вопроса о необходимости обеспечения невмешательства в сферу физического существования человеческого существа, не появившегося на свет.

В то же время анализ содержания нормативно-правовых актов зарубежных государств позволяет сделать вывод о том, что неродившееся лицо может рассматриваться в качестве субъекта права на физическую неприкосновенность.

В первую очередь данная концепция характерна для исламских государств. Здесь интерес представляет содержание абз. 1 ст. 8 Конституции Малайзии, где указано, что «каждое» лицо находится под защитой закона². Данное положение позволяет заключить, что гарантируются интересы любого субъекта, вне зависимости от его физиологического статуса. В целом подобный подход отражен в Каирской декларации прав человека в исламе. Содержание подп. с) ст. 2 указанного нормативного документа о необходимости юридической защиты жизни любого человеческого создания свидетельствует о том, что лицо наделяется правовым статусом до момента его появления на свет³.

Очевидно, что смысловая составляющая вышеназванных нормативных документов формировалась исключительно под влиянием религиозных догм. Здесь стоит обратить внимание на позицию профессора М.А. Липчанской обоснован-

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., в ред. Закона РФ о поправках к Конституции РФ от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

² См.: Конституция Федерации Малайзия (принята 31 августа 1957 г., с учетом дополнений, внесенных Актом о Малайзии от 16 сентября 1963 г.). URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=655> (дата обращения: 04.04.2019).

³ См.: Каирская декларация прав человека в исламе (принята 5 августа 1990 г., Каир, 14 мухаррама 1411 года хиджры, Документ А/45/421 Генеральной Ассамблеи ООН). URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/16/declaracia-02.htm (дата обращения: 04.04.2019).

ную тем, что стремление государств-представителей мусульманской правовой семьи руководствоваться в ходе законотворческого процесса положениями духовных документов определяет специфику содержания правовых норм [1, с. 6]. В подтверждение обоснованности данной позиции стоит отметить, что вышеуказанные нормативные положения, свидетельствующие о допустимости правовой охраны человека, находящегося в стадии внутриутробного развития, основывается в большей степени на содержании положения суры 22 Корана, где речь идет о том, что ранняя форма жизни достойна уважения, поскольку она наделена телесными и духовными свойствами⁴.

В этой связи внимания заслуживают нормативные документы некоторых европейских государств, которым не присущ вышеуказанный религиозно-правовой подход. Так, согласно ст. II основного закона Венгрии интересы человека подлежат правовой охране на любой стадии его развития⁵. Аналогичные положения, предусматривающие защиту прав нерожденного лица, содержатся в Конституции Ирландии (п. 3 ст. 40)⁶.

Следует отметить, что в науке конституционного права не сформирован общий подход относительно решения вопроса о возможности юридической защиты интересов неродившегося субъекта. Ученые Е.В. Перевозчикова и Е.А. Панкратова обращают внимание на позицию исследователя И.В. Чиндина, который полагает, что человеческое существо подлежит правовой охране на любой стадии его развития в связи с тем, что до момента фактического появления на свет оно имеет психофизические и духовные признаки [2]. Полагаем, что указанная концепция базируется на признании абсолютной ценности любого человеческого создания вне зависимости от уровня его физического развития. Очевидно, что ее содержание предполагает защиту интересов неродившегося лица с момента наступления процесса оплодотворения клеток, принадлежащих потенциальным родителям.

Однако в настоящий момент существует иная точка зрения по данному вопросу. Так, исследователь М. Тули отмечает, что лицо может рассматриваться в качестве носителя права только в том случае, если ему присущи следующие признаки: собственное развитое сознание и жизненный опыт [3, с. 44]. Отечественный исследователь В.С. Репин также не склонен рассматривать начальную форму человеческой жизни в качестве обладателя права [4, с. 65]. В данном случае, представители указанного направления научной мысли принимают во внимание следующие критерии субъекта права: 1) самостоятельность — как умственная, так и физическая 2) вовлеченность в социальные отношения.

В то же время вопрос о возможности/невозможности конституционно-правовой защиты физической неприкосновенности неродившегося человеческого создания, на наш взгляд, имеет тесную связь с аспектом наличия/отсутствия у него права на жизнь. Тем более, что закрепленное в ст. 20 Основного закона РФ положение о том, что оно принадлежит «каждому», не указывает на перечень

⁴ Перевод Корана Крачковским И.Ю. Сура 22 «Хадж». URL: https://www.e-reading.mobi/bookreader.php/86719/Koran_%28Perevod_smyslov_Krachkovskogo%29.html (дата обращения: 12.04.2019).

⁵ См.: Конституция Венгрии (принята Государственным собранием Венгрии 18 апреля 2011 г. (подписана Президентом Венгрии 25 апреля 2011 г.). URL: http://nemzetikonyvtar.kormany.hu/download/3/00/50000/orosznyomda_javntott.pdf (дата обращения: 04.04.2019).

⁶ См.: Конституция Ирландии (принята на референдуме 29 декабря 1937 г. URL: https://web.archive.org/web/20090216083318/http://constitution.garant.ru/DOC_3864893.htm#subpara_N_1000 (дата обращения: 04.04.2019).

конкретных лиц⁷. Вместе с тем указанный аспект анализируется нами с учетом того, что целостность тела является основой физического развития человека как элемента его жизненного существования.

Однако в настоящее время, обнаруживается неоднозначность подходов в научной литературе к проблеме признания наличия/отсутствия у ранних форм человеческого существования права на жизнь. Так, исследователь М.И. Малейна подчеркивает, что оно может принадлежать только наличествующему субъекту, в связи с чем неродившееся лицо не может рассматриваться в качестве его носителя [5, с. 51].

Но иной точки зрения придерживается исследователь Л.Н. Линник, разделяющий позицию о необходимости правовой защиты жизни неродившегося лица [6, с. 23]. Схожей точки зрения придерживается исследователь А.М. Зайцева, отмечая, что период внутриутробного развития начальной формы человеческого существования (эмбриона) нуждается в правовой защите, поскольку ему присуща самостоятельность [7]. Однако исследователь не конкретизирует содержание выделенного им признака.

Особое внимание следует обратить на точку зрения Г.Б. Романовского [8], он подчеркивает, что в ст. 17 Конституции РФ закреплено положение о права человека признаются и гарантируются с момента его появления на свет⁸. Именно поэтому исследователь считает целесообразным рассматривать в рамках указанного аспекта эту точку отсчета. Мы полагаем, что здесь ученым не только принято во внимание содержание вышеуказанной нормы основного закона, но и учтен тот факт, что при использовании в трактовке указанного аспекта иного критерия потребуются точно установить, чем будет обоснован момент появления человека: зачатием, наличием самостоятельного дыхания или автономной работой внутренних органов неродившегося субъекта.

На наш взгляд, вышеуказанная позиция ученого позволяет выявить специфику регламентации вопроса о начале правовой охраны человеческой жизни и элементов ее образующих, на уровне Основного закона РФ. Однако иной подход усматривается из содержания международных нормативных документов, посвященных данному вопросу. Так, стоит обратить внимание на формулировку преамбулы Декларации прав ребенка 1959 г.⁹, где указано, что ребенку в силу специфики его умственного и физического развития необходимо обеспечить особую правовую защиту в период как до, так и после рождения.

Полагаем, что в контексте указанного нормативного документа формулировка «до рождения» свидетельствует о расширении зарубежным законодателем границ правосубъектности неродившегося лица, восприятию его в качестве обладателя юридических дозволений. Схожий вывод позволяет сформулировать анализ содержания Конвенции «О защите прав человека и достоинства человеческого существа в связи с использованием достижений биологии и медицины», где

⁷ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. Закона РФ о поправках к Конституции РФ от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

⁸ См.: Там же.

⁹ См.: Декларация прав ребенка (принята 20 ноября 1959 г. Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. М., 1990. С. 385–388.

указывается на необходимость защиты простейших форм человеческой жизни (эмбрионов — в контексте содержания положений данного нормативного акта)¹⁰.

Но стоит отметить, что в указанных нормативных документах не определен конкретный временной интервал, с наступлением которого жизнь человека подлежит охране.

Здесь необходимо учесть, что возможность защиты внутриутробного периода существования неродившегося лица не отрицается в содержании постановлений Европейского суда по правам человека. Так, подобная ситуация нашла отражение в акте данного судебного органа по делу «Во против Франции», где было указано, что решение вопроса о временном интервале, с наступлением которого человеческая жизнь подлежит охране, зависит от усмотрения государства¹¹.

В данном случае Европейский суд сослался на отсутствие правовой определенности в нормативных актах международного уровня по данному вопросу.

Кроме того, упомянутая тенденция объясняет содержание итогового акта правоприменителя по делу «Парилло против Италии»¹²; в контексте содержания данного документа человеческий эмбрион был поименован как «иное лицо». Указанная формулировка, по нашему мнению, свидетельствует о том, что в данном случае Европейский суд рассматривал не родившееся человеческое существо в качестве специфического субъекта, приобретающего с течением времени способность к самостоятельному существованию. Представляет интерес точка зрения судьи Д. Дедова, выраженная в особом мнении по данному делу. Она сводится к тому, что лицо, не появившееся на свет, нуждается в правовой защите, вне зависимости от уровня и особенностей его развития. Однако Д. Дедов в данном случае отмечает, что указанный подход не получил в рассматриваемом постановлении однозначной формулировки¹³. На наш взгляд, упоминание в нем дефиниции «потенциал эмбриона к жизни» не дает ответа на вопрос: в чем он заключается и характерен ли для иных ранних форм существования человека?

И здесь обнаруживается еще один из аспектов проблемы правовой защиты неродившегося лица. Оно в вышеприведенном практическом примере рассматривается как «эмбрион» — вместилище клеточного материала лиц, намеренных стать родителями. Однако рассмотрение вопроса о защите прав «эмбриона» в подобном контексте некорректно, поскольку позволит воспринимать данную форму существования без учета признаков, характеризующих его в качестве представителя *homo sapiens*, обладающего физической автономией.

Мы полагаем, что при решении вопроса о необходимости конституционно-правовой защиты физической неприкосновенности человеческого существа, не появившегося на свет, решающее значение имеют следующие факторы:

1) уникальность и неповторимость биологических черт, определяющих формирование у неродившегося субъекта собственного тела (здесь она представляет собой сложно структурированный организм);

¹⁰ См.: Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине ETS № 164 (принята Комитетом министров Совета Европы 19 ноября 1996 г.) // Московский журнал международного права, июль–сентябрь 1999. № 35.

¹¹ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 8 июля 2004 г. Дело «Во против Франции» (*Vo – France*) (жалоба № 53924/00) (Большая Палата) (извлечение) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2004. № 12.

¹² См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 августа 2015 г. Дело «Парилло против Италии» (*Parrillo v. Italy*) (жалоба № 46470/11) (Большая Палата) (извлечение) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 12. (24).

¹³ См.: Там же.

2) признак физической автономии человека (независимость внутренних процессов функционирования органов, тканей и клеток).

Выделение указанных аспектов важно, поскольку вопрос о наделении начальной формы жизни правом на физическую неприкосновенность также не рассматривается в отечественном праве с позиции ее градации по признаку сложности строения организма. Это связано с отсутствием четкого терминологического обоснования в нормах российского законодательства таких категорий, как «ооцит», «эмбрион», «плод».

В частности, проблема установления временных границ, в рамках которых не появившееся на свет человеческое существо можно рассматривать в качестве плода, вызвана спецификой медицинских критериев рождения. Данные показатели закреплены в настоящий момент в тексте Приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 27 декабря 2011 г. № 1687н «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке ее выдачи». Стоит отметить, что параметры рождения в рамках содержания указанного нормативного документа были уточнены в ноябре 2019 г. и в настоящий момент сводятся к тому, что медицинскими показателями рождения считаются следующие¹⁴:

1) срок беременности — 22 недели, масса тела — 500 грамм и более, длина тела — 25 см;

2) срок беременности менее 22 недель, или масса тела ребенка при рождении менее 500 грамм (в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна), длина тела ребенка при рождении менее 25 см — при продолжительности жизни более 168 часов после рождения (7 суток).

На последнем пункте следует остановиться особо, поскольку появление на свет лица с физическими данными, несоответствующими вышеуказанному сроку беременности, имеющие недостаточную массу и длину тела, считаются родившимися именно при наступлении определенных обстоятельств — прошествии конкретного периода времени с момента отделения от организма матери. И здесь сложность возникает в том, что в случае ненаступления данного условия ребенок будет считаться не родившимся по медицинским критериям. По нашему мнению, это противоречит п. 1 и п. 3 приложения № 2 к указанному нормативному акту, связывающему момент появления ребенка на свет с отделением от организма матери и наличием признаков к самостоятельному существованию¹⁵.

Кроме того, закрепленные отечественным законодателем критерии рождения фактически признаются наличие потенциала к автономному развитию у субъекта, имеющего низкие физические параметры. Более того, их содержание стирает границы между характеристиками внутриутробных форм жизни (ооцита, эмбриона, плода) и новорожденного. Их применение ставит под вопрос возможность женщины прервать процесс беременности и таким образом реализовать возможность, прямо предусмотренную п. 4 ст. 56 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» (в ред. от 27 декабря 2018 г. № 511-ФЗ), где речь идет о том, что будущая мать вправе прибегнуть к искусственному прерыванию беременности на сроке до 22 недель¹⁶.

¹⁴ См.: Российская газета. 2012. 23 марта.

¹⁵ См.: Там же.

¹⁶ См.: Российская газета. 2011. 23 нояб.

По нашему мнению, при характеристике степени развития плода определяющим является срок беременности 22 недели, поскольку данный промежуток времени устанавливает особенности физического состояния неродившегося лица и не зависит от случайных факторов (наступления/не наступления гибели субъекта, не появившегося на свет).

Учитывая вышеуказанное обстоятельство, принимая во внимание содержание вышеупомянутой ст. 56 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» (в ред. от 27 декабря 2018 г. № 511-ФЗ)¹⁷, мы полагаем, что необходимо различать следующие формы человеческой жизни на различных этапах развития:

1) проэмбрион (период развития от момента оплодотворения до 7-й недели развития). Здесь наличие индивидуальной физической оболочки не предусматривается. Данный эмбрион представляет собой простейшую совокупность родительского клеточного материала;

2) собственно эмбрион (период развития от 7-й до 22-ой недели развития). Отличается сложной структурой (имеются признаки образования внешней телесной оболочки), но полностью зависит от биологических процессов, происходящих в организме матери.

Считаем, что о вышеуказанных формах жизни идет речь в ст. 2 Закона РФ «О трансплантации органов и тканей человека»¹⁸, где они рассматриваются в качестве биологических компонентов, образующихся в результате процесса оплодотворения.

3) плод (Human fetus) — охватывает период развития человеческого существа с 22 недели развития до момента фактического появления на свет. Полагаем, что указанная категория подлежит следующей трактовке: «Жизнеспособное человеческое существо, наделенное индивидуальными физиологическими и генетическими признаками, находящееся в стадии внутриутробного развития и способное к самостоятельному существованию в случае отделения от организма матери».

Здесь фактор жизнеспособности нами выделен не случайно. Сегодня подход российского законодателя к рассматриваемой проблеме сводится к тому, что возможность правовой защиты интересов лица находится в зависимости от наличия у него признака живорождения — свойства самостоятельного физиологического развития человеческого существа после его абсолютного извлечения из материнского тела.

Однако мы полагаем, что защита физической неприкосновенности человеческого плода необходима в силу наличия у него признака жизнеспособности, трактуемого нами как «потенциальная способность организма к самостоятельному существованию». Данное свойство не может быть отождествлено с живорождением, т.к. последнее связано исключительно с родовым процессом — результатом прохождения человеком всех стадий внутриутробного развития. Однако поскольку тело плода может быть подвергнуто воздействию на любом этапе индивидуального развития, признак жизнеспособности в контексте права на физическую неприкосновенность имеет определяющее значение.

¹⁷ См.: Российская газета. 2011. 23 нояб.

¹⁸ См.: Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-I (в ред. от 23 мая 2016 г. № 149-ФЗ) // Российская газета. 1993. 9 янв.

О необходимости обеспечения физической целостности плода человека свидетельствует содержание позиции, сформированной Европейским судом по правам человека по делу «Тайрер против Соединенного Королевства»¹⁹. В контексте данного спора правоприменитель заключил, что границы правовой защиты интересов субъекта определяются с учетом усмотрения государств-участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод²⁰.

Таким образом, в рамках данной ситуации суд не исключил возможность наделения человеческого плода правосубъектностью.

Более того, исследователь Г.Б. Романовский обратил внимание на правовую позицию, сформулированную в результате рассмотрения вышеуказанным судебным органом дела «Брюггеманн и Шойтен против Германии». Исследователь подчеркнул, что процесс беременности в рамках данного дела не трактуется судом исключительно как область личного, затрагивающего только интересы женщины [9, с. 155–156].

По нашему мнению, ценность данной позиции правоприменителя заключается в том, что интересы плода и интересы матери получили обособление.

Однако, на наш взгляд, наличие волевого аспекта в характеристике права плода на физическую неприкосновенность не имеет решающего значения. Возможны ситуации, когда мать в силу специфики ее психофизиологического состояния не способна ясно выразить волю относительно предоставления/непредоставления доступа к плоду с целью осуществления манипуляций в отношении него, а также принять решение о характере и форме подобного воздействия.

Об этом свидетельствует содержание правоприменительной практики. Так, апелляционным определением Свердловского областного суда от 31 июля 2018 г. по делу № 33-12698/2018 было оставлено без изменения решение, которым частично удовлетворены требования о компенсации морального вреда в связи с некачественным оказанием медицинской помощи в процессе родов, повлекшим за собой смерть плода. Суд пришел к выводу, что несмотря на наличие врожденных повреждений плода его состояние было усугублено неверно примененной тактикой проведения кесарева сечения («грубого извлечения плода»), в результате чего, телу нерожденного лица были причинены дополнительные повреждения²¹.

Следует отметить, что данный практический пример не является единичным. Интерес представляют выводы, сформулированные в решении Кировского районного суда г. Саратова от 18 мая 2017 г. по делу № 2-1342/2017 г. о взыскании компенсации морального вреда с медицинского учреждения. Его сотрудники применили неправильный подход в лечении неродившегося ребенка заявительницы, что повлекло за собой его интернатальную гибель.

Суд, удовлетворяя иск, указал, что необоснованно осуществленные предложенные врачами медицинские манипуляции в отношении плода не облегчили

¹⁹ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 апреля 1978 г. (жалоба № 5856/72) по делу Тайрер против Соединенного Королевства (Tyrer v. the United Kingdom). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB002&n=464510#031977025396260483> (дата обращения: 09.04.2019).

²⁰ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (заключена в Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 20, ст. 2143.

²¹ См.: Апелляционное определение Свердловского областного суда по гражданскому делу № 33-12698/2018 от 31.07.2018 г. Официальный сайт Свердловского областного суда. URL: https://oblsud--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&srvcnum=1&number=17377537&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 16.01.2019).

его состояние, а, напротив, привели к неблагоприятным последствиям — ухудшению физического состояния неродившегося лица, его дистрессии, гипоксии, что повлекло за собой его смерть²².

Анализ указанного практического примера интересен тем, что, исследуя причины интернатальной гибели плода, суд в мотивировочной части решения говорит о признаке автономности его существования, в частности, упоминая такую категорию, как «здоровье плода». Но в данном случае проблема заключалась в том, что правоприменитель, фактически признав наличие у плода собственного тела, анализировал его состояние с точки зрения особенностей воздействия на здоровье матери. (Так, в качестве пациента суд рассматривал исключительно ее).

Интересно отметить, что подобный подход распространен в судебной практике. Так, решением Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 18 мая 2017 г. по делу № 2–3373/2017²³ и итоговым судебным актом Забайкальского краевого суда по делу № 33–4779/2016²⁴ были удовлетворены требования о компенсации морального вреда, связанного с интернатальной гибелью неродившихся детей. Однако выводы суда в вышеуказанных случаях основывались на оценке степени негативного воздействия, реализованного врачами в отношении физического состояния рожениц.

Вместе с тем подобный подход не является однозначным, поскольку нельзя исключать ситуации, когда нарушение физической неприкосновенности плода происходит не только вследствие неправильно выбранных и примененных форм врачебного воздействия, но и по причине непосредственного контакта с организмом неродившегося ребенка, причинения его телу механических повреждений.

Так, в решении Октябрьского районного суда города Пензы от 2 ноября 2016 г. по делу № 2–2071/2016 было отмечено, что повреждение плода (дистонция плечиков) было вызвано наложением акушерских щипцов в процессе родоразрешения²⁵.

Таким образом, в настоящее время в практике правоприменителя в большей степени наблюдается отсутствие общего подхода к вопросу разграничения категорий «физическая неприкосновенность будущей матери» и «физическая неприкосновенность плода». По нашему мнению, это относится не к связи женщины и плода, а к тому, что жизнеспособность плода лишь предполагается, поскольку нормативно не установлен период времени, с наступлением которого неродившееся человеческое существо можно считать самостоятельным.

Приведенные практические примеры свидетельствуют о том, что телесная целостность плода может быть нарушена на любой стадии его развития, в т.ч. и

²² См.: Решение Кировского районного суда г. Саратова от 18 мая 2017 г. по делу № 2-1342/2017 г. Сайт судебных и нормативных актов РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NJqvGL98f9rX/> (дата обращения: 16.01.2019).

²³ См.: Решение Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 17 мая 2017 г. по делу № 2–1342/2017. Сайт судебных и нормативных актов РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/LtvAnc8lLXlX/?regular-txt=®ular-case_doc=+2-3373%2F2017®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=Петропавловск-Камчатский+городской+суд+%28Камчатский+край%29®ular-judge=&_id=1579188362838 (дата обращения: 16.01.2019).

²⁴ См.: Решение Забайкальского краевого суда по делу № 33–4779/2016. Сайт судебных решений и практики. URL: <https://actysudov.ru/act?name=15850496-reshenie-po-delu-334779-2016> (дата обращения: 16.01.2019).

²⁵ См.: Решение Октябрьского районного суда города Пензы от 2 ноября 2016 г. по делу № 2–2071/2016. Сайт судебных и нормативных актов РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UErVK6QEVErO/> (дата обращения: 16.01.2019).

до момента фактического извлечения из организма матери. Это подтверждает необходимость правовой защиты его физической неприкосновенности. Приведенные примеры также позволяют установить, что физическая целостность плода не находится в абсолютной зависимости от действий и (или) решений матери.

В этой связи особый интерес представляет позиция исследователя М. Бартошека, основанная на том, что плод, находящийся в утробе матери, не обладает статусом лица, но его интересы подлежат правовой защите. Однако ученый характеризует эти интересы как «возникающие в будущем» (с момента появления субъекта на свет, по аналогии со статусом лица, родившегося после смерти наследодателя) [10, с. 221].

Тем не менее такая трактовка должна подвергнуться критике, поскольку собственное тело присуще плоду и на стадии внутриутробного развития. Это позволяет говорить о возможности его защиты от воздействия внешних факторов до появления на свет.

Более того, физическая область существования плода имеет признак неповторимости присущих ей генетических характеристик. По этому поводу исследователь В.И. Крусс отмечает, что неродившееся человеческое создание не может определенное время существовать вне тела женщины, однако этот факт не связан с его личностной идентичностью [11, с. 65]. Несмотря на то, что исследователь анализирует особенности правового статуса эмбриона, следует обратить на выделяемую им категорию «личностная идентичность». По нашему мнению, применительно к характеристике плода человека указанное понятие определяет специфику его физического состояния (клеточной характеристики тела), отличную от организма матери. В данном случае ученый ведет речь о внутренней обособленности тела неродившегося лица.

В этой связи плод не может рассматриваться в качестве части тела женщины. С указанным мнением следует согласиться поскольку «право на физическую неприкосновенность» в контексте настоящего исследования представляет собой юридический механизм, с помощью которого возможно сохранение в состоянии неизменности уникальных черт неродившегося субъекта. По нашему мнению, ключевым здесь является фактор принадлежности уникальных телесных признаков именно плоду, а не организму матери.

Таким образом, в характеристике плода как особенного субъекта, физическая неприкосновенность которого нуждается в правовой защите, определяющими являются следующие признаки:

- 1) присутствие биологических, клеточных свойств, определяющих индивидуальность носителя;
- 2) наличие сформированной высокоорганизованной области физического развития, способной к самостоятельному существованию в случае отделения от организма матери;
- 3) жизнеспособность (возможность автономного развития плода в период нахождения в теле матери и в условиях внешней среды).

Таким образом, в настоящий момент не выработано общего подхода относительно признания конституционной правосубъектности неродившегося лица. Вместе с тем этап внутриутробного существования человеческого плода, ввиду наличия у последнего свойства физической обособленности подлежит правовой защите.

По нашему мнению, плод человека следует рассматривать в качестве специального субъекта дородового периода человеческой жизни, отличающегося от непосредственного обладателя права в контексте содержания такой категории как «управомоченное лицо», в силу отсутствия у него возможности непосредственно реализовать юридические дозволения.

Однако, признавая факт наличия у плода обособленного тела, его неприкосновенности, требуется нормативное регулирование вопроса конституционно-правовой защиты физического существования указанного специфического субъекта.

Полагаем, что положение, касающееся необходимости сохранения физической целостности плода человека, должно быть отражено в отдельном п. 4 ст. 5 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» (в ред. от 27 декабря 2018 г. № 511-ФЗ)²⁶. Предлагается изложить его в следующей редакции: «Плоду человека — жизнеспособному человеческому существу, обладающему собственной физиологической организацией, гарантируется юридическая возможность невмешательства в его тело, предусматривающая недопустимость непосредственного доступа к нему с целью осуществления любой трансформации, приводящей к негативным последствиям (повреждению, разрушению) как со стороны третьих лиц, так и со стороны матери».

Библиографический список

1. *Липчанская М.А.* Светское государство в современной России как фактор обеспечения национальной безопасности // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 1(52). С. 4–9.
2. *Перевозчикова Е.В., Панкратова Е.А.* Конституционное право на жизнь и правовой статус эмбриона человека // Медицинское право. 2006. № 2. С. 16–23.
3. *Tooley M.* Abortion and infanticide // *Philosophy and Public Affairs*, Vol. 2. No. 1 (Autumn, 1972). P. 37–65.
4. *Репин В.С.* Новые биотехногенные реальности в медицине XXI века: место и роль биоэтики // Медицина и право: материалы конференции (г. Москва, февраль 1999 г.). М.: Международная академия предпринимательства, 1999. С. 81–101.
5. *Малеина М.Н.* О праве на жизнь // Советское государство и право. 1992. № 2. С. 50–59.
6. *Линник Л.Н.* Конституционное право на жизнь: введение в теорию. Чебоксары, 1995. 62 с.
7. *Зайцева А.М.* Начало жизни человека как граница конституционной правоспособности // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 10. С. 17–24.
8. *Романовский Б.Г.* Гносеология права на жизнь. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 370 с.
9. *Романовский Б.Г.* Правовая охрана материнства и репродуктивного здоровья. М.: Проспект, 2018. 216 с.
10. *Бартошек М.* Римское право: понятия, термины, определения / пер. с чешск. М.: Юридическая литература, 1989. 448 с.
11. *Крусс В.И.* Теория конституционного правопользования. М., 2007. 752 с.

References

1. *Lipchanskaya M.A.* Secular State in Modern Russia as a Factor of National Security // *Bulletin of the Volga Institute of Management*. 2016. No. 1(52). P. 4–9.

²⁶ См.: Российская газета. 2011. 23 нояб.

2. *Perevozchikova E.V., Pankratova E.A.* Constitutional Right to Life and Legal Status of a Human Embryo // *Medical law*. 2006. No. 2. P. 16–23.
3. *Tooley M.* Abortion and Infanticide // *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 2. No. 1 (Autumn, 1972). P. 37–65.
4. *Repin B.C.* New Biotechnogenic Realities in Medicine of the XXI Century: the Place and Role of Bioethics // *Medicine and law: materials of Conf. Moscow: mezhdunar. Acad. entrepreneurship*, 1999. P. 81–101.
5. *Maleina M.N.* On the Right to Life // *Soviet state and law*. 1992. No. 2. P. 50–59.
6. *Linnik L.N.* Constitutional Right to Life: Introduction to Theory. Cheboksary, 1995. 62 p.
7. *Zaitseva A.M.* The Beginning of Human Life as the Border of Constitutional Legal Capacity. *Constitutional and municipal law*. Moscow: Yurist, 2012, No. 10. P. 17–24.
8. *Romanovsky B.G.* Epistemology of the Right to Life. SPb.: Center Press, 2003. 370 p.
9. *Romanovsky B.G.* Legal Protection of Maternity and Reproductive Health. Moscow: Prospect, 2018. 216 p.
10. *Bartoszek M.* Roman Raw: Concepts, Terms, Definitions. Moscow: Yurid. lit., 1989. 448 p.
11. *Kruss V.I.* Theory of Constitutional Legal Use. Moscow, 2007. 752 p.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10132
УДК 341.1/8

Н.Н. Липкина

ПРИНЦИП СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ*

***Введение:** одной из приоритетных задач международного сообщества в настоящее время является поиск параметров применимости международного права к общественным отношениям в киберпространстве. Решение данной задачи видится невозможным без переосмысления такой ключевой концепции современного международного права, как государственный суверенитет. **Цель:** выявить и сравнить существующие в науке международного права ключевые подходы к пониманию правовой природы принципа суверенитета в его применении к общественным отношениям в киберпространстве. **Методологическая основа:** в основу исследования положены методы анализа и синтеза, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. **Результаты:** проанализированы подходы к пониманию правовой природы принципа суверенитета в киберпространстве в контексте их пригодности для эффективного регулирования соответствующих общественных отношений. **Выводы:** несмотря на то, что исследованные в настоящей статье подходы имеют существенные различия, общим для них является понимание того, что принцип суверенитета в его применении к общественным отношениям в киберпространстве находится на стадии становления и требует дальнейших усилий отдельных государств и международного сообщества по выработке и признанию соответствующей практики, способной стать свидетельством модификации правового регулирования в рассматриваемой сфере, что открывает возможности для диалога и поиска взаимоприемлемых решений.*

***Ключевые слова:** киберпространство, принципы международного права, принцип суверенитета, принцип территориальной целостности государств, принцип невмешательства во внутренние дела.*

© Липкина Надежда Николаевна, 2020
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: k_intlaw@ssla.ru
© Lipkina Nadezhda Nikolaevna, 2020
Candidate of law, Associate Professor, Associate Professor, International law department (Saratov State Law Academy)

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00806 «Теоретико-практическая модель утверждения территориального суверенитета и делимитации юрисдикций государств в киберпространстве».

N.N. Lipkina

PRINCIPLE OF STATE SOVEREIGNTY IN CYBERSPACE:
APPROACHES TO DETERMINING ITS LEGAL NATURE
IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL LAW

Background: at the present moment one of the priority tasks of the international community is to search for the parameters of the applicability of international law to public relations in cyberspace. This task cannot be achieved without rethinking such a key concept of contemporary international law as state sovereignty. **Objective:** to identify and to compare key scientific approaches to determination of the legal nature of the principle of sovereignty in its application to social relations in cyberspace. **Methodology:** method of analysis and synthesis, formal legal and comparative legal methods were used in the research. **Results:** approaches to determination of the legal nature of the principle of sovereignty in cyberspace in the context of their suitability for the effective regulation of relevant social relations were examined. **Conclusions:** despite the fact that the approaches discussed in this article have significant differences, they share the understanding that the principle of sovereignty in its application to public relations in cyberspace is at an emerging stage and requires further efforts by individual States and the international community to develop and recognize appropriate practices that can become evidence of a modification of legal regulation in this area, which opens up opportunities for dialogue and search for mutually acceptable solutions.

Key-words: cyberspace, principles of international law, the principle of sovereignty, the principle of territorial integrity of states, the principle of non-intervention in internal affairs.

Дискуссии относительно правовой природы и содержания принципа суверенитета проходят по целому ряду направлений и хорошо известны науке международного права. Однако усиление процессов глобализации и интеграции, развитие науки и техники приводят к постановке новых задач по исследованию содержания данного принципа. Так, широкое внедрение информационно-коммуникационных технологий в жизнь общества влечет за собой необходимость переосмысления самой концепции суверенитета с целью поиска эффективных параметров применимости международного права к общественным отношениям в киберпространстве.

В науке международного права широко известны два ключевых подхода к пониманию правовой природы принципа суверенитета применительно к киберпространству. Дискуссия в рамках данных подходов основана на теоретических разработках о соотношении принципа права и регулятивной нормы права и является отправной точкой поиска содержания принципа в киберконтексте. Каждый из подходов не лишен недостатков, что делает актуальным их сравнительный анализ. Он и составляет предмет настоящего исследования.

Первый из подходов представлен Г. Корном и Р. Тэйлором, которые подчеркивают отсутствие достаточных доказательств существования практики государств или *opinio juris*, свидетельствующих о справедливости утверждения о том, что принцип суверенитета функционирует в качестве самостоятельной нормы обычного международного права, регулирующей поведение государства в киберпространстве [1, р. 208]. Наоборот, по мнению указанных авторов, право и практика государств свидетельствуют о том, что суверенитет представляет собой принцип международного права, устанавливающий основы взаимодействия государств, но сам по себе не являющийся обязывающим правилом поведения, которое предписывает последствия в соответствии с международным

правом [1, р. 208]. Авторы подчеркивают, что принцип суверенитета (включая территориальный) следует учитывать при проведении любой кибероперации, но он не устанавливает абсолютного запрета на проведение индивидуальных или коллективных киберопераций государств, которые могут воздействовать на киберинфраструктуру в другом государстве при условии, что их последствия не достигают уровня незаконного применения силы или незаконного вмешательства [1, р. 208–209]. Как представляется, Г. Корн и Р. Тэйлор признают открытый характер содержания данного принципа, отмечая все же, что правовые последствия принципа суверенитета не полностью сформировались в рассматриваемой области [1, р. 211] и что данный принцип является универсальным, и то, как он будет применяться к уникальным особенностям сферы киберпространства, зависит от позиций государств, находящих выражение в их практике и/или при выработке договорных норм [1, р. 210].

Принципиально иная позиция нашла отражение в подготовленном группой экспертов в области международного права Таллинском руководстве 2.0 о международном праве, применимом к кибероперациям (далее — Таллинское руководство 2.0), представленном в 2017 г. При этом М. Шмитт и Л. Вихал, эксперты, участвующие в разработке данного документа, выступили с научной критикой позиции Г. Корна и Р. Тэйлора [2, 3].

Согласно правилу № 4 Таллинского руководства 2.0, государство не должно осуществлять кибероперации, которые нарушают суверенитет другого государства [4]. Таким образом, авторы Таллинского руководства 2.0 исходят из существования регулятивной нормы международного права, направленной на защиту суверенитета государства в киберпространстве. В основу оценки вопроса нарушения суверенитета третьего государства при проведении удаленной кибероперации авторами Таллинского руководства 2.0 положены два критерия: во-первых, насколько сильно затрагивается территориальная целостность соответствующего государства; во-вторых, осуществляется ли вмешательство в осуществление таким государством его неотъемлемых государственных функций или даже узурпация таких его функций [4, р. 20].

Использование авторами указанного подхода категорий «территориальная целостность» и «вмешательство» при определении критериев нарушения суверенитета ставит вопрос о соотношении данных критериев с такими принципами международного права, как принцип территориальной целостности государств и принцип невмешательства во внутренние дела. Например, Г. Корн и Р. Тэйлор, останавливаясь на критике данного подхода, приходят к выводу о смещении его авторами концепции территориального суверенитета, заложенной в понятие внутреннего суверенитета, с более определенными концепциями территориальной целостности и нерушимости границ, подчеркивая, что запреты нарушения территориальной целостности и нерушимости границ подразумевают высокую степень тяжести последствий, нежели та, которую подразумевает проведение ряда киберопераций, например тех из них, которые направлены против киберинфраструктуры, используемой террористами [1, р. 210].

Следует отметить, что выработанные авторами Таллинского руководства 2.0 критерии в целом соответствуют пониманию категории «суверенитет» в международном праве. Так, первый из предложенных критериев, заключающийся в оценке того, насколько сильно затрагивается территориальная целостность соответствующего государства, соотносится с таким важнейшим элементом понятия «суверенное равенство», отраженным в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между

государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, 1970 г., как неприкосновенность территориальной целостности и политической независимости государства¹. В Заключительном акте СБСЕ 1975 г. также отмечается, что государства-участники будут «уважать суверенное равенство и своеобразие друг друга, а также все права, присущие их суверенитету и охватываемые им, в число которых входит, в частности, право каждого государства на юридическое равенство, *на территориальную целостность* (курсив наш. — Н.Л.), на свободу и политическую независимость»². Наличие данного элемента суверенитета подчеркивают многие исследователи. Например, А.А. Моисеев отмечает: «Территориальная составляющая государственного суверенитета включает в себя территориальное верховенство, территориальную независимость и территориальную целостность государства» [5, с. 27].

Второй из указанных авторами Таллинского руководства 2.0 критериев также соотносится с важнейшим элементом суверенитета. В науке международного права суверенитет традиционно определяется как «верховенство власти правительства внутри государства и ее независимость в международных отношениях» [6, с. 23]. При этом рассматривая верховенство государственной власти в качестве признака государственного суверенитета, Л.А. Морозова справедливо подчеркивает, комментируя данный признак, что «[н]икакая иная власть не вправе присваивать себе функции государственной власти» [7, с. 58].

Возвращаясь к вопросу о соотношении указанных критериев нарушения суверенитета третьего государства при проведении удаленных киберопераций с соответствующими принципами международного права следует отметить, что подход, обозначенный авторами Таллинского руководства 2.0 (как справедливо отмечает Д.В. Красиков) основан на понимании того, что «принцип суверенитета является первичной нормой международного права, возлагающей на государства обязательства, нарушение которых не зависит от квалификации соответствующих деяний в качестве нарушений запретов применения силы или невмешательства во внутренние дела других государств; соответственно государства обязаны воздерживаться от действий, хотя и не «достигающих уровня» применения силы или принудительного вмешательства, но являющихся, тем не менее противоправными» [8, с. 99–111]. В комментарии к правилу № 4 Таллинского руководства 2.0 эксперты отметили, что узурпация неотъемлемых государственных функций отличается от вмешательства тем, что она касается неотъемлемых государственных функций, тогда как вмешательство — *domaine reserve*. В отличие от рассматриваемого критерия, вмешательство требует наличия элемента принуждения [4, р. 24].

Как представляется, аналогичным образом можно разграничить принцип территориальной целостности государств (как самостоятельный принцип международного права) и соответствующий критерий нарушения суверенитета в киберпространстве. Авторы Таллинского руководства 2.0 четко определяют два уровня вмешательства в территориальную целостность соответствующего государства: вмешательство, причиняющее физический ущерб киберинфраструктуре другого государства, и вмешательство, влекущее за собой утрату ее

¹ Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, 1970 г. URL. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 12.03.2020).

² Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. URL. <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505?download=true> (дата обращения: 12.03.2020).

функциональности [4, р. 20]. Не вызывает сомнений то, что содержание принципа территориальной целостности государств подразумевает запрет более серьезного уровня вмешательства.

В Заключительном акте СБСЕ 1975 г. подчеркивается, что принцип территориальной целостности предполагает, в частности, что государства-участники «будут равным образом воздерживаться от того, чтобы превращать территорию друг друга в объект военной оккупации или других прямых или косвенных мер применения силы в нарушение международного права или в объект приобретения с помощью таких мер или угрозы их осуществления»³. Во многих случаях принцип территориальной целостности государств ассоциируется именно с запретом насильственных территориальных изменений извне⁴. Например, как отмечает К.А. Бекашев, данный принцип «запрещает насильственный захват или изменение принадлежности иностранных территорий, а также запрещает противоправное использование иностранных территорий или нанесение им существенного ущерба» [9, с. 94].

Таким образом, второй из рассмотренных подходов заключается в признании наличия у принципа суверенитета содержания, отличного от содержания иных принципов международного права⁵. Вместе с тем следует отметить, что данный подход также не лишен недостатков и «серых зон» [2, р. 214]. Например, эксперты, занимающиеся подготовкой Таллинского руководства 2.0, не смогли прийти к единому мнению по вопросу о том, является ли нарушением суверенитета государства проведение киберопераций, которые не приводят к причинению физического ущерба его киберинфраструктуре или к утрате ее функциональности [3, р. 1648]. Позиции государств по данному вопросу, действительно, различаются и, более того, меняются со временем. Например, позиция Франции по вопросу о суверенитете государства в киберпространстве претерпела изменения в рассматриваемом контексте и в настоящее время заключается в том, что любая кибератака, т.е. любая операция, которая нарушает конфиденциальность, целостность или доступность атакуемой системы, представляет собой как минимум нарушение суверенитета Франции, если ее проведение присваивается другому государству⁶.

Таким образом, как представляется, различия лежащих в основе рассмотренных подходов политических соображений приводит к тому, что их сторонники исходят из противоположных предпосылок. Представители первого подхода исходят из того, что принцип суверенитета устанавливает основы взаимодействия государств в киберпространстве, но не является самостоятельным обязывающим правилом поведения в рассматриваемой сфере. Представители второго подхода от-

³ Заключительный акт Сопещения по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. URL: <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505?download=true> (дата обращения: 12.03.2020).

⁴ См.: *Fabry M.* Conceptual History in International Relations: The Case of 'Territorial Integrity'. URL: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/84f52527-28d5-40d0-92bb-2707f5c773ad.pdf> (дата обращения: 12.03.2020).

⁵ Следует отметить, что в науке международного права ставится под сомнение способность даже международно-правового принципа невмешательства «выступать эффективным инструментом в борьбе с кибероперациями» ввиду «высокого уровня «правовой неопределённости», окружающей базовые его элементы» (см.: *Русинова В.* Международно-правовой принцип невмешательства и кибероперации: неоправданные ожидания? // *Международное правосудие.* 2018. № 1 (25). С. 38), несмотря на то, что в целом в науке признается, что принцип невмешательства прочно закреплен в международном праве (см.: *Moynihan H.* The Application of International Law to State Cyberattacks Sovereignty and Non-intervention. 2019. URL: <https://www.chathamhouse.org/publication/application-international-law-state-cyberattacks-sovereignty-and-non-intervention> (дата обращения: 20.03.2020)).

⁶ См.: *France's Declaration on International Law in Cyberspace: The Law of Peacetime Cyber Operations, Part I.* URL: <http://opiniojuris.org/2019/09/24/frances-declaration-on-international-law-in-cyberspace-the-law-of-peacetime-cyber-operations-part-i/> (дата обращения: 12.03.2020).

стаивают точку зрения основанную на том, что принцип суверенитета является первичной нормой международного права, регулирующей в т.ч. общественные отношения в киберпространстве. Вместе с тем существенное практическое значение имеет тот факт, что по сути авторы обозначенных подходов сходятся во мнении о том, что принцип суверенитета в его применении к общественным отношениям в киберпространстве находится на стадии становления и требует дальнейших усилий отдельных государств и международного сообщества в целом по выработке и признанию соответствующей практики, способной стать свидетельством модификации правового регулирования в рассматриваемой сфере. Признание неабсолютного характера данного принципа открывает возможности для диалога и поиска взаимоприемлемых решений.

Библиографический список

1. *Corn G.P., Taylor R.* Sovereignty in the age of cyber // *American journal of international law unbound*. New York, 2017. Vol. 111. P. 207–212.
2. *Schmitt M.N., Vihul L.* Sovereignty in cyberspace: *lex lata vel non?* // *American journal of international law unbound*. New York, 2017. Vol. 111. P. 213–218.
3. *Schmitt M.N., Vihul L.* Respect for sovereignty in cyberspace // *Texas law review*. 2017. Vol. 95. Issue 7. P. 1639–1670.
4. *Tallinn manual 2.0 on international law applicable to cyber operations* / ed. by M.N. Schmitt, L. Vihul. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 638 p.
5. *Моисеев А.А.* Суверенитет государства в международном праве: учебное пособие. М.: Восток-Запад, 2009. 384 с.
6. *Толстых В.Л.* Государство в историческом и международно-правовом контексте // *Московский журнал международного права*. 2017. № 2 (106). С. 18–28.
7. *Морозова Л.А.* Современное прочтение теории государственного суверенитета // *Государство и право*. 2017. № 2. С. 53–59.
8. *Красиков Д.В.* Территориальный суверенитет и делимитация юрисдикций в киберпространстве // *Государство и право в новой информационной реальности: сборник научных трудов*. Сер.: Правоведение / отв. ред. Е.В. Алферова, Д.А. Ловцов. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018. С. 99–111.
9. *Бекяшев К.А.* Международное публичное право: учебник. М.: Проспект, 2019. 1048 с.

References

1. *Corn G.P., Taylor R.* Sovereignty in the age of cyber // *American journal of international law unbound*. New York, 2017. Vol. 111. P. 207–212.
2. *Schmitt M.N., Vihul L.* Sovereignty in cyberspace: *lex lata vel non?* // *American journal of international law unbound*. New York, 2017. Vol. 111. P. 213–218.
3. *Schmitt M.N., Vihul L.* Respect for sovereignty in cyberspace // *Texas law review*. 2017. Vol. 95. Issue 7. P. 1639–1670.
4. *Tallinn manual 2.0 on international law applicable to cyber operations* / ed. by M.N. Schmitt, L. Vihul. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 638 p.
5. *Moiseev A.A.* State Sovereignty in International Law: A Training Manual. M.: East-West, 2009. 384 p.
6. *Tolstikh V.L.* The State in a Historical and International Legal Context // *Moscow Journal of International Law*. 2017. No.2 (106). P. 18–28.
7. *Morozova L.A.* A Modern Reading of the Theory of State Sovereignty // *State and Law*. 2017. No. 2. P. 53–59.
8. *Krasikov D.V.* Territorial Sovereignty and Delimitation of Jurisdictions in Cyberspace // *State and Law in the New Communicatory Reality: collection of scientific researches*. Series «Jurisprudence» / resp. ed. E.V. Alferova, D.A. Lovtsov. M.: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 2018. P. 99–111.
9. *Bekyashev K.A.* International Public Law: A Textbook. M.: Prospect, 2019. 1048 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10133

УДК 340.116

И.В. Шугурова

ПОЛНОМОЧИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В СФЕРЕ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС*

Введение: развитие научно-технологического сотрудничества государств-членов ЕАЭС предполагает усиление роли Евразийской экономической комиссии как наднационального регулятора, обеспечивающего реализацию их потенциала в сфере науки, технологий и инноваций. **Цель:** выявление и систематизация полномочий Евразийской экономической комиссии в сфере научно-технологической интеграции государств-членов ЕАЭС, полномочий нашедших свое закрепление в праве ЕАЭС. **Методологическая основа:** общенаучные методы (системный, структурно-функциональный), частнонаучные методы (сравнительно-правовой, догматическо-правовой). **Результаты:** на основе проведенного исследования было установлено, что за ЕЭК закреплена целая система полномочий. В нее входит осуществление координации, консультирования, мониторинга, правотворчества и аналитическо-методического обеспечения взаимодействия государств и иных разнообразных участников взаимодействия по разработке, передаче и использованию значимых технологий. Это является важным условием для укрепления научно-технологического потенциала, а также для реализации положений о научно-техническом сотрудничестве, закрепленных в праве ЕАЭС. **Выводы:** по мере расширения и углубления научно-технологического сотрудничества вполне можно ожидать возникновения и дальнейшего закрепления полномочий Комиссии как в традиционных направлениях научно-технологической интеграции, так и в рамках новых направлений, в частности космических, цифровых, конвергентных и др. технологий.

Ключевые слова: регионально научно-технологическое сотрудничество, Индустрия 4.0, право ЕАЭС, Евразийская экономическая комиссия, интеграционные процессы.

I.V. Shugurova

POWERS OF EURASIAN ECONOMIC COMMISSION IN THE FIELD OF SCIENCE AND TECHNOLOGY INTEGRATION OF THE EAEU'S MEMBER STATES

Background: the development of scientific and technological cooperation between the member States of the EEC implies strengthening the role of the Eurasian economic Commission as a supranational regulator that ensures the implementation of their potential

© Шугурова Ирина Викторовна, 2020

Кандидат юридических наук, профессор кафедры международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ivshugurova@mail.ru

© Shugurova Irina Victorovna, 2020

Candidate of law, professor, International law department (Saratov State Law Academy)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00780 («Модель правового регулирования научно-технологической и инновационной интеграции в рамках ЕАЭС и вызовы Четвертой промышленной революции»).

in the field of science, technology and innovation. Objective: identification and systematization of the powers of the Eurasian economic Commission in the field of scientific and technological integration of the EAEU member States that have found their place in the law of the EAEU. Methodology: general scientific methods (system, structural and functional), private scientific methods (comparative legal, dogmatic legal). Results: based on the study, it was found that the EEC has a whole system of powers. It includes coordination, consulting, monitoring, law-making and analytical and methodological support for the interaction of States and other diverse participants in the development, transfer and use of significant technologies. This is an important condition for strengthening the scientific and technological potential, as well as for implementing the provisions on scientific and technical cooperation enshrined in the law of the EAEU. Conclusions: with the expansion and deepening of scientific and technological cooperation, it is quite possible to expect the emergence and further consolidation of the Commission's powers both in traditional areas of scientific and technological integration, and in new areas, in particular, space, digital, convergent and other technologies.

Key-words: regional science and technology cooperation, Industry 4.0, law of the EAEU, Eurasian economic commission, integrative processes.

Важнейшим направлением интеграционных процессов в рамках международных организаций региональной экономической интеграции является сотрудничество в сфере науки, технологий и инноваций.

Повышенное внимание к данному направлению интеграции определяется тем, что именно от успешного взаимодействия государств-членов в сфере технологических разработок и их применения на практике во многом зависит технологическое перевооружение различных секторов экономики и общества в целом, а также повышение уровня конкурентоспособности в глобальных масштабах. Особую актуальность подобного рода проблематика приобретает для государств-членов межгосударственных интеграционных объединений в условиях перехода к Четвертой промышленной революции, предполагающей коренное изменение технологического базиса производственного сектора.

Отмеченные закономерности всецело характерны для Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС), в рамках которого научно-технологическое и инновационное сотрудничество с самого начала его функционирования является предметом заинтересованности государств-членов. Это заметно по включению положений о научно-технологическом и инновационном сотрудничестве в Договор о ЕАЭС, а также иные международные договоры в рамках Союза. Немаловажное значение имеют многочисленные акты разной юридической силы, принятые органами Союза и направленные на обеспечение научно-технологического сотрудничества и интеграции. Благодаря положениям раздела II «Формирование „территории инновации“» и стимулирование научно-технологических прорывов» Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов 2018 г.¹ взаимодействие в рассматриваемой сфере было отнесено к ключевым направлениям интеграции.

Следует отметить, что состояние правовых основ указанного направления интеграционного взаимодействия представляет собой самостоятельный предмет

¹ Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза 2018 г. (Санкт-Петербург, 6 декабря 2018 г.). URL: <https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/> (дата обращения: 23.06.2020).

исследований. Не менее важным для успешной научно-технологической интеграции является ее эффективное инфраструктурное, а также институциональное обеспечение. Это вполне вписывается в контекст роста исследовательского интереса к институциональным организационным рамкам интеграционных процессов в ЕАЭС [1]. По мнению А.Н. Морозова, «институциональная система — понятие, характеризующее взаимосвязь ее существенных элементов как межгосударственной организации, включая ее структуру, механизм взаимодействия органов в рамках данной организации и за ее пределами, а также вопросы компетенции и порядок принятия решений» [2, с. 132].

В связи с этим в данной статье хотелось бы остановиться на одном из аспектов, а именно на полномочиях Евразийской экономической комиссии (далее — ЕЭК), которая, являясь одним из институциональных органов ЕАЭС, предпринимает значительные шаги по стимулированию и осуществлению координации сотрудничества государств в рассматриваемой сфере. Анализ ее полномочий призван показать ошибочность имеющей место в экспертной среде точки зрения о том, что «препятствием для решения поставленных амбициозных задач по сотрудничеству в рамках ЕАЭС является то, что сфера науки, технологий и инноваций пока не входит в наднациональную компетенцию ЕЭК» [3, с. 58]. Дополнительным аргументом в пользу наличия компетенции у ЕЭК в рассматриваемой нами сфере является большое количество актов, исходящих от Коллегии и Совета ЕЭК и адресованных различным секторам научно-технологической интеграции.

Повышение роли наднациональных структур в координации научно-технологического сотрудничества — это общая закономерность, присущая межгосударственным интеграционным объединениям государств. В настоящее время это вызвано тем, что, как отмечается в экономической литературе, о себе заявила тенденция утраты синхронности между множеством научно-технологических подсистем в рамках отдельных отраслей и секторов экономики [4, с. 206]. Это придает научно-технологическому развитию неустойчивый характер. Отсюда делается вывод о необходимости синхронизации жизненных циклов инноваций внутри различных отраслей, что может обеспечиваться, например, посредством кластеризации. Асинхронность может заявлять о себе и в пространстве научно-технологического и инновационного развития стран и регионов.

Поэтому в региональных интеграционных объединениях государств по причине усиления нелинейности развития производственного и научно-технологического комплексов весьма важной становится деятельность наднационального регулятора, привносящего момент координации и таким образом содействующего наращиванию потенциала научно-технологического взаимодействия государств и усилению общей конкурентоспособности региона. Достаточно указать на деятельность Европейской комиссии по обеспечению функционирования общего научно-технологического и инновационного пространства ЕС. В нашем случае аналогичные усилия предпринимает ЕЭК. Однако различие заключается в том, что полномочия последней более детализированы и закреплены в различных актах, входящих в право Союза. Думается, что именно это является важным фактором, позволяющим ей выполнять роль «аттрактора», который столь необходим для активизации научно-технологического сотрудничества государств-членов ЕАЭС и его перехода на новый уровень в виду новых вызовов, которые несет с собой Четвертая промышленная революция.

Представляется, что проведение анализа полномочий ЕЭК, позволяющих ей выполнять многочисленные функции в рамках научно-технологической интеграции, отличается высокой степенью актуальности. Именно от объема данных полномочий и их реализации на практике во многом зависит интенсивность и результативность научно-технологической интеграции ЕАЭС, а, следовательно, и его способность по своевременному обновлению технологической базы экономики. Между тем в научных работах, затрагивающих проблематику правового регулирования научно-технологического сотрудничества в ЕАЭС, данные вопросы не затрагиваются [5; 6; 7; 8].

Результативность исследования полномочий ЕЭК предполагает общие концептуальные рамки, имеющие не только прикладные, но и теоретические аспекты. Разработка данных концептуальных рамок во многом определяется тем, что объем полномочий ЕЭК в сфере научно-технологического и инновационного сотрудничества весьма обширен. Однако он не имеет системного закрепления. Это связано с отсутствием международного договора в сфере научно-технологического сотрудничества государств-членов, в котором они были бы определены в общем и системном виде, например путем перечисления их видов и раскрытия соответствующих действий, которые правомочна совершать Комиссия.

В представленном исследовании в качестве важнейшего методологического подхода выступает понимание полномочий ЕЭК в сфере научно-технологической интеграции в качестве особенного по отношению к ее наиболее общим полномочиям, закрепленным в международных документах учредительного характера. Так, если обратиться к Договору о Евразийской экономической комиссии², то в ст. 3 предусматривается, что Комиссия как постоянно действующий регулирующий орган Таможенного союза и Единого экономического пространства осуществляет свою деятельность в пределах широкого круга полномочий. Однако полномочия в научно-технологической сфере интеграционных процессов не указаны, но, безусловно, они могут быть подведены под формулировку «иные полномочия».

Согласно п. 2 ст. 8 «Органы Союза» Договора о ЕАЭС³, Органы Союза действуют в пределах полномочий, которые предоставлены им настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза. Также как и Договор о Евразийской экономической комиссии, ст. 3 разд. 1 «Общие положения» Приложения № 1 «Положение о Евразийской экономической комиссии» к Договору о ЕАЭС не указывает на полномочия ЕЭК в научно-технологической сфере, но их вполне можно отнести к иным сферам, предусмотренным Договором и международными договорами в рамках Союза.

Тем не менее, как мы покажем в дальнейшем, полномочия Комиссии, в т.ч. в интересующей нас сфере, закреплены не только в международных договорах, но и в других актах, входящих в право Союза. Следует признать, что их закрепление имеет фрагментарный характер. С другой стороны, именно это усиливает значение доктринального исследования и систематизации соответствующих полно-

² Договор о Евразийской экономической комиссии (Москва, 18 ноября 2011 г.). URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/Documents/Договор%20о%20ЕЭК.pdf> (дата обращения: 20.05.2020).

³ Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.) (в ред. от 15 марта 2018 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 20.05.2020).

мочий. Однако цель последнего — не только в осуществление их содержательной характеристики, но и оценка с точки зрения их соответствия потребностям наращивания взаимодействия государств-членов ЕАЭС в научно-технологической и инновационной сферах.

Одновременно надо учитывать, что правовое закрепление полномочий ЕЭК в рассматриваемой сфере отражает модель правового регулирования научно-технологического и инновационного сотрудничества в рамках ЕАЭС. Как таковая данная правовая модель предполагает сочетание международно-правового и наднационально-правового регулирования. Отсюда возникает различие правовых инструментов, закрепляющих полномочия ЕЭК в научно-технологической сфере. Весьма важным является и то, что данная модель «пронизывает» полномочия в конкретных тематических направлениях научно-технологического взаимодействия в рамках ЕАЭС как в составе традиционных — промышленность, АПК, транспорт и энергетика, так и новых направлений интеграции, например, сотрудничество в космической сфере. Тем не менее акты, закрепляющие полномочия ЕАЭС, находятся в отношении иерархии, что в целом свойственно праву ЕАЭС, в котором, в свою очередь, как показывает А.С. Бакун, принцип иерархичности распространяется также на сферу источников «вторичного» права [9, с. 505].

Достаточно показательным является распространенный технико-юридический способ закрепления полномочий. Так, формулировки положений правовых актов ЕАЭС, предусматривающие правовое регулирование научно-технологического сотрудничества, в большинстве случаев определяют, что данное сотрудничество осуществляется при поддержке и с участием ЕЭК. Соответственно здесь в достаточно определенной форме можно видеть закрепление соответствующих полномочий.

Прежде всего следует начать с Договора о ЕАЭС, в котором, во-первых, придается важное значение программному методу регулирования МНТС, а, во-вторых, подчеркивается координирующая роль наднационального органа, т.е. ЕЭК. Так, в п. 9 ст. 92 Раздела XXIV «Промышленность» Договора о ЕАЭС предусматриваются специальные инструменты реализации промышленного сотрудничества в рамках Союза, такие как: стимулирование взаимовыгодной промышленной кооперации в целях создания высокотехнологичной, инновационной и конкурентоспособной продукции, совместные программы и проекты при участии государств-членов на взаимовыгодной основе, совместные инструменты, содействующие развитию промышленного сотрудничества. Предполагается, что все это будет осуществляться при опоре на консультативную и координационную поддержку со стороны Комиссии. Перечень инструментов является открытым, что предполагает ее активность по разработке дополнительных инструментов и документов.

Полномочия Комиссии по координации и поддержке деятельности государств по основным направлениям промышленного сотрудничества предусмотрены в п. 2 Протокола о промышленном сотрудничестве (Приложение № 27 к Договору о ЕАЭС). Здесь выделены два вида полномочий — консультативная поддержка и координация. В п. 1 достаточно подробно охарактеризованы полномочия ЕЭК в рамках консультативной поддержки и координации деятельности государств-членов по основным направлениям промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС. Таким образом, здесь можно наблюдать закрепление двух видов полно-

мочий: консультативная поддержка и координация деятельности. В свою очередь, они предполагают в обоих случаях такие направления, как «содействие» и «осуществление». С нашей точки зрения, выделение данных направлений достаточно условно, но большую ценность представляет собой включение в их состав значительного количества действий, которые Комиссия правомочна совершать.

С учетом предмета нашего исследования большой интерес представляет собой содержание п. 1 ст. 2, в котором предусматривается, что Комиссия оказывает содействие обмену информацией, проведению консультаций, формированию совместных площадок для обсуждения вопросов, касающихся выработки основных направлений промышленного сотрудничества, в т.ч. перспективных направлений инновационной деятельности. По сути, здесь мы видим родовые полномочия в сфере информационного обмена, консультирования, организации обсуждений, в т.ч. применительно к сотрудничеству государств в инновационной сфере. К интересующей нас сфере также непосредственно относится содействие обмену опытом по стимулированию инновационной деятельности и выработке рекомендаций по формированию евразийских технологических платформ.

В сущности сферу научно-технологического сотрудничества затрагивает большинство полномочий в промышленной сфере, например разработка и реализация совместных программ, подготовка программ и проектов положений о разработке, финансировании и реализации совместных программ и проектов, анализа развития промышленности государств-членов, информационное взаимодействие, вынесение рекомендаций по дальнейшему развитию промышленного сотрудничества, изучение мирового опыта развития промышленности с целью выявления перспективных и актуальных методов и др.

Если далее переходить к вопросу о закреплении полномочий Комиссии в сфере научно-технологического сотрудничества в актах рекомендательного характера, посвященных развитию кооперационного сотрудничества в различных отраслях промышленности⁴, то на первый взгляд они фактически не отслеживаются. Это связано с отсутствием развернутых положений об осуществлении научно-технологического сотрудничества. Вместе с тем можно видеть выполнение Комиссией функции побуждения предприятий к тому, чтобы они в рамках кооперации осуществляли совместное производство инновационной продукции на основе имеющихся современных технологий, которыми они располагают, что также предполагает выстраивание кооперационных технологических цепочек. Это обстоятельство не является препятствием на пути научно-технологической кооперации и интеграции, а также реализации полномочий комиссии по консультированию и координации данного рода направления взаимодействия.

Для согласования основных направлений агропромышленной политики, в т.ч. политики в сфере научно-технологического и инновационного развития агропромышленного комплекса, подп. 11 п. 7 ст. 95 Договора о ЕАЭС предполагает

⁴ Рекомендация Коллегии ЕЭК № 30 от 13 декабря 2017 (Москва) «О развитии кооперационного сотрудничества государств-членов ЕАЭС в сфере производства продукции цветной металлургии». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417995/clcr_15122017_30 (дата обращения: 12.06.2020); Рекомендация Коллегии ЕЭК от 13 декабря 2017 г. № 29 «О развитии кооперационного сотрудничества государств-членов Евразийского экономического союза в сфере производства продукции черной металлургии». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01415888/clcr_15122017_29 (дата обращения: 12.06.2020); Рекомендация Коллегии ЕЭК от 14 октября 2019 г. № 30 «О развитии кооперационного сотрудничества государств-членов ЕЭК в сфере судостроения и производства судового комплектующего оборудования». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01425034/clcr_17102019_30 (дата обращения: 13.06.2020).

реализацию консультативного механизма в рамках ЕЭК. К полномочиям ЕЭК отнесена также координация действий в процессе осуществления государствами-членами совместной научно-инновационной деятельности в сфере АПК, в т.ч. в рамках реализации государствами-членами межгосударственных программ.

Достаточно детальное закрепление круга полномочий Комиссии имеет место в специальных документах различной юридической силы, посвященных тематике научно-технологического сотрудничества АПК в целом. Обратимся к Рекомендации Коллегии ЕЭК № 14 «О перечне перспективных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере агропромышленного комплекса государств-членов ЕЭС до 2020 г.»⁵. В данной рекомендации государствам-членам предлагается при осуществлении совместной научно-исследовательской деятельности в сфере АПК руководствоваться прилагаемым Перечнем перспективных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Одновременно в п. 2 государствам-членам было рекомендовано осуществлять активное сотрудничество с ЕЭК в виде предоставления ей до 1 сентября 2015 г. информации об организациях, которые являются координаторами реализации перспективных НИОКР в соответствии с Перечнем, а также информации о проводимых и планируемых до 2020 г. исследованиях и проектах и объеме их финансирования. Все это дополнялось рекомендацией направлять в адрес ЕЭК предложения о порядке проведения совместных научных исследований в сфере АПК. Согласно п. 2 Рекомендации срок предоставления информации об уполномоченных органах и государственных научных организациях государств-членов ЕАЭС, которые ответственны за координацию действий участников совместных НИОКР, был установлен до 1 февраля 2017 г.

Из всего перечисленного очевидно, что государства-члены могут на добровольной основе сотрудничать с ЕЭК, которая располагает полномочиями по мониторингу осуществляемого и планируемого сотрудничества. Конечно, в указанных актах, в силу их рекомендательного характера, на государства ЕАЭС не налагаются строгие обязательства ни по сотрудничеству в сфере сельскохозяйственных НИОКР, ни по сотрудничеству с ЕЭК. Однако не стоит забывать о соответствующих положениях Договора, предусматривающих такие обязательства. Поэтому от активного выполнения данных рекомендаций будет зависеть выполнение их обязательств по Договору. В итоге только в случае активных действий государств, Комиссия может реализовать свои полномочия по консультированию и координации сотрудничества, предусмотренные ст. 95 Договора и естественным образом предполагающие наличие полной информации об имеющемся или осуществляемом сотрудничестве.

В выполнении Комиссией ее полномочий в сфере научно-технологического взаимодействия заинтересованы сами государства-члены. Это можно обосновать тем, что хотя инициаторами кооперации и выступают сами государства-члены и их уполномоченные органы, а также находящиеся под их юрисдикцией научно-исследовательские организации, повышение эффективности взаимодействия на основе объединения научно-технологического потенциала, его результативное использование, избегание дублирования НИОКР и рациональное использо-

⁵ Рекомендация Коллегии ЕЭК № 14 «О перечне перспективных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере агропромышленного комплекса государств-членов ЕЭС до 2020 г.». URL: https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/0148046/clco_09072015_14 (дата обращения: 14.06.2020).

вание финансовых средств, конечно же предполагает координацию на наднациональном уровне. Это позволяет добиться большей степени синхронизации и согласованности.

Возможно, что полномочия в сфере научно-технологического сотрудничества являются составной частью полномочий Комиссии в сфере реализации согласованной агропромышленной политики. Одновременно все это связано с тем, что научно-технологическое сотрудничество — составная часть сотрудничества в сфере АПК. Так, например, в своей Рекомендации о развитии кооперации в производстве мяса крупного рогатого скота⁶ Комиссия рекомендовала осуществлять сотрудничество в данной сфере при координации ЕЭК. Для нас важно отметить, что в перечень мер по развитию сотрудничества в данной сфере отнесено развитие кооперации в научно-технической сфере (п. 19(г)) и разработка и внедрение новых технологий (п. 3 (г)). Соответственно данные меры, также как и все остальные, осуществляются при координации Комиссии. Данный подход прослеживается в других тематических рекомендациях ЕЭК⁷. Одновременно поясним, что полномочия ЕЭК в сфере консультирования, координации и мониторинга распространяются на все звенья инновационного цикла.

Если обратиться к Разделу XX «Энергетика» Договора о ЕАЭС (ст. 79–85), то здесь можно найти регулирование полномочий ЕЭК по целому ряду направлений: формирование общего электроэнергетического рынка, общего рынка газа, рынков нефти и нефтепродуктов, обеспечение доступа к услугам субъектов естественных монополий в сфере электроэнергетики и т.д. Однако указание на полномочия в сфере энергетического научно-технологического сотрудничества здесь отсутствует. Во многом это объясняется отсутствием четко выраженных положений в Договоре относительно научно-технологического сотрудничества в энергетическом секторе. Однако это обстоятельство не препятствует развитию сотрудничества на основе Евразийской светодиодной технологической платформы, проекты в составе которой нацелены на разработку осветительных устройств, отличающихся высокой энергоэффективностью. В планах ЕЭК — расширение тематики интеграционных процессов в сфере энергетики по таким направлениям, как энергоэффективность и энергосбережение, использование ВИЭ и улучшение экологической ситуации.

Научно-технологическое сотрудничество в ЕАЭС включает в себя взаимодействие по формированию его организационной инфраструктуры, которая самым тесным образом интегрирована с инфраструктурным взаимодействием применительно к направлениям интеграции. Ключевыми звеньями такой комплексной инфраструктуры являются Евразийские технологические платформы (далее — ЕТП), нацеленные на мобилизацию научно-технологического потенциала государств-членов и повышение эффективности взаимодействия всех заинтересованных сторон в процессе сотрудничества в рамках уже функционирующих и

⁶ Рекомендация Коллегии ЕЭК от 19 марта 2019 № 11 «О развитии сотрудничества государств-членов ЕАЭС в сфере производства мяса крупного рогатого скота. Приложение: «Перечень мер по развитию сотрудничества государств-членов ЕАЭС в сфере производства мяса крупного рогатого скота», п. 1(9) Раздела I, п. 3(г) Раздела III. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01421303/clcr_25032019_11 (дата обращения: 03.06.2020).

⁷ Рекомендация Коллегии ЕЭК от 18 сентября 2018 г. № 18 «О развитии сотрудничества государств-членов ЕАЭС в сфере производства масляничных культур и масложировой продукции». Приложение «Перечень мер по развитию сотрудничества государств-членов ЕАЭС в сфере производства масляничных культур и масложировой продукции», Раздел II. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01418886/clcr_20092018_18 (дата обращения: 11.06.2020).

новых отраслей экономики. В формировании и функционировании ЕТП активное участие принимает ЕЭК. В Положении о формировании и функционировании ЕТП, утвержденном Решением № 2 Евразийского межправительственного совета от 13 апреля 2016 г.⁸, закреплены полномочия Совета ЕЭК по формированию приоритетных ЕТП (раздел IV «Порядок формирования евразийских технологических платформ»). Решение об их формировании принимает Совет ЕЭК на основе установленного пакета документов, поступивших от участников, согласованных уполномоченным органом от государства-члена. Поэтому учредители платформ согласно п. 3 Распоряжению Совета ЕЭК № 32 от 18 октября 2016 г. «О формировании приоритетных евразийских технологических платформ»⁹ предоставляют соответствующую информацию не только уполномоченным органам государств-членов, но и ЕЭК.

С этой точки зрения наибольший интерес представляет разд. VI «Порядок координации деятельности Евразийских технологических платформ». В п. 24 закреплено полномочие ЕЭК по осуществлению координации взаимодействия государств-членов по вопросам формирования и функционирования ЕТП. В п. 25 содержится широкий перечень действий, которые Комиссия осуществляет в рамках данного полномочия. Помимо рассмотрения комплекта документов, предоставляемых ей в целях формирования ЕТП, Комиссия организует круглые столы, совещания и видеоконференции в целях развития и продвижения деятельности ЕТП. Одновременно с этим она аккумулирует наилучшую практику функционирующих ЕТАП, разрабатывает предложения относительно повышения эффективности функционирования платформ с возможным вынесением их на рассмотрение Евразийского межправительственного совета.

В связи с тем, что согласно п. 5 (ж) одной из задач ЕТП является мониторинг результатов научно-технического и инновационного сотрудничества государств-членов, то в целях решения данной задачи за Комиссией закрепляется полномочие по подготовке доклада о результатах деятельности ЕТП. Предусматривается, что доклад основывается на основе результатов мониторинга, а также на основе информации о проделанной работе, поступившей от ЕТП. Цель доклада — представить государствам-членам информацию и одновременно предложения в целях принятия ими решений относительно повышения эффективности функционирования и стимулирования деятельности платформ. Таким образом, налицо достаточно объемные полномочия. Представляется, что исходя из упоминания о том, что под Комиссией понимается Совет (п. 7), указанные полномочия закреплены именно за ним. Вместе с тем обеспечение функционирования ЕПТ закреплено за Департаментом промышленной политики. Поэтому вполне обоснованно, что именно он, а не Совет должен заниматься осуществлением этих полномочий.

Из всего перечисленного на первый взгляд следует, что в силу выполнения координирующей функции Комиссия не правомочна выполнять распорядительные функции, т.е. самостоятельно выносить решения по вопросам функционирования платформ. Таким образом, решающее слово остается за государствами.

⁸ Решение Евразийского межправительственного совета № 2 от 13 апреля 2016 г. «Об утверждении Положения о формировании и функционировании евразийских технологических платформ». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01410052/icd_14042016_2 (дата обращения: 07.07.2020).

⁹ Распоряжение Совета ЕЭК от 18 октября 2016 г. № 32 «О формировании приоритетных евразийских технологических платформ». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01414433/spco_06032017_32 (дата обращения: 07.07.2020).

Однако, на наш взгляд, по мере функционирования платформ так или иначе будут возникать вопросы, решение которых в силу принципа субсидиарности будет предполагать принятие решений именно на наднациональном уровне, т.е. в рамках Комиссии.

Не менее важной организационной инфраструктурой сотрудничества ЕАЭС выступит Евразийский инжиниринговый центр, концепция которого была утверждена в 2016 г.¹⁰ В концепции большое место отведено направлениям совместного реагирования государств-членов, а также всех заинтересованных сторон, находящихся под их юрисдикцией, на вызовы, которые несет с собой Четвертая промышленная революция в отношении станкостроительной отрасли. В данном документе роль ЕЭК не прописана. Думается, что это будет сделано в акте, который предусмотрит порядок формирования и функционирования Инжинирингового центра. Здесь будут закреплены не только распорядительные, но и координационные полномочия. Последние вполне логично вытекают из содержания Приложения к Концепции, устанавливающего задачи Центра и механизмы их реализации. Так, ЕЭК может приложить свои усилия в сфере прогнозирования и выработки предложений по направлениям развития отрасли станкостроения и смежных отраслей, содействию сбору информации о состоянии и перспективах развития станкостроения в государствах-членах, разработке и реализации отраслевых программ и проектов.

В качестве инфраструктурного объекта, обеспечивающего слаженную цифровизацию промышленности в интеграционном ключе, выступает Евразийская цифровая платформа промышленной кооперации, а точнее Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий. Реализация данного проекта была инициирована Решением Евразийского межправительственного совета № 2¹¹.

Согласно п. 4 ЕЭК была наделена организационно-распорядительными полномочиями, заключающимися в утверждении состава рабочей группы по координации проекта и ее руководителя, а также по утверждению технического задания проекта. Особенностью правового статуса Комиссия является также то, что она не только является ее участником, но, как следует из п. 8 Паспорта, является правообладателем ее базового и интеграционного компонентов¹². В соответствии с п. 2 Решения евразийского межправительственного совета от 9 августа 2019 г. № 8 «О паспорте проекта Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий» Комиссия наделялась правом по внесению изменений в данный Паспорт. Данное право было реализовано Комиссией в соответствующем Решении Совета ЕЭК от 18 ноября 2019 г., касающемся редакции абз. 16 разд. 7 и введения дополнения в абз. 18.

¹⁰ Решение Евразийского межправительственного совета № 1 от 13 апреля 2016 г. «О Концепции создания Евразийского инжинирингового центра станкостроения». URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/DocLib/Концепция%20инжинирингового%20центра.pdf (дата обращения: 27.06.2020).

¹¹ Решение Евразийского межправительственного совета от 30 апреля 2019 г. № 2 «О реализации проекта “Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий”». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01423683/icd_06052019 (дата обращения: 14.07.2020).

¹² Паспорт проекта «Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий» (утвержден Решением евразийского межправительственного совета от 9 августа 2019 г. № 8). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01422710/icd_12082019_8 (дата обращения: 14.07.2020).

Как можно видеть из указанных документов, полномочия Комиссии не получили широкого освещения. Это можно объяснить стремлением избежать дублирования положений, которые содержатся в документах концептуального характера, которые входят в состав правовых основ, в соответствии с которыми предусматривается создание Сети. Они утверждены решениями Совета ЕЭК и имеют нормативное значение. С другой стороны, положение концептуальных документов заполняют пробел в собственно нормативно-правовом закреплении ее полномочий, т.к. реализация проекта Сети началась в ситуации разработанного положения о порядке ее формирования и функционирования, а только лишь на основе утвержденного Паспорта.

Напомним, что у истоков рассматриваемого проекта находились две концепции. Первая — это Концепция создания евразийской сети промышленной кооперации и субконтрактации¹³. Согласно Концепции цель формирования Сети — повышение конкурентоспособности и инновационной активности промышленности государств-членов более эффективным формам промышленного сотрудничества, что предполагает проведение технологической модернизации и развитие новых производств в контексте цифровой трансформации промышленности. Согласно положениям раздела III «Порядок формирования евразийской сети субконтрактации» Комиссия, будучи одним из участников Сети, формирует и ведет единый реестр промышленных предприятий (контракторов и субконтракторов). Надо отметить, что совокупность действий в рамках осуществления данного полномочия изложена в соответствии с их логической последовательностью, начиная от получения в электронном виде сведений из национальной части реестра от уполномоченных органами государств-членов и заканчивая их опубликованием на портале Союза. В дополнении к этому можно увидеть закрепление полномочий по проведению аналитической и организационно-методической поддержки Сети в целом и центров субконтрактации в частности, а также полномочий по проведению мониторинга и обеспечения информационного взаимодействия.

Если в рассмотренной концепции главным образом предусматривались полномочия ЕЭК, то отличием Концепции создания и функционирования евразийской сети трансфера технологий¹⁴ является равномерное распределение внимания к полномочиям Комиссии и полномочиям государств-членов. основополагающая цель создания Сети — объединений усилий государств-членов, бизнес-сообществ и научно-экспертных сообществ для стимулирования инновационных процессов путем трансфера технологий между промышленными предприятиями, научными организациями и высшими учебными заведениями. Исходя из п. 9 разд. 3 «Порядок создания и функционирования евразийской Сети» предусматривается, что ЕЭК будет выполнять разнообразные полномочия: — координирование (обеспечение деятельности уполномоченных органов); консультирование (оказание консультативной помощи государствам-членам в разработке механизмов финансовой поддержки деятельности евразийской сети, если возникнет соответствующая необходимость); издание нормативных актов (определение порядка

¹³ Концепция создания евразийской сети промышленной кооперации и субконтрактации (утвержден Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 21 декабря 2016 г. № 143). URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01414852/cncd_23012017_143 (дата обращения: 15.07.2020).

¹⁴ Концепция создания и функционирования Евразийской сети трансфера технологий (Утв. Решением от 30 марта 2018 г. № 23 Совета Евразийской экономической комиссии. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417246/cncd_02042018_23 (дата обращения: 14.06.2020).

формирования и функционирования Евразийской сети, порядка ведения национальных частей единого реестра и типовые требования к ним).

Значимость закрепления полномочий ЕЭК в документах концептуального характера заключается в том, что они имеют ориентирующую роль для Комиссии, например, в процессе заключения договоров по оказанию услуг по разработке и внедрению Сети¹⁵. Пункт 8 Технического задания по оказанию услуг предполагает разработку положений, в котором, как думается, найдет свое закрепление круг полномочий Комиссии в сфере научно-технологического и инновационного взаимодействия участников Сети.

Рассмотренные нами полномочия ЕЭК в рамках формирования и функционирования Евразийской сети промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий играют чрезвычайно важную роль в обеспечении цифровой трансформации промышленного сотрудничества. В п. 15 проекта Концепции создания условий для цифровой трансформации промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС закрепляются два полномочия ЕЭК, а именно осуществление координации и консультативной поддержки государств-членов в процессе создания условий для цифровой трансформации промышленного сотрудничества и цифровой трансформации промышленности¹⁶. Для нас важным представляются полномочия в сфере мониторинга, которые включают в себя действия по определению критичных технологий, находящихся в основе цифровой трансформации промышленности, что предполагает осуществление прогнозов научно-технологического сотрудничества.

В ходе проводимого нами исследования нельзя не затронуть вопрос о полномочиях ЕЭК в процессе реализации межгосударственных программ в сфере научно-технологического сотрудничества. К сожалению, подобного рода программы в ЕАЭС пока что отсутствуют. Однако полным ходом идет процесс по подготовке отраслевых программ. В настоящее время полностью разработана Межгосударственная программа «Интегрированная система государств-членов ЕАЭС по производству и предоставлению космических и геоинформационных продуктов и услуг на основе национальных источников данных дистанционного зондирования Земли/ДДЗ». 13 июля 2020 г. Совет ЕЭК одобрил проект решения Евразийского межправительственного совета об ее одобрении¹⁷. Программа нацелена на решение проблемы низкого уровня разработок и внедрения космических и геоинформационных технологий в экономику государств-членов ЕАЭС на фоне их стратегического характера. Развитие промышленного и инновационного развития указанных технологий в рамках данной программы предполагает целый ряд мероприятий, ряд из которых имеет научно-исследовательский (на-

¹⁵ Решение Коллегии ЕЭК от 6 августа 2019 г. № 135 «Об утверждении технического задания на оказание услуг по разработке и внедрению Евразийской сети промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01422661/cicd_08082019_135 (дата обращения: 08.06.2020).

¹⁶ Концепция создания условий для цифровой трансформации промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС и цифровой трансформации промышленности государств-членов Союза. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/Projekt_Konserciya_cifra.pdf (дата обращения: 17.05.2020).

¹⁷ Распоряжение Коллегии ЕЭК от 28 апреля 2020 г. № 54 «О проекте решения Совета ЕЭК о проекте решения Евразийского межправительственного совета „О межгосударственной программе „Интегрированная система государств-членов ЕАЭС по производству и предоставлению космических и геоинформационных продуктов и услуг на основе национальных источников данных дистанционного зондирования Земли“». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01225467/err_30042020_54 (дата обращения: 23.06.2020).

пример, НИР «Обоснование проектного облика интегрированной космической системы ДЗЗ государств-членов ЕАЭС») и опытно-конструкторский (модернизация аппаратно-программных комплексов приема данных ДДЗ национальных операторов космических систем ДЗЗ). Из раздела VII «Управление реализацией Программы и механизмы контроля за ее выполнением» следует, что управленческую функцию осуществляет Ответственный по программе — государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос», а контроль — ЕЭК.

В целом анализ содержания программы показывает, что ЕЭК не располагает особыми полномочиями в сфере научно-технологического и инновационного сотрудничества. Однако в этой связи участие в программе принимает ЕТП «Космические и геоинформационные технологии», то в ходе реализации Программы Комиссия может выполнять, в отношении деятельности данной технологической платформы, общие полномочия в сфере научно-технологического сотрудничества государств-членов ЕАЭС применительно к развитию космических и геоинформационных технологий.

Если рассматривать полномочия ЕЭК в сфере научно-технологического сотрудничества с точки зрения их полноты, то не по всем направлениям интеграционного взаимодействия они нашли свое развернутое закрепление. Сюда, например, можно отнести не только энергетику, но и транспорт, а также нефтегазовый сектор. Это можно объяснить тем, что правовое регулирование научно-технического сотрудничества, в отличие, скажем, от сотрудничества в промышленной сфере и АПК, здесь не получило сколь-нибудь широкого закрепления. Помимо этого проблематика научно-технологического сотрудничества и интеграции лишь косвенным образом затрагивается в соответствующих документах концептуального характера.

Рассмотрение вопроса о полномочиях ЕЭК не может сводиться только к их систематизации, а также к выявлению пробелов в их закреплении. Здесь важным является организационная сторона реализации полномочий. Несмотря на то, что в правовых и концептуальных документах говорится о ЕЭК, все же в ряде случаев, как мы продемонстрировали выше, имеется в виду Совет ЕЭК. Поэтому перспективным направлением могло бы стать изучение полномочий в рассматриваемой нами сфере с точки зрения их распределения между Советом, Коллегией, а также конкретными департаментами. Это можно объяснить тем, что в ЕАЭС отсутствует специальный орган, отвечающий за региональную научно-технологическую интеграцию. Поэтому здесь столь важным является достижение действий структурных подразделений Комиссии, в результате чего могла бы повыситься эффективность ее работы, как наднационального регулятора научно-технологической интеграции в целом.

Одновременно нельзя не отметить и такое важное условие успешного осуществления данных полномочий, как добросовестное и своевременное выполнение актов Союза, тем более тех, в которых закрепляются полномочия ЕЭК в научно-технологической сфере интеграции. А здесь, как известно, имеются общие проблемы, на которые указывается не только в научной литературе [10], но и документах Высшего Евразийского экономического совета¹⁸. Они заключа-

¹⁸ Распоряжение Высшего Евразийского экономического совета от 20 декабря 2019 г. № 10 «Об основных результатах деятельности ЕЭК», Раздел III «О ходе исполнения актов Союза». URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01224544/err_13012020_10_doc.pdf (дата обращения: 27.07.2020).

ются в отсутствии отработанных механизмов имплементации международных обязательств, а также распоряжений и решений наднационального регулятора.

В заключение исследования подведем выводы. Во-первых, ЕЭК располагает широким кругом полномочий в сфере научно-технологического сотрудничества государств-членов ЕАЭС. Это является важным условием для усиления потенциала их взаимодействия в данной сфере, а также для реализации положений о научно-техническом сотрудничестве, закрепленных в праве ЕАЭС. Во-вторых, к основным полномочиям можно отнести осуществление координации, консультирования, мониторинга, правотворчества и аналитическо-методического обеспечения взаимодействия как государств, так и иных разнообразных участников взаимодействия в научной, технологической и инновационной сферах. В-третьих, по мере расширения и углубления научно-технологического сотрудничества можно ожидать возникновение и дальнейшее закрепление полномочий Комиссии как в традиционных направлениях интеграции, в рамках которых пока что отсутствует надлежащее правовое регулирование научно-технологического сотрудничества, например в сфере энергетических технологий, так и в рамках новых направлений, в частности космических, цифровых, конвергентных и др. технологий.

Библиографический список

1. *Губарец Д.П.* Организационная структура Евразийского экономического союза: международно-правовые аспекты // Современное право. 2019. № 5. С. 139–146.
2. *Морозов А.Н.* Роль и значение институциональной системы для развития интеграции в Евразийском экономическом союзе и Европейском союзе: сравнительно-правовой дискурс // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 1. С. 131–139.
3. Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России / отв. ред. Т.А. Мешкова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 125 с.
4. *Логинов Е.Л., Шкута А.А., Логинова В.Е., Сорокин Д.Д.* Формирование системных механизмов научно-технической кооперации в рамках ЕАЭС с учетом стратегических трендов Четвертой промышленной революции // Вестник экономической безопасности. 2017. № 3. С. 205–211.
5. *Салиева Р.Н.* Правовые основы научно-технического сотрудничества государств Евразийского экономического союза // Вестник экономики, права и социологии. 2019. Т. 2. № 3. С. 144–147.
6. *Дьяконова А.А., Рахматуллина О.В.* Правовое регулирование научно-технического сотрудничества в условиях современной региональной интеграции: опыт Республики Казахстан // Право и государство: теория и практика. 2019. № 10. С. 134–136.
7. *Курочкин Д.А.* Проблемы правового регулирования сектора услуг по проведению научно-исследовательских работ в Евразийском экономическом союзе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Т. 10. Вып. 2. С. 332–352.
8. *Андреева Л.В.* Формирование нормативной правовой основы для создания единого инновационного пространства в Евразийском экономическом союзе // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2015. № 3. С. 52–64.
9. *Бакун А.С.* Юридическая сила актов Евразийского экономического союза: проблемы определения и пути решения // Научные труды Белорусского государственного университета. Минск: Белорусский государственный экономический университет, 2019. С. 502–507.

10. *Morozov A.N.* Реализация международных обязательств, принятых государствами-членами в рамках Евразийского экономического союза // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3. С. 111–129.

References

1. *Gubarets D.P.* Organizational Structure of the Eurasian Economic Union: International Legal Aspects // Modern law. 2019. No. 5. P. 139–146.
2. *Morozov A.N.* Role and Significance of the Institutional System for the Development of Integration in the Eurasian Economic Union and the European Union: Comparative Legal Discourse // Journal of foreign legislation and comparative law. 2018. No. 1. P. 131–139.
3. Eurasian Economic Integration: Prospects of Development and Strategic Task for Russia / ed. by T.A. Meshkova. Moscow: High economy school press, 2019. 125 p.
4. *Loginov E.L., Shkuta A.A., Loginova V.E., Sorokin D.D.* Formation of Systemic Mechanism of Scientific and Technical Cooperation within the Framework of the EAEU's Considering the Strategic Trends of the Fourth Industrial Revolution // Bulletin of economic security. 2017. No. 3. P. 205–211.
5. *Salieva R.N.* Legal Basis of Scientific and Technical Cooperation of the States of the European Union // Bulletin of economy, law and sociology. Vol. 2. No. 3. P. 144–147.
6. *Diakonova A.A., Rakhmatullina O.V.* Legal Regulation of Science and Technical Cooperation in the Context of Modern Regional Integration Experience of the Republic of Kazakhstan // Law and state: theory and practice. 2019. No. 10. P. 134–136.
7. *Kurochkin D.A.* Issues of Legal Regulation of Sector of Research Services in the Eurasian Economic Union // Bulletin of Saint Petersburg University. Law. Vol. 10. Issue 2. P. 332–352.
8. *Andreeva L.V.* Formation of the Legal and Regulatory Framework for the Creation of a Single Innovation Space in the Eurasian Economic Union // International cooperation of Eurasian states: policy, economy, law. 2015. No. 3. P. 52–64.
9. *Bakun A.S.* Legal Effect of Eurasian Economic Union Acts: Problem of Definition and Solutions // Scientific works of Belarusian state economic university. Minsk: 2019. P. 502–507.
10. *Morozov A.N.* Implementation of International Commitments Undertaken Member States within the Framework of the Eurasian Economic Union // Journal of foreign legislation and comparative law. 2017. No. 3. P. 111–129.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10134
УДК 342.95

А.Ю. Соколов, О.А. Лакаев

ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА УЧЕНЫХ ЗВАНИЙ В РОССИИ*

Введение: актуальность статьи обусловлена потребностью научно-педагогического сообщества в модернизации института ученых званий, что может способствовать повышению заинтересованности профессорско-преподавательского состава вузов и работников научных организаций в осуществлении научной деятельности. **Цель:** рассмотреть предполагаемые направления совершенствования института ученых званий на основе накопленного опыта их присвоения и практики деятельности ведущих российских вузов и научных организаций по присвоению почетных званий. **Методологическая основа:** общие и частные научные методы познания объективной действительности, к которым относятся анализ, синтез, абстрагирование и формально-юридические методы, а также иные методы научного познания. **Результаты:** определены основные направления совершенствования института ученых званий в России. **Вывод:** действующее нормативно-правовое регулирование присвоения ученых званий не в полной мере учитывает потребности научно-педагогического сообщества ввиду недостаточно проработанного механизма повышения заинтересованности преподавателя и ученого в раскрытии своего научного потенциала. Достоинства и недостатки имеются у любого возможного направления совершенствования института ученых званий, однако должна быть сохранена централизация с целью контроля за единообразным правоприменением, чтобы не допустить обесценивания статуса лиц, которым присвоены звания.

Ключевые слова: ученые звания, научная аттестация, профессор, доцент, карьерный рост.

© Соколов Александр Юрьевич, 2020

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: aysokolov@mail.ru

© Лакаев Олег Анатольевич, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: olegoleg81@mail.ru

© Sokolov Aleksandr Yuryevich, 2020

Doctor of law, Professor, Professor, Administrative and municipal law department (Saratov State Law Academy)

© Lakaev Oleg Anatolyevich, 2020

Candidate of law, Associate Professor, Administrative and municipal law department (Saratov State Law Academy)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта «Реализация современных механизмов оценки научной квалификации в сфере присвоения ученых званий на основе использования российского и международного опыта в условиях трансформации нормативной правовой основы государственной научной аттестации» № 730000Ф.99.1БВ16АА02001.

A.Yu. Sokolov, O.A. Lakaev

POSSIBLE DIRECTIONS FOR IMPROVING
THE INSTITUTE OF ACADEMIC TITLES IN RUSSIA

Background: the relevance of the article is due to the need of the scientific and pedagogical community to modernize the Institute of academic titles, which can help to increase the interest of the teaching staff of universities and employees of scientific organizations in the implementation of scientific activities. **Objective:** to consider the proposed areas of improvement of the Institute of academic titles based on the accumulated experience of awarding them and the practice of leading Russian universities and research organizations in awarding honorary titles. **Methodology:** general and particular scientific methods of cognition of objective reality, which include analysis, synthesis, abstraction and formal legal methods, as well as other methods of scientific knowledge. **Results:** the main directions of improvement of the Institute of academic titles in Russia are defined. **Conclusion:** the current legal regulation of awarding academic titles does not fully take into account the needs of the scientific and pedagogical community due to the insufficiently developed mechanism for increasing the interest of teachers and scientists in revealing their scientific potential. There are advantages and disadvantages to any possible direction for improving the institution of academic titles, but centralization should be maintained in order to control uniform law enforcement in order to prevent the status of persons who are awarded titles from being devalued.

Key-words: academic titles, scientific certification, Professor, associate Professor, career development.

Институт ученых званий в России представляет собой совокупность правовых норм в сфере государственной системы научной аттестации, регулирующих критерии присвоения ученых званий, требования к лицам, претендующим на их присвоение, порядок рассмотрения аттестационных дел о присвоении ученых званий доцента и профессора, основания и порядок лишения, восстановления ученых званий, признания ученых званий, полученных в иностранном государстве, и подтверждении выданных в Российской Федерации документов об ученых званиях.

Накопленный опыт нормативно-правового регулирования ученых званий и практика их присвоения показывают недостаточную эффективность данного института в повышении кадрового потенциала отечественной науки, что обуславливает целесообразность совершенствования правовой политики Российской Федерации в сфере присвоения ученых званий. В системе государственной научной аттестации ученые звания имеют второстепенное значение по сравнению с учеными степенями, что в первую очередь повышает интерес к последним и сводит проблемы научной аттестации преимущественно к основаниям и порядку присуждения ученых степеней [1, с. 59–62; 2, с. 79–87; 3, с. 124–130; 4, с. 24–32]. В то же время модернизация института ученых званий должна способствовать повышению результативной деятельности в сфере подготовки высококвалифицированных научных кадров за счет создания действенных механизмов стимулирования их получения, и, как следствие, дальнейшему развитию научных знаний, улучшению качественных и количественных показателей работы научных и педагогических работников, росту конкурентоспособности отечественной науки.

Значение института ученых званий определяется тем, что его содержание включает в себе стимулирующий потенциал, усиление которого может послужить одним из способов удержания в стране наиболее эффективных ученых, создающих прорывные технологии, что является одним из наиболее проблемных вопросов развития научно-исследовательского комплекса России по сравнению с лидирующими в сфере инноваций государствами¹.

Президентом РФ развитие науки обозначено в числе двенадцати приоритетов развития государства на период до 2024 года. При этом реализация цели обеспечения привлекательности работы в Российской Федерации для молодых перспективных исследователей (как российских, так и зарубежных) должна способствовать решению задачи формирования завершенной системы подготовки и повышения профессионального уровня научно-педагогических и научных кадров, должны быть созданы предпосылки для организации конкурентоспособных коллективов и научных лабораторий, проведения научных исследований и внедрения разработок молодыми учеными². В детализированном виде реализация этого приоритета предполагает достижение определенных количественных показателей по различным направлениям совершенствования научной деятельности (открытие центров развития компетенций; поддержка научных проектов по приоритетам научно-технологического развития; оптимизация механизмов обучения в аспирантуре по программам подготовки научных и научно-педагогических кадров, предусматривающих специальную грантовую поддержку выполняемого проекта; и др.)³. В то же время в рамках осуществления национального проекта «Наука» не предусматривается совершенствование механизма присвоения ученых званий, хотя, по сути разработка внятных процедур их присвоения и четкое определение их места в механизме карьерного роста преподавателя и ученого также должны служить реализации цели обеспечения привлекательности работы в РФ для молодых перспективных исследователей.

Очевидно, что институт ученых званий в настоящее время не в полной мере отвечает потребностям научно-технологического развития России, поскольку не создает достаточной заинтересованности у ученых в присвоении званий профессора и доцента. Вопрос о возможном упразднении ученых званий тем не менее на сегодняшний день не ставится. Опыт развитых государств Запада (США⁴, Великобритания⁵, Франция⁶, ФРГ⁷) и иных стран показывает наличие

¹ См.: Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года (утверждены Правительством РФ 29 сентября 2018 г.). Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://static.government.ru/> (дата обращения: 12.09.2020).

² См. п. 10 Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (в ред. от 21 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 20, ст. 2817; 2020. № 30, ст. 4884.

³ См.: Паспорт национального проекта «Наука», утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://static.government.ru/media/files/vCAoi8zEXRVСуy2Yk7D8hvQbpbUSwO8y.pdf> (дата обращения: 12.09.2020).

⁴ См., например: 5 USC. § 5102. Definitions; application; 10 USC. § 8581: Civilian member: definition; exceptions; 10 USC. § 8544. Civilian teachers: number; compensation.

⁵ См., например: Universities (Scotland) Act 1858. С. 83 (Regnal. 21_and_22_Vict) Section 13.

⁶ См., например: Décret n°84-431 du 6 juin 1984 fixant les dispositions statutaires communes applicables aux enseignants-chercheurs et portant statut particulier du corps des professeurs des universités et du corps des maîtres de conférences. Version consolidée au 24 mai 2020 // Legifrance. gouv.fr. Le Service de la Diffusion du Droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000520453> (дата обращения: 18.09.2020).

⁷ См., например: Gesetz über die Hochschulen im Land Berlin (BerlHG) in der Fassung vom 26. Juli 2011, das zuletzt geändert durch Artikel 3 des Gesetzes vom 17. Dezember 2019 (§ 103) // GVBl. 2011. S. 378; 2019. S. 795.

и функционирование в их научно-исследовательском комплексе подобного института, что наводит на мысль о целесообразности сохранения ученых званий, при условии его совершенствования.

При этом развитие данного института возможно по двум направлениям. Во-первых, возможен вариант глубокого реформирования существующей модели присвоения ученых званий, сопровождающийся разработкой новых критериев их присвоения и требований к лицам, претендующим на присвоение ученых званий по научным специальностям, оптимизации аттестационных процедур. Во-вторых, нельзя исключать рассмотрение вопроса о формировании новой модели, встраивающей ученые звания в механизм карьерного роста научно-педагогических и научных работников и ориентированной на зарубежный опыт, основанный на учете достижений данных субъектов, контрактах и профессиональных стандартах.

Первый вариант основан на признании эффективности действующего института ученых званий в том смысле, что он устанавливает четкие формализованные показатели работы научных и научно-педагогических работников, необходимые для их присвоения. Это исключает возможность возникновения коррупционных механизмов в данной сфере. Однако отрицательная сторона этой модели состоит в том, что она не привязана к высоким достижениям в научной деятельности: претендент, опубликовавший необходимое количество работ, указанных в Положении о присвоении ученых званий (далее — Положение)⁸ и имеющий иные количественные показатели деятельности, вправе рассчитывать на присвоение ему соответствующего звания. При этом высокое качество его научных трудов презюмируется, исходя из того, что журналы, в которых публикуются научные статьи, являются рецензируемыми научными изданиями и должны отвечать установленным для них требованиям. Вместе с тем в действительности далеко не всегда в рецензируемых научных изданиях публикуются статьи надлежащего научного уровня, обладающие актуальностью и нужной степенью новизны.

Важным для определения оптимального механизма присвоения ученых званий является вопрос — научная ли это аттестация? В тексте Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (в ред. от 31 июля 2020 г.)⁹ речь идет именно о научной аттестации. Однако при этом по Положению для присвоения звания доцента требуется помимо прочего осуществление педагогической деятельности не менее чем на 0,25 ставки в образовательной организации высшего образования, наличие стажа педагогической деятельности не менее 5 лет и не менее двух опубликованных учебных изданий за последние три года. Очевидно, что данная аттестация носит смешанный характер: она по своему содержанию научно-педагогическая. Возникает парадоксальная ситуация, когда работники научных организаций чувствуют себя ущемленными, поскольку для присвоения ученого звания им требуется на условиях совместительства осуществлять педагогическую деятельность и публиковать учебные издания. В связи с этим целесообразно ставить вопрос о восстановлении ученого звания «старший научный сотрудник» и разработки параллельной системы требований и критериев для присвоения работникам

⁸ См.: Постановление Правительства РФ от 10 декабря 2013 г. № 1139 «О порядке присвоения ученых званий» (в ред. от 6 июня 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 50, ст. 6605; 2019. № 24, ст. 3087.

⁹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 35, ст. 4137; 2020. № 31, ч. 1, ст. 5068.

организаций науки данного ученого звания. Представляется, что для них аттестация должна носить сугубо научный характер. Поэтому из предусмотренной в настоящее время системы требований и критериев для научных работников следует исключить те, которые связаны с педагогической деятельностью. Однако, учитывая, что специфика работы научных организаций предполагает опубликование значительного количества монографий и статей в рецензируемых журналах, можно предложить ввести вместо различных показателей в сфере педагогической деятельности, двойное количество научных трудов.

Проблемным является вопрос о непрерывности стажа в течение двух лет на должностях профессорско-преподавательского состава. Это является препятствием для соискателей ученых званий, работающих на условиях внешнего совместительства в образовательной организации высшего образования, поскольку трудовой договор с ними зачастую заключается на период учебного года и, соответственно, ежегодно стаж трудовой деятельности прерывается на два месяца. Учитывая несправедливость данного требования, целесообразно рассмотреть вопрос об устранении непрерывности стажа трудовой деятельности либо об установлении допустимого срока его прерывания (как вариант — два месяца).

Нередко на практике возникают ситуации, когда преподаватель, имея ученую степень по одной научной специальности, читает лекции и ведет практические занятия по другой специальности. При этом ученое звание присваивается по научной специальности, указанной в аттестационном деле. Возникает вопрос об обоснованности присвоения работнику ученого звания по той специальности, которая не соответствует основному профилю его научной деятельности. С одной стороны, это наводит на мысль о возможности определения «родственности» тех или иных научных специальностей, но с другой — отсутствует вероятность нормативного установления универсального критерия «родственности» тех или иных наук. Подобная практика, очевидно, приведет к многочисленным злоупотреблениям со стороны ученых советов вузов. В таких условиях видится иное решение данного вопроса: если работник осуществляет преподавательскую деятельность по специальности, отличной от той, по которой ему была присуждена ученая степень, то для подтверждения его научно-педагогического уровня по преподаваемой дисциплине требуется установить большее количество учебных и научных работ (например, с двукратным увеличением).

В Положении в качестве одного из критериев присвоения ученого звания названо общее количество научных трудов и учебных изданий (для профессора — не менее 50, для доцента — не менее 20). Однако не определена возможность отнесения к подобным изданиям и трудам, работ опубликованных в электронном виде вне государственного регистра. Несмотря на то, что эти издания относятся к числу стандартизируемых¹⁰, для избежания возможных разночтений в Положении требуется внести соответствующее уточнение, тем более, что в последние годы наука активно развивается и в электронном пространстве.

Неопределенным является вопрос, по какому принципу определяются (пятилетний для звания «профессор» и трехлетний для звания «доцент») периоды, в течение которых должны быть опубликованы научные труды и учебные издания:

¹⁰ См.: Приказ Росстандарта от 15 октября 2013 г. № 1163-ст «Об утверждении ГОСТ Р 7.0.83-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения». М.: Стандартинформ, 2019.

исходя из календарного или учебного года. Справедливо и удобно для преподавателя и ученого совета вуза складывать эти работы по календарным годам.

Научные труды соискателей должны быть опубликованы в рецензируемых научных изданиях. Тем не менее перечень рецензируемых журналов, включенных в перечень, который утверждается Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ, периодически пересматривается. В Положении нет ответа на вопрос: считать ли статью опубликованной в рецензируемом научном издании, если на момент подачи документов на присвоение ученого звания журнал исключен из перечня ВАК? Представляется, что если журнал на момент опубликования в нем научной статьи входил в перечень ВАК, она должна быть учтена при решении вопроса о присвоении ученого звания.

Заслуживают внимания процедурные аспекты присвоения ученых званий. Здесь также возникает ряд вопросов. Является ли присвоение ученого звания реализацией права научного или научно-педагогического работника на повышение научной квалификации? Какова роль ученого совета вуза и может ли он отказать претенденту в представлении к присвоению ученого звания? Может ли работник самостоятельно подать необходимые документы в Минобрнауки России? С одной стороны, ответы на них очевидны и содержатся они в Положении. Безусловно, работник вправе претендовать на присвоение ученого звания, если он добился определенных количественных показателей. В то же время действующий формат Положения не позволяет ему самостоятельно обратиться в этих целях в Минобрнауки России, поскольку в нем предусмотрен единственный оценочный момент, обуславливающий необходимость участия промежуточной инстанции (ученого совета) — это чтение курса лекций или проведение прочих занятий на высоком профессиональном уровне. Самостоятельно работник не может определить свой профессиональный уровень. Однако опять же возникает вопрос (который уже ставился): научная ли это аттестация? Чтение курса лекций или проведение других учебных занятий характеризует деятельность работника как образовательную. Поэтому в перспективе возможны два варианта: либо сохранить существующий порядок, но признать такую аттестацию научно-педагогической, либо, следуя буквальному пониманию термина «научная аттестация», отказаться от данного критерия оценки деятельности работника, что реформирует деятельность ученого совета вуза в сугубо посредническую. При этом оценка педагогических способностей работника может перейти в русло исключительно внутренней деятельности организации и реализации ее дисциплинарной компетенции, не влияя на возможность присвоения ученого звания.

Недостаточно совершенны и процедурные нормы, регламентирующие деятельность Минобрнауки России по присвоению ученых званий. В Положении предусмотрена возможность однократного возвращения аттестационного дела в организацию на доработку при выявлении неправильного оформления документов или их некомплектности. Если организация повторно направляет документы с недостатками, то Минобрнауки России запрашивает дополнительные материалы, необходимые для рассмотрения аттестационного дела, и направляет их вместе с аттестационным делом в другую организацию на экспертизу. Заключение экспертной организации должно содержать мотивированные выводы о соблюдении порядка присвоения ученого звания, выполнении критериев его присвоения, включая соответствие соискателя ученого звания предъявляемым требованиям. Однако целесообразность всей этой процедуры можно поставить

под сомнение, если речь идет о технических недостатках (отсутствует подпись, печать на каком-либо документе). Нужно ли привлекать экспертную организацию при их выявлении, если не ставится вопрос о соответствии претендента установленным критериям и требованиям? В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть вопрос о включении в Положение правила о повторном возвращении аттестационного дела на доработку, если недостатки представленной документации носят характер технических.

Второе возможное направление развития института ученых званий связано в первую очередь, с усилением роли вузов в сфере присвоения ученых званий. Одним из наиболее спорных вопросов является предполагаемое расширение самостоятельности образовательных организаций, включая, прежде всего, возможность присвоения ученых званий организациями, наделенными правом самостоятельного присуждения ученых степеней. Автономия ведущих вузов по ряду вопросов допускается ст. 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике». Кроме того, п. 36 «Плана мероприятий по реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации на 2017–2019 годы» (первый этап)¹¹ предполагалось обеспечить условия перехода от государственной к общественно-профессиональной системе научной аттестации, в т.ч. присвоению ученых званий научными и образовательными организациями самостоятельно. При этом следует отметить позицию Российской академии наук относительно присуждения ученых степеней в подобном формате. Президиум РАН отмечает недостаточность достигнутых к настоящему времени результатов реализации указанными организациями соответствующих полномочий, чтобы сделать вывод о целесообразности дальнейшего расширения перечня организаций, которым предоставляется данное право. Наряду с успешными примерами осуществления такой деятельности в отдельных организациях, в которых имел место переход на новую систему присуждения ученых степеней, число защит диссертаций снизилось, а часть организаций, которые получили такое право, его до сих пор не реализовали¹². Учитывая данную позицию, возможно предположить какое мнение сложилось бы у президиума РАН по вопросу о присвоении ученых званий в таком же порядке.

Представляется, что наделение организаций получивших право самостоятельного присуждения ученых степеней правом самостоятельного присвоения ученых званий, может усилить неравное положение образовательных организаций высшего образования и обусловить сосуществование двух параллельных механизмов присвоения ученых званий, что может внести дезорганизацию в действующий механизм аттестации научных и научно-педагогических кадров.

Если говорить о гипотетической возможности самостоятельного присвоения ученых званий любыми вузами и научными организациями, то такая перспектива может привести к обесцениванию института ученых званий. При этом следует

¹¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 24 июня 2017 г. № 1325-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (в ред. от 26 сентября 2017 г.). Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://static.government.ru/media/files/g5OvkCKBOKLEhAXjN94ogSBELV39ObPA.pdf> (дата обращения: 14.09.2020).

¹² См.: Постановление президиума РАН от 2 июня 2020 г. № 77 «О совершенствовании системы самостоятельного присуждения организациями ученых степеней в Российской Федерации». Официальный сайт Российской академии наук. URL: <http://www.ras.ru/presidium/documents/directions.aspx> (дата обращения: 12.09.2020).

учитывать принципиальное различие институтов присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий. Присуждение ученой степени осуществляется по результатам оценки научного труда претендента диссертационным советом, наличие которого свидетельствует о высоком кадровом и научном потенциале образовательной организации высшего образования. Присвоение ученого звания является результатом оценки не только научных, но и педагогических заслуг претендента без участия в этой процедуре диссертационного совета. Наделение образовательных организаций высшего образования, не обладающих соответствующим научным и кадровым потенциалом, правом самостоятельного присвоения ученых званий, может привести к ненадлежащему присвоению таковых лицам, этого не заслуживающим, необоснованному подведению вузами численности профессоров и доцентов под аккредитационные показатели, формированию коррупционных механизмов присвоения ученых званий внутри отдельных вузов.

Вопрос о самостоятельности образовательных и научных организаций связан также с возможностью присвоения «своих» званий (или квазизваний). В этом направлении в последние годы наметилась определенная тенденция. В системе образовательных организаций высшего образования появилась практика присвоения «почетного статуса» ординарного профессора, что характерно для Финансового университета при Правительстве РФ и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Получение лицом такого статуса в Финансовом университете при Правительстве РФ дает ему не только репутационные (указание себя в публикациях, докладах, интервью в качестве ординарного профессора), но также организационные и материальные преимущества по сравнению с другими членами профессорско-преподавательского состава, поскольку оно приобретает право на прохождение аттестации научно-педагогических работников в заочной форме получать индивидуальные льготы и гарантии согласно дополнительному соглашению к трудовому договору, участвовать в управлении вузом в составе коллегии, состоящей преимущественно из ординарных профессоров¹³. В меньшей степени подобные преимущества выражены в НИУ ВШЭ¹⁴.

В системе организаций науки подобное начинание также было поддержано. Постановлением президиума РАН от 29 сентября 2015 г. № 204¹⁵ было введено почетное звание «Профессор РАН», присваиваемое президиумом РАН исследователям, которые не являются членами РАН и осуществляют научную или научно-образовательную деятельность в образовательных организациях высшего образования или научных организациях за научные достижения международной или государственной значимости. Нормативно-правовое регулирование указанного звания показывает его сходство с учеными званиями ввиду необходимости

¹³ См.: Приказ ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ» от 14 мая 2015 г. № 1080/о «Об утверждении Положения об ординарных профессорах Финансового университета». Официальный сайт Финансового университета при Правительстве РФ. URL: http://www.fa.ru/org/div/ous/Documents/Prikaz_OP.PDF (дата обращения: 14.09.2020).

¹⁴ См.: Приказ НИУ ВШЭ от 11 апреля 2016 г. № 6.18.1-01/1104-05 «О введении в действие Положения об ординарных профессорах Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“». Официальный сайт НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/docs/180645433.html> (дата обращения: 14.09.2020).

¹⁵ См.: Постановление президиума РАН от 29 сентября 2015 г. № 204 «Об учреждении звания „Профессор РАН“ и утверждении Положения о звании „Профессор РАН“». Официальный сайт Российской академии наук. URL: <http://www.ras.ru/presidium/documents/directions.aspx?ID=adf67dc8-84b3-4350-b4be-7e1dce9b71ec> (дата обращения: 14.09.2020).

достижения ряда показателей, включая квалификационные. Претенденты должны иметь ученую степень доктора наук, читать курсы лекций на высоком профессиональном уровне, участвовать в подготовке научных кадров, осуществлять научное руководство или консультирование, иметь награды и почетные звания, а также быть не старше 50 лет на момент присвоения звания. Впоследствии практику присвоения аналогичных званий переняла Российская академия образования, утвердив положение о почетном звании «Профессор РАО»¹⁶.

Наличие почетного звания ординарного профессора в отдельных вузах отражает объективную потребность в учете заслуг профессорско-преподавательского состава в сфере научной деятельности и постепенной модернизации института ученых званий. Политика указанных вузов ориентирована на учет высоких, наиболее значимых научных достижений, что отражается и на правовом статусе носителей почетных званий. Ученые же звания в настоящее время играют незначительную роль в развитии карьеры преподавателя и ученого и стимулировании его плодотворной научной и научно-педагогической деятельности. Они нужны лишь для замещения отдельных должностей (президент вуза, ректор, заведующий кафедрой¹⁷). У ученых званий в этом отношении имеется определенный потенциал, который может быть раскрыт в ходе поэтапного совершенствования их системы и разработки алгоритма развития карьеры преподавателя и ученого. Этому может способствовать учет опыта отдельных ведущих вузов в присвоении звания ординарного профессора.

Таким образом, действующее нормативно-правовое регулирование присвоения ученых званий не в полной мере учитывает потребности научно-педагогического сообщества ввиду недостаточно проработанного механизма повышения заинтересованности преподавателя и ученого в раскрытии своего научного потенциала. Возможные направления совершенствования института ученых званий показывают перспективы его развития и повышения значимости указанных званий. Есть плюсы и минусы у любой системы, однако должна быть сохранена централизация для контроля за единообразным правоприменением, дабы не допустить обесценивания статуса лиц, которым присвоены звания.

Библиографический список

1. Васильев С.А., Зенин С.С. Вопросы совершенствования и актуализации системы государственной научной аттестации // Юридический мир. 2017. № 1. С. 59–62.
2. Васильев С.А., Зенин С.С. Тенденции развития государственной системы научной аттестации и возникающие в связи с этим проблемы // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2019. № 15. С. 79–87.

¹⁶ См.: Приказ РАО от 1 июня 2017 г. № 57 «Об утверждении Положения о почетном звании „Профессор РАО“». Официальный сайт Российской академии образования. URL: <http://rusacademedu.ru/wp-content/uploads/2017/06/polozhenie-o-pochyotnom-zvanii-professor-rao.pdf> (дата обращения: 14.09.2020).

¹⁷ См.: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 11 января 2011 г. № 1н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел „Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования“» // Российская газета. 2011. 13 мая.

3. *Narutto C.B.* Демократические тенденции в новой модели государственной системы научной аттестации и проблемы сохранения единого правового пространства // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1 (54). С. 124–130.

4. *Narutto C.B.* Номенклатура научных специальностей и новая модель государственной научной аттестации // Правоприменение. 2019. Т. 3. № 1. С. 24–32.

References

1. *Vasiliev S.A., Zenin S.S.* Issues of Improving and Updating the System of State Scientific Certification // Legal world. 2017. No. 1. P. 59–62.

2. *Vasiliev S.A., Zenin S.S.* Trends in the Development of the State System of Scientific Certification and Problems Arising in this Regard // Bulletin of the public research laboratory «Interaction of the criminal Executive system with civil society institutions: historical, legal, theoretical and methodological aspects». 2019. No. 15. P. 79–87.

3. *Narutto S.V.* Democratic Trends in the New Model of the State System of Scientific Certification and Problems of Preserving the Unified Legal Space // Bulletin of The Academy of law and management. 2019. No. 1 (54). P. 124–130.

4. *Narutto S.V.* Nomenclature of Scientific Specialties and a New Model of State Scientific Certification // Law enforcement. 2019. Vol. 3. No. 1. P. 24–32.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10135

УДК 342.95

Е.В. Ильгова, Т.А. Смагина, Ю.М. Тугушева

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПОНЯТИЯ «ДАННЫЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ»: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ*

Введение: проблема незаконного оборота данных в условиях глобальной цифровизации ежедневно ставит под угрозу права наименее защищенной категории граждан — несовершеннолетних. Со стороны общества получает распространение позитивное и негативное посягательство на информацию, связанную с личностью ребенка. Перед государством стоит задача популяризировать и развивать правовую базу и правовые знания о рассматриваемой стороне правового статуса несовершеннолетнего. Ежедневно в поле зрения заинтересованных физических лиц, органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних находятся данные, ответственное отношение к которым способствует соблюдению конституционных прав ребенка. **Цель:** перед профессиональным сообществом ученых-юристов в рамках реализации концептуальных правовых основ цифровизированных отношений встал вопрос о нормативно-правовой регламентации их (отношений) составных элементов. Целью исследования является анализ семантической природы понятия «данные», формирование расширенного правового взгляда на проблему и моделирование правового понятия «данные». Классификация элементов правового статуса несовершеннолетних как субъектов, обладающих, владеющих данными о себе, а также передающих, собирающих и формирующих данные о себе, для себя, для общества, будет способствовать повышению эффективности правоприменительной деятельности субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Требуется внимания характеристика сведений, получаемых о несовершеннолетних для частных интересов и со стороны государственных структур, в том числе со стороны системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. **Методологическая основа:** общие и частные научные методы познания объективной действительности; диалектический, дедукции и индукции, сравнительный и логический. **Результаты:** авторами обоснована позиция междис-

© Ильгова Екатерина Владимировна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и муниципального права, ректор (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: k_ilgova@mail.ru

© Смагина Тамара Алексеевна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: ta-smagina@mail.ru

© Тугушева Юлия Михайловна, 2020

Магистр юриспруденции, старший преподаватель кафедры информационного права и цифровых технологий (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: uvr1@ssla.ru

© Ilgova Ekaterina Vladimirovna, 2020

Candidate of law, Associate Professor, Professor, Administrative and municipal law department, rector (Saratov State Law Academy)

© Smagina Tamara Alekseevna, 2020

Candidate of law, Associate Professor, Administrative and municipal law department, (Saratov State Law Academy)

© Tugusheva Yulia Mikhailovna, 2020

Master of law, senior lecturer, Information law and digital technologies department (Saratov State Law Academy)

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-011-00656.

циплинарной правовой природы данных о несовершеннолетнем; аргументирована необходимость теоретической классификации правового статуса несовершеннолетних как субъектов — обладателей данными (когда само состояние несовершеннолетия является юридически значимой информацией), как субъектов — пользователей данными и как субъектов, передающих данные для правоприменительной деятельности уполномоченных государственных органов в целях их (несовершеннолетних) защиты; обоснована потребность в установлении четкого понятийного аппарата, не допускающего семантических барьеров. **Выводы:** для юридических правоприменительных целей российское федеральное законодательство нуждается в формировании и использовании понятийного аппарата, который в условиях глобально развивающегося цифровизированного пространства становится необходимым элементом охраны прав несовершеннолетних субъектов современных отношений.

Ключевые слова: данные несовершеннолетнего, информационные технологии, персональные данные, субъекты цифровизированных отношений, система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

E.V. Ilgova, T.A. Smagina, Yu.M. Tugusheva

ON THE LEGAL NATURE OF THE “DATA OF MINORS” CONCEPT: AN INTERDISCIPLINARY ASPECT

Background: the problem of illegal traffic in the context of global digitalization daily threatens the rights of the least protected category of citizens — minors. Positive and negative attacks on information related to the child’s identity are being spread by society. The state is faced with the task of popularizing and developing the legal framework and legal knowledge about the legal status of a minor under consideration. Every day, interested individuals, bodies and institutions of the system for the prevention of neglect and delinquency of minors are in the field of view of data, responsible attitude to which contributes to the observance of the constitutional rights of the child. **Objective:** as part of the implementation of the conceptual legal framework for digitalized relations, the professional community of legal scientists is faced with the issue of normative-legal regulation of their (relations) constituent elements. The purpose of the research is to analyze the semantic nature of the concept of “data”, to form an extended legal view of the problem and to model the legal concept of “data”. Classification of elements of the legal status of minors as entities that possess and own data about themselves, as well as transmit, collect and form data about themselves, for themselves, and for society, will help to increase the effectiveness of law enforcement activities of subjects of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency. Attention should be paid to the characteristics of information received about minors for private interests and from state structures, including the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency. **Methodology:** general and specific scientific methods of cognition of objective reality, which include dialectical, deduction and induction, comparative and logical methods. **Results:** the authors substantiate the position of the interdisciplinary legal nature of data on minors; they argue for the need for theoretical classification of the legal status of minors as data holders (when the very state of imperfection is legally significant information), as data users and as subjects who transmit data for law enforcement activities of authorized state bodies in order to protect them (minors) ; the need to establish a clear conceptual framework that does not allow semantic barriers is justified. **Conclusions:** for legal enforcement purposes, Russian federal legislation requires the formation and use of a conceptual apparatus that, in the context of a globally developing digitalized space, becomes a necessary element for protecting the rights of minors in modern digitalized relations.

Key-words: data of a minor, information technology, personal data, subjects of digitalized relations, bodies and institutions of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency.

Развивающиеся информационные технологии для обеспечения безопасного использования требуют параллельного развития системы правовых координат, лежащих в основе информационной сферы. Общество, ориентированное на осознанное правоприменение, ожидает со стороны государства усиления правовой защиты несовершеннолетних в условиях бесконтрольного информационного обмена. «Правовое регулирование положения личности должно занимать центральное, приоритетное место. Высшая цель государства и права как средств реализации их задач и функций — обеспечение стабильности и развития гражданского общества, охрана порядка и безопасности лиц, его составляющих» [1, с. 35].

Международно-правовой инструмент, послуживший регулятором трансграничного распространения персональных данных человека¹, лежит в основе каждого национального законодательства о персональных данных в государствах-единомышленниках. Процессы получения, использования, обмена и сохранения информации становятся межтерриториальными, не имеющими преград, но вопросы правовой охраны и защиты субъектов информационного обмена требуют отражения в национальных законодательствах. Поиск возможных средств обеспечения информационной безопасности актуален ввиду возрастающей интенсификации информационного обмена, имеющего значимость не только для государственного управления, но и для личной жизни каждого члена общества.

Активно набирает обороты использование BigData (с англ. — большие данные)², что побуждает научную общественность исследовать вопросы защищенности данных, полученных в различных общественных отношениях от человека, о человеке и для человека, и роль государства в этом процессе [2]. Возникает необходимость в формировании правового сектора, который установит баланс между возможностью бессознательного распространения данных их обладателем (или иным заинтересованным лицом) и наличием соответствующей санкции юридической (гражданско-правовой, дисциплинарной, административной, уголовной) ответственности.

Правовая природа любых процессуальных действий, в том числе и в период бурного развития информационных технологий, в своей основе имеет качественно ориентированный правовой понятийный аппарат. Внимание авторов сосредоточено на рассмотрении категории «данные» в качестве правового научно-практического объекта. Нормативные источники не отражают легальной характеристики исследуемой категории³, в связи с чем целью нашей работы выступает формирование правовой категории «данные». Необходимость анализа различных научно-практических взглядов — от технических до правовых, активно изучаемых в научном сообществе [3, с. 48–54; 4, с. 106–123; 5], нацелена

¹ См.: «Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» (заключена в г. Страсбурге 28 января 1981 г.) (вместе с Поправками к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (СДСЕ № 108), позволяющими присоединение европейских сообществ, принятыми Комитетом Министров в Страсбурге 15 июня 1999 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014, № 5, ст. 419.

² См.: Эксперты «Цифровой экономики» одобрили концепцию регулирования отношений в цифровой среде. URL: https://cnews.ru/news/line/2020-06-03_eksperty_tsifrovoj_ekonomiki (дата обращения: 08.08.2020).

³ См. например: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 3 апреля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3448; 2020. № 14, ч. 1, ст. 2035; Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 24 апреля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3451; 2020. № 17, ст. 2701.

на формирование и установление устойчивого правового взгляда на дефиницию «данные».

С целью недопущения семантического барьера рассмотрим различные точки зрения в отношении понятия «данные». Ученые, исследующие технические процессы, под «данными» понимают «отдельные фрагменты информации, обычно форматируемые специальным образом для дальнейшего использования в соответствующих обрабатывающих программах» [6, с. 29; 7, с. 10–14]. Один из технических словарей называет «данными» информацию, представленную в виде, пригодном для обработки. Данными могут быть числа, знаки текста и т.д. Первоначально «сырые» данные преобразуются, и дальнейшие действия зависят от правильно введенных данных [8, с. 60], что свидетельствует о возможности их сопоставления с правовыми категориями.

Смысл языковой единицы «данные» в словарях русского языка представлен двояко. Во-первых, данные трактуются как сведения, показатели, факты, характеризующие кого-либо или что-либо, как основа для каких-либо выводов, решений. Во-вторых, «данными» именуют свойства, способности, качества, необходимые для какой-либо деятельности, задатки [9, с. 519; 10, с. 239]. Представленный семантический разбор показывает точку зрения, от которой ведется отсчет рассматриваемой позиции «данные», а применительно к субъекту любой отрасли права данные выступают основой его (субъекта) правового статуса.

Нормативные акты раскрывают дефиницию «информация» через «данные, сведения, независимо от формы их представления»⁴, ввиду чего понятие «информация» выходит на центральное место и выступает универсальным понятием для правоприменителя. Информация, непосредственно или косвенно относящаяся к человеку, — это «персональные данные»⁵. В число субъектов, персональные данные которых собираются и используются, входят и наиболее активные участники цифровизированного пространства — несовершеннолетние. Отметим, что передача и иное получение данных об этих субъектах — носителях персональных данных возможны только через их родителей (законных представителей). Вместе с тем недопустимо в правоприменительной практике причислять к персональным данным информацию, носящую обезличенный характер, распространение которой возможно без получения согласия со стороны родителей (законных представителей)⁶. Корректно характеризуя персональные данные несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации, вполне возможно обеспечить оптимальный баланс между правом каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и правом на свободное распространение информации.

На правоохранительные структуры, федеральную налоговую службу, федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций возлагаются дополнительные полномочия по защите

⁴ См.: Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. I, ст. 3448.

⁵ См.: Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. I, ст. 3451.

⁶ См.: 3 злободневных вопроса об обработке персональных данных: ищем ответы в свежих разъяснениях регулятора и судебных делах. URL: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/belyaeva/1402489/> (дата обращения: 20.08.2020).

и охране данных несовершеннолетних субъектов права⁷. При этом федеральный законодатель не устанавливает ограничений для самих несовершеннолетних на передачу и распространение информации и данных о себе.

С целью определения степени участия несовершеннолетних в информационных отношениях, а также уяснения сущности их цифровизированного правового статуса условно выделим группы несовершеннолетних — субъектов информационных отношений (на практике эти группы будут носить смешанный характер). Первую группу составляют несовершеннолетние как пользователи, которые потребляют информационный ресурс, доступ к которому не ограничен. (Целью исследования не является определение качества этих ресурсов и установление оптимальных государственных стандартов для защиты несовершеннолетних от неправомерного представления некачественной продукции.)

Вторая группа объединяет несовершеннолетних как обладателей информации, носителей сведений о себе, которые могут подразделяться на формальные подгруппы:

в соответствии с гражданско-правовым статусом: сведения для информационных ресурсов — социальных сетей, интернет-магазинов, позиционирование себя в качестве автора или исполнителя какого-либо аудиовизуального произведения;

в соответствии с процессуальным статусом: реализация прав и обязанностей безнадзорного, беспризорного, потерпевшего, свидетеля противоправного деяния, субъекта дисциплинарного проступка, правонарушения.

Вторая подгруппа имеет особый интерес для научного сообщества и практиков, осуществляющих деятельность по профилактике безнадзорности и противоправного поведения несовершеннолетних с целью обеспечения их защиты.

Систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних составляют органы различных уровней публичной власти, а также их учреждения, что позволяет говорить о передаче (при необходимости) данных о несовершеннолетнем и семье, в которой он проживает, ряду заинтересованных и осуществляющих взаимодействие ведомств. Быстрая передача информации в настоящее время стала важнейшей особенностью средств массовой информации — как прямо заинтересованных в представлении сведений (ресурс органа власти или его учреждения в рамках публичного представления отчета о проделанной работе за соответствующий период), так и косвенно заинтересованных, например с целью увеличения рейтинга личного (публичного) интернет-ресурса.

Изучение общественных отношений, в которых несовершеннолетние выступают в роли центральных субъектов, транслирующих информацию о себе в различных медиапространствах, позволяет отметить «феномен рейтинга информационного ресурса». Представленные позитивные действия несовершеннолетних, например во время отдыха или образовательного процесса, фокусируют внимание потребителей каких-либо информационных платформ только на возникающих когнитивных эмоциях, имеющих положительный характер. Представление сведений о негативных проявлениях (посягательствах на жизнь ребенка, безнадзорности несовершеннолетнего или вовлеченности его в противоправные деяния)

⁷ См.: Роскомнадзор вспомнил о праве на забвение. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4449915> (дата обращения: 18.08.2020); Прокурор разъясняет: Распространение сведений о частной жизни лица карается уголовным наказанием URL: <https://kamprok.ru/prokuror-razyasnyet-rasprostranenie-svedenij-o-chastnoj-zhizni-litsa-karaetsya-ugolovnym-nakazaniem/> (дата обращения: 18.08.2020).

может иметь следствием повышение рейтинга данного медиа. Из этого следует, что в отношении информационных ресурсов культура субъекта-потребителя и субъекта-пользователя в обществе не развивается, на чем и следует сосредоточиться правотворческому сектору путем установления соответствующих правил.

Отмеченные особенности позволяют выделить отдельные правовые ограничения в отношении данных (сведений) несовершеннолетних как участников цифровизированных отношений. Законодателем установлен принцип неприкосновенности частной жизни, недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия⁸. Нормы гражданского законодательства разрешают фото- и видеосъемку гражданина без его личного согласия, если фото или видео было сделано в следующих случаях: для государственных, общественных или иных публичных интересов; при съемке, которая проводилась в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и прочих подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования или получено вследствие позирования за оплату⁹.

Как один из способов получения данных о человеке следует рассматривать профессиональную (любительскую) съемку обозначенными выше субъектами, владеющими информационными ресурсами. Любое фото или видео с несовершеннолетним (за исключением его фотографии крупным планом), где несовершеннолетний является основным объектом съемки, может быть опубликовано, если оно сделано в общественном месте во время публичного массового мероприятия: детского праздника в дошкольном учреждении, городского праздника, спортивной эстафеты и т.д. При этом публикация фото или видео в Интернете лицами, обеспечивающими информационное сопровождение мероприятия, не дает права на дальнейшее свободное использование данного изображения без получения согласия родителей (законных представителей) несовершеннолетнего. В противном случае указанные действия (использование фото или видео ребенка без разрешения) можно квалифицировать как посягательство на тайну частной жизни несовершеннолетнего гражданина¹⁰.

Правосубъектность, возрастая с момента рождения ребенка, определяет тем самым расширяющиеся правовые дозволения к моменту его совершеннолетия. Возрастные цензы несовершеннолетнего устанавливаются нормами различных отраслей права: административного, гражданского, уголовного¹¹. Общественные отношения, в которых возможно получение (передача) данных о несовершеннолетнем, многообразны. Так, при фото-, видеосъемке, когда ребенок является основным объектом изображения, необходимо письменное согласие его родителей

⁸ См.: Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. I, ст. 3448.

⁹ См. ст. 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 12 мая 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

¹⁰ Как исключение можно отметить публикацию о пропавшем ребенке для широкого круга лиц, где необходимо использовать наиболее полную версию данных о несовершеннолетнем. См.: Поиск детей. URL: https://мвд.рф/wanted/Poisk_detej (дата обращения: 18.08.2020).

¹¹ См. например, ст. 26 и 28 Гражданского кодекса РФ; ст. 19 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 21, ст. 1930.

или законных представителей¹². Данная правовая позиция имеет конституционные ориентиры¹³, получившие развитие в административном, информационном и семейном законодательствах¹⁴. Отсутствие согласия по умолчанию влечет за собой наложение «цифровой маски» на фото- или видеоизображение лица несовершеннолетнего, что не позволит использовать данные о его внешности. Действия лиц, которые отказываются от удаления фото- или видеоизображений, сделанных без согласия несовершеннолетнего и его родителей (законных представителей), можно рассматривать как наблюдение за гражданином с целью получения личных сведений о нем (о его ребенке). По смыслу изложенных выше законодательных ограничений требуется установить правовые основы документа, определяющего правовое дозволение для заявленного в нем лица, т.е. разрешения на фиксирование изображения несовершеннолетнего¹⁵. В части нарушения порядка сбора, хранения, использования, распространения персональных данных граждан возможно наступление административной ответственности¹⁶.

В границах правового поля несовершеннолетний наделяется различными процессуальными статусами как субъект деликтных правоотношений: пострадавший, свидетель или лицо, в отношении которого возбуждается административно-деликтное производство. Субъектом, получающим данные о процессуальном статусе ребенка, является Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав или подразделение по делам несовершеннолетних органов внутренних дел РФ. В целях охраны несовершеннолетнего, пострадавшего в результате противоправных действий (бездействия), установлен запрет на распространение в любых средствах массовой информации его персональных данных: фамилии, имени, отчества; фото- и видеоизображений несовершеннолетнего и его родителей (иных законных представителей); даты его рождения; аудиозаписи голоса; места жительства (временного пребывания или проживания); места учебы или работы; иной информации, позволяющей установить его личность¹⁷. Если несовершеннолетний пострадал в результате противоправных действий (бездействия), эта информация может распространяться с согласия пострадавшего несовершеннолетнего, достигшего 14 лет, и его законного представителя; с согласия законного представителя пострадавшего несовершеннолетнего, не достигшего 14 лет; без согласия пострадавшего несовершеннолетнего, достигшего 14 лет, или без согласия его законного представителя, если получить это согласие невозможно

¹² См. ст. 11 Федерального закона «О персональных данных» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. I, ст. 3451.

¹³ См. ч. 1 ст. 24 Конституции РФ «Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются».

¹⁴ См. п. 1 ст. 64 Семейного кодекса РФ: «Защита прав и интересов детей возлагается на их родителей. Родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в т.ч. в судах, без специальных полномочий»; ст. 11 ФЗ № 152-ФЗ «О персональных данных» — сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность (биометрические персональные данные), могут обрабатываться только при наличии письменного согласия субъекта.

¹⁵ СПС Гарант размещает примерную форму согласия на использование изображения гражданина, которое заключается между «Моделью» и «Правообладателем». URL: <https://base.garant.ru/1968538/> (дата обращения: 18.08.2020).

¹⁶ См. ст. 13.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. I, ст. 1; 2020. № 31, ч. I, ст. 5037.

¹⁷ См. ст. 4 Закона РФ от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» (в ред. от 1 марта 2020 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 7, ст. 300; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 9, ст. 1134.

либо если законный представитель такого несовершеннолетнего является подозреваемым или обвиняемым в совершении данных противоправных действий¹⁸. Если преступные посягательства относятся к половой неприкосновенности или половой свободе несовершеннолетнего, распространение такой информации допускается только в целях расследования преступления, установления лиц, причастных к совершению преступления, розыска пропавших несовершеннолетних. Запрещенной является информация о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), включая фамилии, имена, отчества, фото- и видеоизображения такого несовершеннолетнего, его родителей и иных законных представителей, дату рождения такого несовершеннолетнего, аудиозапись его голоса, место его жительства или место временного пребывания, место его учебы или работы, иная информация, позволяющая прямо или косвенно установить личность такого несовершеннолетнего¹⁹.

Процессуальный статус несовершеннолетнего и полученные данные несовершеннолетнего как субъекта противоправного деяния тщательно охраняются отраслевым законодательством. Так, любые средства массовой информации не вправе разглашать данные, прямо или косвенно указывающие на личность несовершеннолетнего, совершившего преступление либо подозреваемого в его совершении, а равно совершившего административное правонарушение или антиобщественное действие, без согласия самого несовершеннолетнего и его законного представителя²⁰. При нарушении установленных законодателем ограничений по передаче персональных данных, включающих обработку данных о лице без его согласия, возможно применение мер административной ответственности²¹.

При получении данных от несовершеннолетнего КоАП РФ устанавливает правовые ограничения и правовую защиту. При опросе несовершеннолетнего свидетеля, не достигшего возраста 14 лет, обязательно присутствие педагога или психолога. В случае необходимости опрос проводится в присутствии законного представителя несовершеннолетнего свидетеля²², а о месте и времени рассмотрения дела об административном правонарушении, совершенном несовершеннолетним, извещается прокурор²³, что свидетельствует об охране со стороны законодателя через уполномоченных субъектов (законных представителей и прокурора) данных несовершеннолетнего, которыми они обладают.

Резюмируя исследование категории «данные», в том числе «данные несовершеннолетних», с междисциплинарной точки зрения, авторы приходят к следующим выводам. Само состояние несовершеннолетия представляет собой совокупность соответствующих сведений о личности, связанных в первую очередь с неполной дееспособностью и отсутствием возможности для самостоятельной реализации и защиты определенных прав. Ввиду этого целесообразно говорить

¹⁸ См. ст. 41 Закона РФ 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. 1992. 8 февр.

¹⁹ См. ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Российская газета. 2010. 31 дек.

²⁰ См. ст. 41 Закона РФ 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. 1992. 8 февр.

²¹ См. ст. 13.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2020. № 31, ч. 1, ст. 5037.

²² См. ст. 25.6 Кодекса РФ об административных правонарушениях (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2020. № 31, ч. 1, ст. 5037.

²³ См. ч. 2 ст. 25.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2020. № 31, ч. 1, ст. 5037.

о том, что категория «данные» шире правовой дефиниции «персональные данные», поглощает ее и представляет собой «совокупность отдельных сведений о свойствах субъекта права, лежащих в основе его правового статуса, включающих персональные данные, биометрические, социальные, иные характеристики (позволяющие вести учет и персонификацию субъекта данных) и расширяющихся в соответствии с отраслевой процессуальной правоспособностью». Указанные выше сведения становятся данными, если есть субъект, заинтересованный в них. Природа любых сведений заложена в самой личности. Полагаем, что формирование правовой защиты, не допускающей посягательств на данные, ответственное отношение к любым сведениям о личности сквозь призму установления дефиниции «данные» в законодательстве послужат качественно сформированной междисциплинарной правовой платформой для дальнейших цифровизированных проектов в современном информационном обществе.

Библиографический список

1. *Манохин В.М.* Административное право России: учебник. Саратов, 2009. С. 35.
2. Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике // Лазарев В.В., Хаджиев Х.И., Алимов Э.В. и др., отв. ред. Лазарев В.В., Хаджиев Х.И.; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2020. 176 с.
3. *Чаннов С.Е.* Правовые угрозы при использовании информационных систем в государственном управлении // Административное право и процесс. 2019. № 9. С. 48–54.
4. *Сергеев А.П., Терещенко Т.А.* Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. 2018. № 11. С. 106–123.
5. *Методьева К.А.* Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 228 с.
6. Толковый словарь по информатике / Пивняк Г.Г., Бусыгин Б.С., Дивизинюк М.М. и др. Днепропетровск: Национальный горный университет, 2008. 599 с.
7. *Булгакова Е.В., Булгаков В.Г.* Использование «больших данных» в системе государственного управления: условия, возможности, перспективы // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3. С. 10–14.
8. *Синклер А.* Большой толковый словарь компьютерных терминов. Русско-английский, англо-русский. М.: Вече, АСТ, 1999. 512 с.
9. Большой академический словарь русского языка. РАН Ин-т лингвистических исследований. М.: НАУКА / гл. ред. Горбачевич К.С. СПб., 2006. Т. 4: Г-День. 677 с.
10. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. Кузнецов С.А. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

References

1. *Manokhin V.M.* Administrative Law of Russia: textbook. Saratov, 2009. 35 p.
2. Data Protection: a Scientific and Practical Commentary on Judicial Practice // Lazarev V.V., Khadzhiev Kh.I., Alimov E.V. and others., ed. Lazarev V.V., Khadzhiev Kh.I.; Institute of legislation and comparative law under the government of the Russian Federation, Moscow: ООО «LAW FIRM CONTRACT», 2020, 176 p.
3. *Channov S.E.* Legal Threats when Using Information Systems in Public Administration // Administrative law and process. 2019. No. 9. P. 48–54.
4. *Sergeev A.P., Tereshchenko T.A.* Big Data: in Search of a Place in the Civil Law System // Law. 2018. No. 11. P. 106–123.
5. *Methodieva K.A.* Digital Data as an Object of Civil Law Regulation in Germany, the USA and Russia: dis. ... cand. of law. M., 2019. 228 p.

6. Explanatory Dictionary of Computer Science / Pivnyak G.G., Busygin B.S., Divizinyuk M.M. and others. Dnepropetrovsk: national mining University, 2008. 599 p.
7. *Bulgakova E.V., Bulgakov V.G.* Use of «Big Data» in the System of Public Administration: Conditions, Opportunities, Prospects // Legal science and practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2015. No. 3. P. 10–14.
8. *Sinclair A.* Big Explanatory Dictionary of Computer Terms. Russian Russian-English, English-Russian, Moscow: Veche, AST, 1999. 512 p.
9. Large Academic Dictionary of the Russian Language. RAS Institute of linguistic research. M.: SCIENCE / ed. Gorbachevich K. S. SPb., 2006. Vol. 4: G-Day. 677 p.
10. Big Explanatory Dictionary of the Russian Language / comp. and ed. Kuznetsov S.A. St. Petersburg: Norint, 1998. 1536 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10136
УДК 342.951

С.С. Санникова

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВНЕШНИХ ВЫЗОВОВ

Введение: одна из фундаментальных проблем экономики — обеспечение продовольственной безопасности, приобретает особую актуальность в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. **Цель:** поиск курса реформирования административно-правовых норм, обеспечивающих реализацию политики в области обеспечения продовольственной безопасности. **Методологическая основа:** формально-правовой анализ нормативных основ государственной политики в области обеспечения продовольственной безопасности. **Результаты:** аргументирована позиция о необходимости консолидации нормативно-правового регулирования в области обеспечения продовольственной безопасности посредством принятия нового Федерального закона, а также пересмотра приоритетов государственной политики в указанной области общественных отношений. **Выводы:** эффективное правовое обеспечение продовольственной безопасности в условиях противостояния глобальной угрозе пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 возможно исключительно путем развития межрегионального и межгосударственного взаимодействия.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, коронавирус, ограничительные меры, санкции, ЕАЭС.

S.S. Sannikova

ADMINISTRATIVE AND LEGAL SUPPORT OF FOOD SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF GLOBAL EXTERNAL CHALLENGES

Background: one of the fundamental problems of the economy - ensuring food security - is gaining particular relevance in the context of the COVID-19 coronavirus infection pandemic. **Objective:** search for a course of reforming administrative and legal norms providing the implementation of policies in the field of food security. **Methodology:** formal legal analysis of the regulatory framework of state policy in the field of providing food security. **Results:** the author's position on the need to consolidate legal regulation in the field of food security through the adoption of a new Federal Law, as well as revising the priorities of state policy in this area of public relations is argued. **Conclusions:** effective legal support of food security in conditions of counter to pandemic of coronavirus disease COVID-19 is possible exceptionally by means of the development of interregional and international cooperation.

Key-words: food security, coronavirus, restrictive measures, sanctions, EEU.

2020 год, несомненно войдет в историю. Это год глобальной перестройки привычного уклада экономических, социальных и правовых отношений в абсолютном большинстве стран. Пандемия коронавируса COVID-19 стала ударом по глобальной системе здравоохранения, унося жизни и причиняя вред здоровью миллиону людей на всех континентах. Борьба с вирусом потребовала ряда непростых управленческих решений, среди которых отдельно следует выделить режим всеобщей самоизоляции, являющийся основным способом снижения роста заболеваемости. Вместе с тем ограничительные меры подобного рода, очевидно, представляют существенную угрозу экономической безопасности России, в частности продовольственной безопасности.

Логичной и своевременной реакцией на описанную ситуацию является новая Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20¹ (далее — Доктрина). Примечательно, что в данном документе, первым среди основных индикаторов оценки обеспечения продовольственной безопасности называется достижение пороговых значений показателей продовольственной независимости (п. 8 Доктрины). Несмотря на то, что исполнительный директор Всемирной продовольственной программы Организации объединенных наций Д. Бизли всерьез допускает обусловленный пандемией «голод библейских масштабов»² и мировое сообщество очевидно должно объединить усилия в борьбе с новой угрозой, Российская Федерация по-прежнему подвергается внешнему геополитическому давлению. Как отметил Заместитель Председателя Совета Безопасности РФ Д.А. Медведев, «Россия практически сразу после начала пандемии выступила с инициативой о снятии санкций, чтобы облегчить наиболее пострадавшим странам доступ к необходимой помощи. Нас сразу же обвинили в том, что мы преследуем какие-то собственные интересы, хотя в резолюции речь шла не о России, а о тех государствах, которые находятся в крайне тяжелом положении... проект российской резолюции немедленно заблокировали в Генеральной ассамблее ООН. И это решение в период пандемии нельзя назвать иначе, как аморальным и безответственным»³. С этим сложно не согласиться, т.к. непрекращающийся поток политически мотивированных экономических рестрикций со стороны некоторых стран Запада⁴ причиняет негативные экономические последствия помимо прочего и самим инициаторам подобных мер, размывая наработанную годами почву партнерских отношений между хозяйствующими субъектами разных государств. В результате происходит стихийный разрыв производственно-логистических связей, что приводит к неоправданному дефициту продукции в одних странах и переизбытку в других⁵.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 4, ст. 345.

² Coronavirus Pandemic 'Will Cause Famine of Biblical Proportions' // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2020/apr/21/coronavirus-pandemic-will-cause-famine-of-biblical-proportions> (дата обращения: 07.07.2020).

³ Медведев Д.А. Сотрудничество в сфере безопасности в период пандемии нового коронавируса // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/bezopasnost-v-period-pandemii/> (дата обращения: 07.07.2020).

⁴ Великобритания утвердит санкции против россиян за нарушение прав человека // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/07/2020/5f02840c9a794740c871ba69> (дата обращения: 07.07.2020).

⁵ Карabut Т. Как COVID-19 повлияет на продовольственную безопасность России. URL: <https://rg.ru/2020/05/20/kak-covid-19-povliiaet-na-prodovolstvennuu-bezopasnost-rossii.html> (дата обращения: 07.07.2020).

Названные факторы обуславливают конфликт противоречий в виде необходимости противодействия объективной угрозе в лице пандемии и субъективному влиянию недружественных действий зарубежных партнеров. Представляется, что наиболее рациональным и продуктивным средством обеспечения продовольственной безопасности в этих условиях является активно проводимая политика импортозамещения, предусматривающая ряд правовых гарантий и благоприятных условий для экономической деятельности отечественных производителей [1, с. 74]. Вместе с тем, несмотря на колоссальный потенциал агропромышленного комплекса России, в современных условиях концентрации на внутреннем производстве и потреблении может быть недостаточно.

Анализ положений новой Доктрины позволяет сделать вывод о приоритете политики самообеспечения в поддержании продовольственной безопасности. Международному сотрудничеству, даже с учетом описанных выше геополитических факторов, посвящена небольшая часть (п. 22). В то же время, в таком стратегически важном документе как Доктрина отдельное упоминание международной коллаборации в области обеспечения продовольственной безопасности было бы своевременным откликом на вызовы времени, который может стать стартовой точкой для реформирования соответствующего законодательства. Общий курс консолидации усилий в борьбе с глобальной угрозой, в свою очередь должен быть приоритетным как на уровне межгосударственного взаимодействия, так и при определении внутренней политики. Первое возможно посредством унификации и систематизации законодательства стран-участниц Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) [2, с. 261], второе — может найти выражение в виде усиления централизации административно-правового регулирования обеспечения продовольственной безопасности России [3, с. 185], наиболее организованным выражением которого может стать принятие специализированного Федерального закона, посвященного обеспечению продовольственной безопасности, что активно обсуждается исследователями, справедливо указывающими на недостаточность положений Доктрины в регулировании одного из принципиальных вопросов российской экономики [4, с. 240]. Принимая во внимание огромную территорию Российской Федерации, охватывающую большинство климатических поясов и имеющую неограниченный потенциал для развития экономической деятельности любых видов, представляется необходимой централизация нормативно-правового регулирования на федеральном уровне. Несмотря на специфику области продовольственного обеспечения каждого субъекта и очевидную необходимость регионального и местного нормирования данного направления, единый федеральный акт должен стать необходимым гарантом реализации положений Доктрины, а также ориентиром для соответствующих законов на уровне субъектов.

Отдельного упоминания заслуживает приоритет качества и безопасности пищевых продуктов, в т.ч. посредством неуклонного соблюдения технических регламентов ЕАЭС, в частности, в отношении продукции, содержащей генотифицированные организмы (ГМО). Несмотря на сложный комплексный характер рассматриваемой проблемы, воплощение норм о качестве и безопасности продовольственных продуктов не теряет своей актуальности, равно как и сравнительно недавно вступивший в силу Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные

законодательные акты Российской Федерации»⁶. Административная ответственность за нарушение требований технических регламентов для изготовителей, исполнителей и продавцов товаров, работ и услуг (в т.ч. актуальная для лиц, выполняющих функции иностранного изготовителя) установлена ст. 14.43 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ)⁷. Здесь же следует отметить ст. 14.44 КоАП РФ, устанавливающую административную ответственность. Данные нормы, помимо прочего, направлены на исключение из товарооборота и пользовательского потребления продовольственной продукции, не отвечающей требованиям качества и безопасности⁸, в т.ч. к продукции, содержащей ГМО⁹. Последние дополнения и изменения, вносимые в положения названных статей, датируются соответственно, 2017 и 2016 гг. Вместе с тем подп. «е» п. 21 Концепции прямо указывает на необходимость усиления административной ответственности производителей пищевой продукции и должностных лиц за нарушение требований к пищевой продукции, установленных в актах, составляющих право ЕАЭС и в нормативных правовых актах Российской Федерации.

Таким образом, принимая во внимание современные экономические реалии, можно сделать вывод о необходимости пересмотра закрепленных в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации приоритетных направлений государственной политики в области обеспечения продовольственной безопасности, которая может найти выражение в отнесении принципа развития международного сотрудничества со странами ЕАЭС и иными государствами к приоритетным направлениям деятельности наравне с принципом продовольственного самообеспечения, при сохранении поддержки политики импортозамещения. Логичным продолжением такой реформы должно стать принятие Федерального закона «О продовольственной безопасности в Российской Федерации», он должен обеспечить проведение эффективной государственной политики в области обеспечения продовольственной безопасности на всей территории страны, с учетом климатических и экономических особенностей каждого региона. Кроме того, сохраняет актуальность вопрос о качестве продовольственной продукции. Один из действенных рычагов его обеспечения — это усиление административной ответственности производителей за нарушения требований к пищевой продукции, установленные международными и российскими нормативно-правовыми актами.

Библиографический список

1. *Афанасьева Д.А.* Современное состояние продовольственной безопасности в России как фактор политического риска в аграрном комплексе // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10. № 1. С. 72–76.

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 32, ч. 1, ст. 5073.

⁷ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 26, ст. 4001.

⁸ «ГОСТ Р 51074-2003. Национальный стандарт Российской Федерации. Продукты пищевые. Информация для потребителя. Общие требования» (утвержден Постановлением Госстандарта России от 29.12.2003 № 401-ст) (в ред. от 29 ноября 2012 г.). В данной редакции документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

⁹ «МР 02.028-08. Качественное и количественное определение генетически модифицированных организмов (ГМО) растительного происхождения в пищевых продуктах и продовольственном сырье с использованием тест-систем и оборудования производства ЗАО «НПФ ДНК-Технология». Методические рекомендации» (утверждены и введены в действие Роспотребнадзором 15 января 2008 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

2. *Мохов А.Ю.* Правовые проблемы обеспечения коллективной продовольственной безопасности Евразийского экономического союза // Вестник саратовской государственной юридической академии. № 2 (133). 2020. С. 261–268.

3. *Есина Ю.Л., Степаненкова Н.М.* Обеспечение продовольственной безопасности в условиях обострения нестабильности // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 2. С. 279–185.

4. *Палагина О.А.* Нормативные акты для обеспечения продовольственной безопасности регионов ДФО // Ученые заметки ТОГУ. 2020. Т. 11. № 2. С. 234–240.

References

1. *Afanasieva D.A.* Contemporary Condition of Food Security in Russia as the Factor of Political Risk in Agrarian Complex // Humanitarian Sciences. The Bulletin of Financial University. 2020. Part 10. Vol. 1. P. 72–76.

2. *Mokhov A.Yu.* Legal Problems of Providing Collective Food Security of the Eurasian Economic Union // Bulletin of Saratov State Law Academy. Vol. 2 (133). 2020. P. 261–268.

3. *Esina Yu.L., Stepanenkova N.M.* Providing of Food Security in Conditions of the Instability Aggravation // Actual Issues of Contemporary Economy. 2020. Vol. 2. P. 279–185.

4. *Palagina O.A.* Legal Acts for Providing the Food Security Regions of Far Eastern Federal District // Scientific Notes of TOSU. 2020. Part 11. Vol. 2. P. 234–240.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10137

УДК 342.9

Т.А. Лаптева

**ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ ПРИНЦИПОВ
КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ
В ЗАКУПКАХ ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ,
ВКЛЮЧАЕМЫХ В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОБОРОННЫЙ ЗАКАЗ**

Введение: закупки товаров, работ, услуг, включаемых в государственный оборонный заказ, имеют ряд принципиальных особенностей не позволяющих осуществлять их в полном соответствии с Законом о контрактной системе. Принципы, лежащие в основе контрактной системы распространяются на такие закупки не в полной мере, а только с учетом соответствующих ограничений. **Цель:** рассмотреть пределы применения каждого из принципов контрактной системы к закупкам в рамках государственного оборонного заказа, выявить особенности их применения, а также сформулировать новые, характерные для рассматриваемой сферы принципы. **Методологическая основа:** общие и частные научные методы познания объективной действительности, к которым относятся: анализ, синтез, индукция, аналогия, сравнительно-правовой метод, а также иные методы научного познания. **Результаты:** выявлены пределы применения принципов контрактной системы к закупкам в рамках государственного оборонного заказа, сформулированы новые принципы и предложения по совершенствованию правового регулирования рассматриваемых отношений. **Вывод:** действие принципов контрактной системы распространяется на закупки в сфере государственного оборонного заказа только в определенных пределах. Их понимание и правильное толкование будет способствовать более эффективной реализации административных процедур закупок и более четкому достижению целей обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ, закупки, принципы закупок, контрактная система.

T.A. Lapteva

**LIMITS OF THE PRINCIPLES OF THE CONTRACT SYSTEM
IN THE PROCUREMENT OF GOODS, WORKS AND SERVICES,
INCLUDED IN THE STATE DEFENSE ORDER**

Background: the procurement of goods, works, services included in the state defense order have a number of fundamental features that do not allow them to be carried out in full accordance with the Law on the contract system. The principles underlying the contract system are also not fully applied to such purchases, and only subject to appropriate restrictions. **Objective:** to consider the limits of application of each of the principles of the contract system to procurement in the scope of the state defense order, identify the features

© Лаптева Татьяна Анатольевна, 2020

Аспирант кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: lapteva0105@gmail.com

© Lapteva Tatyana Anatolievna, 2020

Post-graduate student of Administrative and Municipal law Department (Saratov State Law Academy)

*of their application, as well as to formulate new principles specific to the field under consideration. **Methodology:** general and particular scientific methods of cognition of objective reality, which include analysis, synthesis, induction, analogy, comparative legal method, as well as other methods of scientific cognition. **Results:** the limits of the application of the principles of the contract system to procurement in the scope of the state defense order are identified. New principles and proposals for improving the legal regulation in this area are formulated. **Conclusion:** the principles of the contract system apply to procurements in the scope of the state defense order only within certain limits. Their understanding and correct interpretation will contribute to more effective implementation of administrative procurement procedures and more precisely achieve the goals of national defense and state security.*

Key-words: the state defense order, procurement, principles of procurements, the contract system.

Согласно Федеральному закону от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»¹ (далее — Закон о ГОЗ), размещение государственного оборонного заказа (далее — ГОЗ) осуществляется в порядке установленном законодательством РФ о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд с учетом некоторых особенностей.

Принципы, на которых основывается система закупок в сфере государственного оборонного заказа, Закон о ГОЗ не раскрывает. Единственное исключение составляют принципы государственного регулирования цен на продукцию по ГОЗ закрепленные в ст. 9. Но они имеют лишь косвенное отношение к самим административными процедурам закупок.

Тем не менее рассматривая отношения в сфере ГОЗ в качестве вида государственных закупок и применяя к данным отношениям, в соответствии с указанием законодателя нормы Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»² (далее — Закон о контрактной системе), следует отметить, что действие сформулированных в контрактной системе принципов распространяется на сферу ГОЗ лишь с учетом соответствующих ограничений. Рассмотрим пределы и возможности применения каждого из принципов, закрепленных в Законе о контрактной системе.

Принцип открытости и прозрачности информации о контрактной системе в сфере закупок

В рамках контрактной системы этот принцип объединяет в себе три содержательных компонента: во-первых, обеспечение в РФ свободного и безвозмездного доступа к информации о контрактной системе в сфере закупок, которое включает в себя, в т.ч. возможность ознакомления с документацией и информацией, связанных с проведением закупки и иными документами и информацией, содержащимися в реестре контрактов и недобросовестных поставщиков; во-вторых, открытость и прозрачность такой информации обеспечиваются, в частности путем ее размещения в единой информационной системе; в-третьих, размещенная информация должна быть полной и достоверной.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7600.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14, ст. 1652.

Действие принципа распространяется на все этапы закупочной деятельности, начиная с этапа планирования закупки и заканчивая исполнением контракта. В то же время реализация данной нормы в сфере ГОЗ в предложенных законодателем значениях представляется невозможной, поскольку не соответствует целям и особенностям обеспечения безопасности РФ. Это обуславливается особым правовым режимом закупок, сведения о которых составляют государственную тайну, а также использованием закрытых способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) применительно к закупкам, сведения о которых не составляют государственную тайну в случаях, установленных постановлением Правительства РФ от 27 ноября 2017 г. № 1428 «Об особенностях осуществления закупки для нужд обороны страны и безопасности государства»³.

Согласно п. 4 ст. 4 Закона о контрактной системе, сведения составляющие государственную тайну не требуют соответствующего информационного обеспечения. Это выступает прямым исключением из принципа открытости и прозрачности информации. Схожая норма содержится и в п. 2 упомянутого выше постановления Правительства РФ.

Тем не менее несмотря на исключения из принципа открытости и прозрачности информации, использование закрытых процедур закупок фактически не устанавливает их закрытый характер в прямом смысле этого слова. Закрытая процедура закупки предполагает не только ограниченный доступ к информации о закупках (приглашение на участие в закупке, документация о закупке, проект государственного контракта), но также предусматривает и закрытый перечень участников такой закупки. В то же время, как справедливо отмечают Беляева О.А. и Михашин А.В., анализируя закрытый аукцион, проводимый с использованием функционала специализированной торговой площадки, «речь идет исключительно об ограничении информации о материалах закупки в открытом доступе, при этом де-факто участником такой закупки может стать любое юридическое или физическое лицо, прошедшее процедуру аккредитации на специализированной ЭТП. Следовательно можно говорить скорее о «скрытой» (квазизакрытой) закупке, нежели о закрытой закупке» [1, с. 200–201].

Перевод закрытых закупок в электронную форму и техническая часть реализации их процедуры повлияли на содержание, форму и механизм действия правовой нормы, позволив говорить об ограниченном, но все же применении рассматриваемого принципа к сфере ГОЗ. В то же время это было бы невозможно при отсутствии специального технического решения специализированной электронной площадки.

Более прозрачной, с началом использования цифровых технологий, стала стадия формирования перечня участников закрытых закупок для которой привлекается оператор специализированной электронной площадки, что позволяет избежать усмотрения со стороны заказчиков.

Таким образом, несмотря на имеющиеся в законодательстве исключения из принципа открытости и прозрачности информации и его ограничения, нельзя говорить о том, что данный принцип к сфере ГОЗ категорически неприменим. Законодательство вкупе с процессом цифровизации позволяют его использовать в максимально возможных пределах и делают процедуры закупок в сфере ГОЗ более эффективными, прозрачными и доступными для осуществления контрольной деятельности и позволяют говорить о создании условий для относительной реализации принципа обеспечения конкуренции в рассматриваемой сфере.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 49, ст. 7465.

Такой переход к автоматизации закупок и ее эффективное использование определяют необходимость выделения принципа цифровизации в качестве основополагающего начала как в рамках государственного заказа, так и применительно к сфере ГОЗ.

Принцип обеспечения конкуренции

В силу особенного назначения сферы ГОЗ считаем, что построение системы закупок товаров, работ, услуг, включаемых в государственный оборонный заказ, на основе рассматриваемого принципа является недопустимым.

Специфика и уникальность оборонной продукции зачастую позволяют приобретать ее только у единственного поставщика. Соответственно, получается что отсутствие конкурентного рынка исключает возможность любого заинтересованного лица стать поставщиком (подрядчиком, исполнителем), между тем эта возможность закреплена в п. 1 ст. 8 Закона о контрактной системе. Фактически контрольные органы могут способствовать только установлению объективных цен на такую продукцию.

В то же время в рамках ГОЗ осуществляются и закупки продукции общего назначения, на которую не распространяется режим охраны государственной тайны и открытый доступ к которой не нарушает интересы обеспечения безопасности РФ. Такие закупки могут проводиться как в соответствии с общими положениями Закона о контрактной системе, так и с нормами Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»⁴, что позволяет использовать рассматриваемый принцип без каких-либо запретов и ограничений.

Принцип профессионализма заказчика

Принцип профессионализма, как отмечают многие исследователи [2, с. 36; 3, с. 24], является базовым для построения всей системы государственных закупок. Именно компетентное управление на всех стадиях закупочной деятельности выступает инструментом обеспечения государственных и муниципальных нужд, а равно и выполнения государственного оборонного заказа с максимальным достижением результата, что способствует повышению эффективности расходования бюджетных средств.

Раскрывая данный принцип, законодатель подразумевает осуществление деятельности заказчика, специализированной организации и контрольного органа в сфере закупок на профессиональной основе с привлечением квалифицированных специалистов, обладающих теоретическими знаниями и навыками в сфере закупок. Закрепляется обязанность заказчиков и специализированных организаций принимать меры по поддержанию и повышению уровня квалификации и профессионального образования должностных лиц, занятых в сфере закупок, в том числе путем повышения квалификации или профессиональной переподготовки в сфере закупок. Данный принцип в равной степени действует как в сфере государственных закупок, так и в сфере государственного оборонного заказа.

Принцип профессионализма находит свое отражение в ряде нормативных актов и методических рекомендаций⁵. Тем не менее вопрос наличия должным

⁴ См.: Собр. законодательства РФ. 2011. № 30, ч. 1, ст. 4571.

⁵ См. например: Приказы Минтруда России от 10 сентября 2015 г. № 625н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в сфере закупок», № 626н «Об утверждении профессионального стандарта «Эксперт в сфере закупок» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>; Письмо Минэкономразвития России № 5594-ЕЕ/Д28и, Минобрнауки России № АК-553/06 от 12 марта 2015 г. Официальные документы в образовании. 2015. № 20.

образом подготовленных и компетентных кадров, способных адаптироваться к изменяющимся условиям осуществления закупочной деятельности, качественно и добросовестно исполняющих свои обязанности, остается актуальным и на сегодняшний день. Исследователи регулярно отмечают необходимость изменения системы подготовки специалистов сферы закупок, признавая существующую систему повышения квалификации недостаточной и неэффективной [4, с. 19–23].

В этой связи интересным представляется опыт США, где существуют несколько крупных образовательных учреждений, в которых можно получить степень бакалавра и высшее образование по специализациям закупочной деятельности [5, с. 20]. В российской системе образования подобные направления профессиональной подготовки высшего профессионального образования в настоящее время отсутствуют.

Следует также отметить, что законодатель распространяет действие принципа профессионализма только на заказчика, специализированную организацию и контрольный орган. В то же время уполномоченный орган (уполномоченное учреждение) и операторы электронных площадок, которые также являются участниками контрактной системы, им не учтены. Это, на наш взгляд, свидетельствует о необоснованном сужении сферы действия принципа профессионализма и требует внесения соответствующих изменений в Закон о контрактной системе. То же самое касается и участников закупок, т.к. в значительной степени и от них зависят эффективность проводимых закупок и существование конкурентной среды как таковой.

Таким образом, считаем, что в контексте соответствующей правовой нормы правильнее говорить о профессионализме участников контрактной системы в целом, а не только применительно к заказчику.

Принцип стимулирования инноваций

Согласно принципу стимулирования инноваций заказчики при планировании и осуществлении закупок должны исходить из приоритета обеспечения государственных и муниципальных нужд путем закупок инновационной и высокотехнологичной продукции.

Примечательно, что само понятие инновационной и высокотехнологичной продукции законодатель не закрепляет, а критерии отнесения товаров, работ, услуг к инновационной продукции и (или) высокотехнологичной продукции были определены лишь в 2020 г.⁶ До этого момента были установлены только требования к таким критериям в рамках исполнения Закона о закупках товаров⁷.

⁶ См.: Приказ Минобороны РФ от 31 января 2020 г. № 35 «Об утверждении критериев отнесения товаров, работ, услуг к инновационной продукции и (или) высокотехнологичной продукции для целей формирования плана закупки такой продукции» // Официальный интернет-портал правовой информации: www.pravo.gov.ru (дата обращения 22.03.2020); Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 17 февраля 2020 г. № 521 «Об утверждении критериев отнесения товаров, работ и услуг к инновационной продукции и (или) высокотехнологичной продукции для целей формирования плана закупки такой продукции по отраслям, относящимся к установленной сфере деятельности Министерства промышленности и торговли Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.03.2020).

⁷ См.: Постановление Правительства РФ от 15 июня 2019 г. № 773 «О критериях отнесения товаров, работ, услуг к инновационной продукции и (или) высокотехнологичной продукции» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 25, ст. 3270.

Провозглашение рассматриваемого принципа было обусловлено переходом экономики России на инновационную модель развития⁸. Эффективность действия данного принципа в сфере государственных и конкурентных закупок в настоящее время вызывает некоторые сомнения. Существующая на сегодняшний день контрактная система фактически не позволяет закупать инновационную продукцию конкурентными способами: в тех случаях, когда единственным критерием определения победителя является цена контракта, заявки участников, предлагающих инновационные решения, как правило, являются неконкурентоспособными [6, с. 49]. В то же время Закон о контрактной системе предусматривает только два способа закупки, позволяющих приобретать товары, работы и услуги инновационного характера: конкурс с ограниченным участием и двухэтапный конкурс, доля которых в силу их трудоемкости и процедурной сложности в общей массе проводимых закупок невелика [7, с. 63]. Возможности заказчиков при закупке инновационной продукции также ограничены жесткими антикоррупционными и антимонопольными требованиями.

Зарубежные исследователи в качестве факторов, препятствующих развитию инновационных закупок рассматривают и субъективный: в случае инновационных закупок вероятность риска совершения ошибки возрастает. При этом низкое качество управления рисками становится одним из барьеров для инноваций наряду с низкой квалификацией заказчиков, отсутствием «гибкости» в спецификациях и ограниченным спросом на инновации [8, с. 635]. Подобное характерно и для российской правовой системы.

Вышесказанное актуально также для сферы государственного оборонного заказа. Более того, учитывая существующие ограничения доступа к информации о закупочной деятельности в сфере ГОЗ, возникает сложность при выявлении соответствующих потребностей в инновационной продукции и имеющихся на рынке предложений. В условиях преобладания в сфере ГОЗ прямых закупок становится доступнее закупка инновационных решений именно для субъектов, связанных с обеспечением обороны и безопасности государства.

Инновационные проекты являются важной составляющей технологического развития оборонно-промышленного комплекса, а также фактором экономического роста в условиях нестабильной экономической ситуации в России. Последние общемировые политические изменения, в т.ч. санкции, оставившие предприятия оборонно-промышленного комплекса без некоторых видов комплектующих и оборудования — элементарной базы для производства микросхем, продемонстрировали важность развития инновационной деятельности, вызвав необходимость импортозамещения. Важность стимулирования инноваций в сфере ГОЗ была подтверждена и снижением качества производимого оружия на оборонных предприятиях РФ [9, с. 180], показавших прямую зависимость качества продукции от состояния инновационного процесса.

Принцип единства контрактной системы

Согласно этому принципу контрактная система характеризуется единством подходов, позволяющих обеспечивать государственные и муниципальные нужды путем закупок, осуществления контроля, аудита и мониторинга их проведения.

⁸ См.: Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 №2227-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 1, ст. 216.

Применительно к сфере ГОЗ законодатель расширяет принцип единства контрактной системы созданием сложных многоуровневых коопераций головного исполнителя, а также добавляя в эту единую закупочную систему уполномоченные банки и единую информационную систему расчетов по ГОЗ. Это позволяет сформулировать его применительно к сфере ГОЗ как *принцип единой системы закупок*.

Безусловно, такой подход делает систему закупок в рамках ГОЗ более прозрачной и позволяет минимизировать число финансовых нарушений в рассматриваемой сфере. Тем не менее отсутствие целостной концепции совершенствования законодательства, регламентирующего закупки в сфере ГОЗ, усложнение процедур закупок и установление дополнительных обязанностей делает сферу ГОЗ менее привлекательной для потенциальных участников и затруднительной для заказчика.

Принцип ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективность обеспечения закупок

В соответствии с формулировкой законодателя данный принцип включает в себя, во-первых, результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд и эффективность осуществления закупок, во-вторых, ответственность за достижение показателей эффективности и результативности.

Повышение эффективности расходования бюджетных средств, выделяемых государством на обеспечение обороны и безопасности, стало одной из главных причин принятия Закона о ГОЗ в действующей редакции. Это обстоятельство, а также основные направления и цели контрольной деятельности в данной сфере позволяют сделать вывод о том, что именно через призму финансовой эффективности законодатель рассматривает и результативность обеспечения закупок. Ведь именно от реализации принципа зависят экономия бюджетных средств, уровень коррупции и состояние конкурентной среды в стране [10, с. 22–29].

В юридической науке была выработана позиция, согласно которой сущность рассматриваемого принципа составляет осуществление государственных закупок с:

- минимально возможными финансовыми затратами;
- достижением максимального конечного результата;
- наибольшей экономической выгодой для государственного (муниципального) заказчика;
- применением конкурентного способа определения поставщика [11, с. 58–65; 12, с. 3–16; 13, с. 34–39].

По своему содержательному наполнению принцип эффективности и результативности тесно связан с принципом эффективности использования бюджетных средств, закрепленным в ст. 34 Бюджетного кодекса РФ⁹, согласно которому при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках установленных им бюджетных полномочий должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств (экономности) или достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (результативности).

В то же время следует отметить, что эффективность на практике не всегда включает в себя показатели экономности и результативности одновременно.

⁹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3823.

«Достижение наилучшего результата» бывает несовместимо с минимизацией соответствующих расходов, а дешевизна может вести к неэффективному использованию средств. Как справедливо пишет Мартыненко Г.И., цена сама по себе не является адекватным показателем всех соответствующих затрат. Заявка с самой низкой ценой необязательно обеспечит наилучшую отдачу от вложенных средств [14, с. 17]. Но несмотря на то, что вопрос о необходимости разделения этих показателей эффективности встал достаточно давно, законодатель продолжает использовать их не только в Бюджетном кодексе РФ, но и в Законе о контрактной системе.

Учитывая значимость сектора обеспечения обороны и безопасности государства, важно исключить возможные риски получения некачественного результата в процессе закупок. Необходимо отказаться от традиционного подхода определения эффективности закупочной деятельности, руководствуясь суммами затраченных средств и полученной экономии, и опираться на конкретные достигнутые результаты.

Рассматривая второй компонент данного принципа Артемьев И.Ю. отмечает, что надлежащее исполнение норм закона может быть обусловлено только наличием соответствующей правовой ответственности [15, с. 56].

Примечательно, что законодательство РФ, регламентирующее административные процедуры закупок в сфере ГОЗ включает в себя практически все виды ответственности: дисциплинарную, гражданско-правовую, административную и уголовную, которая и ныне продолжает ужесточаться.

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать следующее:

1) несмотря на то, что закупки товаров, работ, услуг, включаемых в ГОЗ, выступают в качестве хоть и самостоятельного, но все-таки вида государственного заказа и регламентируются нормами Закона о контрактной системе, действие принципов контрактной системы распространяется на них только в обозначенных выше пределах;

2) можно выделить ряд моментов, подлежащих корректировке:

применительно к сфере ГОЗ принцип открытости и прозрачности информации о контрактной системе в сфере закупок следует использовать в качестве принципа *ограничения доступа к информации о закупочной деятельности в сфере ГОЗ*; принцип обеспечения конкуренции исключить из числа основополагающих начал, на которых строится система закупок для нужд обороны страны и безопасности государства; принцип единства контрактной системы сформулировать как принцип единой системы закупок в сфере ГОЗ;

учитывая процессы цифровизации и автоматизации, затрагивающие все стадии и этапы закупочной деятельности как в рамках ГОЗ, так и применительно к государственным закупкам в целом, дополнить принципы контрактной системы *принципом цифровизации* и внести соответствующие изменения в ст. 6 Закона о контрактной системе;

применяя принцип ответственности за результативность обеспечения государственных, муниципальных нужд и принцип эффективности обеспечения закупок, не использовать в качестве главного определяющего критерия наибольшую экономическую выгоду.

Понимание рассмотренных выше пределов действия принципов контрактной системы применительно к сфере ГОЗ позволяет на основе раскрытых особенностей выделить процедуры закупок товаров, работ, услуг, включаемых в ГОЗ,

в качестве самостоятельного вида государственных закупок, основанного на собственных принципах правового регулирования. А их правильное толкование в части содержательного наполнения будет способствовать более эффективной реализации административных процедур закупок и более четкому достижению целей обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Библиографический список

1. Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологичного бизнеса в национальном и глобальном контексте / под общ. ред. В.Н. Синюкова, М.А. Егоровой // Московский государственной юридический университет им. Кутафина О.Е. (МГЮА). М.: Проспект, 2019. 240 с.
2. *Фамиева К.И.* Административные процедуры закупок для государственных и муниципальных нужд в условиях перехода к контрактной системе: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. 226 с.
3. *Борисова Е.Р.* Профессионализм заказчика — базовый принцип контрактной системы государственных закупок // Вестник Российского Университета кооперации. 2016. № 2(24). С. 24–26.
4. *Андреанова В.Н.* Контрактная служба и контрактный управляющий как инструмент реализации принципа профессионализма заказчика в контрактной системе Российской Федерации // Юрист. 2016. № 13. С. 19–23.
5. Управление закупками и поставками: учебник // пер. с англ. Линдерс М., Джонсон Ф., Флинн А., Фирон Г.; под ред. Щербанина Ю.А. 13-е изд. М.: Юнити-Дана, 2020. 751 с.
6. *Юдина М.* Трудности перевода. Роль закупок в становлении инновационной экономики // Информационно-аналитическое издание «Бюллетень Оперативной Информации «Московские торги». 2015. № 11. С. 46–49.
7. *Сироткина Н.Г.* Реализация инновационного потенциала государственных закупок в России // Управленческие науки. 2017. Т. 7. № 3. С. 59–67.
8. *Uyarra E., Edler J., Garcia-Estevez J., Georghiou L., Yeowa J.* Barriers to innovation through public procurement: A supplier perspective. // Technovation, 2014. October. Vol. 34. Iss. 10. P. 31–645.
9. *Толкачев С.А.* Совершенствование финансовых механизмов реализации государственного оборонного заказа как средство повышения инновационной активности предприятий отечественного ОПК // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. Т. 1. № 7. С. 179–186.
10. *Евраев М.Я., Писенко К.А.* Основные направления развития законодательства о размещении государственных и муниципальных заказов, а также законодательства об использовании ограниченных природных ресурсов в свете актуальных задач конкурентного реформирования отечественного законодательства и управления в сфере экономической деятельности // Финансовое право. 2006. № 8. С. 22–30.
11. *Фамиева К.И.* Принципы построения федеральной контрактной системы в Российской Федерации // Вопросы управления. 2013. № 2 (23). С. 58–65.
12. *Андреева Л.В.* Понятие контрактной системы и основные правила ее функционирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 11. С. 3–16.
13. *Лапина Е.Б.* Вопросы управления эффективностью в сфере государственных закупок // Администратор суда. 2014. № 2. С. 34–39.
14. *Мартыненко Г.И.* Размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд, антимонопольный контроль // Право и экономика. 2006. № 10. С. 16–21.
15. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (постатейный) // пред. редкол. И.Ю. Артемьев. МГИМО МИД России, ФАС России. М.: Статут, 2015. 624 с.

References

1. Legal regulation of the digital economy in modern conditions of high-tech business development in the national and global context: monograph. Under the total. ed. V.N. Sinyukova, M.A. Egorova // Moscow State Law University named after Kutafin O.E. (Moscow State Law Academy). Moscow: Prospect, 2019. 240 p.
2. *Famieva K.I.* Administrative procurement procedures for state and municipal needs in the transition to the contract system: dis. ... cand. of law. Chelyabinsk, 2014. 226 p.
3. *Borisova E.R.* Professionalism of the customer — the basic principle of the contract system of public procurement. // Bulletin Of the Russian University of cooperation. 2016. No. 2 (24). P. 24–26.
4. *Andrianova V.N.* Contract service and contract Manager as a tool for implementing the principle of customer professionalism in the contract system of the Russian Federation // Lawyer. 2016. No. 13. P. 19–23.
5. Procurement and Supply Management: Tutorial // M. Linders, F. Johnson, A. Flynn, G. Firon. trans. from English under the editorship of Shcherbanina Yu.A. 13th ed. M.: Unity-Dana, 2020. 751 p.
6. *Yudina M.* Translation difficulties. The role of procurement in the formation of an innovative economy // Information-analytical publication «Bulletin of Operational Information «Moscow auctions». 2015. No. 11. P. 46–49.
7. *Sirotkina N.G.* Realization of the innovative potential of public procurement in Russia // Management Sciences. 2017. V. 7. No. 3. P. 59–67.
8. *Uyarra E., Edler J., Garcia-Estevez J., Georghiou L., Yeowa J.* Barriers to innovation through public procurement: A supplier perspective // Technovation, 2014. October. Vol. 34. Iss. 10. P. 31–645.
9. *Tolkachev S.A.* Improving the financial mechanisms for the implementation of the state defense order as a means of increasing the innovative activity of enterprises of the domestic defense industry. // Bulletin of the University (State University of Management). 2012. V. 1. No. 7. P. 179–186.
10. *Evraev M.Ya., Pisenko K.A.* Main directions of development of legislation on placement of state and municipal orders, as well as legislation on the use of limited natural resources in the light of current problems of competitive reform of domestic legislation and management in the field of economic activity. // Financial law. 2006. No. 8. P. 22–30.
11. *Famieva K.I.* The principles of building a federal contract system in the Russian Federation // Management issues. 2013. No. 2 (23). P. 58–65.
12. *Andreeva L.V.* The concept of the contract system and the basic rules of its functioning // Russian laws: experience, analysis, and practice. 2013. No. 11. P. 3–16.
13. *Lapina E.B.* Issues of efficiency management in the field of public procurement // Administrator of the court. 2014. No. 2. P. 34–39.
14. *Martynenko G.I.* Placing orders for the procurement of goods, works, services for state and municipal needs, antitrust control // Law and economics. 2006. No. 10. P. 16–21.
15. Scientific and practical commentary on the Federal Law «On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to ensure state and municipal needs» (line item) // Prev. editorial I.Yu. Artemyev. MGIMO-MFA of Russia, FAS Russia. M.: Statute, 2015. 624 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10138

УДК 342.9

А.Р. Семикин

КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ И ВИДЫ СТАДИЙ ПРОЦЕДУРЫ АККРЕДИТАЦИИ МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Введение: задачи, поставленные государством в стратегии развития сферы здравоохранения, опосредуют роль и место процедуры аккредитации как дополнительного административного механизма, направленного на повышение уровня предоставляемой медицинской помощи, что в свою очередь, обосновывает необходимость выработки новых научных теоретических и практических позиций по существу представленного вопроса, а также открывает новые горизонты для проведения соответствующих исследований, что обуславливает актуальность выбранной тематики. **Цель:** заключается в изучении теоретических подходов к выделению стадий административного процесса, а также отыскании оснований их выделения применительно к процедуре аккредитации медицинских специалистов, являющейся составной частью управленческого процесса. **Методологическая основа:** методы анализа и синтеза. **Результаты:** выделены стадии аккредитации медицинских специалистов, характеризующиеся универсальностью применения, а также сделаны выводы о необходимости нормативной регламентации выработанного перечня стадий процедуры аккредитации медицинских специалистов на законодательном уровне. **Выводы:** в целях недопущения возникновения правовых коллизий единства понимания самой процедуры, законодательное закрепление обозначенных стадий аккредитации специалистов будет содействовать формированию более строгих требований к процессу аккредитации и обозначению в рамках каждой стадии конкретных методик и средств.

Ключевые слова: здравоохранение, работник здравоохранения, аккредитация специалиста, процедура.

A.R. Semikin

SELECTION CRITERIA AND TYPES OF STAGES OF THE ACCREDITATION PROCEDURE FOR MEDICAL SPECIALISTS

Background: the objectives set by the state strategy of development of the health sector mediate the role and place of the accreditation procedure, as an additional administrative mechanism aimed at improving the level of care provided, which in turn justifies the need for a new scientific theoretical and practical positions as to the substance issue and also opens up new horizons for carrying out relevant research, leading to the relevance of the chosen theme. **Objective:** to study theoretical approaches to the allocation of stages of the administrative process, as well as to find the reasons for their allocation in relation to the accreditation procedure of medical specialists being the integral part of the management pro-

© Семикин Александр Романович, 2020

Аспирант кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: sar900@mail.ru

© Semikin Aleksandr Romanovich, 2020

Post-graduate student, Administrative and municipal law department (Saratov State Law Academy)

cess. Methodology: methods of analysis and synthesis. Results: the stages of accreditation of medical specialists characterized by the universality of their application are highlighted, and conclusions are drawn about the need for regulatory regulation of the developed list of stages of the procedure for accreditation of medical specialists at the legislative level. Conclusions: in order to avoid legal conflicts and unity of understanding of the procedure itself, the legislative consolidation of the designated stages of accreditation of specialists will contribute to the formation of stricter requirements for the accreditation process and the designation of specific methods and tools within each stage.

Key-words: *health care, health worker, specialist accreditation, procedure.*

На сегодняшний момент в Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 24 апреля 2020 г.) право на осуществление медицинской и фармацевтической деятельности имеют лица, получившие медицинское, фармацевтическое или иное образование в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами и имеющие свидетельство об аккредитации специалиста¹. Введение обязательного прохождения аккредитации медицинскими работниками имеет важное практическое значение, т.к. призвано выступить дополнительным гарантом оказания высококвалифицированной медицинской и фармацевтической помощи, а также реализовать на практике требования непрерывного повышения практических навыков медицинских специалистов.

Пришедшая на смену сертификации аккредитация медицинских специалистов подразумевает более практикоориентированную, многоуровневую проверку компетенций медицинских работников по определенной специальности.

Ключевой особенностью аккредитации медицинских специалистов является совершенствование форм оценки квалификации лиц путем апробации новых симуляционных технологий с участием профессионального экспертного сообщества, которые напрямую связаны с такими общегосударственными задачами здравоохранения, как повышение доступности, безопасности, эффективности врачебной практики². Согласно срокам и этапам аккредитации специалистов, утвержденные Минздравом России с 2021 г. ею будут охвачены все категории медицинских специалистов³.

В настоящий момент отсутствует единый документ, детально регламентирующий процедуру аккредитации медицинских специалистов, что является

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48, ст. 6724.

² См.: Указ Президента Российской Федерации «О стратегии развития здравоохранения Российской Федерации на период до 2025 года». Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.06.2019).

³ См.: Приказ Минздрава России от 22 декабря 2017 г. № 1043н «Об утверждении сроков и этапов аккредитации специалистов, а также категорий лиц, имеющих медицинское, фармацевтическое или иное образование и подлежащих аккредитации специалистов» (в ред. от 31 октября 2019 г.) (зарегистрировано в Минюсте России 19 января 2018 г. № 49696). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.01.2018).

недостатком административно-правового регулирования в обозначенной области правоотношений⁴.

Отметим, что процедура аккредитации медицинских специалистов⁵ (в соответствии с положением об аккредитации специалистов) подразделяется на несколько видов, различия между которыми по большей части состоят лишь в количестве оценочных методик⁶.

Между тем исходя из анализа обозначенных нормативных актов существенным недостатком, затрудняющим понимание процедуры аккредитации медицинских специалистов, является отсутствие обособленных стадий аккредитации. В целях эффективного регулирования процедуры аккредитации необходимо выделить отдельные ее стадии.

В процессе выделения стадий необходимо исходить из выработанных наукой основных стадий административного процесса, которые применимы и к прохождению процедуры аккредитации, являющейся составным элементом административного (управленческого) процесса.

Теория административного права представлена многообразием различных точек зрения относительно количества стадий и их виды. Так, Д.Н. Бахрах исходя из анализа административных процессов выделяет следующие стадии: анализ ситуации, принятие решения и исполнение [1, с. 800]. Автор подчеркивает, что выделенная трехстадийная структура является типовой для административного процесса. А.Ю. Якимов наряду с обозначенными стадиями выделяет еще одну стадию: исполнение решения по административному делу [2, с. 7–8]. И.В. Панова проводит классификацию стадий на основе процессуального оформления их окончания, где каждая стадия должна обязательно заканчиваться принятием конкретного документа, выделяя при этом также четыре стадии, аналогичные вышеприведенным [3, с. 74]. В.А. Лория выделяет пять стадий: возбуждения дела, предварительного расследования, рассмотрения и вынесения решения, обжалования, исполнения решения и пересмотра [4, с. 196]. Особенностью приведенной классификации является заключение в рамках одной стадии, нескольких, например рассмотрения и вынесения решения, которые в классификациях

⁴ В настоящий момент процедура аккредитации медицинских специалистов регламентирована несколькими нормативно-правовыми актами различного уровня: Приказ Минздрава России от 2 июня 2016 г. № 334н «Об утверждении Положения об аккредитации специалистов» (в ред. от 20 января 2020 г.) (зарегистрировано в Минюсте России 16 июня 2016 г. № 42550) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 30; Приказ Минздрава России от 6 июня 2016 г. № 352н «Об утверждении порядка выдачи свидетельства об аккредитации специалиста, формы свидетельства об аккредитации специалиста и технических требований к нему» (в ред. от 31 июля 2019 г.) (зарегистрировано в Минюсте России 4 июля 2016 г. № 42742). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.06.2020); Приказ Минздрава России от 22 декабря 2017 г. № 1043н «Об утверждении сроков и этапов аккредитации специалистов, а также категорий лиц, имеющих медицинское, фармацевтическое или иное образование и подлежащих аккредитации специалистов» (в ред. от 31 октября 2019 г.) (зарегистрировано в Минюсте России 19 января 2018 г. № 49696). Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.06.2020).

⁵ Аккредитация специалистов — это процедура определения соответствия лица, получившего медицинское, фармацевтическое или иное образование, требованиям к осуществлению медицинской деятельности по определенной медицинской специальности либо фармацевтической деятельности.

⁶ Процедура аккредитации медицинских специалистов исходя из «Положения об аккредитации специалистов» (утвержденного приказом Минздрава России от 2 июня 2016 г. № 334н) подразделяется на первичную (выпускники высших и средних учебных заведений), первично-специализированную (для лиц, освоивших программу ординатуры, дополнительные профессиональные программы) и периодическую (для всех медицинских работников).

иных авторов выделяются в отдельные стадии, в частности в классификации В.А. Сорокина [5, с. 237].

Основываясь на теоретическом анализе стадий, стоит отметить сходство в стадиях позитивного (управленческого) и юрисдикционного процессов. В частности, на данное обстоятельство указывала С.Н. Махина, в самом общем виде выделяя такие однотипные стадии как: выработка проекта и принятие решения, куда включены стадии (возбуждения и рассмотрения дела); организация исполнения решения (исполнение решения); контроль за исполнением решения [6, с. 221].

В подтверждение того, что такие стадии, как возбуждение, рассмотрение и принятие решения, в общем виде характерны для большинства управленческих процедур (производств), являются мнения ученых-административистов. В частности, О.С. Беркутова выделяет следующие общие стадии, характерные для административно-процедурных производств в сфере исполнительной власти: возбуждение дела, рассмотрение управленческого дела и принятие решения, обжалование решения, исполнение решения [7, с. 221].

Стоит помнить о том, что стадия состоит из более мелких структурных элементов (отдельных процессуальных действий), затем они перерастают в этапы, и только потом уже образуют стадию.

Применение общих стадий управленческих процедур к процедуре аккредитации медицинских специалистов, без отыскания определенных особенностей (критериев) их классификации не позволит достоверно говорить о правомерности такого выделения.

Исходя из общности обозначенных стадий юрисдикционного и управленческого процесса, а также на основе присущих стадиям характерных целей и задач в рамках прохождения процедуры аккредитации медицинских специалистов, с учетом процедурных особенностей структуру ее прохождения целесообразно представить в виде последовательного прохождения следующих стадий.

1. Стадия возбуждения аккредитационного дела. Цель данной стадии заключается в обеспечении возможности заявителя подтвердить свою компетенцию путем соблюдения установленных законом процедурных требований. Средством достижения цели будет являться подача заявления установленного образца с приложением сопутствующего пакета документов, который направляется в соответствующую аккредитационную подкомиссию (далее — подкомиссию), реестр которых формируется и утверждается приказом Минздрава России⁷. Выполнение данного действия характерно при прохождении всех видов аккредитации медицинскими специалистами без исключения. После подачи пакета документов, аккредитуемому вручается расписка о получении документов. Затем принятый комплект документов проверяется ответственным секретарем на предмет их соответствия требованиям закона с последующей их передачей на рассмотрение подкомиссией.

2. Стадия подготовки к прохождению аккредитации. Данная стадия имеет одно из определяющих значений, поскольку на данном этапе устанавливается факт соблюдения заявителем всех требуемых законодательных предписаний

⁷ Важным отличительным моментом в подаче заявления на прохождение процедуры аккредитации медицинскими специалистами является тот факт, что прием таких документов осуществляется не реже одного раза в квартал, тогда как подача аналогичных заявлений, только уже медицинскими организациями осуществляется ежедневно за исключением выходных и праздничных дней.

путем принятия подкомиссией решения, в соответствии с которым заявитель признается допущенным к непосредственному прохождению процедуры аккредитации. Опять же отметим, что ее прохождение характерно и для первично-специализированной и периодической аккредитации.

3. Стадия рассмотрения аккредитационного дела и принятия решения, включающая в себя следующие этапы: тестирование, оценку практических навыков в симуляционных центрах, решение ситуационных задач (только для выпускников укрупненных специальностей «Клиническая медицина»). Целью данной стадии является проверка компетенций заявителя и установление соответствия практических навыков и умений требованиям предъявляемым к той или иной его специальности, средствами достижения которой выступает поэтапное прохождение обозначенных экзаменационных блоков. По окончании каждого этапа подкомиссией выносится соответствующее решение, которое оформляется протоколом. При этом переход с одного этапа на другой допускается при наборе минимально допустимых показателей на предыдущем. Необходимо отметить одну важную особенность, характерную для данной процедуры и в то же время отражающую положительную направленность управленческого процесса в целом, суть которой заключается в цикличности прохождения одной стадии в рамках рассмотрения одного аккредитационного дела. Так, если аккредитуемый признается не прошедшим определенный этап (например, тестирование), то он имеет право подать в течение 5 рабочих дней заявление на повторное его прохождение, без прохождения всех предшествующих данному этапу стадий. Количество отведенных попыток повторного прохождения этапа не должно превышать 3 раз, после использования которых аккредитуемый может снова пройти процедуру аккредитации не раньше чем через месяц начиная с первоначальной стадии данного процесса. В юрисдикционном процессе повторное рассмотрение одного и того же дела по тем же основаниям не предусмотрено. После успешного прохождения последнего этапа (количество этапов обусловлено видом проводимой аккредитации) подкомиссией готовится итоговый протокол о прохождении аккредитуемым процедуры аккредитации, который направляется в Минздрав России в течение пяти календарных дней.

4. Обжалование (апелляция). Данная стадия, будучи факультативной, направлена на установление справедливости по аккредитационному делу. Итоговое решение аккредитационной комиссии, которым завершается прохождение процедуры аккредитации, или решение комиссии, вынесенное на определенном этапе ее прохождения, может быть обжаловано в течение двух дней с момента размещения результатов на официальном сайте организации.

Исполнение принятого решения аккредитованным лицом производится самостоятельно, путем практической реализации права на осуществление медицинской деятельности в пределах срока действия сертификата.

Подводя итоги, стоит отметить, что в целях недопущения возникновения правовых коллизий и для достижения единства понимания самой процедуры законодательное закрепление обозначенных стадий аккредитации специалистов будет содействовать формированию более строгих требований к процессу аккредитации и обозначению в рамках каждой стадии конкретных методик и средств, подлежащих применению. А выделенные стадии процедуры аккредитации носят универсальный характер для всех видов аккредитации медицинских специалистов.

Библиографический список

1. Бахрах Д.Н., Российский Б.В., Стариков Ю.Н. Административное право: учебник для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2005. 800 с.
2. Якимов А.Ю. Административно-юрисдикционный процесс и административно-юрисдикционное производство // Государство и право. 1999. № 3. С. 7–8.
3. Панова И.В. Административное производство нуждается в скорейшей юридизации // Журнал российского права. 2000. № 2. С. 71–75.
4. Лория В.А. Административный процесс и его кодификация. Тбилиси, 1986. 196 с.
5. Сорокин В.Д. Административно-процессуальное право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2008. 237 с.
6. Махина С.Н. Управленческий и административный процессы: Проблемы теории и перспективы правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: Воронеж, 1998. 221 с.
7. Беркутова О.С. Административно-процедурные производства в сфере исполнительной власти: дис. ... канд. юрид. наук: М., 2005. 221 с.

References

1. Bakhrakh D.N., Rosyisky B.V., Starilov Yu.N. Administrative Law: textbook for universities. 2nd ed., reviewed and suppl. M.: Norma, 2005. 800 p.
2. Yakimov A.Yu. Administrative-Jurisdictional Process and Administrative-Jurisdictional Proceedings // State and law. 1999. N 3. P. 7–8.
3. Panova I.V. Administrative Proceeding Needs to Be Quickly Legalized // Journal of Russian law. 2000. No. 2. P. 71–75.
4. Loriya V.A. Administrative Process and Its Codification. Tbilisi, 1986. 196 p.
5. Sorokin V.D. Administrative and Procedural Law: textbook. 2nd ed., reprint. St. Petersburg, 2008, 237 p.
6. Makhina S.N. Managerial and Administrative Processes: Problems of Theory and Prospects of Legal Regulation: dis. ... cand. of law: Voronezh, 1998. 221 p.
7. Berkutova O.S. Administrative and Procedural Proceedings in the Sphere of Executive Power: dis. ... cand. of law: Moscow, 2005, 221 p.

Н.В. Зайцева

СПОСОБЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗУМНОСТИ В ДЕЛИКТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ НА ПРИМЕРЕ СТРАН ОБЩЕГО ПРАВА

Введение: статья посвящена исследованию стандартов разумности, применяемых при рассмотрении внедоговорных обязательств в странах общей системы права. Поскольку основания ответственности в деликтных правоотношениях отличаются от договорных обязательств, иное содержание получила и категория разумности. Английское право исходит из концепции стандарта «разумного человека», соответствие которому освобождает причинителя вреда от ответственности. В США судебные инстанции не отказались от стандарта разумности, однако с середины XX в. также осуществляют оценку поведения на основании формулы Хэнда, которая совместила экономический и правовой подход к квалификации разумности. **Цель:** выявить ключевые элементы разумности в странах общего права, определить содержание отдельных критериев, таких как стандарт знаний, предвидимость риска и т.д., исследовать условия применения стандарта разумности и формулы Хэнда. **Методологическая основа:** диалектический метод исследования, эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации как общенаучные методы познания также частнонаучные методы: исторический, сравнительно-правовой, метод системного анализа. **Результаты:** анализ судебных решений и нормативных актов позволяет говорить о формировании в странах общего права «культуры компенсации». Это правовое явление сформировалось в связи с высокими требованиями к «разумности и обоснованности» действий причинителя вреда. Критерии разумного человека и условия применения формулы Хэнда позволили отказаться от широкого применения концепции вины, традиционной для отраслей публичного порядка, и обеспечили деликтному праву автономность. **Выводы:** в статье отмечено, что деликтное право создало уникальную концепцию квалификации субъективных факторов, необходимых для привлечения к ответственности. При определении халатности в странах общего права наибольшее развитие получил критерий разумности, применение и значение которого значительно шире, чем критерии вины.

Ключевые слова: деликтное право, халатность, разумность, должная забота, стандарт разумного человека, формула Хэнда.

N.V. Zaitseva

METHODS FOR DETERMINING REASONABLENESS IN TORT RELATIONS ON THE EXAMPLE OF COMMON LAW COUNTRIES

Background: the article is devoted to the study of the standards of reasonableness applied when considering non-contractual obligations in the countries of the general system of law. Since the grounds of liability in tort legal relations differ from contractual obligations, the category of reasonableness also received a different content. English law is based on the concept of the “reasonable person” standard, compliance with which exempts the Harmer from liability. In the United States, courts have not abandoned the standard of reasonableness, but since the mid-twentieth century, they have also evaluated behavior based on the Hand’s formula, which combined an economic and legal approach to the qualification of reasonableness. **Objective:** to identify key elements of reasonableness in common law countries, determine the content of individual criteria such as the standard of knowledge, risk foresight, etc., and examine the conditions for applying the standard of reasonableness and the Hand’s formula. **Methodology:** dialectical research method, empirical method of comparison, description, interpretation as general scientific methods of cognition as well as private scientific methods: historical, comparative legal, system analysis method. **Results:** the analysis of court decisions and normative acts allows us to speak about the formation of a “culture of compensation” in common law countries. This legal phenomenon was formed in connection with the high requirements for the “reasonableness and validity” of the actions of the Harmer. The criteria of a reasonable person and the conditions for applying the Hand’s formula made it possible to abandon the broad application of the concept of guilt, which is traditional for public order branches, and provided legal autonomy for tort law. **Conclusions:** the article notes that tort law has created its own unique concept of qualification of subjective factors necessary for bringing to responsibility. In determining negligence in common law countries, the criterion of reasonableness has been most developed, and its application and significance are much broader than the criteria of fault.

Key-words: tort law, negligence, reasonableness, due care, standard of a reasonable person, Hand’s formula.

Анализ современной практики в странах общего права позволяет говорить о формировании деликтного права в качестве полноценной подотрасли гражданского права, которая разработала свои критерии оценки поведения участников внедоговорных отношений и выработала свой уникальный подход к определению разумности. Некоторые авторы отмечают, что деликтное право представляет собой «парадигматическое право смешанного общества» по причине центрального места разумности при определении ответственности, которая возникает только в случае взвешивания всех связанных обстоятельств, имеющих отношение к деликту [1, р. 519].

При этом деликтное право не связано с попытками осуществлять контроль за будущим поведением субъектов или создавать систему прямых запретов рискованного поведения. Правовое регулирование внедоговорных обязательств также не направлено на создание условий принудительного страхования индивидуальной и коллективной ответственности, вместо этого деликтное право определяет ответственность по методу баланса между риском, его «социальной значимостью» и индивидуальной ответственностью [2, р. 318].

При рассмотрении споров, в т.ч. связанных с халатностью, важным является установление факта, какую именно обязанность нарушил ответчик и была ли в принципе обязанность действовать определенным образом в данной ситуации. Доказательства вины (определения отношения причинителя вреда к содеянному) не требуется, поскольку в деликтном праве вина — это неразумное поведение в определенной ситуации.

Принятие решения о привлечении к ответственности требует определения следующих обстоятельств. Во-первых, следует выяснить, как лицо в положении ответчика должно себя вести в подобной ситуации, для этого необходимо правовое закрепление стандарта заботы. Второй вопрос — соответствовал ли ответчик этому стандарту при исследовании фактических обстоятельств. Суды обычно рассматривают оба вопроса одновременно, однако, несмотря на нормативное закрепление стандарта заботы, действующее законодательство Великобритании предоставляет судам высокую степень дискреции в вопросах определения нарушения стандарта с помощью интерпретации социального контекста осуществления деятельности.

Стандарт разумного человека и его элементы в английском праве.

Традиционный подход английских судей при установлении в действиях причинителя вреда халатности — это соблюдение им стандарта заботы во всех обстоятельствах. При этом концепция должной заботы, как и формула разумного человека, является механизмом контроля, который судьи используют для принятия решения справедливого или уместного в конкретных условиях. Можно выделить несколько вопросов, ответы на которые позволяют определить соответствие стандарту заботы: наличие страховки у ответчика, определение уровня безопасности, на который имели право рассчитывать заявители, что в общем справедливо для таких отношений и справедливо применительно к отдельным фактам, и т.д. [3, р. 129].

Таким образом, стандарт заботы может быть простым средством, которое позволяет судьям принимать решение руководствуясь целесообразностью. После изменений процессуального характера из рассмотрения дел о халатности были исключены присяжные заседатели, хотя ранее их участие рассматривалось как возможность оценки действий ответчиков с позиции «обычных» разумных людей. В настоящее время вопросы о халатности рассматривают только судьи, а это означает, что необходимо профессионально оценивать соответствие действий ответчика стандартам «разумного человека».

Практика английских судов свидетельствует о широкой интерпретации категории «разумного человека», к ней относят следующие определения.

Неразумное поведение — это бездействие там, где разумный человек будет действовать, и действие там, где разумный человек будет бездействовать.

Человек, который берется для определения стандарта разумности, описывается как обычный человек с улицы (в некоторых американских документах описывается он как человек, который может дома хранить подшивку журналов и по вечерам косит траву газонокосилкой).

Стандарт разумного человека предполагает возможность предвидения негативных последствий, которые не связаны с личным восприятием конкретного человека.

С точки зрения предвидимости потенциального вреда разумный человек — это путешественник (например, в лондонском метро), который должен оценивать для себя возможные риски, используя данный вид транспорта.

При этом, учитывая судебную дискрецию при оценке поведения разумного человека, не следует забывать о субъективном вкладе каждого судьи, который оценивая некоего абстрактного разумного человека, рассуждает с учетом своего персонального мнения и опыта [4, р. 329].

Возможны ситуации, в которых субъекты пытаются установить заранее некий стандарт заботы, которому будут соответствовать или не соответствовать действия, планируемые в договорных отношениях. Например, существует заранее оговоренный стандарт охраны помещения, сдаваемого в аренду, в соответствии с которым, посещение не будет считаться нарушением стандарта должной заботы. Однако достаточно часто стороны излишне расширяют стандарты, с целью избежать ответственности за деликт, по этой причине закон о несправедливых контрактных условиях их запрещает.

Разумная оценка риска и уровень знаний как элементы стандарта.

Стандарт разумного человека исходит, в т.ч. из возможности лица разумно оценивать риск, связанный с конкретной ситуацией, и решить вопрос о необходимости принятия мер предосторожности, принимая во внимание их масштабы и вероятность причинения вреда. Здесь важную роль играют условия, при которых осуществляется оценка риска: была ли у лица возможность спокойно и адекватно подумать? Разумный человек сможет идентифицировать вероятные последствия конкретных действий и сопоставить их с мерами предосторожности, необходимыми для того, чтобы избежать вреда. Лицо, которое может доказать, что оно уделяло должное внимание последствиям определенной деятельности, с меньшей вероятностью будет признано халатным. Управление рисками причинения вреда является стандартной практикой для промышленности и здравоохранения, поэтому у субъектов есть возможность оценить риски и предпринять действия заблаговременно. Однако во многих повседневных делах, таких как вождение, могут возникать инциденты, требующие принятия решения в определенный момент времени, а в таких ситуациях оценка и управление рисками гораздо менее продуманы. Поэтому стандарт разумного человека коррелируется с оценкой риска, трудностями, неудобствами и расходами, возникшими по причине принятия мер по их предотвращению.

Также необходимо различать очевидные риски, которые понятны для любого разумного человека, и профессиональные или отраслевые риски, понимание которых возможно при наличии определенных знаний. Так, в деле *Davis v Stena Line* суд удовлетворил иски вдовы пассажира, упавшего за борт во время переправы, к паромной компании. Из материалов дела следует, что после обнаружения пассажира в воде, командой не были предприняты необходимые действия, чтобы поднять его на паром, более того, сближение с судном, которое готово было предоставить спасательную лодку для поднятия пассажира на борт, по мнению судьи, способствовало тому, что человек в итоге захлебнулся (хотя на момент его обнаружения в воде был жив). Суд посчитал, что капитан корабля знал о практической невозможности поднять на борт упавшего человека из-за слишком высоких оснований корабля и отсутствия специальных средств спасения, что стало одним из свидетельств недостаточности оценки риска и отсутствия должной заботы. Также было отмечено, что несмотря на обучение членов экипажа различным ситуациям на море, в практическом плане они оказались неготовы, о чем свидетельствует общая последовательность действий команды. Отказ от помощи другого судна в проведении спасательной операции

способствовал слишком долгому пребыванию пассажира в воде и в конечном итоге его гибели. В сложившихся обстоятельствах действия капитана парома не соответствовали критериям компетентности и разумности.

Для надлежащей оценки риска система общего права имеет набор требований к предвидимости риска и необходимости его учета. Например, в деле *Hilder v Associated Portland Cement Manufacturers Ltd (1961)* суд посчитал, что ответчик проявил небрежность, оставляя неблагоустроенным большой участок земли без каких-либо ограждений рядом с проезжей частью, в результате чего дети достаточно часто использовали эту территорию для игры в футбол. В одной из таких игр мяч вылетел за пределы поля (на проезжую часть) и попал в мотоцикл, и водитель погиб.

Субъекты также должны учитывать риски, связанные с наличием у людей ограниченных возможностей, забота о таких людях требует особых знаний и большего внимания. При этом надо понимать, что есть случаи, когда разумному человеку вообще не надо предпринимать никаких мер предосторожности, потому что никто не должен защищать его от чрезмерно отдаленных событий или слишком неправдоподобных случаев.

Закон о компенсации 2006 г. сформулировал нормативный подход к проблеме чрезмерной осторожности, проявляемой некоторыми коммерческими предприятиями из-за боязни судебных исков при несчастных случаях. При рассмотрении дел о халатности или нарушении законной обязанности необходимо обратить внимание на следующее:

не допускать осуществления желательной деятельности вообще, с частичными изъятиями или определенным способом;

препятствовать лицам осуществлять функции, связанные с желательной активностью.

Такие положения вызваны последствиями чрезмерной осторожности государственных и иных структур обусловленной большими компенсациями по искам о халатности в Великобритании. Это привело к частичному отказу от школьных экспедиций и походов, использования подвесных горшков с цветами в некоторых городах, демонтажу детских качелей на площадках и т.д.

В этой связи одной из целей закона стало определение социальной значимости этих мероприятий и оценка уровня риска для страхования или перераспределения ответственности между такими учреждениями и родителями (например). В деле *Gorringe v Calderdale Metropolitan Borough Council (2004)* Лорд Штейн отметил, что суды не должны способствовать созданию иллюзии у общества, что у каждого несчастья существует средство правовой защиты.

Вторым элементом стандарта разумности стал стандарт знаний. Ответчик может рассчитывать на защиту от исковых требований, основанную только на текущих знаниях, которыми он обладал на момент инцидента. Стандарт знаний, предъявляемый к разумному человеку, предполагает оценку поведения с учетом знаний, доступных лицу, поскольку разумный человек не должен (и не может) предвидеть неизвестные риски и защититься от них. Данный подход особенно актуален в спорах, связанных с причинением вреда здоровью медицинскими учреждениями. Так, в деле *Roe v Minister of Health (1954)* истец был пациентом, у которого развился паралич от инъекций анальгетика. Данное лекарство хранилось в клинике в стеклянных ампулах, погруженных в раствор фенола, используемого в качестве дезинфектора. В результате рассмотрения дела выяснилось,

что ампула содержала микротрещину, которую невозможно было обнаружить при осмотре, вследствие чего произошло смешение анальгетика «нуперкейн» и фенола, что привело к параличу. В итоге суд решил, что поскольку такая смесь никогда в научных целях не изучалась, предсказать подобный эффект было невозможно — следовательно, ответчик соответствовал стандарту разумного человека. При этом общее правило заключается в переоценке рисков, как только возникает подозрение в существовании опасности. В одном из дел, связанных с медицинскими исследованиями, было принято решение о халатности со стороны медицинского учреждения по причине неспособности провести переоценку рисков использования гормонов роста человека после того, как появились обоснованные опасения, что гормон роста может быть причиной заболевания СД (Creutzfeldt-Jacob Disease).

Содержание стандарта разумного человека, помимо прочего, предполагает также оценку полезности своего поведения (например, когда для спасения жизни понадобились срочные меры). Это в первую очередь касается спасательных служб и служб скорой помощи, которые в рамках мировой практики могут не соблюдать правила дорожного движения, если едут по экстренному вызову. В этой ситуации нарушение правил, которое не приводит к жертвам, оценивается сквозь призму действий разумного человека, поскольку конечная полезность превышает риск причинения вреда. Судебными органами также учитываются расходы, которые несет ответчик на минимизацию рисков причинения вреда, и в итоге их принятие может быть оценено как должная забота. Также следует отметить, что некоторые учреждения не имеют возможности минимизировать все риски. Например, тюрьмы не могут быть оснащены как медицинские учреждения для учета и лечения людей с различными психическими отклонениями или суицидальными наклонностями.

Стандарт знаний зависит от уровня профессиональной подготовки, поэтому к лицу, занимающемуся определенной деятельностью профессионально, будет применяться повышенный набор требований к разумности. Тем не менее, как определил Апелляционный суд, стандарт должной заботы зависит не сколько от профессиональных навыков лица, столько от самого вида деятельности, осуществляемой лицом в соответствующий момент. Так, чтобы построить правильно оранжерею — нужны специальные знания, а чтобы правильно прикрутить болт при строительстве оранжереи — нет.

Формула Хэнда — автономный путь США в определении разумности.

Законодательство США регулирует ответственность в деликтных обязательствах, руководствуясь общепризнанным в общем праве стандартом разумного человека. В конце 40-х годов прошлого века при рассмотрении спора *U.S. v. Carroll Towing Co* судьей Хэндом была сформулирована новая формула расчета ответственности в условиях халатности. Иск был связан с действиями компании буксировщика, которая не присоединила баржи компании Коннорс к пирсу и в результате неблагоприятных погодных условий несколько барж отнесло вниз по течению и они затонули. Буксировщик аргументировал это отсутствием на борту барж кого-либо из сотрудников компании Коннорс, с которыми они могли бы этот вопрос согласовать, также из обстоятельств дела следовало, что если бы кто-то из работников оператора находился на барже, можно было бы уберечь от затопления. Одним из существенных моментов для суда стала халатность оператора компании Коннорс, т.е. отсутствие сотрудников на баржах как в момент

буксировки, так и в момент инцидента. Судья Хэнд написал, что ответственность за затопленную баржу зависела от следующих факторов: 1) от вероятности того, что она оторвется; 2) серьезности причиненного или полученного вреда, если он возник; 3) бремени адекватных мер предосторожности. Для упрощения судья предложил сформулировать эту зависимость в алгебраических терминах: если вероятность называется P ; травма/вред — L и бремя — B ; ответственность зависит от того, меньше ли B , чем L , умноженное на P (B меньше, чем PL).

Случаи применения формулы Хэнда сильно отличаются от условий использования стандарта разумного человека. В ситуации с оценкой разумности в рамках стандарта чаще всего речь идет об одновременной оценке риска и возможностях его предотвращения, при этом правильная мера предосторожности обычно достаточно очевидна. Вопрос в том: можно ли ожидать, что сторона примет такую меру предосторожности? Так, в деле *Vaughan v Menlove* (1837) ответчик не должен был складывать и хранить сено так, как он это сделал (и в этом смысле вопрос об оправдании его поведения не ставится), поскольку было очевидно, что его действия неправильны. Скорее речь идет о том, можно ли было от него требовать, чтобы он складывал свое сено безопасно, учитывая ограниченность его интеллекта. Применение формулы, напротив, обусловлено повторным наложением риска. Классический пример связан с обеспечением безопасности морских перевозок. Решение вопроса о применении ответственности в результате причинения вреда судном или если вред причинен самой барже по формуле Хэнда это полностью зависит от того, какое внимание уделяется вопросу безопасности. Когда решается вопрос о принятии некоторых мер, то основным критерием становится оценка поведения субъектов, в этой связи естественно и разумно исследовать серьезность и вероятность вреда, который может возникнуть как следствие соответствующего поведения (например, неоснащение судна современными средствами навигации) и расходов, которые необходимо принять чтобы этот вред предотвратить (т.е. стоимость установления средств навигации).

Формула Хэнда была издана как основание для отказа от обычая проводить тест на должную заботу. Дальнейшее развитие формулы свидетельствует об отходе от идеи XIX в., что надлежащая забота — это обычная забота, которую люди действительно проявляют, к идее того, что надлежащая забота это разумная или оправданная забота, которую люди обязаны проявлять. Так, дело *Titus v Bradford* представляет собой наглядную иллюстрацию идеи XIX в., поскольку предоставление обычных средств защиты и соблюдение обычной безопасности представляет защиту от ответственности. Риторика судебного решения определяет контраст между «разумной заботой» и «обычной заботой» и подчиняет первое последнему.

Впервые отождествление разумной осторожности и обычной осторожности было опровергнуто в случае *TJ Hooper*, когда было указано, что есть случаи, когда соблюдение общих стандартов заботы становится эталоном должного усердия. Действительно, иногда разумное благоразумие является общим благоразумием, но оно никогда не является его мерой. Суды должны определить, что есть такие меры предосторожности, столь необходимые, что даже коллективное пренебрежение ими не оправдывает бездействия в их принятии.

Формула руки, помимо прочего, является способом определения того, является ли обычная забота заботой разумной. Рассматривая подробнее ситуацию с баржей, можно сделать вывод, что баржа сорвется с места и причинит ущерб, что вероятно всего, зависит от места и времени. Так, если грозит шторм — опас-

ность больше, или если судно находится в переполненной гавани, где постоянно перемещаются другие суда, столкновение с ними становится более неизбежным.

В теории права нет однозначной интерпретации формулы Хэнда и ее соотношения с иными правилами деликтного права. Можно выделить следующие подходы к определению места и роли формулы Хэнда:

1. Формула Хэнда основана на готовности платить, чтобы максимизировать богатство, и выражает ручные способы минимизации рисков в денежном выражении. Такой подход последовательно отстаивается Ричардом Познером [5 р. 340] и Уильямом Ландесом [6, р. 115].

2. Утилитарный подход интерпретирует формулу, как способ максимизировать социальное благосостояние. Этот подход одобрен такими экономистами, как Луи Каплоу и Стивен Шевел [7, р. 287].

3. Подход общественного договора квалифицирует формулу Хэнда, как возможность уравновесить свободу действий против безопасности, чтобы максимизировать общее благополучие людей. Грегори Китинг охарактеризовал этот подход как учет справедливых условий социального сотрудничества в царстве потенциальных аварий [8 р. 312].

4. Эгалитарный подход, который интерпретирует формулу Хэнда как поддерживающую эгалитарную цель равнодоступность ресурсов и готовность достижения цели. Рональд Дворкин предложил этот подход в Империи Закона [9, с. 278].

5. Добродетельный подход, который интерпретирует формулу, как ручной способ прийти к интуитивному пониманию того, какой курс включает в себя меньшее зло [10, р. 131–147].

Формула Хэнда имеет такое количество интерпретаций по нескольким причинам. Во-первых, можно отметить, что в наиболее общей форме формула обозначает прагматическое предположение, что люди должны осуществлять заботу в большей степени, когда ожидаемые хорошие последствия перевешивают ожидаемые плохие последствия. Все подходы, обозначенные выше, едины в том, что в ограниченном контексте принятие индивидуальных решений о рисках наступления несчастных случаев связаны с поведением людей, которые сравнивают ожидаемые последствия (если они будут осторожны) с ожидаемыми последствиями (если не будут).

Во-вторых, доктрина халатности и случаи небрежности должны исходить из предпосылки, что есть много условий применения формулы Хэнда. Формула подходит для применения в тех случаях, когда необходимо оценить хорошие и плохие последствия выбора; должная забота более или менее имеет значение для выбора, который сделал бы разумный человек.

В-третьих, гибкость некоторых составляющих формулы вызывает вопросы в части наличия инструкций для судей, которые существуют при квалификации поведения на предмет его соответствия стандарту разумного человека. Широкая дискреция предполагает открытую инструкцию по применению формулы Хэнда, чтобы сбалансировать элементы формулы, не детализируя, как это сделать. Узкая дискреция предполагает четкое описание элементного состава формулы и того, какой критерий надо использовать при определении баланса.

Резюмируя подходы к определению статуса формулы Хэнда, следует отметить, что изначальный ее вариант, предложенный автором, не отражал ни экономический подход, ни утилитарный. Экономическая интерпретация предполагает, что должная забота — это забота, которую проявляет один рациональный субъект при условии, что ему бы пришлось нести как издержки, так и выгоды

от хеджирования риска. Такой подход противоречит основной идее деликтного права, в силу этого небрежность связана, с межличностной моралью — т.е. то, что мы обязаны сделать по отношению к друг другу, чтобы предотвратить потенциальный вред. В деле *Moisan v Loftus* судья Хэнд объяснил невозможность использования формулы для точных количественных расчетов, поскольку только некоторые элементы формулы могут быть точно рассчитаны, другие вариативны, и возможность их рассчитать зависит от статистики, которая достаточно часто отсутствует. Для Хэнда его формула была не исключительно математической моделью, а скорее способом выделить отдельные элементы осторожности и последствий, чтобы определить взаимоотношение между ними. Также формула предполагает, что судья сделает моральный вывод относительно важности тех или иных интересов, учитываемых в конкретном деле.

Резюмируя, следует отметить, что сфера деликтного права находится на границе гражданского права административного и уголовного права. При этом существует законодательное «искушение» использовать институты из указанных отраслей для формирования внедоговорных обязательств. Система общего права пошла по другому пути и разработала свои стандарты, необходимые для привлечения к ответственности и для освобождения от ответственности за причинение вреда. Поскольку моральные обязательства составляют основу деликтных обязательств, ключевым моментом в решении вопроса о возмещении вреда является квалификация субъективной составляющей. Эксперты правосудия Англии и США в качестве такого элемента рассматривают разумность, поскольку важно не отношение лица к содеянному (как в случае с виной), а то, что лицо осознавало риски и сделало попытки их предотвратить. Базовой частью разумности является стандарт «разумного человека», который применяют во всех странах общего права, однако США выработали дополнительный подход к оценке деликта — это разумная забота — расчет которой осуществляется в рамках формулы Хэнда. Таким образом, деликты сформировали самостоятельное уникальное понимание разумности, основанное не на экономической обоснованности (как в случае с договорным правом), а на рациональной осмотрительности.

References

1. *Guido Calabresi*. Torts — The Law of the Mixed Society, New York, 56 Tex. L. Rev. 1978, 519 p.
2. *Eric E. Johnson*, Negligence X Factor, *Cardozo L. Rev.*, 2012, 318 p.
3. *Harpwood Vivienne*, *Modern Tort Law*, 7 ed, New York, Routledge-Cavendish, 2009. 578 p.
4. *Allen C.K.*, *Law in the Making*, 7 ed, Oxford, Oxford: Clarendon, 1964. 649 p.
5. *Richard A. Posner*. *The Problems of Jurisprudence*, Boston, Harvard University Press, 1993. 512 p.
6. *William IV Landes & Richard A. Posner*. *The Economic Structure of Tort Law*, Boston, Harvard University Press, 1987. 329 p.
7. *Louis Kaplow & Steven Shavell*. *Fairness versus Welfare*, Boston, Harvard university press, 2006. 576 p.
8. *Keating G.* Reasonableness and Rationality in Negligence Theory. *Stanford Law Review*. 1996. № 48(2). P. 311–384.
9. *Ronald Dworkin*. *Law's Empire*, Boston, Belknap Press of Harvard University Press, 1986. 470 p.
10. *James Gordley*. *Tort Law in the Aristotelian Tradition*, in *Philosophical Foundations of Tort Law*, David Owen ed., Oxford, Oxford University Press, 1995. 378 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10140
УДК 347.9

С.П. Казакова, О.А. Кухарева

ПОСРЕДНИЧЕСТВО В СИСТЕМЕ
ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР:
ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ПРОБЛЕМЫ
ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ
ПО ГРАЖДАНСКИМ
И АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

Введение: одним из приоритетных направлений развития законодательства является повышение эффективности механизма альтернативного разрешения споров, что предполагает необходимость анализа и осмысления правовых основ, а также практики применения примирительных процедур в свете проводимой судебной реформы в современной России. **Цель:** обоснование универсальной правовой конструкции посредничества в рамках института примирительных процедур, ее дифференциации, выявление пробелов правового регулирования и выработка теоретико-практических рекомендаций, направленных на обеспечение гарантий прав граждан и организаций в сфере судебной защиты их прав. **Методологическая основа:** системный подход, а также использование общенаучных и специальных методов познания в их совокупности. **Результаты:** представлены в предложенных авторами тезисах о правовой природе посредничества, ее видовой дифференциации и позитивном направлении развития теории и практики использования примирительных процедур по гражданским и административным делам. **Выводы:** совершенствование правового регулирования посредничества как примирительной процедуры должно осуществляться с учетом универсального характера правовой природы посредничества, с одной стороны, и потенциального многообразия ее видов — с другой; кроме того, необходимо обеспечить равные условия обращения заинтересованных лиц к любым процедурам посредничества.

Ключевые слова: примирительные процедуры, посредничество, судебное примирение, медиация, арбитражный процесс, гражданский процесс.

© Казакова Светлана Петровна, 2020
Кандидат юридических наук, доцент кафедры арбитражного процесса, (Саратовская государственная юридическая академия), e-mail: s005er@mail.ru
© Кухарева Олеся Александровна, 2020
Кандидат юридических наук, доцент кафедры арбитражного процесса (Саратовская государственная юридическая академия), e-mail: ilya12361@yandex.ru

© Kazakova Svetlana Petrovna, 2020
Candidate of Law, Associate Professor, Arbitration procedure department (Saratov State Law Academy)
© Kukhareva Olesya Aleksandrovna, 2020
Candidate of Law, Associate Professor, Arbitration procedure department (Saratov State Law Academy)

S.P. Kazakova, O.A. Kukhareva

MEDIATION IN THE SYSTEM OF CONCILIATION PROCEDURES:
CONCEPT, TYPES, PROBLEMS OF PRACTICAL APPLICATION
IN CIVIL AND ADMINISTRATIVE CASES

Background: one of the priority areas of development of legislation is to improve the effectiveness of the alternative dispute resolution mechanism, which implies the need to analyze and understand the legal framework and practice of applying conciliation procedures in the light of the ongoing judicial reform in modern Russia. **Objective:** substantiation of a universal legal structure of mediation within the framework of the institution of conciliation procedures, its differentiation, identification of gaps in legal regulation and development of theoretical and practical recommendations aimed at ensuring guarantees of the rights of citizens and organizations in the field of judicial protection of their rights. **Methodology:** a systematic approach as well as the use of general scientific and special methods of cognition in their totality. **Results:** presented in the form of theses proposed by the authors about the legal nature of intermediation, its specific differentiation and the positive direction of development of the theory and practice of using conciliation procedures in civil and administrative cases. **Conclusions:** improving the legal regulation of intermediation as a conciliation procedure should take into account the universal nature of the legal nature of intermediation, on the one hand, and the potential diversity of its types, on the other; in addition, it is necessary to ensure equal treatment of interested parties to any intermediation procedures.

Key-words: conciliation procedures, intermediation, judicial reconciliation, mediation, arbitration process, civil process.

Примирительные процедуры, по меркам науки цивилистического процессуального права, сравнительно молодой правовой институт. Долгое время примирение в судебном производстве исчерпывалось заключением мирового соглашения — универсальным вариантом окончания деятельности сторон по урегулированию возникшего спора. Со временем, во многом благодаря рекомендации Комитета министров Совета Европы¹, указанный институт получил не только серьезное теоретическое, но и законодательное развитие. Были предложены новые примирительные процедуры, они стали облекаться de jure в самостоятельные массивы правовых норм в рамках цивилистического процессуального законодательства.

Первоначально глава посвященная примирительным процедурам, содержалась только в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации² (далее — АПК РФ). В числе примирительных процедур отдельно выделялись только процедура медиации и заключение мирового соглашения. Нормы Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации³ (далее — ГПК РФ)

¹ См., например: Рекомендация от 5 сентября 2001 г. (2001) 9 Комитета министров государствам-членам об альтернативных судебных разбирательствах разрешения споров между административными органами власти и частными лицами; Рекомендация от 18 сентября 2002 г. (2002) 10 Комитета министров Совета Европы относительно медиации по гражданским делам. URL: <https://www.coe.int/ru/web/portal/home> (дата обращения: 20.02.2020).

² См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 2 декабря 2019 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3012.

³ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 2 декабря 2019 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2002. № 46, ст. 4532.

также предусматривали возможность прибегнуть к указанным способам урегулирования спора, хотя самостоятельная глава, посвященная примирительным процедурам, получила закрепление в ГПК РФ сравнительно недавно.

В целом институт примирения в 2019 г. обрел нормативную стройность, в первую очередь, за счет структурирования правового регулирования применения примирительных процедур. Были закреплены общие принципы примирения, предложены новые виды примирительных процедур, четче прописана роль суда в примирении сторон спора, детализированы другие аспекты примирения. Указанные нововведения стали следствием унификации правового регулирования гражданско-правового судопроизводства, поэтому в настоящее время общие положения о примирительных процедурах в указанных выше кодексах практически идентичны. Интересным в этом свете представляется решение законодателя не включать самостоятельную главу в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации⁴ (далее — КАС РФ), хотя и этот закон пополнился рядом новелл о примирении.

Юридической трансформации, как мы уже сказали, помимо прочих положений, подвергся перечень примирительных процедур. Согласно ст. 138.2 АПК РФ, ст. 153.3 ГПК РФ споры могут быть урегулированы путем проведения переговоров, посредничества, в т.ч. медиации, судебного примирения или использования других примирительных процедур, если это не противоречит федеральному закону. Таким образом, к традиционной ранее действовавшей процедуре медиации, в законодательство добавлены переговоры и судебное примирение. Мирное соглашение заключение которого ранее рассматривалось также как примирительная процедура, теперь справедливо именуется ее результатом.

Вместе с тем предложенная законодателем формулировка ст. 138.2 АПК РФ, ст. 153.3 ГПК РФ порождает ряд вопросов касательно технико-юридического решения классификации примирительных процедур. Например, законодатель совершенно незаслуженно, как представляется, умолчал о других традиционных процедурах урегулирования спора, например, претензионном порядке, обладающем высоким потенциалом правового средства «выяснения разногласий сторон, поиска путей их устранения, удовлетворения претензии в качестве добровольной ликвидации требования обязанным лицом» [1, с. 138–139]. А ведь примирительные процедуры, как и правовые процедуры вообще, должны быть доступны в информационном плане. С этой точки зрения востребованность и эффективность примирительных процедур зависит, в т.ч. и от факта их законодательной фиксации, позволяющей сторонам не только знать о самой возможности использования данной процедуры, но и ранжировать их применение с учетом специфики спорного материального правоотношения. Введение в процессуальную терминологию понятия «переговоров», наоборот, вызывает вопросы не только об их автономном характере как самостоятельной процедуры, но и способности обеспечить роль фильтра в отсеивании действительно «беспорных» требований с точки зрения документального подтверждения.

Представляют бесспорный интерес также понятие и содержание процедуры посредничества, которую И.В. Решетникова справедливо определяет как наиболее удачно используемую форму примирения сторон в экономических спорах,

⁴ См.: Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2015. № 10, ст. 1391.

в виду того, что посредник, добровольно избираемый сторонами, не выносит какого бы то ни было решения, он лишь подводит стороны к тому, чтобы они сами нашли путь разрешения правового конфликта [2, с. 461–462].

До недавнего времени посредничество в российском законодательстве расценивалось преимущественно как синоним процедуры медиации. Этот вывод проистекал из самого названия основного в этой сфере нормативного правового акта — Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»⁵ (далее — Закон о медиации). В сфере правового регулирования названного закона терминологическая формула была представлена так: посредник — это медиатор.

Анализ трудов специалистов в сфере альтернативного разрешения споров позволяет сделать однозначный вывод о том, что медиация — это всего лишь одна из вариаций примирения. Вряд ли можно спорить с утверждениями о том, что «термин „посредник” является более широким по сравнению с термином «медиатор» [3, с. 12] или что «именно участие избираемого сторонами третьего лица, именуемого посредником, определяет суть посредничества» [4, с. 162].

В самом общем смысле посредничество следует понимать как «содействие соглашению, сделке между сторонами»⁶. В юридическом смысле посредничество — деятельность лица, направленная на оказание помощи другим лицам в достижении юридически значимого результата: например, заключения соглашения, передачи имущества и т.д. При этом такая деятельность может иметь первичный по отношению к возникновению правоотношений сторон характер — если стороны только намереваются вступить в правоотношения, или вторичный — если стороны хотят их изменить или прекратить. Примером первого вида посредничества являются договорные гражданско-правовые конструкции агентирования, поручения, комиссии, которые оформляют правоотношения по осуществлению деятельности одного лица в интересах другого лица. Второй вид посредничества характеризуется необходимостью прекращения спорного правоотношения посредством оказания сторонам помощи независимого лица. Именно в этом контексте посредничество предстает как примирительная процедура, т.е. деятельность одного лица (или нескольких лиц), направленная на оказание помощи другим лицам в прекращении возникшего между ними спора путем содействия в достижении взаимовыгодного результата.

Обязательным участником правоотношений, связанных с использованием примирительной процедуры посредничества, становится посредник, в качестве которого, как представляется, может выступать любое лицо способное осуществлять указанную деятельность. Способность проводить процедуру посредничества должна определяться требованиями закона и соглашением сторон спора.

С точки зрения возможного формального ограничения на проведение избранными сторонами лицом процедуры медиации может выступать, пожалуй, только ограниченная дееспособность или ее отсутствие (кстати, одно из требований к медиатору). Этот тезис видится важным не столько в контексте возможных правовых последствий действий посредника, не обладающего дееспособностью,

⁵ См.: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в ред. от 26 июля 2019 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2010. № 31, ст. 4162.

⁶ Толковый словарь Ожегова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/175478> (дата обращения: 20.02.2020).

сколько с точки зрения здравого смысла в его выборе на эту роль вообще. Деятельность посредника, не урегулированная законом, не порождает правовых последствий, а это означает, что формально даже несовершеннолетний может оказывать содействие в достижении какого-либо результата, свидетельствующего о прекращении юридического конфликта (опять же, за рамками процедуры медиации).

Приведенные размышления позволяют нам разделить классификацию посредничества на два вида. К первому виду отнесем, например, уже упомянутую ранее процедуру медиации.

Ко второму виду, безусловно, следует отнести и судебное примирение — новую примирительную процедуру, в основе которой также лежит универсальная правовая модель посредничества. Порядок проведения судебного примирения определяется соответствующими нормами процессуальных кодексов и Регламентом, утвержденным Верховным Судом Российской Федерации⁷ (далее — Регламент). Ключевой характеристикой судебного примирения является ее субъект — судебный примиритель, в качестве которого может выступать только судья в отставке.

При всех различиях процедур судебной медиации и судебного примирения обращает на себя внимание такое их общее условие как участие квалифицированного посредника — лица, к которому предъявляются особые, оговоренные в законе, требования. К судебному примирителю — требование о наличии статуса судьи в отставке, к судебному медиатору — требование о наличии статуса медиатора, осуществляющего свою деятельность на профессиональной основе.

Указанный организационный аспект обеих процедур позволяет провести еще одну классификацию посредничества на две группы: квалифицированное и неквалифицированное. Для осуществления квалифицированного посредничества субъект осуществляет свою деятельность только при условии, если у него присутствуют дополнительные качества, помимо общего для всех — наличия дееспособности. К ним, бесспорно, следует отнести профессионального медиатора и судебного примирителя. В эту группу могут быть отнесены и те лица, в отношении которых выбор сторон будет обусловлен их волеизъявлением, отраженным в соглашении. Стороны могут, в частности, установить такие требования к посреднику как: образование, возраст, стаж работы и т.д.

Дифференциация видов посредничества важна не только в теоретическом аспекте. Она позволяет предлагать участникам различных материальных правоотношений новые модели посредничества, отвечающие целям эффективности разрешения спора и обеспечения гарантий защиты прав сторон.

Отмечая в целом позитивный характер оптимизации правового регулирования примирительных процедур, хотелось бы осветить такой дискуссионный вопрос, как соотношение (конкуренция) процедур медиации и судебного примирения.

Сопоставляя судебное примирение с прочими примирительными процедурами, нельзя не заметить сходства именно с процедурой медиации. Обе процедуры проходят при обязательном участии третьего лица — независимого и беспристрастного. Кроме того, ни медиатор, ни судебный примиритель не принимают

⁷ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1.

решения, не разрешают спор, а лишь помогают сторонам прийти к определенному результату.

Отличительных характеристик у названных процедур гораздо больше и именно их сравнительный анализ позволяет обозначить ряд аспектов, интересных как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Остановимся на некоторых из них. Во-первых, это, как ни странно, специфика статуса судьи в отставке, позволяющего названному лицу проводить не только судебное примирение, но и процедуру медиации. Это следует из нормы ч. 1.1 ст. 16 Закона о медиации, согласно которой осуществлять деятельность медиаторов на профессиональной основе могут также судьи, пребывающие в отставке. Приведенное законодательное решение вопроса о субъектном критерии посредничества порождает ряд вопросов: об источнике оплаты работы судьи-медиатора, о его членстве в организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, о возможности быть судебным примирителем, если ранее он осуществлял деятельность, направленную на урегулирование этого же спора, в качестве медиатора и т.д. Кроме того, не следует выносить за скобки «профессиональную составляющую» статуса судебного примирителя. В научной литературе отмечается, что вопрос профессиональной подготовки судей в отставке не вызывает сомнений, в отличие от их способности примирить стороны, поскольку «судья в гражданском судопроизводстве ведет пассивную роль по сравнению со сторонами, а для успешной медиации и иных процедур, наоборот, характерна активная роль медиатора...» [5, с. 253].

Во-вторых, это оформление результата проведения обеих процедур. В ходе использования судебного примирения стороны, как это отражено в Регламенте, могут достичь результатов примирения, закрепленных ст. 153.7 ГПК РФ, ст. 138.6, ч. 3 ст. 190 АПК РФ, ст. 137.7 КАС РФ. Это может быть отказ от иска, признание иска, заключение мирового соглашения и т.д. Конструктивным результатом окончания процедуры медиации, согласно Закону о медиации, является заключение медиативного соглашения. Интересно, что данный документ вообще не назван ни в одном из процессуальных кодексов как результат примирительной процедуры. Закон о медиации, безусловно, не запрещает формировать содержание медиативного соглашения по усмотрению сторон любым образом, вплоть до фиксации в нем отказа от иска, признания иска и т.п. Однако именно тот факт, что медиативное соглашение не обозначено как процессуальный документ, на практике вызывает трудности, связанные с утверждением этого соглашения в качестве мирового. Принимая во внимание терминологическую самобытность Закона о медиации, нельзя не отметить, что именно она в большинстве случаев затрудняет прекращение судебного процесса в случае, когда стороны договорились о ликвидации спора в рамках медиативного соглашения.

В-третьих, это вопросы оплаты посреднических процедур. Как следует из норм Закона о медиации, процедура медиации, проводимая для урегулирования спора, по которому проводится судебное разбирательство, не всегда может быть бесплатной. Исключительно возмездный характер носит деятельность организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, в то время как деятельность по проведению процедуры медиации осуществляется медиатором (медиаторами) как на платной, так и на бесплатной основе. Будет ошибочным предположить об альтруистическом характере всех медиаторов страны, и их желании предлагать свои услуги на безвозмездной осно-

ве. И уж тем менее вероятным видится осуществление бесплатной процедуры частнопрактикующим специалистом, находящимся на самостоятельном финансировании (например, адвокаты) в отсутствие бюджетного финансирования.

Процедура судебного примирения, наоборот, является бесплатной для сторон спора, что прямо указано в нормах законодательствах. Вознаграждение судебным примирителям будет выплачиваться из бюджета в порядке, определенном Правительством РФ.

Вообще сам по себе элемент безвозмездности процедуры судебного примирения видится, как минимум дискуSSIONным. Конечно, с точки зрения развития института альтернативного разрешения споров в целом указанное обстоятельство будет играть важную роль прежде всего с точки зрения финансовой доступности посредничества. Вместе с тем, если институт медиации с финансовой точки зрения является самостоятельным, автономным и не требует от государства каких-либо финансовых вложений, то процедура судебного примирения — это весьма дорогостоящий проект.

Сравнивая процедуру медиации и судебное примирение, нельзя не обратить внимания на тот факт, что деятельность судебного примирителя в большей степени напоминает именно судебный процесс. Это следует из положений Регламента о порядке проведения процедуры и полномочий судебного примирителя (например, возможности знакомиться с материалами дела). Кроме того, судья в отставке — квалифицированный юрист и как потенциальный посредник он будет выглядеть привлекательнее в сравнении с медиатором, для которого законодательство не устанавливает даже требования о наличии высшего юридического образования. Внешняя привлекательность процедуры судебного примирения может создать известные сложности для заинтересованных в применении этой процедуры лиц по причине сравнительно небольшого количества судебных примирителей (например, в Саратовской области утверждено всего пять судей в отставке) и медленной реализацией законодателем этого механизма в целом.

Резюмируя приведенные размышления, отметим, что процедура судебного примирения в том виде, в котором она предложена законодателем, может создать препятствия в развитии другой примирительной процедуры — процедуры медиации. Впрочем, в случае если на практике процедура судебного примирения станет востребованной и к судебным примирителям лица, заинтересованные в оказании им помощи в урегулировании спора, будут обращаться весьма активно, риск «нехватки» судей в отставке может быть достаточно высок. Важно, чтобы тезис, обозначенный в Постановлении VIII Всероссийского съезда судей от 19 декабря 2012 г.⁸, о развитии примирительных процедур, в т.ч. посредничества (медиации), как одном из приоритетных направлений совершенствования существующих механизмов урегулирования споров и защиты нарушенных прав граждан, не остался декларативным.

⁸ См.: Постановление Совета судей РФ от 19 декабря 2012 г. «О состоянии судебной системы Российской Федерации и основных направлениях ее развития» // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. 2013. № 1.

Библиографический список

1. *Лимарь Т.Г.* Правовые основы реализации примирительных процедур по гражданско-правовым спорам // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 6 (125). С. 133–140.
2. *Решетникова И.В.* Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М.: Статут, 2019. 510 с.
3. *Зайцев А.И.* Проблемы нормативной регламентации посредничества (медиации) в России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 8. С. 8–12.
4. *Ермаков А.Н., Захарьяцева И.Ю., Медникова М.Е.* Добровольность и добросовестность как принципы медиации // Третейский суд. 2014. № 1(91). С. 162–167.
5. *Русакова Е.П.* Новеллы процессуального законодательства о медиации в РФ // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 253–255.

References

1. *Limar T.G.* Legal Basis for the Implementation of Conciliation Procedures in Civil Disputes // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018. No. 6 (125). P. 133–140.
2. *Reshetnikova I.V.* Reflecting on Litigation: Favorites. M.: Statute, 2019. 510 p.
3. *Zaitsev A.I.* Problems of Normative Regulation of Mediation (intermediation) in Russia // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2011. No. 8. P. 8–12.
4. *Ermakov A.N., Zakharyashcheva I.Yu., Mednikova M.E.* Voluntariness and Good Faith as Principles of Mediation // Arbitration court. 2014. No. 1 (91). P. 162–167.
5. *Rusakova E.P.* Novels of Procedural Legislation on Mediation in the Russian Federation // Socio-political sciences. 2018. No. 2. P. 253–255.

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10141

УДК 343.22

Е.В. Благов

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ВИДАХ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Введение: объем понятия «соучастие в преступлении» обычно рассматривается через категории формы и (или) вида. По логике уголовно-правового регулирования, наиболее приемлемой является категория вида. **Цель:** поиск наиболее адекватного подхода к выявлению объема понятия «соучастие в преступлении», а позволяющего в соответствии с законом классифицировать соучастие и, как следствие, правильно квалифицировать соответствующие преступления. **Методологическая основа:** диалектика как всеобщий метод познания в совокупности с частнонаучными методами, среди которых преобладают методы анализа и синтеза, логический, семантический, системный. **Результаты:** аргументирована позиция относительно выделения видов соучастия в преступлении и дана их характеристика, осуществлено поэтапное деление видов соучастия. **Выводы:** действующий закон позволяет различать однородное и смешанное соучастие в преступлении; однородное соучастие включает в себя ролевое соучастие и преступную группу; преступная группа состоит из группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы и преступного сообщества (преступной организации).

Ключевые слова: соучастие в преступлении, виды соучастия, роль (функция), исполнитель, иные соучастники, совместность, классификация (деление).

E.V. Blagov

ON LEGAL TYPES OF COMPLICITY IN CRIME

Background: the scope of the concept of complicity in crime is usually considered by means of the categories of form and (or) type. According to the logic of criminal law regulation, the most acceptable category is the type one. **Objective:** to find the most appropriate approach to identifying the scope of the concept of complicity in a crime, allowing in accordance with the law to classify complicity and, as a result, correctly qualify the relevant crimes. **Methodology:** dialectics as a universal method of knowledge in conjunction with private scientific methods, among which the methods of analysis and synthesis, logical, semantic, systematic and dogmatic prevail. **Results:** the author's position on the identi-

© Благов Евгений Владимирович, 2020
Доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); e-mail: blagov@uniyar.ac.ru
© Blagov Evgeny Vladimirovich, 2020
Doctor of law, Professor, Criminal law and criminology department (Yaroslavl State University named after P.G. Demidov)

fication of types of complicity in a crime is argued and their characteristics are given, a stage-by-stage division of the types of complicity is carried out. Conclusions: the current law makes it possible to distinguish between homogeneous and mixed complicity in a crime, homogeneous complicity includes role-playing complicity and a criminal group, a criminal group consists of a group of persons, a group of persons by prior agreement, an organized group and a criminal community (criminal organization).

Key-words: *complicity in a crime, types of complicity, role (function), performer, other accomplices, compatibility, classification (division).*

Правильная квалификация преступлений, совершенных в соучастии, зависит от адекватного отражения объема понятия «соучастие». В литературе для определения объема данного понятия по общему правилу используются категории формы и вида. Они применяются в одних случаях самостоятельно [1, с. 186, 201], в других используется либо форма [2, с. 14], либо вид [3, с. 7]. Закон же не включает в себя ни ту, ни другую категорию. И вряд ли они нужны.

Форма — это вид, тип, устройство, структура, внешнее выражение чего-нибудь, обусловленные определенным содержанием, а вид — внешность, видимый облик, состояние [4, с. 1260, 162]. Получается, что с точки зрения русского языка — форма и вид синонимичные понятия. Это должно означать отсутствие принципиального значения как будет обозначен объем понятия соучастие в преступлении.

Однако в Уголовном кодексе чаще всего задействована категория «вид». Она используется 135 раз, тогда как «форма» — 18. В Общей части уголовного законодательства используется главным образом¹ слово «вид» (виды преступлений, рецидива преступлений, соучастников преступления, наказаний — вообще и конкретных из них, принудительных мер медицинского характера и т.п.). Категория «форма» приложена лишь к вине и досугу (как составляющей соответствующей принудительной меры воспитательного воздействия). Поэтому у категории «вид» более значимое нормативное основание для обозначения объема понятия «соучастие в преступлении».

Применительно к существующей ситуации (с видами (формами) соучастия в преступлении) нельзя не согласиться с мнением, что, с одной стороны, особых проблем вроде бы не должно возникать, ибо теория уголовного права устойчиво выделяет по функциональному признаку соисполнительство и соучастие с распределением ролей; с другой же стороны, теоретикам, а вслед за ними и практикам, и законодателю удалось настолько все усложнить, что от простоты не осталось ничего [1, с. 186–187]. Поэтому важно отыскать существенное основание для деления соучастия в преступлении на виды. И таковое не может отсутствовать в законодательном понятии соучастия в преступлении. Ведь объем любого понятия должен всегда находиться в рамках содержания последнего.

В ст. 32 УК РФ имеется лишь один претендент на существенное основание деления соучастия в преступлении на виды. Это совместность как главный отличительный признак соучастия, отделяющий его от несоучастия. В последнем случае совместности нет, а при соучастии она может быть различной. Конечно, неодинаковым бывает и число лиц, образующих соучастие в преступлении, но оно, как известно, количественный признак соучастия, а совместность — каче-

¹ Есть еще категории преступлений.

ственный, который только и способен претендовать на существенное основание классификации.

Специфику совместности при соучастии в преступлении как качественного признака понятия, изложенного в ст. 32 УК РФ, законодатель подчеркнул в последующих статьях уголовного законодательства. В ч. 1 ст. 33 УК РФ совместность характеризуется участием в преступлении исполнителя и хотя бы одного из иных соучастников, а в ч. 1 ст. 35 — нескольких исполнителей. Эта та специфика, которая позволяет различать виды соучастия в преступлении. Остается им дать обозначение.

Дело в том, что ранее отмеченное соучастие с распределением ролей получило и другие наименования: соучастие в тесном [5, с. 14] или узком смысле [6, с. 50] слова, с разделением ролей [7, с. 374], сложное [2, с. 16, 17] или ролевое [8, с. 5]. Вместе с тем наиболее точно раскрывает суть явления и одновременно является лаконичным последнее наименование.

При ролевом соучастии в преступлении совместность проявляется в выполнении соучастниками разных ролей (функций). Последними на основании ст. 33 УК РФ являются: исполнительство, организаторство, подстрекательство и пособничество. Соответственно в рассматриваемом соучастии одни выступают в качестве исполнителей, другие — организаторов, третьи — подстрекателей, четвертые — пособников.

Конечно, не в каждом случае ролевого соучастия в преступлении должны быть представлены все виды соучастников. Их сочетание и количество могут быть неодинаковыми. В то же время обязательно наличие исполнителя и хотя бы одного из иных соучастников преступления. Не случайно в ч. 1 ст. 33 УК РФ организатор, подстрекатель и пособник признаются соучастниками наряду с исполнителем.

Говоря иначе, без исполнителя ролевого соучастия (как и соучастия вообще) быть не может. Наличие же конкретных иных соучастников факультативно. Таким образом, под ролевым соучастием в преступлении понимается такое, при котором совместность проявляется в выполнении соучастниками разных ролей (функций).

Ролевое соучастие непосредственно в законе не дифференцируется. Конечно, сделать это несложно. В зависимости от того, с кем из иных соучастников исполнитель совместно совершает преступление: а) исполнитель и организатор; б) исполнитель и подстрекатель; в) исполнитель и пособник; г) исполнитель и организатор, подстрекатель; д) исполнитель и организатор, пособник; е) исполнитель и подстрекатель, пособник; ж) исполнитель и организатор, подстрекатель, пособник. Дифференциация может быть также произведена с учетом числа конкретных иных соучастников, совместно с исполнителем участвующих в преступлении, но она, по существу, бесконечна.

В литературе указывается на существование следующих общих форм соучастия с разделением ролей: 1) «необходимая» (т.е. достаточная для констатации формы соучастия с разделением ролей — исполнитель и еще один из иных соучастников); 2) «расширенная» (т.е. форма соучастия при наличии двух, помимо исполнителей, соучастников); 3) «полная» (т.е. форма соучастия с наличием всех видов соучастников, предусмотренных в ст. 33 УК РФ); 4) «множественная» (т.е. не только с наличием всех видов соучастников, но и с участием еще дополнительно некоторого их числа) [7, с. 375]. Нетрудно заметить, что «множественная»

форма может не относиться исключительно к «полной». И в предыдущих формах возможно участие некоторого числа иных соучастников преступления.

Аналогична ситуация и с упомянутым ранее соисполнительством. Его также называют простым соучастием [9, с. 15], совиновничеством [10, с. 190], группой лиц [7, с. 338], групповым преступлением [11, с. 22], групповым соучастием [12, с. 12], преступной группой [13, с. 274]. Наиболее адекватно последнее название.

О преступной группе говорится в ч. 4 ст. 150 УК РФ. В теории, с одной стороны, указывается, что подобной группой может быть группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация) [13, с. 274], но, с другой стороны, небезосновательно исключается из перечня группы лиц, поскольку в законе речь идет о вовлечении несовершеннолетнего в преступную группу, что предполагает предварительный сговор [14, с. 118]. Последнее для обозначения соответствующего вида соучастия в преступлении не играет роли, ибо вопрос должен решаться безотносительно возможности вовлечения лица, причем лишь несовершеннолетнего, в ту или иную группу, а исходя из того, есть она или ее нет. С данной точки зрения преступной группой является любое образование, отраженное в ст. 35 УК РФ.

В ч. 1–4 ст. 35 УК РФ применительно к каждому описанному образованию используется термин «группа». Нельзя же считать, что в названной статье речь идет не о преступной группе только на основании отсутствия рядом с существительным «группа» уточняющего прилагательного «преступная». Каждая из указанных частей ст. 35 УК РФ включает слова: «Преступление признается..., если в его совершении...». Более того, в ч. 4 ст. 35 УК РФ прямо говорится о преступлении, совершенном преступным сообществом (преступной организацией).

Преступная группа, чтобы считаться самостоятельным видом соучастия в преступлении, должна обладать существенным отличием от ролевого соучастия. Тем самым в ней совместность участия в преступлении не может выражаться в выполнении соучастниками разных ролей (функций).

В преступной группе соучастники должны выполнять одну роль (функцию). Не случайно в ч. 1 ст. 33 УК РФ подчеркнуто, что соучастниками преступления признаются организатор, подстрекатель и пособник наряду с исполнителем. Он постоянный участник соучастия в преступлении.

Отсюда в преступной группе все соучастники могут быть лишь исполнителями. Как следствие, совместность в ней проявляется в выполнении всеми соучастниками роли (функции) исполнителя преступления (исполнительство).

Следовательно, под преступной группой понимается соучастие, при котором совместность проявляется в выполнении всеми соучастниками роли (функции) исполнителя. Правда в литературе для преступной группы допускается и распределение ролей (функций) [1, с. 214].

Преступная группа с распределением ролей (функций) — нонсенс. Хотя надобно отметить, что существование таковой порой считается волей законодателя. К такому выводу приводят следующие рассуждения: как следует из содержания ч. 1 ст. 35 УК РФ, простая группа лиц (действующая без предварительного сговора) связана исключительно с соисполнительством; ее могут составлять только лица, каждое из которых выполняло в преступлении функцию исполнителя (обязательный признак); напротив, начиная с группы лиц по предварительному сговору (законодатель якобы не считает эту черту строго обязательной); доста-

точно совместного участия двух или более лиц в едином преступлении (ч. 2–4) [13, с. 279].

Вопрос заключается в том, нужно ли было правотворцу применительно к каждой преступной группе называть состав соучастников? Противное было бы нарушением правила законодательной техники о нормативной экономии.

В ч. 1 ст. 35 УК РФ сказано, что преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора. Соответственно ясно, что группа лиц состоит только из исполнителей.

Преступная группа, названная в ч. 2 ст. 35 УК РФ, определена как группа лиц по предварительному сговору. В ч. 3 той же статьи преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц.

В отношении преступного сообщества (преступной организации) нет прямого указания на группу лиц, но при системном толковании закона оно появляется. В ч. 4 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, а они в соответствии с ч. 3 — это группы лиц.

Очевидно, что сам по себе термин «группа лиц» не может иметь разного содержания, неоднократно повторяясь в одной статье уголовного законодательства. Тем самым подтверждается сформулированный ранее тезис о специфике преступной группы в сравнении с ролевым соучастием, которая заключается в том, что первая может включать лишь исполнителей.

В отличие от ролевого соучастия преступную группу законодатель дифференцирует. В ст. 35 УК РФ выделяет: а) группу лиц (ч. 1); б) группу лиц по предварительному сговору (ч. 2); в) организованную группу (ч. 3); г) преступное сообщество (преступную организацию) (ч. 4).

Недоразумения, которые возникают с составом преступной группы, можно объяснить только одним: в жизни встречаются ситуации, когда деяние совершается при наличии двух или более исполнителей и хотя бы одного иного соучастника. Даже к группе лиц может присоединиться, по крайней мере, пособник (с противоположным мнением [15, с. 145] допустимо согласиться лишь в том смысле, что в саму такую группу иной соучастник входит не способен), не говоря уже об иных преступных группах, к которым способен пристать любой из иных соучастников.

Вот только ничем нельзя объяснить стремление теоретиков включить ситуации, когда деяние совершается при наличии двух или более исполнителей и хотя бы одного иного соучастника. Казалось бы, если следовать логике, в данных ситуациях напрашивается совсем другой подход. В принципе он уже сформирован.

С одной стороны, в науке различаются следующие три формы соучастия: соисполнительство (все соучастники являются соисполнителями); совиновничество (преступление совершается двумя и более соисполнителями при наличии других соучастников) и соучастие в узком смысле слова (общественно опасное деяние выполняет один исполнитель при помощи других соучастников) [5, с. 14]. Недостатками такого подхода является то, что деление лишено единства основания (в первой и во второй форме, в отличие от третьей — два или более соисполнителя, во второй и третьей форме, в отличие от первой, имеются иные

соучастники); соисполнительством по закону охватывается только непосредственное совершение преступления и не охватывается непосредственное участие в совершении преступления совместно с другими лицами, которые и называются соисполнителями (ч. 2 ст. 33 УК РФ), а совиновничество (как совместная вина) в принципе присуще любому соучастию.

С другой стороны, в литературе выделено смешанное соучастие, при котором «„сложное” соучастие сосуществует с его иными формами: группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, преступным сообществом» [16, с. 130]. Смешанного соучастия в преступлении как раз и не достаёт для создания стройной классификации видов соучастия.

С учетом изложенного виды соучастия в преступлении целесообразно разделить по этапам и уровням. На первом этапе по природе совместности выделяются: 1) однородный; 2) смешанный виды соучастия в преступлении. На втором этапе на уровне однородного вида соучастия в преступлении по характеру совместности вычленяются; а) ролевое соучастие; б) преступная группа. На третьем этапе на уровне преступной группы по степени совместности различаются: б¹) группа лиц; б²) группа лиц по предварительному сговору; б³) организованная группа; б⁴) преступное сообщество (преступная организация).

Библиографический список

1. *Козлов А.П.* Соучастие: традиции и реальность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 362 с.
2. *Галиакбаров Р.Р.* Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар: Кубанский гос. аграрный ун-т, 2000. 200 с.
3. *Кирилин А.Е.* Организованная группа и преступная организация как разновидности криминальной кооперации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 21 с.
4. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / под ред. А.И. Скворцова. 27 изд., испр. М.: АСТ: Мир и Образование, 2016. 1360 с.
5. *Савельев Д.В.* Преступная группа в сфере уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. 23 с.
6. *Шеслер А.В.* Соучастие в преступлении. Новокузнецк: Кузбасский ин-т ФСИН России, 2014. 84 с.
7. *Мальцев В.В.* Курс российского уголовного права. Общая часть: в 4 т. М.: Юрлитинформ, 2017. Т. III. Преступление. Кн. 1. Категория «преступление» в уголовном праве: научное исследование. 520 с.
8. *Дрепелев А.С.* Соучастник преступления. М.: Юрлитинформ, 2019. 208 с.
9. *Дядькин Д.С.* Совершенствование уголовно-правового института соучастия в преступлении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 26 с.
10. *Гаухман Л.Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: Центр ЮрИнфоР, 2001. 316 с.
11. *Епифанова Е.В.* Становление и развитие института соучастия в преступлении в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. 24 с.
12. *Дубровин И.А.* Ответственность за преступления, совершенные группой лиц по предварительному сговору и организованной группой: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 31 с.
13. *Кругликов Л.Л.* Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи. 2000–2009 гг. Ярославль: ЯрГУ, 2010. 590 с.
14. *Пудовочкин Ю.Е.* Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 293 с.
15. *Арутюнов А.А.* Соучастие в преступлении. М.: Статут, 2013. 408 с.

16. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Бодаевского, В.М. Зими́на, А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2017. 272 с.

References

1. *Kozlov A.P.* Complicity: Traditions and Reality. Saint Petersburg: Law center Press, 2001. 362 p.
2. *Galiakbarov R.R.* Fight against Group Crimes. The question of qualification. Krasnodar: Kuban state University. Agrarian University, 2000. 200 p.
3. *Kirilin A.E.* Organized Group and Criminal Organization as Varieties of Criminal Cooperation: extended abstract. of dis. ... cand. of law. M., 2001. 21 p.
4. *Ozhegov S.I.* Explanatory Dictionary of the Russian Language / ed. by A.I. Skvortsov. 27 ed., ISPR. M.: AST: World and Education, 2016. 1360 p.
5. *Savelev D.V.* Criminal Group in the Sphere of Criminal Responsibility: extended abstract. of dis. ... cand. of law.. Yekaterinburg, 2000. 23 p.
6. *Shesler A.V.* Complicity in Crime. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2014. 84 p.
7. *Maltsev V.V.* Course of Russian Criminal Law. Common part. In 4 vols. Crime. Book 1. Category "Crime" in Criminal Law: Scientific Research. Moscow: Yurlitinform, 2017. 520 p.
8. *Drepelev A.S.* An Accomplice in a Crime. Moscow: Yurlitinform, 2019. 208 p.
9. *Dyadkin D.S.* Improving the Criminal Law Institute of Complicity in Crime: extended abstract. of dis. ... cand. of law. M., 2002. 26 p.
10. *Gaukhman L.D.* Qualification of Crimes: Law, Theory, Practice. Moscow: center Yurinform, 2001. 316 p.
11. *Epifanova E.V.* Formation and Development of the Institute of Complicity in Crime in Russia: extended abstract. of dis. ... cand. of law. Krasnodar, 2002. 24 p.
12. *Dubrovin I.A.* Responsibility for Crimes Committed by a Group of Persons under a Preliminary Agreement and an Organized Group: extended abstract. of dis. ... cand. of law. M., 2003. 31 p.
13. *Kruglikov L.L.* Problems of the Theory of Criminal Law: Selected articles. 2000–2009. Yaroslavl: Yaroslavl State University, 2010. 590 p.
14. *Pudovochkin Yu.E.* Responsibility for Crimes against Minors under Russian Criminal Law. Saint Petersburg: Law center Press, 2002. 293 p.
15. *Arutyunov A.A.* Complicity in Crime. Moscow: Statute, 2013. 408 p.
16. Criminal Law. General part: textbook / edited by V.P. Bodaevsky, V.M. Zimin, A.I. Chuchaev. Moscow: Prospekt, 2017. 272 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10142

УДК 343.9

Б.Т. Разгильдиев**ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЯ
ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ***

Введение: разработка понятия «профилактика преступлений» нуждается в концептуальной завершенности, чем и продиктовано предпринятое автором исследование. **Цель:** разработать теоретически завершенное определение рассматриваемого понятия, позволяющее оценивать профилактику преступлений в качестве самостоятельной отрасли знаний. **Методологическая основа:** диалектические законы о единстве и борьбе противоположностей, количестве и качестве, общие и частные методы научного познания: анализ и синтез; индукция и дедукция; формальная логика, метод сравнения и др. **Результаты:** проведенное исследование выявило теоретическую незавершенность существующих в современной научной литературе дефиниций профилактики преступлений; в работе доказывается, что профилактику противоправных поступков следует ассоциировать с общественно опасным посягательством (умышленные деяния) и поведенческим актом, вызывающим с необходимостью наступление общественно опасных последствий (неосторожные деяния); аргументируется противоречивость криминологического понимания причинности, не позволяющая рассматривать эту категорию в качестве объекта профилактического воздействия; обосновывается необходимость ограничения субъектов профилактического воздействия, что должно осуществляться лицами, обладающими профилактическими познаниями и специальным статусом; оправдывается цель профилактического воздействия, достигаемая наряду с задачами и целями уголовного и уголовно-исполнительного права; сформулировано понятие профилактики общественно опасного посягательства и поведенческого акта. **Выводы:** полученные новые знания позволяют характеризовать профилактику преступлений не как часть других отраслей права или знаний, а как самостоятельную отрасль.

Ключевые слова: профилактика преступлений, общественно опасное посягательство, поведенческий акт, объект воздействия, субъекты профилактики, цель профилактики, социальные и личностные факторы, профилактический механизм воздействия.

© Разгильдиев Бяшир Тагирович, 2020

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия), Заслуженный деятель науки России; e-mail: razgildiev@yandex.ru

© Razgildiev Byashir Tagirovich, 2020

Doctor of Law, Honored RF Scholar, Professor of the department of criminal, criminal execution law and criminology (Saratov State Law Academy)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00194 «Теоретико-методологическая модель профилактического права как новой отрасли законодательства». The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00194 «THEORETICAL AND METHODOLOGICAL MODEL OF PREVENTIVE LAW AS A NEW INDUSTRY OF LEGISLATION».

B.T. Razgildiev**PROBLEMS OF CRIME PREVENTION CONCEPT**

Background: the essence of the work is to give conceptual completeness to the research of the concept of crime prevention. **Goal.** Develop a theoretically complete definition of crime prevention, allowing it to be evaluated as an independent branch of knowledge. **Objective:** to develop a theoretically complete definition of the concept under consideration, which allows evaluating crime prevention as an independent branch of knowledge. **Methodology:** it is characterized by dialectics-the law of unity and struggle of opposites, quantity and quality. **Other General and particular methods of scientific knowledge:** analysis and synthesis; induction and deduction; formal logic; comparison and a number of others. **Results:** the studied understanding of the existing definitions of crime prevention revealed their theoretical incompleteness; it is proved that prevention should be associated with socially dangerous encroachment (intentional acts) and behavioral act that necessarily causes the onset of socially dangerous consequences (careless acts); it is argued that the criminological understanding of causality does not allow considering it as an object of preventive action; the author justifies the restriction of subjects of preventive influence by persons with preventive knowledge and special status; justifies the purpose of preventive influence, which is achieved along with the tasks and goals of criminal and penal law; defines the concept of prevention of socially dangerous encroachments and behavioral acts. **Conclusions:** the new knowledge obtained allows us to consider prevention not as a part of other branches of law or knowledge, but as an independent branch.

Key-words: crime prevention, socially dangerous encroachment, behavioral act, object of influence, subjects of prevention, purpose of prevention, social and personal factors, preventive mechanism of influence.

В теории права категорией «профилактика преступлений» (далее — профилактика, если иное не оговорено) оперировали активно, особенно во второй половине прошлого столетия. Учеными был предпринят целый ряд монографических исследований. В частности, внимания заслуживают следующие работы: А.Г. Лекарь «Профилактика преступлений» (М., 1972), А.Э. Жалинский «Специальное предупреждение преступлений в СССР (вопросы теории)» (Львов, 1976), «Теоретические проблемы профилактики преступлений» (М., 1980), К.Э. Игошева «Социальный контроль и профилактика преступлений» (Горький, 1976), «Теоретические основы предупреждения преступности» (отв. ред. В.К. Звирбуль, В.В. Ключков, Г.М. Миньковский) (М., 1977). Несколько позднее изданы учебники по криминологии, в которых широко представлена профилактика преступлений: Г.А. Аванесов «Криминология и социальная профилактика» (М., 1980), «Криминология» (М., 1984), «Криминология» (М., 2000) (под ред. В.Н. Кудрявцева и Е.А. Эминова), Устинова В.С. «Криминология. Общая часть» (Н. Новгород, 2001), А.К. Иванова «Отечественная криминология: курс лекций» (Саратов, 1996) и др. Исследования данной проблемы осуществляются и в настоящее время, по большей части они в диссертационных работах: С.И. Герасимов «Концептуальные основы и научно-практические проблемы предупреждения преступности» (докторская диссертация) (М., 2001), О.С. Ефремова «Криминологическое обеспечение предупреждения преступлений в субъекте Российской Федерации»

(кандидатская диссертация) (Омск, 2017); А.С. Чумичкина «Виктимологическая профилактика преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел» (кандидатская диссертация) (М., 2019).

Названные и другие работы, связанные с исследованием проблем профилактики, бесспорно, образуют новые знания в указанной сфере, однако полагаю, что их недостаточно для формирования завершенной концепции профилактики. Уровень содержательности разработанной теории объективно требует перехода ко второму этапу исследования, суть которого заключается в придании теории завершенного вида и формировании на этой базе правовых институтов как инструментов профилактического воздействия на соответствующие объекты.

В теории высказаны суждения о необходимости формирования профилактического права [1, с. 474–475]. Имеются работы, серьезно обосновывающие актуальность профилактического права как самостоятельной отрасли [2, с. 148–154]. Определенная деятельность в этом направлении осуществляется и государственной властью России. Об этом, в частности, свидетельствует принятый Государственной Думой РФ закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»¹.

Вместе с тем имеющееся в теории понимание профилактики, на мой взгляд, ни по совокупности параметров, его образующих, ни по их содержательности не позволяют оценивать его как научно завершенную модель явления. Поэтому вряд ли оно может послужить основой формирования конкретных правовых институтов при отсутствии разработок, раскрывающих методологическое содержание профилактики. Я имею в виду понимание профилактики, основанное на аспектах, без наличия которых, с одной стороны, она не может образовать теоретическую завершенность, с другой — обрести соответствующее содержание. Каждый из аспектов понятия должен быть носителем сущностных и специфических черт профилактики, отличающих ее от других отраслей знаний или права.

Решение очерченной проблемы имеет фундаментальное значение.

Что представляет собой исследуемое понятие? В теории по этому вопросу сформулировано немало определений. Большинство из них разработаны учеными, рассматривающими профилактику как часть криминологии. Представлены и дефиниции, авторы которых признают профилактику в качестве самостоятельной отрасли знаний. Отрадно, что понятие профилактики имеется и в законодательной практике. В частности, оно отражено в законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»².

Исследуем имеющиеся определения.

Прежде всего, наверное, уместно подчеркнуть, что формируемые понятия вообще и понятие профилактики в частности должны содержать все сущностные аспекты отображаемых явлений (объективно существующие либо субъективно представляемые авторами дефиниций), поскольку без наличия хотя бы одного из них явление утрачивает свою суть. При наличии же в определении хотя бы одного несущностного аспекта суть отображаемого явления искажается. Применительно к профилактике, на мой взгляд, в качестве сущностных выступают следующие аспекты: объект профилактического воздействия; механизм этого воздействия; субъекты, его реализующие; цель воздействия.

¹ См.: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 26, ч. I, ст. 3851.

² См.: Там же.

С позиции высказанного понимания требований, предъявляемых к дефинициям, попытаемся представить существующие понятия.

Пожалуй, одним из первых ученых, разработавших понятие профилактики преступлений, был А.Г. Лекарь. К профилактике он относил «...деятельность государственных органов, общественных организаций, трудящихся по выявлению и устранению причин, порождающих преступления, и условий, способствующих их совершению» [3, с. 3]. Авторы всех последующих исследований, формулируя рассматриваемое определение, в главном отражали позицию А.Г. Лекаря. Так, В.А. Плешаков представил отдельно понятие общей и индивидуальной профилактики. Общая профилактика понимается им как «деятельность государственных, негосударственных органов, общественных организаций и их представителей по выявлению причин и условий преступности, видов и групп преступлений, разработке и реализации программ и планов мероприятий по их устранению либо нейтрализации действия, а также по оказанию воздействия на население с целью правового воспитания, формированию антикриминального общественного воздействия, недопущения совершения преступления» [4, с. 109–110]. Индивидуальную профилактику В.А. Плешаков рассматривает как «деятельность государственных и негосударственных органов, общественных организаций и их представителей по выявлению лиц, от которых можно ожидать совершения преступления, оказанию воздействия на них и окружающую их среду с целью позитивной коррекции поведения этих лиц, ликвидации либо нейтрализации криминогенных факторов, действующих в данной среде» [4, с. 122]. Ученые, отстаивающие самостоятельность профилактики как отрасли права, формулируют ее понятие следующим образом: «Профилактика — это особый вид социального управления, призванный обеспечить безопасность правоохранительных ценностей и заключающийся в разработке и осуществлении системы целенаправленных мер по выявлению и устранению причин преступлений, условий, способствующих их совершению, а также оказанию предупредительного воздействия на лиц, склонных к противоправному поведению» [5, с. 26]. Аналогичное понимание профилактики дают казахские ученые Есберген Алауханов и Зарип Зарипов [6, с. 27]. В законе об основах системы профилактики правонарушений профилактика представлена в виде «совокупности мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения»³.

Представленные варианты определений профилактики ориентируются на объекты профилактики; в четырех из них главными объектами выступают причины и условия преступности. Применительно же к профилактике индивидуальной о причинах и условиях совершения преступлений речь не идет. Здесь акцентируется внимание на лицах, которые могут совершать преступления; основное внимание уделяется фактам из их биографии и среде, формирующей их поведение и жизненные установки. По существу предложенные дефиниции не отличаются друг от друга, если не считать того, что авторы, признающие про-

³ См.: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 26, ч. I, ст. 3851.

филактику самостоятельной отраслью, относят ее к особому виду социального управления. Такого рода признание само по себе концепцию профилактики не преобразует. По крайней мере, вряд ли оно непосредственно обеспечивает безопасность правоохранительных ценностей, как утверждают разработчики рассматриваемых дефиниций. Это, как представляется, свойственно уголовному законодательству, функция которого состоит в удерживании правоисполнителей от совершения общественно опасных посягательств посредством угрозы наказания [7, с. 546].

Кроме того, анализируемые определения не обладают признаком, отражающим механизм осуществления профилактики. Не обозначена в них и цель, достижение которой обосновывает профилактику как таковую. Правда, в законе об основах системы профилактики правонарушений целью выступает «недопущение совершения правонарушений или антиобщественного поведения»⁴. Полагаю, что заявленная цель как минимум некорректна. Семантика слова «недопущение» исключает совершение правонарушения и антиобщественное поведение. Отсюда уместен следующий вывод: если осуществляемая профилактика не увенчалась успехом и правонарушение (а тем более антиобщественное поведение) все-таки состоялось, то, по-видимому, нужно констатировать полное отсутствие профилактики. Такое понимание цели не представляется правомерным.

В теории имеются и другие определения профилактики, однако по существенным аспектам они близки к заявленным.

В чем недостаточная обоснованность определений? Я ограничусь критическим осмыслением признаков, отражающих существенные аспекты профилактики и представленных в дефинициях. Это причины и условия совершения преступлений как объекты профилактического воздействия и субъекты, осуществляющие это воздействие. При этом представляется нецелесообразным формулировать выводы относительно названных и других существенных аспектов профилактики, поскольку целью моей работы является определение понятия профилактики и выявление его сущности.

В криминологической теории категория причинности разрабатывалась широко. Особенно характерно это было для науки советского периода. Не утратила актуальности эта категория и в настоящее время. Вместе с тем ясности по основополагающим аспектам причинности в научной литературе не было и нет [8, с. 189]. Данная категория актуальна преимущественно в части понимания причинно-следственных связей, носящих необходимый характер [9, с. 307–360]. Такого рода связи основываются на закономерностях, которые объективно могут быть выявлены и использованы для позитивного воздействия на социальные отношения [10, с. 22] и физических лиц — носителей факторов, закономерно вызывающих совершение данными лицами преступлений. Закономерности предполагают наличие научно установленных общих, а стало быть, в определенной мере и непосредственных причин преступности и преступлений. Однако имеющиеся на этот счет теоретические разработки не позволяют сформулировать более или менее общее понимание причинности преступлений, свидетельствующее о перспективах ее развития. Даже соотношение причинности общей преступности и отдельных преступлений нередко представлено, как мне дума-

⁴См.: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 26, ч. I, ст. 3851.

ется, весьма противоречиво. Некоторые криминологи признают причинность, носящую необходимый характер, лишь применительно к преступности, в то время как отдельные преступления, по их мнению, основываются на случайной причинности [11, с. 69].

Полагаю, что представленное понимание объекта в виде причин и условий совершения преступлений едва ли теоретически верно и вряд ли может оказаться плодотворным в совершенствовании профилактики. Правы те из криминологов, кто ставит под сомнение обоснованность теории причинности в части детерминации преступного поведения социальными факторами при пассивной роли личности [12, с. 174; 13, с. 3; 14, с. 128].

На мой взгляд, есть серьезные основания считать, что к поведению, поступкам человека представленное выше понимание причинности неприемлемо главным образом потому, что человек, будучи носителем сознания и воли, любые объективные факторы «пропускает» через эти присущие ему по определению свойства. Следовательно, для одних людей тот или иной социальный фактор может оказаться определяющим (т.е. способным послужить причиной их поведения), для других же индивидов он может не иметь основополагающего значения. Вместе с тем человек как одно из явлений природы в своем социальном поведении не может не основываться на закономерностях, не исключая и причинных связей, непосредственно ассоциированных с сознанием и волей человека. Как представляется, именно в этом направлении и следует искать ключ к пониманию причинно-следственных связей, выступающих объектом профилактического воздействия.

Субъектами профилактики выступают: государственные и негосударственные органы, общественные организации, их представители. Однако следует учитывать тот факт, что каждая структура (в т.ч. негосударственная, общественная) создается под строго определенные задачи, имеющие конечной целью поддержание и развитие социальных, экономических, политических и других институтов общества и государственной власти. Без этого вряд ли может осуществиться эффективное развитие личности, социума, государства. При этом надо иметь в виду, что выполнение структурами «своих» задач опосредованно влияет на состояние, устройство и динамику преступности. Однако это вовсе не означает, что данные структуры осуществляют профилактику. Кроме того, профилактика предполагает наличие строго определенных познаний, однако вряд ли перечисленные субъекты (именно в силу того, что их круг столь широк) являются носителями профилактических истин. В этом плане не представляются исключением и правоохранительные, уголовно-исполнительные, таможенные, судебные органы. Перечисленные и другие структуры решают свои задачи для достижения определенной цели. Их деятельность, конечно же, влияет на состояние, динамику, устройство преступности. И в этом смысле объективно они предупреждают преступления, что, однако, осуществляется в рамках уголовно-правовых (отчасти уголовно-исполнительных) отношений.

На мой взгляд, профилировать следует не преступления, а общественно опасные посягательства и поведенческие акты, с необходимостью вызывающие общественно опасные последствия. В связи с этим и рассматриваемую дефиницию следует разрабатывать применительно к профилактике общественно опасных посягательств (умышленные деяния) и поведенческих актов, с необходимостью вызывающих общественно опасные последствия (неосторожные

деяния). Полагаю, что профилактика общественно опасных посягательств и поведенческих актов, вызывающих общественно опасные последствия, — это деятельность специальных субъектов, обладающих определенными познаниями и статусом, по выявлению социальных факторов, характеризующих охраняемые уголовным законом блага, способных (при наличии определенных личностных свойств — социальных, физиологических, психологических, психических, сексуальных) вызывать у физических лиц потребность в совершении общественно опасных посягательств (либо поведенческого акта), а также по их правовому устранению либо переориентации, осуществляемой в целях повышения качества жизни людей, проживающих на территории субъектов РФ, и функционирования институтов общества и государственной власти.

Сформулированное определение исследуемого явления основывается на следующих признаках: предотвращаются общественно опасные посягательства и поведенческие акты; профилактика осуществляется специальными субъектами (суть специальности в данном случае выражается в том, что указанные лица (субъекты) обладают профилактическими познаниями и специальным правовым статусом); объектом профилактического воздействия выступают социальные факторы, характеризующие объекты, охраняемые уголовным законом от общественно опасных посягательств и поведенческих актов, а также социальные, физиологические, психологические, психические, сексуальные свойства физических лиц, которые в совокупности с социальными факторами, характеризующими охраняемые объекты, могут вызвать у физических лиц потребность в совершении общественно опасных посягательств либо поведенческих актов; предусматривается механизм воздействия на объекты профилактического воздействия; определена цель этого воздействия.

Представленная совокупность признаков, по моему мнению, образует оптимальную, теоретически завершенную модель профилактики общественно опасных посягательств и поведенческих актов, в которой каждый признак отражает свою часть сущностных аспектов исследуемого явления. Это позволяет проектировать правовой инструментарий профилактического воздействия на соответствующие явления.

Библиографический список

1. *Разгильдиев Б.Т.* Противодействия преступлениям как основа решения уголовно-правовых задач. Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы III Российского конгресса уголовного права (29–30 мая 2008 г.). М., 2008. С. 474–475.
2. *Зайцева О.В.* Профилактическое право как самостоятельная отрасль законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. 33. С. 148–154.
3. *Лекарь А.Г.* Профилактика преступлений. М.: Юридическая литература, 1972. 104 с.
4. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: учебник. изд. 2-е / под ред. В.Я. Кикотя, С.Я. Лебедева, Н.В. Румянцев. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2010. 486 с.
5. *Блувштейн Ю.Д., Зырин М.И., Романов В.В.* Профилактика преступлений. М.: Университетское, 1986. 286 с.

6. *Алауханов Е.О., Зарипов З.С.* Профилактика преступлений: учебник. Алматы: Нур-пресс, 2008. 375 с.
7. *Разгильдиев Б.Т.* Фундаментальные аспекты уголовного наказания // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 3. С. 542–550.
8. *Хохряков Г.Ф.* Криминология. М.: Юрист, 1999. 511 с.
9. *Кохановский В.П., Лешкевич Т.Г., Матяш Т.П., Фатхи Т.П.* Основы философии науки. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 603 с.
10. *Яковлев А.М.* Теория криминологии и социальная практика. М.: Наука, 1985. 247 с.
11. *Устинов В.С.* Криминология. Общая часть: учебное пособие. Н. Новгород: Изд-во Нижегородской академии МВД России, 2001. 231 с.
12. *Ной И.С.* Методологические проблемы советской криминологии. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975. 222 с.
13. *Кондратюк Л.В.* Антропология преступления (микрোকриминология). М.: НОРМА, 2001. 344 с.
14. *Варыгин А.Н.* Преступность сотрудников органов внутренних дел и воздействие на нее. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 224 с.

References

1. *Razgildiev B.T.* Counteraction to crimes as the basis for solving criminal law problems. Counteraction to crime: criminal-legal, criminological and criminal-Executive aspects: materials of the III Russian Congress of criminal law (may 29–30, 2008). Moscow, 2008. P. 474–475.
2. *Zaitseva O.V.* Preventive law as an independent branch of legislation // Bulletin of the Saratov state law Academy. 2018. 33. P. 148–154.
3. *Lekar A.G.* Prevention of crimes. М.: Legal literature, 1972. 104 p.
4. Prevention of crimes and administrative offenses by internal Affairs bodies: textbook. ed. 2nd / ed. by V. ya. Kikotyа, S.Ya. Lebedev, N.V. Rumyantsev, М.: UNITY: Law and law, 2010. 486 p.
5. *Bluvshstein Yu.D., Zyrin M.I., Romanov V.V.* Prevention of crimes. М.: publishing house «University», 1986. 286 p.
6. *Alaukhanov YEO., Zaripov Z.S.* crime Prevention: textbook. Almaty: Nur-press, 2008. 375 p.
7. *Razgildiev B.T.* Fundamental aspects of criminal punishment // All-Russian criminological journal. 2017. No. 3. P. 542–550.
8. *Khokhryakov G.F.* Criminology, Moscow: Yurist, 1999. 511 p.
9. *Kokhanovsky V.P., Leshkevich T.G., Matyash T.P., Fathi T.P.* Fundamentals of the philosophy of science. Rostov n / A: Phoenix, 2005. 603 p.
10. *Yakovlev A.M.* Theory of criminology and social practice. Moscow: Nauka, 1985. 247 p.
11. *Ustinov V.S.* Criminology. General part: textbook. N. Novgorod: publishing house of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2001. 231 p.
12. *Noah I.S.* Methodological problems of Soviet criminology. Saratov: Publishing house of the Saratov University, 1975. 222 p.
13. *Kondratyuk L.V.* the Anthropology of crime (microcementogia). М.: Publishing house NORMA, 2001. 344 p.
14. *Varygin A.N.* criminality of employees of internal Affairs bodies and their impact on It. Saratov: Publishing house of the Saratov University. 2003. 224 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10143

УДК 340

Е.В. Евстифеева, Н.В. Дородонова, М.М. Лапунин

СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАПРОС ОБЩЕСТВА НА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ РЕДАКТИРОВАНИЯ ГЕНОМА ЧЕЛОВЕКА*

Введение: в ответ на быстрое развитие генетики и геномики в мире, а именно технологии CRISPR-Cas9, позволяющей модифицировать ДНК организмов с высокой точностью и простотой использования, мировое научное сообщество призывает к частичному запрету редактирования генома человека. Мнение общественности по данному поводу неоднозначно. Научный и практический интерес представляет изучение морально-нравственных ценностей общества в отношении проведения манипуляций с геномом человека, а также правовой грамотности социума в указанной сфере. **Цель:** проанализировать представления российского сообщества о процедуре редактирования генома человека, изучить факты, связанные с генетической грамотностью населения и отношением его к геномике. Эмпирическую базу работы составили данные социологического исследования, целью которого является определение морально-нравственных аспектов отношения опрошенных к проблеме редактирования генома, включая этическую оценку экспериментальным манипуляциям с геномом человека. **Методологическая основа:** в ходе исследования использовался всеобщий диалектический метод познания социальных явлений и процессов, а также системно-правовой, формально-правовой анализ, статистический, сравнительный и метод опроса. **Результаты:** проведенное исследование показало, что российское население в целом имеет достаточно высокий уровень озабоченности проблемой общественно опасного поведения в сфере генетических исследований, что позволяет четко сформулировать социальный запрос в этой области. **Выводы:** проведенное исследование дало основание полагать, что сегодня существует целый ряд проблем правового и социального характера, не позволяющих не только полно характеризовать состояние и особенности морально-нравственных и правовых аспектов манипуляций с геномом

© Евстифеева Екатерина Владимировна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: evstifeevak@yandex.ru

© Дородонова Наталия Васильевна, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: dorodonovan@gmail.com

© Лапунин Михаил Михайлович, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: lapuninm@yandex.ru

© Evstifeeva Ekaterina Vladimirovna, 2020

Candidate of law, Associate Professor, Criminal and penal law department (Saratov State Law Academy)

© Dorodonova Nataliya Vasilevna, 2020

Candidate of Law, Associate Professor, History of state and law department (Saratov State Law Academy)

© Lapunin Mikhail Mikhailovich, 2020

Candidate of law, Associate Professor, Criminal and penal law department (Saratov State Law Academy)

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 18-29-14036 «Угрозы безопасности человека в сфере исследования генома живых организмов и уголовно-правовая модель их предупреждения».

человека, но и трактовать имеющиеся ресурсы для объективного представления о состоянии ценностных ориентаций общества.

Ключевые слова: геномные исследования, биомедицинские технологии, генетическая информация, безопасность, редактирование генома.

E.V. Evstifeeva, N.V. Dorodonova, M.M. Lapunin

SOCIAL DEMAND OF SOCIETY FOR THE USE OF HUMAN GENOME EDITING TECHNOLOGIES

Background: in response to the rapid development of genetics and genomics globally, namely the CRISPR-Cas9 technology, which allows modifying the DNA of organisms with high precision and ease of use, the world scientific community calls for a partial ban on editing the human genome. Public opinion on this issue is ambiguous. It is of scientific and practical interest to study society's moral values concerning the manipulation of the human genome and the legal literacy of society in this area. **Objective:** to analyze the Russian community's ideas about the procedure of editing the human genome, to study facts connected with the population's genetic literacy and its attitude to genomics. The empirical basis of the article was formed by the data of sociological research, the purpose of which is to determine the moral aspects of the respondents' attitude to the problem of genome editing, including ethical assessment of experimental manipulations with the human genome. **Methodology:** the study used a universal dialectical method of cognition of social phenomena and processes, and system-legal, formal-legal, statistical, comparative, and polling methods. **Results:** the research exposed that the Russian population has a relatively high level of concern about the problem of socially dangerous behavior in genetic research, which makes it possible to formulate an apparent societal demand in this area. **Conclusions:** the research the gave reason to believe that today there are some problems of legal and social character, which do not allow not only to characterize the state and peculiarities of moral and legal aspects of manipulations with the human genome but also to interpret available resources for an accurate idea of value orientations of society.

Key-words: genomic research, biomedical technology, genetic data, security, genome editing.

Оценивая исследования последних десятилетий, результатом которых являются достижения во многих сферах общества, можно констатировать, что в Российской Федерации произошел научный прорыв в сфере конвергентных технологий. В связи со стремительным развитием науки и техники появляются новые общественные отношения, влекущие за собой возникновение новых прав человека, например в области биомедицины [1, с. 81]. Анализ международного и отечественного законодательства позволяет выделить несколько направлений в сфере регулирования отношений, возникающих по поводу использования генетических данных человека. В частности, речь идет об охране, использовании и обороте генетической информации как персональных данных о человеке и предупреждении потенциальных посягательств при реализации и соблюдении прав личности на неприкосновенность частной жизни, поскольку генетические данные носят строго конфиденциальный характер.

Вместе с тем позитивные результаты в данной области неизбежно влекут за собой появление новых угроз личности, обществу и государству, посягающих

на права человека в области геномной безопасности. Научные достижения в области геномной инженерии, биомедицины обусловили возможность появления новых общественно опасных деяний, посягающих на неотъемлемые права человека, общественную и государственную безопасность и требующих правового вмешательства [2, с. 45]. Сверхточная информация, извлекаемая из генетических данных человека, очень ценна, но вместе с тем она может представлять определенные риски для человека [3, с. 220]. Следует констатировать, что реальностью стали не только ДНК-исследования, но и редактирование генома самого человека. Кроме того, появляются генные лекарства, все чаще речь ведется о геномодифицированных организмах.

Несмотря на наличие некоторого международно-правового регулирования отношений в сфере геномной информации, а также соответствующих нормативных актов в отечественном законодательстве, на сегодняшний день преждевременно говорить о сформированном правовом механизме, охраняющем права человека в этой области. На наш взгляд, первостепенное значение в предупреждении посягательств на охраняемые правоотношения имеет наличие эффективной законодательной базы. Негативными факторами, препятствующими реализации предупредительных мер, являются не только недостатки в системе источников права (например, несогласованность положений нормативных актов различных отраслей законодательства), но и отсутствие единой правовой терминологии. Также существенное влияние на их появление оказывают правовая безграмотность населения и виктимное поведение самих пострадавших лиц. В этой связи представляется необходимым выявить факторы, влияющие на появление негативных социальных явлений в исследуемой области, в т.ч. оценить субъективное восприятие, мышление, объяснение населения и другие аспекты в рамках социологического исследования.

Проведенное исследование позволит определиться по ряду принципиальных вопросов, касающихся проведения генетических исследований и использования их результатов. С помощью анкетирования в рамках актуальной для современной криминологии проблемы планируется выяснить мнение общества относительно области регулирования исследований генома человека в России. Был проведен анонимный опрос по специально разработанной анкете, которая включала 24 вопроса. В результате анализа данных социологического исследования были получены приведенные ниже результаты.

Всего было опрошено 1012 респондентов. Их возрастная характеристика: до 20 лет — 34,1%; от 21 до 30 лет — 49,7%; от 31 до 40 лет — 9,7%; от 41 до 50 лет — 4,8%; от 51 и старше — 1,7%. Преобладание среди опрошенных людей до 40 лет объясняется как повышенным интересом среди указанной группы к предмету исследования, так и тем, что большая часть анкетирования проводилась с использованием дистанционных технологий, которыми активнее пользуется именно молодежь.

Среди респондентов почти поровну мужчин (48,7%) и женщин (51,3%).

Анкетирование показало, что большая часть (58,3%) опрошенных знакома с достижениями последних лет в области генетики и интересуется сейчас или интересовалась ранее этой тематикой.

Соответственно, неудивительно, что абсолютное большинство (69,1% респондентов) одобряют развитие генетических технологий и их широкое применение на практике. Вместе с тем большинство (48,9%) сторонников активного внедре-

ния генетики в нашу жизнь отстаивают позицию, что это применимо только в лечебных целях: они выступают против редактирования генома для увеличения физиологических возможностей (рост, сила и т.д.). Еще 20,2% опрошенных допускают использование новых биотехнологий как для лечения, так и для увеличения физиологических возможностей: рост, сила, память, красота и т.д. (подробнее о зависимости данного ответа от того, касается ли вопрос будущего ребенка или взрослого гражданина, будет сказано ниже).

Среди противников использования достижений генетики преобладает опасение, что сегодня генная инженерия дает слишком непредсказуемый результат (17,4% от всех опрошенных). Каждый девятый респондент (11,5%) выступает против прогресса в данной сфере по религиозным или идеологическим причинам.

В связи с тем, что многие граждане видят в генетических технологиях не только благо, но и определенные угрозы, закономерно был задан вопрос о понимании респондентами генетической безопасности. Абсолютное большинство опрошенных (58,2%) обозначили ее как состояние защищенности генетической информации (генотипа, генофонда, метагенофонда) и наличие механизмов ее реализации от нежелательного внешнего воздействия.

Значительно меньше отвечающих видят генетическую безопасность как состояние защищенности биологической системы, определяемой генетической информацией, содержащейся в генетически защищенной системе (29,3%), или как состояние защищенности биологической системы, обеспеченной генетической информацией, содержащейся в потенциально опасной биологической системе (8,2%).

Большинство (56,6%) опрошенных считают генетическую безопасность составляющей частью национальной безопасности. Как самостоятельный объект государственной защиты ее рассматривают 38,6% опрошенных. Среди иных вариантов ответов следует выделить сформулированный одним из респондентов: «Если рассматривать генбезопасность как национальную, то возникает вопрос: кем являются носители серьезных заболеваний, передающихся по наследству?» Действительно, приравнивание генетических болезней, например, к инфекционным, при которых возможны карантинные меры, может привести к ужасным последствиям, это в свое время вызвало в обществе обоснованную критику евгеники. Безусловно, сам носитель нежелательной мутации должен получить надлежащую защиту со стороны государства и эффективную медицинскую помощь.

С точки зрения респондентов, повышенный интерес к проблемам генетической безопасности обусловлен прежде всего самим распространением новейших технологий в сфере применения генетической информации в различных областях науки (39,7%), а также появлением угроз генетической безопасности в мире (34,8%). Разумеется, следует учитывать следующие факторы: естественное стремление человека жить в условиях отсутствия опасности (на этом акцентировали внимание 13,6% опрошенных); возрастание роли государства в создании безопасных условий жизни; появление угроз генетической безопасности в нашей стране (последние два ответа — по 4,3%).

При этом опрошенные полагают, что уровень обеспечения генетической безопасности в России на настоящий момент находится скорее на среднем уровне (39,1%) либо чуть ниже (33,8%). Меньше всего респондентов указало на высокий уровень безопасности (3,9%), на скорее высокий (8,7%) или низкий (10,4%).

В качестве наиболее приоритетных для реализации в настоящее время направлений обеспечения генетической безопасности в ответах опрошенных в России преобладали создание необходимой правовой платформы для проведения генетических исследований (41,9%) и активное сотрудничество с зарубежными организациями в области проведения научных генетических исследований в рамках действующего международного законодательства (36,5%). Гораздо меньше отвечающих высказалось за установление полного запрета на проведение генетических манипуляций и исследований (12,0%) и реализацию международных проектов в сфере исследований генетической информации (8,7%). Таким образом, граждане заметно меньше доверяют «космополитическим», обезличенным проектам, но активно поддерживают взаимовыгодное адресное международное сотрудничество в области генетики.

Перед респондентами была поставлена задача проранжировать от 1 до 5 (1 — самое важное) факторы, которые в наибольшей степени формируют угрозы генетической безопасности. Анализ ответов показал, что больше всего опрошенные опасаются ошибок в результате генетических экспериментов (средний балл — 2,10), коррупции в этой сфере (средний балл — 2,65) и отсутствия необходимой правовой базы (средний балл — 3,00). В качестве менее значимых были отмечены запреты на проведение отдельных генетических исследований (средний балл — 3,13) и отрицательное влияние информационной среды (средний балл — 4,13).

Такие ответы коррелируются с результатами, полученными по следующему вопросу. На предложение оценить степень полноты нормативно-правовой базы, рекомендуемой для проведения генетических исследований и обеспечения генетической безопасности, респонденты отозвались следующим образом: нормативная правовая база недостаточна для проведения генетических исследований (45,2%; при этом достаточной базу признали лишь 13,0%), нормативная правовая база не обеспечивает генетическую безопасность в государстве (27,8%; обеспечивающей назвали — 9,8%). Таким образом, почти в три раза больше граждан, которые видят необходимость в совершенствовании нормативно-правовой базы в сфере генетических исследований, чем граждан, уверенных в обратном.

Ровно половина опрошенных (50%) считают целесообразным на государственном уровне объявить временный мораторий на клинические испытания направленного редактирования генома человека. Решение объясняется тем, что необходимо осуществить комплекс доклинических исследований и выявить все возможные последствия применения инновационной процедуры не только для конкретного пациента, но и для всего вида *Homo sapiens*.

Многие выступают против такого моратория, т.к. нередко семьи страдают от наследственных заболеваний и уже сегодня испытывают острую потребность в модификации нежелательных генов (42,4%).

В настоящее время в некоторых странах начинает распространяться так называемое биохакерство. Увлекающиеся им граждане имеют желание и технологическую возможность в частном порядке и практически в бытовых условиях заниматься редактированием своего генома. Перед респондентами был поставлен вопрос о приемлемости установления уголовной ответственности за такую деятельность. Положительно на него ответили 78,7% опрошенных, причем чаще высказывалась мысль, что такая ответственность нужна для всех участников подобных экспериментов (34,1%). Однако многие респонденты оговаривали, что уголовная ответственность необходима лишь для организаторов подобной дея-

тельности (27,2%) или только когда редактируется геном несовершеннолетнего (17,4%). Каждый одиннадцатый (9,3%) считает, что для подобных случаев вполне достаточно административной ответственности. Лишь 10,4% опрошенных придерживаются позиции, что здесь излишня любая ответственность, поскольку человек сам волен решать, как обращаться со своим геномом. Здесь уместно привести один из ответов, указанных в качестве «иного»: «Почему человек имеет право губить свой организм алкоголем, сигаретами, но не может иметь права улучшить его?» Действительно, борьба со злоупотреблением алкоголем и табаком насчитывает не одну сотню лет и не имеет простого решения. Как видно из результатов опроса, 9/10 населения считают, что следует ограничивать человека в стремлении к бездумным экспериментам над своим организмом и осуждают в той или иной степени биохакинг.

В настоящее время в некоторых странах новорожденных тестируют на наличие определенных генетических признаков и создают банки данных генетической информации. Перед анкетированными был поставлен вопрос: следует ли на законодательном уровне принять решение о проведении такого тестирования и создании банка данных генетической информации человека? Больше половины опрошенных (54,9%) пришли к мысли, что тестирование необходимо только в случае подозрения на генетические заболевания без внесения такой информации в соответствующую базу данных. Почти одинаковое количество респондентов выступило против тестирования и создания банка данных генетической информации (13,6% и 13% соответственно). Только 14,7% населения настроено предельно оптимистично и поддерживает тестирование новорожденных во всех случаях с внесением информации в банк данных генетической информации.

Отрицательно отнеслись опрошенные к проведению всеобщей геномной регистрации, когда в базу данных попадет ДНК не только пациентов, но и практически каждого гражданина страны (скорее отрицательно — 39,7%; исключительно отрицательно, поскольку это угроза частной жизни человека, 33,7%). Исключительно положительно оценили такую меру только 7,1% граждан, указав, что это поможет медицине и борьбе с преступностью, еще 18,0% выбрали вариант «скорее положительно» — их настораживает риск использования такой базы в корыстных целях.

Поскольку большинство допускают тестирование на наличие генетических заболеваний, то интересен и ответ на вопрос, какой именно фактор риска человек учитывает в первую очередь перед тем как согласиться на генетический тест. В качестве таких обстоятельств выделяли, прежде всего, отсутствие достоверных сведений, кто именно будет иметь доступ к этой информации (19,6%); опасения относительно надежности ее хранения (19,1%); нежелание знать о риске в будущем каких-либо серьезных заболеваний (2,2%) или иных наследуемых особенностей (3,3%); опасения при выявлении недостатков стигматизации (3,3%) или генетической дискриминации (23,9%); риск использования полученных данных без согласия клиента (22,8%).

Как видно, россияне больше всего беспокоит в этом вопросе проблема генетической дискриминации, а также бесконтрольного использования полученных о них данных. Только 5,4% опрошенных признались, что им перспективы такого тестирования неинтересны, что в очередной раз подтверждает: тематика инновационных биотехнологий не оставляет равнодушным абсолютное большинство населения страны.

Ряд вопросов был направлен на то, чтобы выявить, конкретизировать цели, которые население признает допустимыми при редактировании человеческого генома.

Манипуляции с генами человека (например, их редактирование) для того, чтобы предотвращать или лечить заболевания, большинство одобряет лишь в исключительных случаях (59,8%). Существенно меньше категорических противников подобных мер — 9,8%. Однако каждый четвертый выступил за максимально активное использование генетики ради прогресса в медицине (23,9%).

В качестве наиболее «уважительных» причин, по которым опрошенные граждане поддержали бы редактирование генома человека, были указаны: предотвращение наследования детьми смертельного генетического заболевания (45,7%), приводящего к инвалидности недуга (32,6%) или несмертельных болезней, влияющих на качество жизни (9,8%); улучшение интеллекта человека (4,9%), его спортивных способностей (3,3%) и внешнего вида (2,2%). Таким образом, подтвердилась гипотеза, что чем более опасное для жизни и здоровья состояние угрожает человеку, тем больше он готов к инновационным и даже не до конца исследованным мерам.

При ответе на вопрос о допустимости вмешательства в геном эмбриона в целях коррекции интеллектуальных и физических свойств организма ребенка, отвечающих желаниям родителей, респонденты не изменили своей позиции: большинство не допускают такой возможности (56,0%) либо затруднились с ответом (25,0%). Только 17,4% опрошенных поддержали идею «выращивания» идеального человека. Показательно, что один респондент обозначил причину выбора своей позиции свою: «ребенок должен ощутить всю трудность работы».

Показательно, что мужчины положительно оценивали возможность создания «дизайнерских детей» чаще, чем женщины (26% и 9,2% соответственно).

В результате опрошенные высказались и против законодательного разрешения использования генетики для совершенствования возможностей здорового взрослого человека (сила, память, красота и т.п.). Респонденты предложили рассматривать это как запрещенный генный допинг (52,8%). Стремление создать людей со сверхспособностями поддержало только 13,0% населения. Тем не менее немало было ответов (28,9%), допускающих некоторое совершенствование человеческих способностей, но под строгим контролем государства и в случаях, когда иные варианты не подходят. Как видно из опроса, желающих экспериментировать с организмом взрослого человека несколько больше, чем одобряющих манипуляции с генами детей.

В силу наличия большого количества дискуссионных вопросов в области применения достижений генетики больше половины опрошенных полагают, что государству лучше регулировать генетические исследования подробнейшим образом на уровне законов (60,9%) либо в законах прописать основные моменты, остальное — в актах Правительства РФ (16,3%). Существенно меньше респондентов считают, что с подобными вопросами вполне может справиться Минздрав РФ (10,9%) либо в вопросы регулирования генетических исследований нужно вмешиваться минимально, чтобы не мешать ученым (11,5%). Аналогичной позиции придерживается и научная общественность. Так, А.Г. Блинов считает, что на сегодняшний день «востребованы юридические документы, вносящие ясность в практику исследования генома человека. На государстве лежит обязанность по установлению пределов допустимых генетических манипуляций, следование

которым обеспечит развитие медицинской науки и практики без ущерба интересам отдельной личности и общества в целом» [4, с. 143].

Было изучено мнение населения относительно видов потенциальных последствий, ожидаемых от технологии редактирования генома человека. В качестве таковых в порядке убывания были названы: изменение «естественной эволюции» человека (37,3%); непреднамеренные проблемы со здоровьем человека (21,2%); повышение стигматизации тех, кто не редактируется и рождается с генетическими заболеваниями (12,5%); дискриминация тех, кто генетически редактируется или не редактируется (9,8%). Только 17,4% опрошенных сделали акцент не на возможных негативных последствиях применения генетики, а на факте уменьшения человеческих страданий благодаря достижениям соответствующей науки, что объясняет достаточно широкое распространение «принципа предосторожности» (презумпцию опасности) и среди исследователей проблем правового регулирования генной инженерии[5].

В развитие данного аспекта проблемы респондентам было предложено выделить из списка не более трех опасностей, угрожающих обществу при неконтролируемом использовании генетики. Угрозы были распределены в ответах следующим образом: больше всего население боится создания биологического оружия, способного наносить вред отдельным народам (27,8%), что на фоне разразившейся в мире пандемии COVID-19 вполне предсказуемо. Почти в равной мере люди опасаются злоупотреблений со стороны государства полученной генетической информацией под предлогом борьбы с преступностью (26,1%), а также одобрения на уровне государственной власти генетической дискриминации, когда люди будут ущемляться в правах в зависимости от результата ДНК-анализа (24,5%). Каждый пятый (21,7%) считает, что из-за достижений науки о человеке будет известна почти вся его подноготная, чем активно воспользуются коммерческие структуры; соответственно это породит ущемление прав со стороны коммерческих организаций (например, банки перестанут давать кредиты людям, страдающим наследственными заболеваниями, и т.д. — 10,9%). Также опрошенные предполагали увеличение риска клонирования человека помимо его воли (8,2%) или создания видимости совершения невиновным преступления (человека можно «подставить», поместив на место преступления его ДНК — 13,0%).

Таким образом, наряду с уже выявленной боязнью дискриминации по генетическому признаку население опасается создания нового класса оружия массового поражения, а также злоупотребления в рамках борьбы с преступностью достижениями генетики.

Несмотря на определенные опасности, которые несет любая инновационная технология, многие опрошенные проявили интерес к потенциальному участию в генетических экспериментах. Обращает на себя внимание различие в подходе респондентов к участию в экспериментах их самих и домашних животных.

Так, на вопрос: «Готовы ли Вы приобрести генномодифицированное домашнее животное, например кошку или собаку с красиво светящейся в темноте шерстью?» большинство респондентов отозвались отрицательно, указав, что такие эксперименты неприемлемы — это издевательство над животными (48,4%). Многие выступили против торговли искусственно мутировавшими животными по религиозным или идеологическим соображениям (16,9%) либо прагматично высказались, что не видят в этом ничего полезного (18,5%). Всего лишь 13% опрошенных готовы обзавестись подобным питомцем — главное, чтобы их устроила цена.

Вместе с тем 59,9% опрошенных вполне допускают свое участие в генетическом эксперименте. Против выступили 47,9% опрошенных. Рассматривая теоретическую возможность участия в генетическом эксперименте, респонденты выбирали варианты мотивации¹: для излечения от заболевания (18,0%); ради здоровья моих будущих детей, последующих поколений (17,4%); ради совершенствования своих физиологических способностей (память, сила и т.д. — 12,5%); ради совершенствования физиологических способностей моих будущих детей (12,0%).

Причинами категорического отказа от участия в подобных экспериментах выступили религиозные или идеологические соображения (26,7%), а также недостаточная надежность таких технологий (21,2%).

Таким образом, на религию и идеологию применительно к запрету экспериментов на людях опрошенные ссылались чаще, чем применительно к животным, однако совершенствовать себя или своего ребенка респонденты готовы все же охотнее, чем животных.

Подводя итог проведенному исследованию, можно кратко изложить основные выводы.

Анкетирование показало, что большинство опрошенных знакомы с достижениями генетики, имеют интерес к теме и одобряют развитие генетических технологий, их широкое применение на практике. Вместе с тем сторонники активного внедрения генетики в нашу жизнь, как правило, отстаивают позицию, что это допустимо только в лечебных целях: они выступают против редактирования генома для увеличения физиологических возможностей (рост, сила и т.д.).

Более половины опрошенных обозначили генетическую безопасность как состояние защищенности генетической информации (генотипа, генофонда, метагенофонда) и наличие механизмов ее реализации от нежелательного внешнего воздействия. Повышенный интерес к проблемам генетической безопасности обусловлен прежде всего появлением новых угроз для нее в мире, а также самим распространением новейших технологий в сфере применения генетической информации.

При этом опрошенные полагают, что уровень обеспечения генетической безопасности именно в России в настоящий момент находится скорее на среднем уровне либо чуть ниже такового.

В качестве наиболее приоритетных в настоящее время для реализации направлений обеспечения генетической безопасности в России, по мнению населения, выступают следующие: создание необходимой правовой платформы для проведения генетических исследований; активное сотрудничество с конкретными зарубежными организациями в области проведения научных генетических исследований.

В качестве наиболее крупных угроз генетической безопасности опрошенные выделяют ошибки в результате генетических экспериментов, коррупцию в этой сфере и отсутствие необходимой правовой базы.

При этом больше половины опрошенных полагают, что государству лучше регулировать генетические исследования подробнейшим образом на уровне законов.

Так, в качестве примера можно отметить, что 4/5 опрошенных поддерживают идею введения уголовной ответственности за незаконный биохакинг.

¹ Можно было отметить несколько вариантов ответов, поэтому общая сумма превышает 100%.

Больше половины опрошенных пришли к мысли, что генетическое тестирование необходимо только в случае подозрения на наследственные заболевания без внесения такой информации в соответствующую базу данных.

При обдумывании согласия на генетический тест россиян, как правило, больше всего беспокоит риск генетической дискриминации, а также бесконтрольного использования полученных о них данных.

При характеристике потенциальных последствий применения технологии редактирования генома человека опрошенные акцентируют внимание, как правило, на негативных моментах: изменении «естественной эволюции» человека и непреднамеренных проблемах со здоровьем. Только каждый шестой делал акцент не на возможном вреде от применения генетики, а на факте уменьшения человеческих страданий благодаря достижениям соответствующей науки.

Население опасается, что бесконтрольное применение генетических технологий будет способствовать созданию биологического оружия, злоупотреблениям со стороны государства полученной генетической информацией под предлогом борьбы с преступностью, а также одобрению на уровне государственной власти генетической дискриминации.

Систематизируя полученные результаты, также можно выделить следующие тенденции, характеризующие мнение общественности по заданной проблематике. Опрошенные респонденты не в полной мере осознают уровень общественной опасности потенциальных правонарушений в сфере манипуляций с геномом человека, однако анализ показывает, что существует социальная обусловленность потребности криминализации ряда общественно опасных деяний, связанных с проведением исследований генома живых организмов, использованием «генного допинга» и биохакинга. Проведенное исследование дало основание полагать, что сегодня существует целый ряд проблем правового и социального характера, не позволяющих не только полно характеризовать состояние и особенности морально-правовых и правовых аспектов манипуляций с геномом человека, но и трактовать имеющиеся данные для объективного представления о состоянии ценностных ориентаций общества.

Библиографический список

1. Карелин Д.В., Маценуро Д.М., Селита Ф. Уголовно-правовая охрана генетических данных человека: к постановке проблемы // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Право. 2018. № 29. С. 79–90.
2. Евстифеева Е.В., Дородонова Н.В. Международно-правовая политика в сфере проведения биомедицинских геномных исследований // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 44–51.
3. Лапунин М.М. Векторы влияния генетических исследований на безопасность общества: конъюнктура и конкретные инциденты // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Саратов, 30 сентября – 1 октября 2019 г.) / под общ. ред. Н.А. Лопашенко; ред. А.В. Голикова. Саратов, 2019. С. 217–220.
4. Блинов А.Г. Правовая среда проведения геномных исследований и перспективы ее оптимизации в России // Вестник Омского университета. Сер.: Право. № 4 (57). 2018. С. 138–145.

5. *Мохов А.А.* Принцип предосторожности в биомедицине // Медицинское право. 2017. № 1. С. 5–10.

References

1. *Karelin D.V., Macepuro D.M., Selita F.* Criminal-legal Protection of Human Genetic Data: to the Problem Statement // Bulletin of the Tomsk state University. Ser.: Law. 2018. No. 29. P. 79–90.

2. *Evstifeeva E.V., Dorodonova N.V.* International Legal Policy in the Field of Biomedical Genomic Research // Legal policy and legal life. 2019. No. 3. P. 44–51.

3. *Lapunin M.M.* Vectors of Influence of Genetic Research on the Security of Society: Conjecture and Specific Incidents // Criminal Law Impact and its Role in Crime Prevention (IV Saratov criminal law readings): collection of articles based on the materials of the IV all-Russian scientific and practical conference (Saratov, September 30-October 1, 2019) / ed. By N.A. Iopashenko; ed. by A.V. Golikov. Saratov, 2019. P. 217–220.

4. *Blinov A.G.* Legal Environment for Genomic Research and Prospects for its Optimization in Russia // Bulletin of the Omsk University. Ser.: Law. No. 4 (57). 2018. P. 138–145.

5. *Mokhov A.A.* The Precautionary Principle in Biomedicine // Medical law. 2017. No. 1. P. 5–10.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10144
УДК 343.8.1

Н.И. Насиров

ПРЕДМЕТ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА И ЕГО ПОНИМАНИЕ

Введение: предмет уголовно-исполнительного права является научной категорией, лишенной формального содержания. Он на протяжении продолжительного периода времени остается в центре внимания отечественных ученых. Несмотря на активное осмысление этой категории в теории уголовно-исполнительного права, наиболее существенные ее аспекты не получили должного разрешения. В юридической доктрине в содержание предмета уголовно-исполнительного права учеными закладываются различные научные идеи, что в конечном итоге не позволяет в должной мере познать его сущность. **Цель:** теоретическое обоснование содержания предмета уголовно-исполнительного права. Указанная цель достигается решением следующих задач: определить содержание предмета уголовно-исполнительного права. **Методологическая основа:** общенаучные (диалектический, анализ, сравнение) и частнонаучные (юридико-догматический) методы. **Результаты:** предметом уголовно-исполнительного права признается материальное явление, находящееся за пределами законодательства. С учетом служебной роли уголовно-исполнительного законодательства и социально-позитивного результата его действия предметом данной отрасли предлагается рассматривать осужденного в части формирования социально ориентированных ценностей личности, позволяющих вести сознательно-законопослушный образ жизни в период отбывания наказания и после освобождения от его отбывания. **Выводы:** понимание истинного содержания предмета уголовно-исполнительного права позволит не только разграничить его от смежных категорий, но и определить предназначение данной отрасли.

Ключевые слова: предмет уголовно-исполнительного права, уголовно-исполнительные правоотношения, исполнение наказания, отбывание наказания, исправление осужденных, осужденный, правоприменитель.

N.I. Nasirov

SUBJECT OF CRIMINAL EXECUTIVE LAW AND ITS UNDERSTANDING

Background: the subject of Criminal Executive law is a scientific category devoid of formal content. It remains in the focus of attention of Russian scientists for a long period of time. Despite the active understanding of this category in the theory of Criminal Executive law, its most essential aspects have not been properly resolved. In the legal doctrine, scientists lay down various scientific ideas into the content of the subject of Criminal Executive law, which, in the end, does not allow us to properly understand its essence. **Objective:** theoretical justification of the content of the subject of Criminal Executive law. This goal is achieved by solving the following tasks: to determine the content of the subject of Criminal Executive law.

© Насиров Немэт Интигам оглы, 2020
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: naymat@mail.ru

© Nasirov Nemet Intigam ogly, 2020
Candidate of law, Associate professor, Criminal and criminal-executive law department (Saratov State Law Academy)

Methodology: general scientific (dialectical, analysis, comparison) and private scientific (legal-dogmatic) methods. **Results:** the subject of penal enforcement law is recognized as a material phenomenon that is outside the law. Taking into account the official role of the Criminal Executive legislation and the socially positive result of its action, the subject of this branch is proposed to consider the convicted person in terms of the formation of socially oriented personal values that allow him to lead a consciously law-abiding lifestyle during the period of serving a sentence and after being released from it. **Conclusion:** understanding the true content of the subject of Criminal Executive law will not only distinguish it from related categories, but also determine the purpose of this branch.

Key-words: object of Criminal Executive law, subject of Criminal Executive law, criminally-executive legal relations, an execution of the punishment, punishment serving, the correction of the convict, condemned, law enforcement official.

Предмет уголовно-исполнительного права как фундаментальная категория выступает одним из ключевых признаков, позволяющих определить самостоятельность, сущность и предназначение данной отрасли права. Приступая к осмыслению предмета отрасли уголовно-исполнительного права прежде всего необходимо определиться с родовым понятием «предмет отрасли права». В этой связи представляется целесообразным обращение к теоретическим положениям общей теории права, раскрывающим сущность предмета права как такового, без привязки к отдельной отрасли. Уяснение содержания предмета отрасли права в целом позволит не только теоретически высветить его уголовно-исполнительную специфику, но и оценить суждения по вопросу, высказанные в науке.

В общей теории права мнения ученых разделились на две группы. Одни авторы утверждают, что предметом отрасли права выступают «общественные отношения». Другие таковым признают «поведение субъектов отношений».

Сторонники концепции, признающей общественные отношения предметом отрасли права, считают его главным системообразующим фактором выделения отрасли права в правовой системе. Они полагают, что предмет отрасли права образует качественно особый либо однородный вид общественных отношений, который нуждается в правовой регламентации при помощи особого режима регулирования [1, с. 147–150; 2, с. 165–166] или регулирование нормами конкретной отрасли права [3, с. 243]. Подобный тезис отражая классическое понимание предмета отрасли права, к сожалению, не позволяет внести ясность в ряд сущностных аспектов рассматриваемой категории. Во-первых, невозможно обнаружить критерии, которые указывали бы, что именно общественное отношение, а не другое явление, образует предмет отрасли права. Во-вторых, непонятно почему отношения в конкретной сфере жизнедеятельности нуждаются только в нормативном регулировании, в то время как они могут испытывать потребность и в правовой охране. В-третьих, остается неясной причина по которой отношения, урегулированные нормами права, именуются общественными. Если общественные отношения в определенной социальной сфере урегулированы нормами права, то, следовательно, они приобретают правовой характер и должны именоваться правоотношениями.

В литературе высказано мнение согласно которому теория государства и права формирует общий предмет юриспруденции, откуда отраслевые науки берут свою часть — общественные отношения, регулируемые конкретными отраслями права [2, с. 14]. Тот факт, что общая теория права занимает важное место в юриспруден-

денции сомнения не вызывает. Она вырабатывает универсальный понятийно-категориальный аппарат для отраслевых наук и тем самым формирует правовое мировоззрение. Вместе с тем указанный тезис требует конкретизации, поскольку непонятен механизм формирования теорией государства и права общего предмета юриспруденции.

В юридической доктрине встречаются трактовки содержания предмета отрасли права или правового регулирования как поведения участников общественных отношений. Одним из первых сторонников данной концепции был И.А. Ребане. Он полагал, что «предметом правового регулирования являются не общественные отношения, а поведение людей — единственное из явлений объективного мира, поддающееся правовому регулированию» [4, с. 103]. Разделяет данную позицию и В.И. Гуреев [5, с. 49].

Обращение к общей теории права показало, что единого подхода к содержанию предмета отрасли права нет. В частности, в качестве предмета отрасли права, одними авторами признаются общественные отношения, а другими — поведение субъектов отношений.

Ознакомившись с позициями представителей общей теории права в отношении предмета отрасли права, обратимся к имеющимся на этот счет суждениям, изложенным в доктрине уголовно-исполнительного права.

Традиционно в теории уголовно-исполнительного права предмет данной отрасли трактуют через категорию «отношение», которая наполняется учеными различными содержаниями. Наличие многообразия трактовок содержания предмета уголовно-исполнительного права позволяет их условно разделить на узкое и широкое понимание. В узком смысле предмет уголовно-исполнительного права связывается с отношениями, складывающимися в сфере исполнения и отбывания уголовных наказаний [6, с. 18].

В доктрине уголовно-исполнительного права встречаются и более широкие толкования предмета данной отрасли. Например, С.В. Шепелева в предмет уголовно-исполнительного права включает не только отношения, связанные с исполнением уголовных наказаний, но и отношения, возникающие в связи с исполнением «иных мер уголовно-правового воздействия, предусмотренных УК РФ; применением к осужденным предусмотренных средств исправительного воздействия; регламентацией деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания; порядком участия органов государственной власти и органов местного самоуправления, иных организаций, общественных объединений, а также граждан в исправлении осужденных, процедурой освобождения от наказаний и оказания помощи освобождаемым лицам» [7, с. 12].

В теории уголовно-исполнительного права высказаны суждения о том, что отношения, связанные с оказанием помощи лицам, освобожденным от уголовного наказания, или с постпенитенциарной адаптацией лиц, составляют предмет уголовно-исполнительного права [8, с. 3; 9, с. 17].

Противоположной позиции придерживается В.Е. Южанин. По его мнению, «отношения, связанные с обеспечением правового статуса освобожденных от отбывания наказания, не входят в систему отношений по исполнению наказания и не могут регулироваться нормами уголовно-исполнительного права». В целях определения правового статуса лиц, освобожденных от отбывания наказания, и управления их социальной адаптацией, ученый предлагает принять Основы за-

конодательства Российской Федерации о социальной адаптации такой категории граждан [10, с. 180–181].

Позиция В.Е. Южанина касающегося того, что отношения, связанные с обеспечением правового статуса освобожденных от отбывания наказания лиц, не регламентированы нормами уголовно-исполнительного права, по нашему мнению, выглядит обоснованной и отражает состояние действующего законодательства. В нормах и положениях уголовно-исполнительного законодательства России говорится об оказании помощи не освобожденным, а осужденным (ч. 2 ст. 1 УИК РФ) или освобождаемым лицам (ч. 2 ст. 2, ч. 2 ст. 6 УИК РФ)¹. Полагаем, что такой законодательный подход к указанному вопросу не случаен. Как видно из продемонстрированных уголовно-исполнительных норм, в обоих случаях речь идет об одном и том же субъекте, т.е. о лице, отбывающим наказание или иную меру уголовно-правового характера. Это дает основание полагать, что такая помощь рассчитана только на осужденное лицо и ее оказание ограничено границами уголовно-исполнительных правоотношений.

Помощь осужденному в целях его успешной социальной адаптации после освобождения может быть оказана на любой стадии исполнения наказания или иной меры уголовно-правового характера. Например, во время отбывания наказания отдельной категории осужденных к лишению свободы может быть предоставлен краткосрочный выезд за пределы исправительного учреждения сроком до 7 суток (не считая времени на проезд в прямом и обратном направлениях) для предварительного решения вопросов трудового и бытового устройства после освобождения (ч. 1 ст. 97 УИК РФ). Социально ориентированная помощь осужденному оказывается и на стадии освобождения от отбывания наказания (ст. 173 УИК РФ) или в период, непосредственно предшествующий освобождению (ст. 180 УИК РФ). Например, не позднее чем за 6 месяцев до истечения срока лишения свободы (в отношении осужденных к лишению свободы на срок до 6 месяцев — после вступления приговора в законную силу) администрация учреждения, исполняющего наказание, уведомляет органы местного самоуправления и федеральную службу занятости по избранному осужденным месту жительства о его предстоящем освобождении, наличии у него жилья, его трудоспособности и имеющихся специальностях. Осужденные, покидающие исправительное учреждение после отбытия наказания, обеспечиваются бесплатным проездом к месту жительства, продуктами питания или деньгами на время проезда, единовременным пособием, одеждой по сезону (при отсутствии одежды или средств на ее приобретение) и т.д.

Вышеизложенное суждение касается не всех лиц, освобожденных от отбывания наказания, а только тех, которые в связи с этим событием утратили правовой статус осужденного. Необходимость в таком уточнении продиктована тем обстоятельством, что уголовный закон (гл. 12–13 УК РФ) и уголовно-исполнительное законодательство (ст. 172 УИК РФ) предусматривают широкий перечень видов освобождения от наказания или от его отбывания. Не углубляясь в дальнейшие подробности данного вопроса, отметим лишь, что не все виды освобождения от наказания в случае их применения приводят к прекращению участия осужденного в уголовно-исполнительных правоотношениях. Наглядными примерами могут

¹ См.: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию на 31 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 2, ст. 198; Российская газета. 2020. 6 авг.

служить замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания и отсрочка отбывания наказания.

При замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, во-первых, лицо освобождается только от отбываемого наказания; во-вторых, на него возлагается обязанность отбывать другое наказание. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что такое лицо продолжает оставаться носителем статуса осужденного. Аналогичная ситуация прослеживается и в случае применения отсрочки отбывания наказания. При ее применении лицо продолжает носить статус осужденного, на него возлагаются определенные обязанности, контроль за исполнением которых осуществляет уголовно-исполнительная инспекция.

Вышеизложенное позволяет констатировать, что лица, в отношении которых может быть применена замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания или, например, отсрочка отбывания наказания, выступают непосредственными субъектами уголовно-исполнительных правоотношений.

Другое дело, когда лицо полностью освобождается от отбывания наказания. Такое лицо утрачивает статус осужденного и перестает быть субъектом уголовно-исполнительных правоотношений. Это говорит о том, что обеспечение правового статуса лица, полностью освобожденного от отбывания наказания не осуществляется в рамках уголовно-исполнительных правоотношений.

А вот предложение В.Е. Южанина о принятии отдельного закона о социальной адаптации лиц, освобожденных от отбывания наказания, представляется интересным. Подобная нормотворческая практика довольно широко распространена в некоторых регионах Российской Федерации (например, в Республике Башкортостан, а также Архангельской, Кировской, Омской, Тюменской областях)² и зарубежных странах (Азербайджанской Республике и Республике Молдова)³.

В указанных субъектах Российской Федерации и иностранных государствах действуют автономные законы, регламентирующие организационно-правовую основу деятельности соответствующих государственных органов по предоставлению лицам, освобожденным из мест лишения свободы, помощи и оказанию им поддержки в социальной адаптации.

Юридическая доктрина знакома и с другой позицией относительно предмета отрасли права. Довольно интересное и оригинальное понимание предмета

² См.: Закон Республики Алтай от 11 марта 2016 г. № 13-РЗ «О регулировании отдельных вопросов в сфере социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы, в Республике Алтай» (с изм. и доп. по состоянию на 6 апреля 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»; Закон Республики Башкортостан от 3 февраля 2009 г. № 92-з «О социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс»; Закон Архангельской области от 16 декабря 2011 г. № 402-27-ОЗ «О социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»; Закон Кировской области от 1 декабря 2011 г. № 98-ЗО «О социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»; Закон Омской области от 26 февраля 2015 г. № 1720-ОЗ «О социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы» (с изм. и доп. по состоянию на 23 декабря 2019 г.) // Омский вестник. 2015. № 8; 2019. № 51; Закон Тюменской области от 5 декабря 2011 г. № 98 «О социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений исполнения наказаний». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

³ См.: Закон Азербайджанской Республики от 31 мая 2007 г. № 353-IIIQ «О социальной адаптации лиц, освобожденных от наказания в пенитенциарных учреждениях» (с изм. и доп.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30619123 (дата обращения: 10.08.2020); Закон Республики Молдова от 24 февраля 1999 г. № 297-XIV О социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы» (с изм. и доп. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30550118#pos=0;110 (дата обращения: 10.08.2020).

отрасли уголовного права предложено Б.Т. Разгильдиевым, который таковым признает человека в части его удержания от совершения преступлений. По мнению ученого, такое удержание выступает следствием осуществления уголовно-правовых задач [11, с. 119].

Относясь с уважением к вышеизложенным суждениям и позициям, а также и к их авторам, которые внесли существенный вклад в разработку теории предмета отрасли права в целом и уголовно-исполнительного права в частности, полагаем, что высказанные мнения требуют некоторых уточнений.

По нашему мнению, предмет уголовно-исполнительного права не должен и не может отождествляться с отношениями, обеспечиваемыми данной отраслью. Ассоциация предмета уголовно-исполнительного права с отношениями в указанной сфере, во-первых, ведет к искусственному смешиванию понятий «предмет уголовно-исполнительного права» и «уголовно-исполнительные отношения», в то время как в юриспруденции на уровне аксиомы известно, что каждое понятие должно обладать собственным содержанием. Во-вторых, такое обстоятельство не позволяет определить объективную потребность взаимодействия субъектов в указанных отношениях.

Представляется, что отношения в указанной сфере образуют лишь часть объекта отрасли уголовно-исполнительного права. Эти отношения существуют ради конкретного блага, по поводу которого соответствующие субъекты взаимодействуют между собой. В противном случае смысл существования таких отношений и взаимодействия в них индивидов утрачивает свою актуальность. Сказанное свидетельствует о том, что благо и отношения лишь в своей совокупности составляют объект уголовно-исполнительного права, где благо выступает физической (материальной) сутью, а отношения — формальной.

Предметом уголовно-исполнительного права выступает материальное явление, находящееся за пределами уголовно-исполнительного законодательства. Непосредственное воздействие на него выступает единственной возможностью обеспечения целей, стоящих перед уголовно-исполнительным законодательством России.

Понимание предмета уголовно-исполнительного права логично завершить конкретизацией его содержания. В качестве предмета данной отрасли права, по нашему мнению, может признаваться осужденный в части формирования социально ориентированных ценностей личности, позволяющих вести сознательно-законопослушный образ жизни как в период отбывания наказания, так и после освобождения от его отбывания. Такой подход полностью отражает служебную роль уголовно-исполнительного права и социальный результат его действия.

Предлагаемое понимание предмета уголовно-исполнительного права базируется на следующих ключевых признаках. Предметом уголовно-исполнительного права выступает осужденный, который является биосоциальным существом, характеризующимся материальной сущностью. Сказанное означает, что осужденный, как представитель человеческого рода является частью материальной природы, его происхождение имеет биологический характер, а существование и развитие протекают в социальной сфере, т.е. во взаимоотношениях с обществом, государством, миром и природой. Человек, взаимодействуя с обществом, государством, миром и природой посредством реализации своих созидательных, нравственных качеств и естественных прав (свобод), формирует свою личность.

В отдельных случаях лицо может реализовать свои человеческие качества и со знаком минус. В таких случаях поступок носит не созидательный или нравствен-

ный характер, а напротив разрушительный или антинравственный. Примером может служить совершение лицом преступления, свидетельствующее о том, что лицо своим поступком разрушило объект уголовно-правовой охраны или создало для него реальную угрозу. Констатация данного факта судом в обвинительном приговоре будет свидетельствовать о том, что такое лицо проигнорировало свою уголовно-правовую обязанность по воздержанию от совершения преступления и привлечено к уголовной ответственности.

Вступивший в законную силу обвинительный приговор суда с назначением наказания, подлежащего отбыванию подсудимым, указывает на два ключевых момента. Во-первых, он свидетельствует о том, что уголовно-правовое воздействие на уровне угрозы наказанием оказалось недостаточным для удержания лица от совершения преступления. Во-вторых, приговор выступает юридическим фактом для уголовно-исполнительного воздействия на сознание и волю осужденного лица для удержания его от совершения нового преступления.

Отечественное уголовно-исполнительное законодательство, устанавливая порядок исполнения и отбывания уголовных наказаний или иных мер уголовно-правового характера, предоставляет правоприменителю большой выбор мер и средств для оказания воздействия на сознание и волю осужденного. В целях изменения негативных ценностных ориентаций осужденных, устранения у них отрицательных последствий изоляции, прерывания криминогенных связей и т.д., процесс исполнения наказания или иной меры уголовно-правового характера сопровождается воздействием на их сознание и волю различными мерами педагогического, психологического, воспитательного, исправительного и иного характера.

Сказанное свидетельствует о том, что исполнение наказания или иной меры уголовно-правового характера — это не самоцель. Данная деятельность осуществляется для того, чтобы посредством уголовно-исполнительного воздействия на сознание и волю осужденного сформировать у него уважительное отношение к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, позволяющее ему вести сознательно-законпослушный образ жизни как в период отбывания наказания, так и после освобождения от его отбывания.

Библиографический список

1. *Алексеев С.С.* Собрание сочинений: в 10 т. [+ справоч. том]. М.: Статут. 2010. Т. 2: специальные вопросы правоведения. 471 с.
2. *Общая теория государства и права: учебник / под ред. С.Ю. Наумова, А.С. Мордовца, Т.В. Касаевой.* Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. 392 с.
3. *Федотов А.В., Маркунцов С.А., Ростовцева Н.В., Матвеева М.В.* Основы теории государства и права: учебное пособие. М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 360 с.
4. *Ребане И.А.* О построении системы отраслей советского права // Советское государство и право. 1958. № 1. С. 98–110.
5. *Гуреев В.И.* Предмет правового регулирования: теория и практика // Юридический мир. 2013. № 7. С. 47–49.
6. *Конегер П.Е., Рыбак М.С.* Уголовно-исполнительное право: курс лекций. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. 284 с.
7. *Шепелева С.В.* Основы уголовно-исполнительного права: учебное пособие. Курск: ЮЗГУ, 2012. 433 с.

8. Матушевский Р.В. Уголовно-исполнительное право: конспект лекций. М.: «Приор-издат», 2004. 160 с.

9. Анисимков В.М., Капункин С.А., Пономарев П.Г., Рыбак М.С., Селиверстов В.И. Уголовно-исполнительное право / под ред. В.М. Анисимкова, В.И. Селиверстова. 2-е изд. Ростов н/Д: Феникс, 2009. 413 с.

10. Южанин В.Е. Проблемы правового регулирования преемственности работы по подготовке осужденных к освобождению и управлению их социальной адаптацией к условиям свободы // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации): сборник тезисов выступлений участников. Рязань, 2013. С. 178–186.

11. Разгильдиев Б.Т. Социальная результативность уголовного законодательства России и ее виды // Право. Законодательство. Личность. 2014. № 2(19). С. 116–122.

References

1. Alekseev S.S. Collected works: in 10 vols. [+]. volume]. М.: Statute. 2010. Vol. 2: Special questions of law. 471 p.

2. The General Theory of State and Law: textbook / under the editorship of S.Yu. Naumov, A.C. Moldovets, T.V. Kasaeva. Saratov: Russian University of Economics, Saratov socio-economic Institute (branch) named after G.V. Plekhanov, 2018. 392 p.

3. Fedotov A.V., Markuntsov S.A., Rostovtseva N.V., Matveeva M.V. Fundamentals of the Theory of State and Law: textbook. Moscow: publishing house of the State University – Higher school of Economics, 2010. 360 p.

4. Rebane I.A. On the Construction of the System of Branches of Soviet Law // Soviet state and law. 1958. No. 1. P. 98–110.

5. Gureev V.I. Subject of Legal Regulation: Theory and Practice // Legal world, 2013. no. 7. P. 47–49.

6. Koneger P.E., Rybak M.S. Criminal Executive Law: a course of lectures. Saratov: publishing house of the Saratov State Academy of law, 2007. 284 p.

7. Shepeleva S.V. Fundamentals of Criminal Executive Law: textbook. Kursk: South State University, 2012. 433 p.

8. Matushevsky R.V. Criminal Executive Law: lecture notes. М.: «Prior-Izdat», 2004. 160 p.

9. Anisimkov V.M., Kapunkin S.A., Ponomarev P.G., Rybak M.S., Seliverstov V.I. Criminal Executive Law / ed. 2nd ed. Rostov on/D: Fenix, 2009. 413 p.

10. Yuzhanin V.E. Problems of Legal Regulation of the Continuity of Work on Preparing Convicts for Release and Managing Their Social Adaptation to the Conditions of Freedom // International penitentiary forum «Crime, Punishment, Correction» (to the 20th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation): collection of abstracts of participants' presentations. Ryazan, 2013. P. 178–186.

11. Razgildiev B.T. Social Effectiveness of the Criminal Legislation of Russia and Its Types // Law. Legislation. Personality. 2014. No. 2(19). P. 116–122.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10145
УДК 343.9

О.В. Шляпникова, С.А. Чаусова

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРИНЯТИЯ ЗАКОНА «О ПРОФИЛАКТИКЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Введение: эскалация домашнего насилия — одна из актуальных проблем современности. Нельзя утверждать, что меры противодействия насилию в семье соответствуют реалиям сегодняшнего дня и являются эффективными. Современная теория и практика борьбы с преступностью в указанной сфере требуют нестандартных подходов, в т.ч. направленных на создание хорошо отлаженного механизма предупреждения семейно-бытовой преступности. В связи с этим несомненный теоретический и практический интерес представляет проект закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», отношение к которому со стороны исследователей неоднозначное и противоречивое. **Цель:** комплексный анализ предложенного законопроекта, определение критериев его эффективности и разработка мер, направленных на совершенствование предупредительной деятельности в сфере семейно-бытовых отношений. **Методологическая основа:** работа основана на общенаучных методах (анализ, синтез, системный, структурно-функциональный), частнонаучных методах (сравнительно-правовой, социологический, историко-правовой). **Результаты:** аргументируется авторская позиция о целесообразности принятия рассматриваемого законопроекта в рассматриваемой редакции, обосновывается необходимость устранения выявленных пробелов, регулирующих соответствующую область общественных отношений. **Выводы:** государственная политика в сфере противодействия семейно-бытовому насилию представляет собой комплекс общесоциальных, специально-криминологических и правовых мер, направленных на совершенствование существующих механизмов профилактического воздействия в указанной сфере, основанных на обычаях, традициях, менталитете страны с использованием отечественного и зарубежного опыта предупреждения семейно-бытовой преступности.

Ключевые слова: законопроект, домашнее насилие, семейно-бытовое насилие, профилактика.

© Шляпникова Ольга Викторовна, 2020
Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия)
© Чаусова Светлана Александровна, 2020
Аспирант кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия)

© Shlyapnikova Olga Viktorovna, 2020
Candidate of law, Associate Professor, Professor, Prosecutor's supervision and criminology department (Saratov State Law Academy).

© Chausova Svetlana Aleksandrovna, 2020
Postgraduate, Prosecutor's supervision and criminology department (Saratov State Law Academy)

O.V. Shlyapnikova, S.A. Chausova

ABOUT EXPEDIENCY OF ADOPTION OF THE LAW
„ON PREVENTION OF FAMILY AND DOMESTIC VIOLENCE
IN THE RUSSIAN FEDERATION”

Background: the escalation of domestic violence is one of the most pressing problems of our time. It cannot be said that measures to counteract domestic violence correspond to the realities of today and are effective. Modern theory and practice of fighting crime in this area require non-standard approaches, including those aimed at creating a well-established mechanism for preventing domestic crime. In this regard, the draft law “On the Prevention of Family and Domestic Violence in the Russian Federation” is of undoubted theoretical and practical interest. The attitude of researchers to this law is ambiguous and contradictory. **Objective:** a comprehensive analysis of the proposed draft law, determining the criteria for its effectiveness and developing measures aimed at improving preventive activities in the field of family and domestic relations. **Methodology:** the research is based on general scientific methods (analysis, synthesis, systemic, structural and functional), specific scientific methods (comparative legal, sociological, historical and legal). **Results:** the author’s position on the advisability of adopting the considered draft law in the considered version is argued, the need to eliminate the identified gaps regulating the relevant area of public relations is indicated. **Conclusions:** the state policy in the field of combating domestic violence is a complex of general social, special-criminological and legal measures aimed at improving the existing mechanisms of preventive action in this area based on customs, traditions, the mentality of the country using domestic and foreign experience in preventing family violence. household crime.

Key- words: draft law, domestic violence, family and domestic violence, prevention.

В настоящее время правовым сообществом, СМИ, а также гражданами активно обсуждается законопроект федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». Следует отметить, что необходимость его принятия назрела давно, однако предложенная законодателем в настоящей редакции концепция закона, как представляется, требует кардинального пересмотра, поскольку многие положения проекта характеризуются крайней степенью двусмысленности использованных терминов и дефектностью их определений, что вступает в противоречие с такими требованиями юридической техники, как исчерпывающая определенность и ясность правовых норм.

Обратим внимание лишь на некоторые из них. Так, в ст. 2 проекта закона приводится понятие «семейно-бытовое насилие», под которым понимается умышленное деяние, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащее признаков административного правонарушения или уголовного преступления.

В проекте закона не установлено, что представляет собой угроза причинения насилия, какие юридические критерии характерны для нее (чем определяется степень общественной опасности такой угрозы). Исходя из буквального смысла закона непонятно, какие действия, не подпадающие под признаки административного правонарушения и преступления, могут быть расценены как семейно-бытовое насилие. Более того, формулировка «деяние, не содержащее признаки

административного правонарушения или уголовного преступления» означает, что насилием признается деяние, не регулируемое правовыми институтами, а лишь бесосновательными умозаключениями. Данное положение противоречит конституционному принципу презумпции невиновности, а также требованиям Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»¹ в связи с фактическим включением коррупциогенных факторов, устанавливающих для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения.

Нуждается также в конкретизации понятие «домашнее насилие», которое фактически становится взаимосвязанным с отраженными в законопроекте видами «насилия». Неизвестно, синонимичны ли понятия «домашнее насилие» и «семейно-бытовое насилие» и какая из указанных категорий шире по смыслу.

Не выдерживающим критики представляется закрепленное в ст. 2 законопроекта определение ключевого понятия «семья»: «семья — лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство».

Предложенная законодателем формулировка фактически не согласована с устоявшимися определениями Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ), поскольку является крайне ограниченной. К примеру, взрослые дети со своими семьями могут проживать отдельно от родителей (а также бабушек и дедушек) и не вести с ними общее хозяйство, однако эти части семей нельзя исключить из понятия «семья». Следует отметить, что из указанного понятия исключаются муж и жена — супруги, поскольку они связаны не отношениями родства, а отношениями, вытекающими из брака².

Предусмотренное проектом определение «семья» не включает в себя таких явных членов семьи, как усыновители (усыновитель) и усыновленное лицо, а также попечители (попечитель) и опекаемое лицо. Следует также учесть, что СК РФ незнакомо правовая категория «свойство», а поскольку указанное понятие не раскрыто исчерпывающим образом законодательно, то подобное может привести к разрушению и искажению понятия «семья», размыванию устоявшихся правовых и традиционных явлений.

Необходимо учитывать, что исследуемый законопроект был активно поддержан многими иностранными организациями, ставящими своей целью уничтожение традиционного института семьи посредством ослабления внутреннего (родительского и межпоколенческого) преемства и контроля между взрослыми и детьми.

Понятие «семейный быт», данное в проекте закона как «уклад повседневной совместной жизни близких родственников (лиц), включающий удовлетворение духовных и материальных потребностей (в пище, одежде, жилище, лечении и поддержании здоровья), межличностное общение между близкими родственниками (лицами), а также совместный отдых и развлечения», закрепленное ст. 2 проекта закона представляется неуместным в концепции закона о домашнем насилии, поскольку имеет ряд существенных недостатков.

¹ См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.02.2020).

² См.: Методические пояснения Федеральной службы государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b08_69/IssWWW.exe/Stg/01-00.htm (дата обращения: 15.05.2020).

В этимологии данной формулировки прослеживается неприемлемый и искаженный взгляд на традиционное понимание семьи как союза, основанного на созидании, уходе и заботе, удовлетворении не только гедонистических, но и духовных потребностей, где главной целью выступают продление рода, почитание роли отца и матери, воспитание подрастающего поколения, способного осознавать и ценить свою культурную (родовую) идентичность.

Закрепленное этой же статьей определение сексуального насилия также не соответствует нормам устоявшейся юридической техники и языковому содержанию.

Понятие «половая неприкосновенность» в законопроекте в первую очередь применимо к малолетним детям, но не к иным лицам (в противном случае употребляется термин «сексуальная неприкосновенность»). Таким образом, наблюдается попытка законодателя продублировать гл. 18 УК РФ, содержащую составы преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Искаженной представляется и формулировка лексической конструкции «половая свобода», поскольку у супруги априори не может быть никакой «половой свободы», противное означало бы наличие адюльтера — мнимого права на свободу супружеской измены.

Если же законодатель установил возможность изнасилования жены мужем, то фактически выражение ее согласия или несогласия вступить в интимную близость должно находить каждый раз законодательное закрепление, что способно привести лишь к разрушению семьи, а не профилактике домашнего насилия.

Особую потенциальную опасность для национальной безопасности страны представляет определение «психологическое насилие», закрепленное в ст. 2 исследуемого законопроекта: «Психологическое насилие — умышленное унижение чести и (или) достоинства путем оскорбления или клеветы, высказывания угроз совершения семейно-бытового насилия по отношению к пострадавшему или его близким лицам, знакомым, домашним животным, преследование, изъятие документов, удостоверяющих личность, принуждение посредством угроз либо шантажа к совершению преступлений и (или) правонарушений, аморальному поведению или действиям, представляющим опасность для жизни или здоровья пострадавшего, а также ведущим к нарушению психической или психологической целостности; изоляция с целью лишения социальных контактов, предъявление требований, не соответствующих возрасту или возможностям гражданина, запрет на получение образования; умышленное уничтожение, повреждение или удержание имущества пострадавшего либо его родственников».

Законодательная формулировка «высказывание угроз совершения семейно-бытового насилия по отношению к домашним животным» не выдерживает никакой критики, поскольку безобидное высказывание главой семейства недовольства питомцем, справившим естественную потребность не в отведенном на то месте, фактически можно расценить как основание для вторжения правоохранительных органов в дела семьи.

Не меньшую опасность для российских родителей несет формулировка «изоляция с целью лишения социальных контактов», поскольку фактически любой обоснованный запрет в адрес ребенка (на общение в социальной сети с лицами, негативно влияющими на него и представляющими опасность: маргиналами, членами суицидальных групп, наркоманами и педофилами, преступными

элементами), а также запрет пользоваться гаджетом, поскольку уже поздно, а уроки еще не сделаны могут быть признаны актом насилия.

Приведенная формулировка «предъявление требований, не соответствующих возрасту или возможностям гражданина» может найти свое негативное воплощение при наличии у родителей обоснованных требований к ребенку в части привлечения к участию в делах семьи (помощи по дому, уходу за родственниками, привитию необходимых навыков, что фактически равнозначно воспитанию).

Для инициирования механизма привлечения родителей к ответственности достаточно будет аргумента со стороны мнимого эксперта, подтвердившего, что предъявляемые требования не соответствуют возрасту ребенка. Подобное способно привести к искусственной инфантилизации общества, изъятию детей из семьи, поскольку законодателем может быть установлено недобровольное оказание помощи несовершеннолетним и недееспособным лицам, т.е. тем, кто не способен защищать свои права и интересы самостоятельно. Фактически концепция закона направлена на дестабилизацию внутреннего климата семей, продвижению ювенальной юстиции, грубому нарушению прав ребенка, в т.ч. закрепленных международным законодательством. Так, согласно преамбуле Международной конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г., именно «семье как основной ячейке общества и естественной среде для роста и благополучия всех ее членов, и особенно детей, должны быть предоставлены необходимые защита и содействие, с тем чтобы она могла полностью возложить на себя обязанности в рамках общества»³.

В соответствии с п. 3 ст. 3 указанной Конвенции «государства-участники обязуются обеспечить ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия, принимая во внимание права и обязанности его родителей, опекунов или других лиц, несущих за него ответственность по закону». Пункт 1 ст. 8 определяет, что «государства-участники обязуются уважать право ребенка на сохранение своей индивидуальности, включая семейные связи, как предусматривается законом, не допуская противозаконного вмешательства».

Исследуемым законопроектом ключевая функция родителей подменяется вмешательством посторонних лиц (в частности некоммерческих организаций, в отношении которых не определены критерии законности их функционирования и существования. По сути это может быть незарегистрированная организация, в т.ч. и религиозного толка), которые фактически могут нарушить принцип неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны.

Следует учесть, что законопроектом оставлены в стороне законные интересы семьи (как института), а также членов семьи (бабушек и дедушек ребенка, братьев и сестер и иных родственников).

Предложенный проект федерального закона «Об основах системы профилактики домашнего насилия в Российской Федерации», подготовленный рабочей группой под руководством заместителя Председателя Совета Федерации Г.Н. Кареловой⁴, существенным образом расходится по своим действительным целям с декларируемыми его авторами целями.

³ Международная конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

⁴ См.: Проект федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» (в ред. на 9 октября 2019 г.). URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (дата обращения: 21.12.2019).

Вышеизложенные обстоятельства, по нашему мнению, свидетельствуют о правовой и социальной нецелесообразности принятия данного законопроекта. Тем не менее это не означает, что государство не нуждается в принятии соответствующего закона в сфере профилактики семейно-бытового насилия.

Представляется, что в его разработке должны принять участие квалифицированные криминологи, фамилисты, люди, приближенные к простому народу, и даже религиозные деятели (независимо от конфессиональной принадлежности), пропагандирующие традиционные ценности, искренне заинтересованные в сохранении института семьи и процветании государства. Для этого в первую очередь необходимо законодательно закрепить понятие «бытовое насилие», которое охватывает не только семейное насилие, но и акты агрессии в коммунальных квартирах между соседями, в т.н. «бытовках», общежитиях, т.е. в непроизводственной сфере жизнедеятельности.

Необходимо на законодательном уровне установить иное понятие брака, семьи, законодательно «напомнить» гражданам о внутренней ответственности, наполнить нормы нравственным содержанием. Кроме того, представляется важным привести позицию В.В. Путина, высказанную им на одной из пресс-конференций при ответе на вопрос о необходимости принятия закона о семейно-бытовом насилии: «Раньше у нас обращались в месткомы, парткомы и требовали от этих организаций, чтобы они навели порядок в семье, приструнили какого-то из супругов, прежде всего и чаще всего мужчину, конечно. Но дает ли или давало ли это какой-то позитивный эффект — я не знаю. Но в отношении чего я совершенно против — я против любого насилия, в том числе и в семье, и, конечно, прежде всего к детям и к женщинам»⁵.

«Это просто признак очень низкого уровня общей культуры, когда более сильная особь начинает качать свои права с помощью кулаков и грубой физической силы. Ничего здесь хорошего нет. Правда, за ряд правонарушений можно воспользоваться действующими нормами, в том числе за хулиганство, за нанесение побоев или тем более тяжких телесных повреждений, все это есть в действующем законодательстве»⁶.

Глава государства также отметил, что необходимо понять смысл каждой статьи, спрогнозировать правоприменительную практику, затем принимать окончательное решение.

По нашему мнению, законодателю необходимо взглянуть на проблему семейно-бытового насилия комплексно, принять меры по совершенствованию существующих механизмов профилактики насилия, повышению общей культуры и нравственности населения, защите духовных ценностей. В этой связи заслуживают внимания и поддержки мероприятия начальной профилактики семейного насилия: добровольное психологическое тестирование будущих семейных пар, выявление склонности к проявлению насилия; введение в систему образования предмета, посвященного семейным ценностям, в целях воспитания стереотипности добропорядочных семейных отношений, проявление отрицания агрессии и насилия [1, с. 509]. К общесоциальным мерам предупреждения семейно-бытового

⁵ Путин В.В. про закон о домашнем насилии: «Не очень понимаю, люди именно за этот закон или против насилия?» URL:<https://www.planet-kob.ru/news/20191220/9023/putin-v-v-pro-zakon-o-domashnem-nasilii-ne-ochen-ponimayu-lyudi-imenno-za-etot-zakon-ili-protiv-nasiliya> (дата обращения: 21.12.2019).

⁶ Там же.

насилия следует отнести развитие системы полового воспитания несовершеннолетних не только в семье, но и в учебных заведениях; создание и демонстрация телерадиопрограмм, воспитывающих молодое поколение в традициях нравственной чистоты; формирование в обществе нетерпимого отношения граждан к насилию во всех его проявлениях. В качестве мероприятий по предупреждению насилия в семье следует отнести запрет на культивирование в средствах массовой информации насилия, секса порнографии; совершенствование механизма правового регулирования борьбы с алкоголизмом и наркоманией; подготовка высококвалифицированных кадров по профилактике насильственных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений [2, с. 52]. Отдельный закон по профилактике семейно-бытового насилия не искоренит проблему, особенно с использованием репрессивных мер. Закон должен пробуждать внутреннюю решимость действовать на благо государства и своей семьи, а это возможно лишь с привитием подлинных духовных ценностей, к которым наше государство всегда было готово.

Библиографический список

1. *Паршин Н.М.* К вопросу о предупреждении и профилактике насилия в семье // Правовое регулирование в условиях современной государственности: вопросы теории и практики: сборник тезисов по материалам IX Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов (г. Саратов, 15 марта 2018 г.). Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2018. С. 505–507.
2. *Паршин Н.М., Шляпникова О.В.* Причины и условия совершения сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2020. Т. 10. № (2). С. 42–56.

References

1. *Parshin N.M.* On the Issue of Prevention and Prevention of Domestic Violence // Legal Regulation in the Conditions of Modern Statehood: Questions of Theory and Practice: a collection of theses on the materials of the IX International scientific and practical conference of students and postgraduates (Saratov, March 15, 2018). Saratov: Publishing House of the Saratov State Law Academy, 2018. P. 505–507.
2. *Parshin N.M., Shlyapnikova O.V.* Reasons and Conditions for Committing Sexual Crimes against Minors // Izvestiya South-Western State University. Ser.: History and Law. 2020. Vol. 10. No. (2). P. 42–56.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10146

УДК 347.734.01

Е.Н. Пастушенко, Л.Н. Земцова

НОВЕЛЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ КАК ФУНКЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ*

***Введение:** социально-экономические и политико-правовые реалии свидетельствуют об активном расширении рынка финансовых услуг, оказываемых в том числе в цифровом формате. Этим диктуется необходимость повышения финансовой грамотности и защиты прав потребителей финансовых услуг, что влечет трансформацию правосубъектности Центрального банка Российской Федерации как мегарегулятора финансового рынка. **Цель:** выявление роли Центрального банка Российской Федерации по защите прав и законных интересов потребителей финансовых услуг в современных условиях и определение тенденции развития обозначенной деятельности как формирующейся функции Банка России, требующей законодательного закрепления. **Методологическая основа:** использованы диалектический, сравнительный и системный методы, формально-юридический метод. **Результаты:** аргументирована авторская позиция о выявлении тенденции трансформации правосубъектности Центрального банка Российской Федерации как органа по защите прав и законных интересов потребителей финансовых услуг и формирования функции Банка России в заявленной сфере общественных отношений; обозначена система правовых актов Банка России как форма реализации компетенции Банка России по защите прав и законных интересов*

© Пастушенко Елена Николаевна, 2020

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: past_en@mail.ru

© Земцова Лариса Николаевна, 2020

Кандидат юридических наук, председатель суда общей юрисдикции в отставке; e-mail: past_en@mail.ru

© Pastushenko Elena Nikolaevna, 2020

Doctor of law, Professor, Professor of Financial, banking and customs law department named after Professor Nina Ivanovna Himicheva (Saratov State Law Academy)

© Zemtsova Larisa Nikolaevna, 2020

Candidate of law, retired Chairman of the Court of general jurisdiction

* Подготовка статьи осуществлена в рамках исследования при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) по научному проекту № 18-29-16102 «Трансформация правосубъектности участников налоговых, бюджетных и публичных банковских правоотношений в условиях развития цифровой экономики», исполнителем которого выступает доктор юридических наук, профессор Е.Н. Пастушенко.

потребителей финансовых услуг, в т.ч. в цифровом формате; внесены предложения о законодательном закреплении защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг как функции Банка России, издании Банком России подзаконного нормативного акта о порядке подготовки и принятия программных правовых актов Банка России. **Вывод:** новеллы правового регулирования нормотворческой и правоприменительной функций Банка России в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг задают вектор трансформации правосубъектности Центрального банка Российской Федерации по внедрению новых цифровых технологий на финансовом рынке с обеспечением защитной функции субъектов финансовых правоотношений на основе принципа законности на финансовом рынке.

Ключевые слова: Центральный банк Российской Федерации, компетенция Банка России, правовые акты Банка России, защита прав потребителей финансовых услуг, цифровая экономика.

E.N. Pastushenko, L.N. Zemtsova

**NOVELTIES OF LEGAL REGULATION OF THE DEVELOPMENT
OF CONSUMER RIGHTS' PROTECTION OF FINANCIAL
SERVICES AS A FUNCTION OF THE CENTRAL BANK
OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE DIGITAL ECONOMY**

Background: socio-economic and political-legal realities indicate an active expansion of the market for financial services, including in digital format. This dictates the need to improve financial literacy and protect the rights of consumers of financial services, which entails the transformation of the legal personality of the Central Bank of the Russian Federation as a mega-regulator of the financial market. **Objective:** to identify the role of the Central Bank of the Russian Federation in protecting the rights and legitimate interests of consumers of financial services in modern conditions and to determine the development trend of this activity as an emerging function of the Bank of Russia that requires legislative consolidation. **Methodology:** dialectical, comparative and systematic methods, formal legal method are used. **Results:** the author's position on identifying the trends in the transformation of the legal personality of the Central Bank of the Russian Federation as the body to protect the rights and legitimate interests of consumers of financial services and the formation of the Bank of Russia functions in the stated sphere of social relations is argued, the system of legal acts of the Bank of Russia as a form of realization of the competence of the Bank of Russia on protection of rights and legal interests of consumers of financial services, including in digital format is identified, suggestions to legislate the protection of the rights and legitimate interests of consumers of financial services as a function of the Bank of Russia are made, publication by the Bank of Russia of a bylaw on the procedure for preparation and adoption of program legal acts of the Bank of Russia is also suggested. **Conclusion:** the novelties of legal regulation of the standard-setting and law-enforcement functions of the Bank of Russia in the field of consumer protection of financial services set the vector of transformation of the legal personality of the Central Bank of the Russian Federation for the introduction of new digital technologies in the financial market with ensuring the protective function of subjects of financial legal relations based on the principle of legality in the financial market.

Key-words: Central Bank of the Russian Federation, competence of the Bank of Russia, legal acts of the Bank of Russia, consumer rights of financial services protection, digital economy.

Центральный банк Российской Федерации как мегарегулятор финансового рынка уделяет пристальное внимание вопросам развития и обеспечения стабильности финансового рынка, включая проблемы защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг, в т.ч. в цифровом виде, что находит отражение в годовых отчетах Центрального банка Российской Федерации, представляемых для рассмотрения в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. В Постановлении Государственной Думы от 23 июня 2020 г. № 8336-7 ГД «О Годовом отчете Центрального банка Российской Федерации за 2019 год» содержится рекомендация Банку России продолжить развитие цифровизации финансового сектора экономики, расширять риск-ориентированный подход в надзоре на всех сегментах финансового рынка, продолжить работу по предоставлению дистанционного доступа к банковским услугам жителям населенных пунктов вне зависимости от численности их населения, по устранению барьеров в получении финансовых услуг инвалидами, лицами пожилого возраста и другими группами граждан, нуждающихся в дополнительных мерах социальной защиты; в условиях угрозы возникновения новых пандемий развивать практику безналичных платежей и дистанционных каналов банковского обслуживания, уделяя особое внимание безопасности и удобству осуществления таких операций. Изложенное подчеркивает актуальность заявленной темы исследования с научно-теоретических и практических позиций.

В науке финансового права Банк России справедливо охарактеризован как орган по защите прав потребителей финансовых услуг [1, с. 430–443]. При этом уполномоченному органу важно обеспечить режим законности банковской деятельности [2, с. 17–18], включая правовую информированность субъектов финансовых правоотношений в целях повышения их финансовой грамотности [3, с. 63–77]. В указанном аспекте необходимо научное осмысление новелл законодательства в сфере финансового рынка [4, с. 149–152] и законопроектных предложений как с публично-правовых позиций [5, с. 159–162], так и с частно-правовых позиций [6, с. 169–172]. Это способствует выявлению вектора трансформации правосубъектности участников банковских правоотношений в условиях цифровизации экономики [7, с. 239–245].

Формой реализации компетенции Центрального банка Российской Федерации в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг являются правовые акты Банка России, к каковым представляется возможным отнести: программные правовые акты Банка России; нормативные акты Банка России, правоприменительные акты Банка России; интерпретационные акты (акты толкования) Банка России; договорные акты Банка России. Стратегический характер носят программные правовые акты Банка России, затрагивающие вопросы защиты прав потребителей финансовых услуг. К ним относятся: Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 гг.; Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019–2020 гг.; Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 гг.; Стратегия повышения финансовой доступности на период 2018–2020 гг. И если первые два документа — основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на трехлетний период — изданы Банком России на основании поправок в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», внесенных Федеральным зако-

ном от 23 июля 2013 г. № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков», то два последних документа изданы Банком России в инициативном порядке и заслужили положительную оценку экспертного и научного сообщества. Дальнейшее развитие законодательства закрепило полномочие Банка России один раз в три года принимать стратегию повышения доступности финансовых услуг в Российской Федерации и определило деятельность Банка России по повышению уровня финансовой грамотности населения и субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации и проведение Банком России политики по обеспечению доступности финансовых услуг для населения и субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации как функции Банка России, осуществляемые им во взаимодействии с Правительством Российской Федерации (Федеральный закон от 3 апреля 2020 г. № 106-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа»).

С указанных позиций представляется возможным предложить закрепить на законодательном уровне, как функцию Банка России — его деятельность по защите прав и законных интересов потребителей финансовых услуг, включая цифровые финансовые услуги.

В 2019 и 2020 гг. был принят ряд федеральных законов, расширивших перечень поднадзорных Центральному банку РФ финансовых организаций, которые перечислены в ст. 76.1 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Это следующие субъекты финансового рынка, оказывающие финансовые услуги в цифровом виде:

операторы инвестиционной платформы — с 1 января 2020 г. (Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»);

операторы финансовой платформы — с 20 июля 2020 г. (Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» и Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 212-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершения финансовых сделок с использованием финансовой платформы»);

операторы информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и операторы обмена цифровых финансовых активов — с 1 января 2021 г. (Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

В перечисленных федеральных законах закреплены вопросы, по которым должны быть изданы нормативные акты Банка России, что свидетельствует о развитии специальных оснований реализации Банком России нормотворческой функции. Общие основания полномочий Банка России на издание нормативных актов, закрепленные в ст. 7 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и Положении Банка России от 22 сентября

2017 г. № 602-П «О правилах подготовки нормативных актов Банка России», продолжают действовать.

Названными федеральными законами предусмотрено наделение Центрального банка РФ полномочиями по ведению реестров операторов инвестиционных платформ, операторов финансовой платформы, операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и операторов обмена цифровых финансовых активов в установленном Банком России порядке. Таким образом, наблюдается законодательное установление сочетания нормотворческих и правоприменительных функций Банка России, реализуемых посредством издания нормативных и правоприменительных актов Банка России.

Более того, в другом недавно принятом Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» предусмотрено издание Банком России актов специального регулирования по направлению «финансовый рынок», к которым отнесены: акты об установлении экспериментального правового режима и утверждении программы экспериментального правового режима. Закреплены полномочия Банка России на издание нормативного акта о порядке осуществления названных действий Банка России.

Новеллой является введение обязательного мониторинга Банком России в экспериментальном правовом режиме, оценка эффективности и результативности реализации такого режима по направлению «финансовый рынок» в порядке установленном нормативным актом Банка России, по результатам которого, Банк России принимает решение о необходимости внесения изменений в акты Банка России и (или) направляет предложение о внесении изменений в иные акты общего регулирования субъекту права законодательной инициативы и (или) в иной орган, обладающий полномочиями по инициированию предложения о принятии нормативных правовых актов, предусматривающих соответствующие изменения в акты общего регулирования, и (или) по принятию таких актов. Данные правовые нормы свидетельствуют о взаимовлиянии правоприменительных и нормативных актов Банка России, а также о закреплении правовых оснований форм взаимодействия Банка России с уполномоченными субъектами в области протворчества.

Приведенные законодательные акты 2019 и 2020 гг., регулирующие оказание финансовых услуг в цифровом виде, последовательно отражают вопросы защиты Банком России прав и законных интересов потребителей финансовых услуг с позиций финансовой безопасности личности. Ярким примером является закрепление в давно ожидаемом законе о цифровых финансовых активах — Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» — полномочий Банка России по определению признаков цифровых финансовых активов, приобретение которых может осуществляться лицом, являющимся квалифицированным инвестором, и (или) признаков цифровых финансовых активов, приобретение которых лицом, не являющимся квалифицированным инвестором, может осуществляться только в пределах установленной Банком России суммы денежных средств, передаваемых в их оплату, и (или) совокупной стоимости иных цифровых финансовых активов, передаваемых в качестве встречного предоставления (ч. 9 ст. 4).

Это относит защиту прав потребителей финансовых услуг к ведущей цели нормотворческой деятельности Банка России и свидетельствует о трансформации правосубъектности Банка России в сфере цифровых финансовых активов посредством развития возможностей Банка России и формирует еще одну функцию — защитную.

На формирование защитного механизма прав и законных интересов потребителей финансовых услуг направлены новеллы о закреплении полномочий Банка России на установление требований к индивидуальному рейтингу субъекта кредитной истории, вводимого Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» в части модернизации системы формирования кредитных историй». Снижение долговой нагрузки россиян, защита прав заемщиков (должников) по кредитным договорам (договорам займа) является острой социальной проблемой. Поэтому, закрепление защиты прав потребителей финансовых услуг, как функции Банка России востребовано обществом, общественные отношения созрели настолько, чтобы осуществить предлагаемое правовое регулирование компетенции Банка России.

Требует нормативного урегулирования издание Банком России докладов для общественных консультаций, размещаемых на официальном сайте Банка России. Необходимо подчеркнуть важный характер данных документов для формирования концепции совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики на финансовом рынке. Востребованным является Доклад для общественных консультаций «О вопросах совершенствования правил продаж инвестиционных продуктов и инструментов», размещенный на сайте Банка России 29 мая 2020 г., в котором предлагается механизм реализации правила о том, что потребитель должен получать самую важную информацию о финансовом продукте в едином формате и до заключения договора, посредством возложения обязанности на финансовые организации предоставлять клиентам ключевой информационный документ (КИД). Это действительно поможет обеспечить надлежащее информирование потребителя об особенностях и рисках приобретаемого продукта, избежать навязывания финансовых услуг и иных недобросовестных практик на финансовом рынке.

Думается, что доклад для общественных консультаций возможно рассматривать как программный правовой акт Банка России. В настоящее время официально изданный и опубликованный в установленном порядке нормативный акт Банка России о порядке подготовки программных правовых актов Банка России отсутствует, что представляется пробелом правового регулирования компетенции Банка России по изданию правовых актов, требующим восполнения.

В заключении следует сделать вывод о том, что защита прав потребителей финансовых услуг, активно осуществляемая Центральным банком Российской Федерации как мегарегулятором финансового рынка, в связи с развитием законодательства и правоприменительной практики формируется как функция Центрального банка Российской Федерации. Положение об этом нам представляется необходимым закрепить на законодательном уровне. Наблюдается совершенствование правовых актов Центрального банка Российской Федерации как формы реализации компетенции Банка России, включая программные правовые акты, нормативные акты, правоприменительные акты, интерпретационные акты (акты толкования), договорные акты. В связи с этим требуется издание нормативного акта Банка России о порядке принятия программных правовых актов

Банка России, в т.ч. по вопросам защиты прав потребителей финансовых услуг в условиях цифровой экономики. Поэтому защита прав потребителей финансовых услуг вступает вектором трансформации правосубъектности Центрального Банка Российской Федерации в условиях цифровой экономики.

Библиографический список

1. *Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г.* Публичное банковское право: учебник для магистров. М.: Проспект, 2016. 448 с.
2. *Химичева Н.И., Покачалова Е.В.* Принципы российского финансового права как базисные принципы банковской деятельности // *Банковское право*. 2013. № 6. С. 8–18.
3. *Осипов Р.А.* К вопросу о факторах, детерминирующих уровень правовой информированности личности // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2019. № 4 (129). С. 63–77.
4. *Арзуманова Л.Л.* Новеллы законодательства по финансовым сделкам // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2018. № 9 (49). С. 149–152.
5. *Быля А.Б.* Перспективы развития виртуальных валют в Российской Федерации // *Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2018. № 9 (49). С. 159–162.
6. *Беликов Е.Г., Беликова А.В.* Цифровые финансовые активы как объект гражданских прав // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2019. № 6 (131). С. 169–172.
7. *Рыбакова С.В.* Предпосылки трансформации правосубъектности участников банковских правоотношений в условиях цифровизации экономики // *Право и общество в условиях глобализации: перспективы развития: сборник научных трудов / под ред. В.В. Бехер, Н.Н. Лайченковой*. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2019. Вып. 7. С. 239–245.

References

1. *Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G.* Public Banking Law: textbook for masters. Moscow: Prospect, 2016.448 p.
2. *Himicheva N.I., Pokachalova E.V.* Principles of Russian Financial Law as Basic Principles of Banking Activity // *Banking law*. 2013. No. 6. P. 8–18.
3. *Osipov R.A.* On the Question of Factors Determining the Level of Legal Awareness of the Individual // *Bulletin of the Saratov state law Academy*. 2019. No. 4 (129). P. 63–77.
4. *Arzumanova L.L.* Novelties of Legislation on Financial Transactions // *Bulletin of the University named after O. E. Kutafin (MSAL)*. 2018. No. 9 (49). P. 149–152.
5. *Bylya A.B.* Prospects for the Development of Virtual Currencies in the Russian Federation // *Bulletin of the University named after O. E. Kutafin (MSAL)*. 2018. No. 9 (49). P. 159–162.
6. *Belikov E.G., Belikova A.V.* Digital Financial Assets as an Object of Civil Rights // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2019. No. 6 (131). P. 169–172.
7. *Rybakova S.V.* Prerequisites for the Transformation of Legal Personality of Participants in Banking Relations in the Conditions of Digitalization of the Economy // *Law and Society in Conditions of Globalization: Perspectives of Development: collection of scientific works / under the editorship of V.V. Bekher, N.N. Laichenkova*. Saratov: Saratov socio-economic Institute (branch) Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov. 2019. Issue 7. P. 239–245.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10147

УДК 347.73.045

И.Г. Гугнюк, К.М. Гугнюк

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПАРЛАМЕНТСКОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Введение: при проведении финансового контроля, выделяют особый его вид — парламентский. Совершенно очевидно, что данный вид финансового контроля имеет большое значение для всей финансовой системы, т.к. обеспечивает народу Российской Федерации возможность проводить его через своих законных представителей. Развитие данного вида контроля является приоритетной задачей для финансового права в целом, поэтому необходимо постоянно проводить анализ не только отечественного, но и зарубежного опыта построения качественной модели парламентского финансового контроля. **Цель:** рассмотрение отечественного и международного опыта в области развития парламентского финансового контроля. **Методологическая основа:** диалектический метод, метод анализа и синтеза, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. **Результаты:** представлены итоги исследования основных тенденций развития парламентского финансового контроля. **Выводы:** для достижения поставленной цели необходимо осуществлять планомерную системную политику и законодательную модернизацию вопроса в отношении осуществления финансового парламентского контроля.

Ключевые слова: финансовое право, финансовый контроль, парламентский финансовый контроль, сравнительно-правовой анализ, международно-правовой опыт, единая концепция государственного финансового контроля.

I.G. Gugnyuk, K.M. Gugnyuk

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF PARLIAMENTARY FINANCIAL CONTROL

Background: within the framework of financial control, a special type of control — parliamentary — is distinguished. It is quite obvious that this type of financial control is of great importance, since the people of the Russian Federation exercise it directly through their legal representatives. The development of this type of control is a priority task for financial law as a whole, therefore it is necessary to permanently analyze not only domestic but also foreign experience in building a high-quality model of parliamentary financial control. **Objective:** to analyze domestic and international experience in the development of parliamentary financial control. **Methodology:** dialectical method, analysis and synthesis, comparative

© Гугнюк Иван Геннадьевич, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: i.gugnyuk@yandex.ru

© Гугнюк Кристина Михайловна, 2020

Аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права имени Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия)

© Gugnyuk Ivan Gennadievich, 2020

Candidate of law, associate Professor, Financial, banking and customs law department named after Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy)

© Gugnyuk Kristina Mikhailovna, 2020

Post-graduate student, Financial, banking and customs law department named after Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy)

legal, formal logical and formal legal ones. Results: the main trends in the development of parliamentary financial control are considered. Conclusions: to achieve this goal, it is necessary to implement a systematic, systematic policy and legislative modernization of the issue of financial parliamentary control.

Key-words: financial law, financial control, parliamentary financial control, comparative legal analysis, international legal experience, unified concept of state financial control.

В процессе осуществления финансовой деятельности государства, как известно, одной из существенных функций является функция контроля.

В словаре С.И. Ожегова выделяются три значения контроль: 1) проверка, а также постоянное наблюдение в целях проверки или надзора; 2) система органов контроля; 3) лица, осуществляющие контроль, то есть контролеры [1, с. 293].

Как отмечала Нина Ивановна Химичева, значение финансового контроля выражается в том, что при его проведении проверяются, во-первых, соблюдение установленного в области финансовой деятельности правопорядка всеми органами государственной власти и местного самоуправления, предприятиями, учреждениями, организациями, гражданами и, во-вторых, экономическая обоснованность и эффективность осуществляемых действий, соответствие их задачам государства и муниципальных образований. Таким образом, финансовый контроль служит важным способом обеспечения законности и целесообразности проводимой финансовой деятельности [2]. Также ученый указывала на то, что «...объект финансового контроля не ограничивается проверкой только денежных средств. В конечном итоге он означает контроль за использованием материальных, трудовых, природных и других ресурсов страны, поскольку в современных условиях процесс производства и распределения опосредствуется денежными отношениями...» [2].

Финансовый контроль необходимо рассматривать в трех аспектах: во-первых, с экономической точки зрения — как совокупность операций и действий по проверке финансовых и связанных с ними вопросов деятельности субъектов хозяйствования и управления с применением специальных форм и методов его организации; во-вторых, с правовой точки зрения — как строго регламентированную деятельность специально созданных органов по контролю за соблюдением финансового законодательства, за законностью и целесообразностью всех действий, осуществляемых в процессе финансовой деятельности государства; в-третьих, с формально-юридической точки зрения — финансовый контроль рассматривается в качестве комплексного института финансового права [3].

Контрольная функция государства позволяет в полной мере раскрыть процессы по образованию, распределению и использованию денежных фондов, т.е. создать платформу для открытой финансовой деятельности государства. Данная мера особенно необходима, когда имеется риск нецелевого расходования крупных бюджетных средств, направленных на обеспечение одной из главных функций государства, которая отражена в Конституции Российской Федерации¹, — социальной. В данном случае речь идет о реализации национальных проектов, ведь

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11, ст. 1416.

претворение их в жизнь будет вестись до 2024 г. по 13 ключевым направлениям, общая сумма бюджетного финансирования проектов составляет 25,7 трлн руб.²

Особенно остро вопрос об обеспечении полноценной реализации национальных проектов, утвержденных Президентом РФ, стоит в настоящий период развития российской государственности, т.к. в период пандемии новой коронавирусной инфекции справедлив вывод о том, что указанные национальные проекты не будут реализованы в полном объеме в соответствии с ранее утвержденным графиком.

Подобную позицию 20 мая 2020 г. высказал Секретарь Совета Безопасности Российской Федерации Николай Платонович Патрушев в формате видеоконференции по вопросам национальной безопасности в Приволжье. По его словам, «... реализация нацпроектов сегодня проходит в более сложной обстановке, вызванной ограничениями из-за пандемии коронавируса, это не должно быть поводом для их невыполнения. ...Надо принять превентивные меры, усилить контроль за использованием бюджетных средств и не допустить хищений при реализации национальных проектов...»³.

Безусловно, контрольная функция по исполнению национальных проектов должна осуществляться на всех уровнях власти. Важность четкого, выверенного структурирования государственных и социальных институтов, осуществляющих функции финансового контроля отмечали ряд ученых и государственных деятелей. Так, В.С. Степашин отмечает, что «...единство управления финансами закономерно требует создания стройной системы финансового контроля, которая исходила бы из общих механизмов контроля и четкой иерархической структуры контрольных органов и обеспечивала бы законность единообразия контроля за денежными средствами на всех этапах бюджетного процесса...»⁴.

По мнению В.Е. Чиркина, «...мировая тенденция ставит вопрос о выделении контрольной власти...» [4]. Таким образом, можно выделить финансово-контрольное право в качестве подотрасли финансового права. К правовым институтам данной подотрасли стоит относить: «...парламентский финансовый контроль; финансовый контроль органов исполнительной власти; негосударственный финансовый контроль в форме аудита; формы и методы финансового контроля...» [4].

Однако стоит подробнее рассмотреть вопрос финансового контроля представительных (законодательных) органов власти, так называемый парламентский контроль, т.к. именно через данный представительный орган государственной власти осуществляется не только парламентский, но и общественный контроль гражданами России, реализующих данное право через своих законных представителей, в соответствии с Конституцией РФ (принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.).

Особое внимание данному вопросу уделял В.В. Путин на XXIII Конгрессе ИНТОСАИ: «...в формировании полной картины, в проведении своего рода постоянного тестирования реформ, всего государственного, бюджетного хозяй-

²Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ9800wAt2dzCIAietQih.pdf> (дата обращения: 03.07.2020).

³Официальный сайт «Будущее России. Национальные проекты». URL: <https://futurerussia.gov.ru/nacionalnye-proekty/patrusev-rasskazal-o-korrupcii-i-naruseniah-v-ispolnenii-nacproektov> (дата обращения: 03.07.2020).

⁴Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. URL: <https://ach.gov.ru/> (дата обращения: 03.07.2020).

ства огромная роль принадлежит общественному, парламентскому контролю. И, конечно же, вам, представителям высших органов финансового контроля, тоже принадлежит эта функция, за вами огромная роль в достижении общих целей — за теми, кто по своему статусу призван содействовать справедливому и ответственному государственному управлению, главный, основной смысл которого в обеспечении устойчивого развития общества и достижении достойного уровня жизни людей...»⁵.

Таким образом, Президент Российской Федерации отметил необходимость смежного развития парламентского, общественного и специального видов финансового контроля, особо устойчивого в вопросах развития общества и достижения достойного уровня жизни людей.

По содержанию Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» (в ред. от 3 августа 2018 г.)⁶ парламентский финансовый контроль стоит рассматривать в четырех основных формах:

1) рассмотрение проекта бюджета и соответственно отчетности о его исполнении. В рамках данной формы можно выделить предварительный, текущий и последующий виды контроля;

2) деятельность непосредственно создаваемых комитетов, которые функционируют на постоянной основе и рассматривают конкретные вопросы финансовой деятельности (например, Комитет по бюджету и налогам Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации). При реализации данной формы финансового парламентского контроля целесообразно учитывать международный опыт государственного строительства в данной области и практическая реализация функций парламента в области финансов. Так, во Франции парламентский финансовый контроль осуществляется через постоянные и временные комиссии палаты парламента⁷. В Федеративной Республики Германии функции финансового контроля по большей части переданы Бюджетной комиссии бундестага. Решение вопроса об открытии кредитов для правительства, предоставление которых влечет за собой увеличение расходных статей бюджета⁸;

3) одной из форм парламентского финансового контроля, следует считать парламентский запрос. Благодаря данной форме финансового контроля парламента имеет возможность оперативно реагировать на факты нарушения государственной финансовой дисциплины путем создания ревизионных комиссий;

4) важнейшей формой парламентского финансового контроля является создание специального органа, осуществляющего на постоянной основе данные функции. На основании ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» (в ред. от 29 мая 2019 г.)⁹ главным органом финансового контроля, подотчетным Федеральному Собранию Российской Федерации является Счетная палата Российской Федерации. Данный орган следует считать прямым воплощением бюджетно-правовой формы парламентского контроля. В свою очередь ученые в области конституционного

⁵Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61641> (дата обращения: 03.07.2020).

⁶См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 19, ст. 2304; 2018. № 32, ч. II, ст. 5135.

⁷Официальный сайт Сената Франции. URL: <https://www.senat.fr/> (дата обращения: 03.07.2020).

⁸Официальный сайт Бундестага Германии. URL: <https://www.bundestag.de/> (дата обращения: 03.07.2020).

⁹См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14, ст. 1649; 2019. № 22, ст. 2662.

права наряду с указанной формой парламентского контроля выделяют информативные (консультативные) и санкционирующие (резольютивный, решающий) формы контроля, что, безусловно, носит преимущественно информационный и рекомендательный характер [5; 6].

Данную форму контроля также стоит рассмотреть и в порядке сравнительно-правового международного анализа.

В конституции Исландии устанавливается необходимость избрания на началах пропорционального представительства трех платных ревизоров, которые ежегодно проверяют национальные доходы и расходы с целью установления их правомочности и законности. Ревизоры могут, каждый отдельно или совместно, запросить любые доклады и документы, которые сочтут необходимыми¹⁰.

При развитии парламентского финансового контроля необходимо учитывать международный опыт, а также сложившуюся практику применения законодательства в области государственного строительства и финансового контроля.

Опыт зарубежных партнеров в области осуществления финансового контроля, а также экономические проблемы, связанные с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19, указывают на необходимость создания на базе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации комитета по реализации национальных проектов. Данный комитет будет флагманом осуществления парламентского финансового контроля в данной области. Помимо этого, в рамках работы комитета будет сформирована дорожная нормотворческая карта по реализации национальных проектов.

Учитывая сложность структуры и, как следствие, низкую динамичность системы органов государственного финансового контроля необходимо сформулировать и принять Единую концепцию государственного финансового контроля, а наряду с ней Программу развития государственного финансового контроля. Данная Концепция позволит решить следующие задачи: сформировать общую нормативно-правовую базу в области правового регулирования вопросов, связанных с осуществлением финансового контроля; увязать общегосударственные процессы с региональными и местными. За основу данной Концепции необходимо взять мнения практического и научного сообщества, а также нормы, указанные в национальном и международном законодательстве (например, гл. 26 Бюджетного кодекса Российской Федерации¹¹, Модельный закон о государственном финансовом контроле¹²).

Как указывалось ранее, парламентский финансовый контроль играет огромную роль в системе государственного финансового контроля. Федеральное Собрание Российской Федерации имеет большое количество механизмов для непосредственного осуществления данного вида контроля, однако стоит предположить, что депутаты и сенаторы используют данные механизмы достаточно редко, полагаясь на работу Счетной палаты Российской Федерации.

¹⁰ Официальный сайт конституций стран мира. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=150> (дата обращения: 03.07.2020).

¹¹ См.: Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собр. законодательства рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3823; Российская газета. 2020. № 171.

¹² См.: Модельный закон о государственном финансовом контроле (принят в г. Санкт-Петербурге 4 декабря 2004 г. Постановлением 24-11 на 24-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2005. № 35, ч. 2, с. 183–195.

Парламентский финансовый контроль является одним из главных элементов баланса полномочий между органами законодательной и исполнительной власти. И в данном контексте необходимо (при формировании Концепции государственного финансового контроля) особое место уделить законодательным органам, т.к. в рамках контроля они не должны быть беспомощными.

Справедлив вывод о том, что полноправный парламент не будет препятствием для исполнительной власти, а, напротив, может выступать в качестве сдерживающего фактора в вопросах прозрачного и целевого движения денежных средств, направленных на развитие государства.

Библиографический список

1. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 23-е изд. М., 1990. 916 с.
2. *Химичева Н.И.* Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2019. 800 с.
3. *Гусейнов А.О.* Правовое обеспечение бюджетного контроля в субъектах Российской Федерации: на примере Северо-Кавказского федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 205 с.
4. *Чиркин В.Е.* Контрольная власть. М.: Юрист, 2008. 214 с.
5. *Чопяк А.П.* Парламентский контроль за исполнительной властью в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 24 с.
6. *Коврякова Е.В.* Парламентский контроль: зарубежный опыт и российская практика. М.: Городец, 2005. 192 с.

References

1. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian Language. 23rd ed. Moscow, 1990. 916 p.
2. *Khimicheva N.I.* Financial Law: textbook / ed. by N.I. Khimicheva, E.V. Pokachalova. 6th ed., reviewed and suppl. M.: Norma, 2019. 800 p.
3. *Guseinov A.O.* Legal Support of Budget Control in the Subjects of the Russian Federation: on the example of the North Caucasus Federal district): dis. ... cand. of law. M., 2011. 205 p.
4. *Chirkin V.E.* Control Power. M.: Lawyer, 2008. 214 p.
5. *Chopyak A.P.* Parliamentary Control over the Executive Power in the Russian Federation: extended abstract ... diss. cand. of law. M., 2013. 24 p.
6. *Kovryakova E.V.* Parliamentary Control: Foreign Experience and Russian Practice. Moscow: Gorodets, 2005. 192 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10148
УДК 347.4

Е.М. Вавилова

ПЛАТЕЖИ ПО QR-КОДУ В РОССИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Введение: в настоящей статье анализируется такой удобный, быстрый и отвечающий потребностям современного потребителя платежных услуг способ оплаты, как оплата по QR-коду, а также его правовое сопровождение. Исследование предпринятое автором именно этого способа безналичных расчетов вызвано его недавним (с января 2019 г.) внедрением в эксплуатацию и необходимостью выстраивания качественной правовой базы в связи с этим событием. **Цель:** исследовать правовой ландшафт в обозначенной области, выявление и устранение недочетов в правовом регулировании. **Методологическая основа:** совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают структурный анализ, описание, теоретико-правовое прогнозирование, сравнительно-правовой метод, а также методы анализа и синтеза. **Результат:** в ходе проведенного исследования были проанализированы преимущества системы быстрых платежей и расчетов QR-кодами, изучены российское законодательство и труды российских и зарубежных ученых на предмет анализа существующих определений деятельности по оплате QR-кода. Отдельное внимание в работе уделено исследованию видов QR-кодов. **Вывод:** авторское определение термина «деятельность по оплате QR-кода», которое отсутствует в российском законодательстве и доктрине, а также в определении ключевых признаков данного термина. Кроме того, автором предложены определения статического и динамического QR-кодов.

Ключевые слова: QR-код, безналичные расчеты, Система быстрых платежей, Банк России.

E.M. Vavilova

PAYMENTS BY QR CODE IN RUSSIA: LEGAL ASPECT

Background: this article analyzes a convenient, fast and appropriate payment method for the modern consumer of payment services, such as payment by QR-code, as well as its legal support. The author's research of this method of non-cash payments is caused by its recent (since January 2019) introduction into operation and the need to build a high-quality legal framework in connection with this event. **Objective:** to study the legal landscape in the designated area, to identify and eliminate shortcomings in legal regulation. **Methodology:** a set of methods of scientific knowledge, among which the main place is occupied by structural analysis, description, theoretical and legal forecasting, comparative legal method, as well as methods of analysis and synthesis. **Result:** in the course of the research, the advantages of the system of fast payments and settlements with QR codes were analyzed, the Russian legislation and the works of Russian and foreign scientists were studied to analyze the

© Вавилова Екатерина Михайловна, 2020
Аспирант 3-го курса юридического факультета (Департамент правового регулирования экономической деятельности, Финансового университета при Правительстве Российской Федерации); e-mail: Katyashh@bk.ru

© Vavilova Ekaterina Mikhailovna, 2020
3-year postgraduate student, Faculty of law (Department of Legal Regulation of Economic Activities, Financial University under the Government of the Russian Federation)

existing definitions of QR code payment activities. Special attention is paid to the study of types of QR codes. Conclusion: the author's definition of the term "QR code payment activity", which is absent in Russian legislation and doctrine, as well as the definition of the key features of this term. In addition, the author proposed the definition of static and dynamic QR codes.

Key-words: QR code, cashless payments, Quick payment system, Bank of Russia.

Активное развитие технологий, применение искусственного интеллекта, разработка и роботизированных механизмов внедрение в различные области человеческой жизнедеятельности ознаменовали, в т.ч., серьезные структурные изменения в экономике, расширили круг возможностей потребителей банковских и финансовых услуг и в целом вывели общество на новый уровень технологического развития. В этой связи платежи по QR-коду, выступая своего рода платежными ноу-хау для российской системы безналичных расчетов, имеют амбициозную цель повысить качество и уровень безналичных переводов, отвечая тем самым нуждам современного потребителя банковских и финансовых услуг.

Поскольку платежи по QR-коду пока только начинают проникать в платежную систему страны, важно проанализировать отдельные вопросы правового регулирования данного способа оплаты с целью обеспечения качественного и безопасного их функционирования. Прежде чем перейти непосредственно к этим вопросам, считаем необходимым отметить объективные преимущества расчетов по QR-коду и необходимость их развития в российской системе расчетов.

1. Преимущества системы быстрых платежей, структурным элементом которой является оплата по QR-коду.

Стратегическая задача по выстраиванию новой платежной инфраструктуры страны была поставлена еще в 2018 году в документе стратегического планирования Банка России «Стратегия повышения финансовой доступности в Российской Федерации на период 2018–2020 годов»¹. Данный документ среди основных целей развития выделяет внедрение платформы быстрых платежей, создавая таким образом платежную инфраструктуру финансового рынка для организации переводов в онлайн-режиме (365/24/7), с функционированием прозрачных тарифных планов и правил, а также посредством использования QR-кода.

Стоит отметить, что перспектива расчетов с использованием QR-кодов исследуется в аналитических документах Банка России еще с 2014 г.², а также в ряде ГОСТов [1; 2; 3] 2014–2018 гг. Вместе с тем на протяжении 5 лет серьезных попыток по внедрению данного способа оплаты в российскую платежную систему не было. Ситуация изменилась лишь к началу 2020 г., когда была запущена в промышленную эксплуатацию система быстрых платежей, совместно разработанная Банком России и Национальной системой платежных карт (НСПК)³.

Оценить положительные стороны данного новшества в платежной системе России, с точки зрения его удобства для потребителей, незатруднительно.

¹ Стратегия повышения финансовой доступности в Российской Федерации на период 2018–2020 годов» (одобрено Советом директоров Банка России 26 марта 2018 г.). URL: https://cbr.ru/content/document/file/44104/str_30032018.pdf (дата обращения: 19.04.2020).

² Платежные и расчетные системы. Международный опыт. Выпуск 43. Инновации в розничных платежах. URL: <http://www.cbr.ru/queries/unidbquery/file/48362/50> (дата обращения: 19.04.2020).

³ Официальный сайт Банка России – Система быстрых платежей. URL: <https://cbr.ru/PSystem/sfp/> (дата обращения: 19.04.2020).

Исходя из самой сути системы быстрых платежей (СБП), субъектам финансово-экономической деятельности, потребителям различных товаров и услуг и населению в целом теперь доступен сервис, позволяющий физическим лицам мгновенно (в режиме 24/7) осуществлять перевод денежных средств по номеру мобильного телефона себе или другим лицам независимо от того, в какой кредитной организации открыты счета отправителя или получателя средств (главное, чтобы эти кредитные организации были подключены к СБП).

Не менее важным с точки зрения выгоды является и снижение процентных ставок на осуществление операций в рамках СБП.

Так, Банк России принял решение обнулить с 1 апреля и до 30 июня 2022 г. включительно все свои тарифы, которые установлены для кредитных организаций за переводы между физлицами в СБП. Теперь с кредитных организаций будет взиматься плата только за денежные переводы компаний и индивидуальных предпринимателей в пользу физлиц [4].

В данной связи также важно отметить, что с 1 мая 2020 г. (и на неопределенный срок) для обеспечения возможности граждан (в условиях пандемии коронавируса) беспрепятственно, в режиме онлайн, совершать переводы между физическими лицами Банком России установлено предельное значение комиссий, которые взимаются кредитными организациями со своих клиентов при переводах между физическими лицами, в частности:

переводы в СБП до 100 тыс. руб. в месяц — осуществляются кредитными организациями без взимания платы;

переводы в СБП на сумму, превышающую 100 тыс. руб. в месяц — плата взимается, но не более 0,5% от суммы перевода, при этом не превышая 1500 руб. [5]

Таким образом, преимущества СБП заключаются в скорости, удобстве и низких затратах на проведение транзакций между субъектами системы безналичных расчетов.

Определив положительные стороны данной системы, перейдем к непосредственному изучению одного из ее структурных элементов — оплаты по QR-коду и его правовой регламентации.

2. Определение деятельности по оплате QR-кода.

Несмотря на все предпринимаемые государством меры, направленные на внедрение, эксплуатацию и урегулирование новых платежных решений, в т.ч. технологии оплаты QR-кодов, дать положительную оценку качеству правовой регламентации в данной области пока невозможно.

Выявить недостатки правовой базы в данном случае можно уже на стадии терминологического аппарата. Речь идет об определении QR-кода (QR Code), закрепленном только в «ГОСТ Р 56042-2014. Национальный стандарт Российской Федерации. Стандарты финансовых операций. Двумерные символы штрихового кода для осуществления платежей физических лиц» [1]. Согласно данному определению, QR-код является матричной символикой с определенным набором параметров технического характера, обозначенных в названном ГОСТе. Из этого следует логичный вывод о том, что данный термин носит исключительно технический характер, не отражает важные элементы QR-кода применительно к его платежной и расчетной способности, а значит не может быть эффективно применен в рамках правового регулирования безналичных расчетов.

Что касается юридической и экономической доктрины, то на сегодняшний день не выработан единый подход к понимаю деятельности по оплате QR-кода.

Более того, в представленных научных трудах по рассматриваемой теме нет определений, предлагаемых авторами для включения в российское законодательство или для применения на доктринальном уровне.

Так, в работах О.В. Масленникова, А.В. Коротковой, О.А. Потешкиной, К.В. Тархановой, Е.А. Шелиховой QR-коды — рассматриваются в качестве открытой технологии, доступной каждому человеку [6, с. 18]. Такое определение носит более публицистичный характер и не может быть эффективно использовано при правовом регулировании рассматриваемого способа оплаты.

Некоторые работы представленные в юридической доктрине, вовсе не содержат определений QR-кодов, а лишь упоминают о них как о перспективных технологиях в рамках СБП [7, с. 32–34; 8, с. 3; 9, с. 3].

Таким образом, можно справедливо судить о том, что в российском законодательстве и доктрине отсутствует термин, отражающий стороны расчетов при оплате по QR-коду, их взаимные обязательства, порядок расчетов и иные ключевые признаки данного вида расчетов.

В связи с этим представляется необходимым ввести в гражданско-правовой оборот термин «Деятельность по оплате QR-кода», который будет подразумевать коммерческую деятельность, при которой кредитные организации («банки»), небанковские кредитные организации используют технологию QR-кодов для осуществления перевода денежных средств между плательщиком и получателем.

Данное определение содержит ключевые признаки, позволяющие идентифицировать рассматриваемый способ оплаты. К таким признакам относятся:

1. Использование технологии QR-кодов (в данном случае как раз отсылка идет к определению, содержащемуся в ГОСТ Р 56042-2014, рассматриваемому выше);
2. Осуществление перевода денежных средств банками и небанковскими кредитными организациями;
3. Перевод осуществляется между плательщиком и получателем денежных средств;
4. Виды QR-кодов.

Как отмечалось выше, российское законодательство в части определения деятельности по оплате QR-кодов неполноценно. Соответственно виды QR-кодов также не отражены в нормативно-правовых актах России. В доктрине, пока еще в целом не сформированной, также не выработано единого понимания в определении видов QR-кодов.

В работе А.В. Миненко и И.И. Марковой выделяются 2 типа QR-кодов: статический и динамический. При этом первый из них предполагает закодированный на бумаге счет торговой точки, а второй формирование с учетом суммы покупки на экране кассового аппарата [9, с. 3].

В приведенной трактовке статического QR-кода представляется некорректным ограничение фиксации закодированного QR-кода только на бумажном носителе. В реальности он может быть зафиксирован на любом носителе, главное требование к нему — возможность многократного использования, т.е. по одному QR-коду можно совершить неограниченное количество транзакций (по аналогии с номером банковского счета или с банковской картой).

Обращаясь к трудам зарубежных авторов, работавших над данной тематикой, интерес представляет работа китайских ученых Hu Baidong, Zhou Yukun [10, с. 2]. Согласно их позиции, статический QR-код или, как они его называют, традиционный, является наиболее уязвимым средством расчетов, поскольку

увеличивает риск утечки данных и рассекречивания закодированной информации, а также снижает коэффициент безопасности оборудования. В то время динамический QR-код за счет генерации нового кода с каждой новой транзакцией является более надежным и засекреченным средством платежа.

В целом такая позиция не вызывает нареканий. Наиболее рискованный характер статического QR-кода очевиден хотя бы по тому основанию, что он на постоянной основе может быть «вывешен», например в магазине и мошенники при необходимости могут раскодировать заложенную в такой код информацию с целью дальнейшего вывода денежных средств.

Обратимся также к информации с официального сайта малазийского банка Maybank⁴, в которой разграничиваются названные два вида QR-кодов следующим образом.

Статический QR-код — обязывает покупателя вводить сумму покупки для осуществления платежа. Указанный QR-код содержит только учетные данные клиента, встроенные в него.

Динамический QR-код — позволяет покупателю приступать к оплате без ввода суммы покупки. Указанный код содержит всю необходимую информацию о счете клиента и о сумме, предъявленной ему к оплате.

Исходя из представленной выше информации приходим к следующим выводам:

1. QR-коды подразделяются на два вида: статические и динамические;
2. Статические QR-коды генерируются один раз для неограниченного количества транзакций;
3. Динамические QR-коды генерируются каждый раз при совершении каждой новой транзакции;
4. По уровню риска справедливо отнести динамические QR-коды к более надежным и низкорисковым — в отличие от статических QR-кодов, которые могут быть взломаны мошенниками.

Систематизируя представленную информацию, автор предлагает следующие определения динамического и статического QR-кодов.

Статический штрих-код — штрих-код, который можно многократно использовать неограниченное количество раз;

Динамический штрих-код — штрих-код, который генерируется каждый раз при совершении каждой новой транзакции.

Проведенное исследование показало, что расчеты QR-кодами имеют большой потенциал применительно к совершенствованию системы безналичных расчетов. Вместе с тем их качественное и безопасное функционирование напрямую зависит от правовой регламентации, она на данный момент не отвечает требованию времени.

В связи с этим, автором в данной работе были предприняты попытки упорядочивания базовых элементов системы правового регулирования деятельности по оплате QR-кодов с целью формирования единого понимания данного способа оплаты, его ключевых признаков и видов. В результате этого автором выявлены ключевые признаки деятельности по оплате QR-кода, на основании которых предложены авторские определения терминов «Деятельность по оплате

⁴ Maybank QR-paybiz – for seller.Frequently asked questions (FAQ). URL: www.maybank2u.com.my (дата обращения: 19.04.2020).

QR-кода», «Статический QR-код» и «Динамический QR-код». Указанные выводы и предложения могут быть использованы в процессе совершенствования законодательства Российской Федерации в области безналичных расчетов.

Библиографический список

1. ГОСТ Р 56042-2014. Национальный стандарт Российской Федерации. Стандарты финансовых операций. Двумерные символы штрихового кода для осуществления платежей физических лиц» (утвержден и введен в действие Приказом Росстандарта от 11 июня 2014 г. № 552-ст). М.: Стандартинформ, 2014. 19 с.

2. ГОСТ Р ИСО/МЭК 18004-2015 Информационные технологии (ИТ). Технологии автоматической идентификации и сбора данных. Спецификация символики штрихового кода QR Code» (утвержден и введен в действие Приказом Росстандарта от 3 июня 2015 г. № 544-ст). М.: Стандартинформ, 2015. 141 с.

3. ГОСТ Р ИСО/МЭК 16480-2017 «Информационные технологии. Технологии автоматической идентификации и сбора данных. Считывание и отображение оптических носителей данных мобильными устройствами» (утвержден и введен в действие Приказом Росстандарта от 19 сентября 2017 г. № 1156-ст). М.: Стандартинформ, 2018. 185 с.

4. Информационное сообщение Банка России «Тарифы на услуги Банка России в сервисе быстрых платежей платежной системы Банка России (СБП), действующие с 1 апреля 2020 года» // Вестник Банка России. 2020. № 19.

5. Информационное сообщение Банка России от 20 марта 2020 г. «Банк России утвердил меры по поддержке граждан, экономики и финансового сектора в условиях пандемии коронавируса» // Вестник Банка России. 2020. № 25.

6. Масленников О.В., Короткова А.В., Потешкина О.А., Тарханова К.В., Шелихова Е.А. Перспективы использования qr-платежей в точках общественного питания университета // Финансы, денежное обращение, кредит. Цифровые финансовые технологии. 2019.

7. Герасина Е.П. Платежная система Банка России. Перспективы развития // Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Брянск), 2018.

8. Счастливецва А.А., Тихонова М.А. Технологии мгновенных платежей в банковской сфере // Наука и образование: новое время. 2019. № 4. 5 с.

9. Миненко А.В., Маркова И.И. Оплата по qr-коду: технология и решение Центробанка // Вектор экономики. 2019. № 10.

10. Baidong H., Yukun Z. Research on Quickpass Payment Terminal Application System Based on dynamic QR Code // Journal of Physics Conference Series. February 2019. 8 p.

References

1. GOST R 56042-2014. National Standard of the Russian Federation. Financial Transaction Standards. Two-dimensional Bar Code Symbols for Making Payments to Individuals” (approved and put into effect by Rosstandart Order No. 552-St of June 11, 2014). Moscow: STANDARTINFORM, 2014. 19 p.

2. GOST R ISO / IEC 18004-2015 Information Technologies (it). Technologies for Automatic Identification and data Collection. Specification of Bar Code Symbols QR Code” (approved and put into effect by Rosstandart Order No. 544-St dated June 3, 2015). Moscow: STANDARTINFORM, 2015. 141 p.

3. GOST R ISO / IEC 16480-2017 “ Information Technologies. Automatic Identification and Data Collection Technologies. Reading and Displaying Optical Data Carriers by Mobile Devices” (approved and put into effect by Rosstandart Order No. 1156-St of September 19, 2017). Moscow: STANDARTINFORM, 2018. 185 p.

4. Information message of the Bank of Russia “Tariffs for Services of the Bank of Russia in the Fast Payment Service of the Bank of Russia Payment System (SBP), effective from April 1, 2020” // Bulletin of the Bank of Russia. 2020. № 19.

5. Information message of the Bank of Russia dated March 20, 2020 “The Bank of Russia Approved Measures to Support Citizens, the Economy and the Financial Sector in the Context of the Coronavirus Pandemic” // Bulletin of the Bank of Russia. 2020. № 25.

6. *Maslennikov O.V., Korotkova A.V., Poteshkina O.A., Tarkhanova K.V., Shelikhova E.A.* Prospects of Using QR Payments in the Points of Public Catering of the University // Finance, Money Circulation, Credit. Digital financial technologies. 2019.

7. *Gerasina E.P.* Payment System of the Bank of Russia. Prospects for Development // Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky (Bryansk), 2018.

8. *Shlyavtseva A.A., Tikhonova M.A.* Instant Payment Technologies in the Banking Sector. // Science and Education: New Times. 2019. No. 4. 5 p.

9. *Minenko A.V., Markova I.I.* Payment by QR Code: Technology and Solution of the Central Bank // Vector of the economy. 2019. № 10.

10. *Baidong H., Yukun Z.* Research on Quickpass Payment Terminal Application System Based on Dynamic QR Code // Journal of Physics Conference Series. February 2019. 8 p.

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10149
УДК 347.734

Е.М. Ларшина

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТОРОВ ПО ПЕРЕВОДУ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПЛАТЕЖНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Введение: в настоящее время формируется механизм правового регулирования национальной платежной системы, одним из важных субъектов которой являются операторы по переводу денежных средств. Указанными операторами выступают Банк России, государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ», кредитные организации, имеющие право на осуществление переводов денежных средств. В их деятельности можно отметить некоторые проблемы, влияющие на состояние банковской сферы и конкуренцию на финансовом рынке. **Цель:** проанализировать проблемы, возникающие в деятельности операторов по переводу денежных средств в национальной платежной системе России и предложить варианты их решения. **Методологическая основа:** используются методы анализа, синтеза, а также системный, сравнительно-правовой, формально-юридический методы. **Результаты:** на основании анализа действующего законодательства и судебной практики сформированы варианты решения проблем, возникающих в деятельности кредитных организаций как операторов по переводу денежных средств. **Выводы:** в сфере деятельности кредитных организаций наблюдается отсутствие конкуренции в части переводов денежных средств, связанных с бюджетными ассигнованиями. Думается, что для решения данной проблемы необходимо расширение доступа кредитных организаций к привлечению бюджетных средств на банковские депозиты. Целесообразным представляется устранение условия о нахождении кредитной организации под прямым или косвенным контролем Центрального банка РФ для привлечения таких денежных средств посредством внесения изменений в подп. «в» п. 2 Правил размещения средств федерального бюджета на банковских депозитах.

Ключевые слова: оператор по переводу денежных средств, Банк России, кредитная организация, конкуренция, национальная платежная система.

Е.М. Larshina

SOME PROBLEMS IN THE ACTIVITIES OF MONEY TRANSFER OPERATORS IN THE NATIONAL PAYMENT SYSTEM OF RUSSIA

Background: at present, a mechanism for legal regulation of the national payment system is being formed, one of the important subjects of which are money transfer operators.

© Ларшина Екатерина Михайловна, 2020

Аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия), ведущий юрист-консульт Отдела защиты интересов банка в сфере корпоративного бизнеса и взаимодействия с госорганами Юридического управления Среднерусского банка ПАО Сбербанк; e-mail: EMVetrintseva@sberbank.ru

© Larshina Ekaterina Mikhailovna, 2020

Postgraduate student, Financial, banking and customs law department named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy), leading legal adviser of the department of the Bank's corporate business protection and interaction with government agencies of the Central Russian Bank's Legal Department of Sberbank PJSC

*These operators are the Bank of Russia, the state development corporation “VEB.RF”, and credit institutions that are entitled to transfer funds. In their activities, some problems can be noted that affect the state of the banking sector and competition in the financial market. **Objective:** to analyze the problems arising in the activities of money transfer operators in the national payment system of Russia and offer options for their effective solutions. **Methodology:** synthesis, system method, comparative legal method, formal legal method are used in the research analysis. **Results:** based on the analysis of the current legislation and judicial practice, solutions to the problems arising in the activities of credit institutions as operators of money transfer have been formed. **Conclusions:** there is a lack of competition in the sphere of activity of credit institutions. To solve this problem, it is necessary to expand access of credit institutions to attract budget funds for bank deposits. It is expedient to cancel a condition that the credit institution shall be under direct or indirect control of the Central Bank of the Russian Federation for attraction of such means by modification of the subparagraph “b” of paragraph 2 of the Rules for placing Federal budget funds on Bank deposits.*

Key-words: money transfer operator, Bank of Russia, credit institution, competition, national payment system.

В настоящее время в России активно формируется механизм правового регулирования функционирования национальной платежной системы (далее — НПС). Его основой выступает Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (в ред. от 2 августа 2019 г.) (далее — Федеральный закон № 161-ФЗ)¹.

Существуют различные классификации субъектов национальной платежной системы. Так, по мнению Ю.В. Суродеева, необходимо разграничивать субъекты национальной платежной системы на субъектов и участников платежных систем, непосредственно обслуживающих платежный оборот, и организации платежной инфраструктуры [1, с. 12]. М.К. Белобабченко отмечает, что участники национальной платежной системы образуют три уровня взаимоотношений: отношения внутри отдельно образованной платежной системы; отношения между отдельными платежными системами; отношения между платежными системами и Банком России [2, с. 60].

Законодатель определяет и перечисляет в самом понятии «национальная платежная система» всех ее субъектов (ст. 3 Федерального закона № 161-ФЗ), к числу которых относятся, помимо прочих, операторы по переводу денежных средств. Данная категория субъектов является одной из наиболее значимых в НПС в силу реализации полномочий по осуществлению переводов денежных средств.

К организациям, имеющим правомочия на осуществление деятельности в качестве оператора по переводу денежных средств, помимо кредитных организаций с правом на осуществление перевода денежных средств и государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ» относится Банк России. Он осуществляет данную деятельность на основании гл. 8 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (в ред. от 2 августа 2019 г.) (далее — Федеральный закон № 86-ФЗ)².

Банк России осуществляет переводы денежных средств по счетам участников платежной системы, а также клиентов Банка России, которые не являются

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 27, ст. 3872; 2019. № 31, ст. 4423.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 28, ст. 2790; 2019. № 31, ст. 4423.

участниками платежной системы посредством предоставления им операционных услуг, услуг платежного клиринга и расчетных услуг.

Осуществление перевода денежных средств участников платежной системы происходит путем использования Банком России сервиса срочного перевода, сервиса быстрых платежей, сервиса несрочного перевода.

Переводы осуществляются в валюте Российской Федерации. Для целей перевода денежных средств участники платежной системы Банка России подразделяются на прямых и косвенных. Переводы осуществляются только при наличии у клиента счета в Банке России. Исключением являются косвенные участники. Для них переводы осуществляются за счет денежных средств, которые находятся на корреспондентском счете прямого участника, открытом в Банке России (косвенный участник в данном случае является клиентом такого прямого участника).

По результатам годового отчета Банка России за 2018 г. через системно значимую платежную систему Банка России совершено 1,6 млрд переводов денежных средств на общую сумму 1715, 1 трлн руб. [3, с. 67]

Примечательно, что механизм привлечения к ответственности Банка России за неправомерное осуществление или неосуществление перевода денежных средств отсутствует. В соответствии со ст. 50 Федерального закона № 86-ФЗ Банк России несет ответственность в порядке, который установлен федеральными законами. Данный оператор по переводу денежных средств может быть привлечен к административной ответственности при нарушении прав и законных интересов субъектов или же, например, неисполнении содержащегося в исполнительном документе требования о взыскании денежных средств. Однако достаточно сложно найти судебную практику, свидетельствующую о привлечении Банка России в качестве оператора по переводу денежных средств к административной ответственности. Существует прямо противоположное дело: по заявлению судебного пристава-исполнителя о привлечении Банка России к административной ответственности за отказ в исполнении требований исполнительного документа по взысканию с ОАО «Смоленский банк» денежных средств Арбитражный суд г. Москвы впоследствии Девятый арбитражный апелляционный суд вынесли решение³ и постановление⁴ в пользу Банка России. Судебный пристав-исполнитель считал, что при отказе в исполнении требований исполнительного документа Банк России возможно привлечь к ответственности согласно ч. 2 ст. 17.14 КоАП РФ⁵ (так, неисполнение банком или иной кредитной организацией требования исполнительного документа о взыскании денежных средств с должника влечет за собой наложение административного штрафа на банк или иную кредитную организацию). Однако в связи с обстоятельствами, которые в соответствии с законодательством не позволяли Банку России произвести в данном конкретном случае взыскание денежных средств со счетов ОАО «Смоленский банк» суды посчитали, что в материалах дела отсутствуют доказательства, которые

³ См.: Решение Арбитражного суда г. Москвы от 18 июня 2014 г. по делу № А40-72639/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 2 сентября 2014 г. № 09АП-33534/2014 по делу № А40-72639/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 2 августа 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; 2019. № 31, ст. 4476.

бы подтверждали наличие в действиях Банка России состава вменяемого ему административного правонарушения.

Сложность механизма привлечения Банка России к ответственности тесно связана с принципом его независимости. А.Г. Братко утверждает, что независимость Центрального банка РФ является ключевым принципом его деятельности и проявляется в том, что он выступает в качестве особого института, обладая исключительным правом организации денежного обращения [4].

Деятельность Банка России контролируется Счетной палатой, однако проверка осуществления им полномочий в качестве оператора по переводу денежных средств данным органом не проводится.

Примечательно, что в некоторых зарубежных странах Центральные банки выполняют схожие с полномочиями Банка России функции. Так, например, в Великобритании Центральный банк выступает в качестве расчетного агента для платежных систем. При осуществлении переводов денежных средств между организациями и их клиентами через платежную систему создается определенный риск, который нивелирует посредник, известный как расчетный агент, деятельность которого используется для окончательного расчета средств между поставщиками. Банки имеют счета в Центральном банке, использующиеся для расчета денег, перемещаемых между ними. Центральный банк предоставляет данные счета в целях поддержания финансовой стабильности экономической системы страны. Банк Англии работает в режиме реального времени по валовым расчетам (RTGS) — инфраструктуре, которая ведет счета для банков и других учреждений. Остатки на данных счетах могут использоваться для перемещения денег в режиме реального времени между владельцами счетов, что обеспечивает регулирование без рисков. Центральный банк Великобритании также работает с CHAPS (The Clearing House Automated System) — системой клиринговых расчетов. Она обеспечивает эффективные безналичные расчеты и безотзывные платежи. Существует около 30 тысяч прямых участников и несколько тысяч косвенных участников, производящих платежи CHAPS через одного из прямых участников⁶.

Правомочия на выполнение деятельности в качестве оператора по переводу денежных средств также имеют кредитные организации с правом на осуществление перевода денежных средств. В 2018 г. операции, которые были осуществлены кредитными организациями по распоряжениям своих клиентов, а также в части собственных операций, выросли на 13,4% по объему. Так, было осуществлено 35,8 млрд платежей на сумму 757,4 трлн руб. [3, с. 68]

В настоящее время актуальным является вопрос развития конкуренции кредитных организаций на финансовом рынке. По результатам совместного аналитического доклада Федеральной антимонопольной службы и Банка России «Конкуренция на финансовом рынке» было констатировано, что подавляющее большинство сегментов российского финансового рынка представляет собой монополию или же олигополию с конкурентным окружением, а также характеризуется недостаточным уровнем развития конкуренции.

Одним из аспектов, создающих затруднения для развития конкуренции в банковской сфере является превалирование деятельности Центрального банка

⁶ См.: Bank of England. Payment and settlement // Официальный сайт Центрального банка Англии. URL: https://www.bankofengland.co.uk/payment-and-settlement_ (дата обращения: 26.03.2020).

в части привлечения бюджетных средств. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 155 Бюджетного кодекса Российской Федерации⁷ Банк России обслуживает практически все счета бюджетов, за исключением счетов, предназначенных для выдачи и зачисления наличных денежных средств организациям, лицевые счета которым открыты в органах Федерального казначейства, финансовых органах субъектов РФ и муниципальных образований. Данные счета обслуживают кредитные организации. Для осуществления деятельности с бюджетными средствами кредитные организации должны соответствовать определенным требованиям, регламентированным, например, Правилами размещения средств федерального бюджета на банковских депозитах⁸. В число данных требований входит, кроме прочего, нахождение под прямым или косвенным контролем Центрального банка Российской Федерации или Российской Федерации.

Широкое влияние Центрального банка на кредитные организации как на операторов по переводу денежных средств не всегда имеет положительный эффект. Так, например, в 2016 г. Центральный банк Нигерии приостановил деятельность всех операторов денежных переводов в Нигерии, за исключением Money Gram, Western Union, Ria Money Transfer. Это было сделано по причине наличия большого количества нелегализованных поставщиков услуг по переводу денежных средств. Однако данная мера оказалась слишком суровой и повлекла за собой протесты. Поставщики услуг денежных переводов обвинили Центральный банк Нигерии в препятствовании развитию конкуренции в данной сфере, утверждая, что условия для работы международных служб денежных переводов слишком жесткие⁹.

Примечательно, что Министерство финансов Российской Федерации, предлагая условия участия кредитных организаций в привлечении бюджетных средств на банковские депозиты, только усугубляет конкурентное положение кредитных организаций в России. Так, данный федеральный орган исполнительной власти предлагает допускать до привлечения бюджетных средств только кредитные организации с государственным участием в капитале, однако, по оценке Банка России, данное условие не будет способствовать развитию конкуренции, создаст еще большие преимущества кредитным организациям с государственным участием в капитале. В результате, по той же оценке снизится количество потенциальных участников данного сегмента рынка с двадцати организаций (по состоянию на 1 ноября 2018 г.) до тринадцати¹⁰.

Представляется важным, что для развития конкуренции в банковском секторе и совершенствования системы допуска кредитных организаций к привлечению

⁷ См.: Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (в ред. от 2 августа 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3823; 2019. № 31, ст. 4466.

⁸ См.: Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2011 г. № 1121 «О порядке размещения средств федерального бюджета на банковских депозитах» (вместе с «Правилами размещения средств федерального бюджета на банковских депозитах») (в ред. от 30 декабря 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 1, ст. 161; 2019. № 1, ст. 52.

⁹ См.: Nigeria: Regulating The International Money Transfer Business In Nigeria // Mondaq: connecting knowledge and people. URL: <http://www.mondaq.com/Nigeria/x/547844/Financial+Services/Regulating+The+International+Money+Transfer+Business+In+Nigeria> (дата обращения: 26.03.2020).

¹⁰ См.: Центральный банк Российской Федерации не поддержал идею Минфина допускать до бюджетных средств только банки с государственным участием // Информационное агентство «Тасс». URL: <https://news.rambler.ru/other/41879480-tsb-ne-podderzhal-ideyu-minfina-dopuskat-do-byudzhetyh-sredstv-tolko-banki-s-gosuchastiem/?updated> (дата обращения: 26.03.2020).

бюджетных средств на банковские депозиты необходимо при решении вопроса о таком допуске руководствоваться требованиями нормативно-правовых актов о наличии у банка универсальной лицензии, собственных средств, капитала в определенном размере, кредитного рейтинга не ниже определенного уровня, отсутствия просроченной задолженности по банковским депозитам, ранее размещенным в кредитной организации за счет средств федерального бюджета и участия кредитной организации в системе обязательного страхования вкладов в банках Российской Федерации, а не влиянием и степенью контроля Центрального банка за данной кредитной организацией.

Таким образом, операторами по переводу денежных средств выступают Банк России, государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ» и кредитные организации, которые имеют право на осуществление перевода денежных средств. Множество операций по переводу денежных средств, особенно связанных с бюджетными ассигнованиями, осуществляется Банком России, контроль за деятельностью которого в силу особого финансово-правового статуса этого банка, осуществляется не столь пристально, как за кредитными организациями. В настоящее время в сфере деятельности кредитных организаций наблюдается отсутствие конкуренции. Для решения данной проблемы представляется необходимым расширение доступа кредитных организаций к привлечению бюджетных средств на банковские депозиты. Думается, что целесообразным является устранение условия о нахождении кредитной организации под прямым или косвенным контролем Центрального банка РФ для привлечения таких денежных средств посредством внесения изменений в подп. «в» п. 2 Правил размещения средств федерального бюджета на банковских депозитах. Данный пункт представляется возможным изложить в следующей редакции: «... соответствие одному из следующих требований: наличие у кредитной организации собственных средств (капитала) в размере не менее 100 млрд руб. и нахождение под контролем Российской Федерации».

Библиографический список

1. *Суродеев Ю.В.* Финансово-правовое регулирование национальной платежной системы Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 191 с.
2. *Белобабченко М.К.* Взаимодействие участников платежной системы: вопросы формирования гарантийного фонда // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 59–65.
3. Годовой отчет Банка России за 2018 год. М.: АО «АЭИ «ПРАЙМ», 2019. 393 с.
4. *Братко А. Г.* Банковское право России в 2 ч. Ч. 1: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2018. 288 с.

References

1. *Surodeev Yu.V.* Financial and Legal Regulation of the National Payment System of the Russian Federation: dis. ... cand. of law. M., 2016. 191 p.
2. *Belobabchenko M.K.* Interaction of Participants of Payment Systems: Issues of Formation of the Guarantee Fund // Journal of Russian law. 2014. № 10. P. 59–65.
3. Annual Report of the Bank of Russia for 2018 year. M.: JSC « AEI «PRIME», 2019. 393 p.
4. *Bratko A.G.* Banking Law of Russia in 2 parts. Part 1: textbook for undergraduate and graduate students. M.: Yurayt Publishing House, 2018. 288 p.

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.24411/2227-7315-2020-10150

УДК 343. 98

И.В. Усанов

**«СРЕДНЕВЕКОВАЯ» КРИМИНАЛИСТИКА —
НАШЕ «СВЕТЛОЕ» БУДУЩЕЕ?
(КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О СТАТЬЕ
Б.Г. РОЗОВСКОГО, С.Р. ТАГИЕВА
И А.В. БОЧКОВОГО «ГЛАС ВОПИЮЩЕГО
В ПУСТЫНЕ — ПОЧЕМУ?»)**

I. V. Usanov

**THE MEDIEVAL CRIMINALISTICS AS OUR PERFECTLY
FUTURE? (CRITICISM OF WORK BY B.G.ROZOVSKY,
S.R.TUGYEV AND A.V.BOCHKOVY «THE VOICE
OF SCREAMING MAN IN THE WILDERNESS — WHY? »)**

Практически в любой науке время от времени предпринимаются попытки реанимировать устаревшие, давно отвергнутые теорией и практикой концепции.

Не исключением в этом списке является и криминалистика.

В июне 2020 г. в Интернете появилась переведенная на русский язык статья украинских ученых-криминалистов Луганского университета внутренних дел доктора наук Б.Г. Розовского, доктора наук С.Р. Тагиева и А.В. Бочковского под весьма симптоматичным названием «Глас вопиющего в пустыне — ПОЧЕМУ?» [1, с. 325–338]

Внимательное изучение и анализ данной статьи привели нас к следующим умозаключениям.

В начальных абзацах постулируется базовый тезис, согласно которому «история цивилизации — повсеместное преодоление известного предубеждения: «этого не может быть, потому что не может быть». Обращает на себя внимание словосочетание *повсеместное преодоление известного предубеждения* (курсив наш. — И.У.), которым авторы настраивают скептически настроенного респондента против себя. То есть авторы намекают: если респондент доверчив, если у

© Усанов Игорь Владимирович, 2020

Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: fotomoto154@gmail.com

© Usanov Igor Vladimirovich, 2020

Candidat of Law Sciences, Associate professor of Criminalistics department (Saratov State Law Academy)

него «незапороженное» восприятие действительности, то это современный человек, с ним можно работать. Если нет, то такому человеку ничего не объяснишь, с таким человеком общаться бесполезно. Зачем авторы заранее делят респондентов на «своих» и «чужих»? Прямого ответа на этот вопрос нет, но они ясно дают понять, что респонденты, легко меняющие свои убеждения, прогрессивны, а консервативно настроенные респонденты — нет.

Далее авторы задаются вопросом: «Почему что-то с пользой применялось в прошлом и забыто ныне?» Остановимся на этом интересном вопросе подробнее.

Создается впечатление, что авторы готовят почву для некоего сенсационного открытия. Да, есть в этой статье «сенсационное» открытие (и не одно, а целых три).

Первое «сенсационное» открытие посвящено «удивительным свойствам крови», а именно — уникальной способности данной субстанции «изобличать преступника и вершить правосудие». Цитируем текст статьи далее: «веками считалось, будто бы труп начинает кровоточить при приближении или прикосновении убийцы». Разумеется, авторы приводят пример из практики. Англия, г. Таунтон, 1613 г. неизвестным зверски убита местная вдова. Преступник нанес своей жертве шестнадцать ножевых ранений и скрылся. В совершении этого преступления сознается некий Бэбб, который отказался приблизиться к трупу убитой женщины.

Для средневековой Англии начала XVII в. подобный вариант изобличения убийцы вполне нормален. Наука того времени была еще не в состоянии определять группы и подгруппы крови, еще не расшифрована и молекула ДНК... (Заметим, что сам по себе отказ приблизиться к трупу можно трактовать как: угодно излишняя впечатлительность, непереносимость вида крови, нежелание перенести сильный стресс и т.д.)...

Но сейчас-то! Давайте все-таки не забывать, что мы живем в XXI в., констатируем очевидное: имеется огромный арсенал современных методов, приемов и средств, позволяющих максимально объективно устанавливать связь между посягателем и жертвой по следам крови [2, с. 10–198].

Второе «сенсационное» открытие связано с проведенным исследованием российского ученого К.Г. Короткова посмертных свойств и реакций человеческого мозга. Из статьи следует, что К.Г. Короткову удалось: а) зафиксировать с помощью электроэнцефалограммы всплеск активности мозга мертвого человека при помещении последнего вблизи открытой печи крематория; б) установить наличие, т.н. эффекта Кирлиан в виде специфического свечения при помещении человеческого трупа в электромагнитное поле высокой напряженности и определять причину смерти исходя из продолжительности и интенсивности наблюдаемого свечения.

Авторы признают данное направление весьма перспективным.

Объективности ради следует заметить (и авторы анализируемой статьи тоже об этом говорят), что Комиссией РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований указанные работы К.Г. Короткова с использованием эффекта Кирлиан были признаны не соответствующими современным научным методикам, в связи с чем К.Г. Коротков был вынужден отказаться от дальнейших разработок по исследованию деятельности мозга мертвых людей.

Возникает вопрос: зачем Б.Г. Розовский, С.Р. Тагиев и А.В. Бочковой, не являющиеся сведущими людьми в сфере судебной медицины, призывают возобновить исследования неживых объектов с использованием эффекта Кирлиан?

Не напоминает ли это сизифов труд средневековых алхимиков по созданию философского камня, превращающего неблагородные металлы в чистое золото?

Научная альтернатива разработкам К.Г. Короткова есть. Это исследования в области посмертной томографической (КТ- и МРТ-) диагностики патологических изменений в структурах головного мозга при различных травмах и отравлениях [3, с. 33–35].

Третье «сенсационное» открытие связано с явлением «биокоммуникации». Суть ее состоит в том, что цветы и деревья, обладая некой памятью, способны «запоминать» объекты, представляющие потенциальную опасность для этих растений, а при попадании данных объектов в зону «восприятия», реагировать определенным образом на источник опасности. Авторы приводят пример избличения одного из американских серийных убийц, который убивал девушек в лифтах библиотек. Кашпо с растением, висевшее в лифте, где произошло очередное убийство, перенесли в помещение, в котором шла перерегистрация всех постоянных читателей библиотеки. К корням растения присоединили полиграф, который спустя какое-то время зафиксировал появление убийцы в данном помещении. Подозреваемого задержали, впоследствии он дал признательные показания.

Что же произошло в американском правосудии на самом деле?

Вынуждены констатировать, что произошли печальные вещи...

Испытание на полиграфе есть не что иное как «суд божий» или ордалии — инструмент установления истины по делу, характерный для раннего Средневековья.

Собственное признание обвиняемым своей вины в процессе специфического испытания есть элемент инквизиционного процесса, характерного для позднего Средневековья.

Иными словами, авторы статьи призывают украинских и российских криминалистов начала третьего тысячелетия вернуться во времена «Русской Правды» и Тайной канцелярии!

И этот процесс, увы, уже идет...

Основной причиной этого начавшегося отката к Средневековью является достаточно сложный многокомпонентный процесс. Примерно с конца 1980-х гг. криминалистика как интегративная наука вступила в новый этап своего развития. Это было обусловлено легализацией так называемой «теневого экономики» в рамках специфической формы государственно-монополистического капитализма в экономической и политической сферах и связанным с этим закономерным отходом от главенства диалектического метода познания окружающей действительности как фундаментального научного метода в сфере философии.

Отход от концепции главенства принципа диалектического материализма, в свою очередь, теснейшим образом связан с отходом от концепции главенства принципа здравого смысла.

Один из основателей современной научной криминалистики Ганс Гросс вполне справедливо утверждал: «Криминалист должен обладать здравым смыслом и умением постигать естественный ход вещей» [4, с. 7].

Вернемся к рассмотрению базового тезиса, согласно которому «история цивилизации — повсеместное преодоление известного предубеждения: «этого не может быть, потому что не может быть».

По мысли авторов, обе частицы «не» в данном словосочетании, очевидно, лишние. То есть, чтобы повсеместно преодолеть известное предубеждение, следуя

логике авторов, нужно мыслить так (заранее приносим извинения за тавтологию): «это может быть, потому что может быть».

В связи с этим возникает вопрос: безграничны ли исследования окружающего мира или такие ограничения все-таки есть?

Теоретически, но только на первый взгляд, таких ограничений нет, допустимо все. Однако это не так. Приведем пример с непрекращающимися попытками изобрести вечный двигатель. С помощью математических и физических формул давно доказано, что построить вечный двигатель невозможно. В криминалистике тоже есть по крайней мере один такой вечный двигатель — попытки идентифицировать личность неизвестного посягателя по его психологическому портрету. Здесь мы вторгаемся в сферу действия здравого смысла. Психологический портрет неизвестного посягателя есть сумма психологических характеристик личности. Диагностировать конкретного человека на этой базе можно, а идентифицировать — нельзя. Почему? В силу высокой абстракции психологических характеристик.

Кроме ограничений теоретического характера существуют ограничения практического характера. Любой метод, претендующий на научность, кроме теоретического обоснования в обязательном порядке должен пройти апробацию на как можно большем эмпирическом материале, а после этого получить заключение независимой экспертизы.

Библиографический список

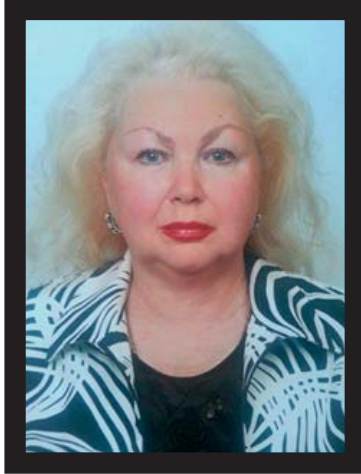
1. Розовський Б.Г., Бочковий О.Г., Тагієв С.Р. Глас вопиющего в пустыне — чому? // Вісник Луганського університету внутрішніх справ імені Е.О.Дідоренко. 2020. № 2 (86). С. 325–338.
2. Торвальд Ю. Криминалистика сегодня. Развитие судебной серологии / пер. с нем. М.: Юридическая литература, 1980. 200 с.
3. Фетисов В.А. Посмертная томографическая судебно-медицинская нейровизуализация // Эксперт-криминалист. 2017. № 2. С. 33–35.
4. Корма В.Д., Образцов В.А. Проблемы совершенствования парадигмы криминалистики как теории здравого смысла // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. М.: Спарк, 2013. Вып. 2 (46). С. 7–18.

References

1. Rozovskii B.G., Boccoli O.G., Tagiev S.R. voice of one crying in the wilderness — chomu? // Visnyk of the Luhansk University vnutrishnih sprav mini E.O. Zdorenko. 2020. No. 2 (86). P. 325–338.
2. Thorwald Jurgen. Criminalisitics today. Development of forensic serology. M., 1980. 200 p.
3. Fetisov V.A. Postmortem tomographic forensic medical neurovisualization // Forensics analyst. 2017. No. 2. P. 33–35.
4. Korma V.D., Obrazcov V.A. Problems of improving the paradigm of criminalistics as a theory of common sens // Vestnik of criminalistics / ed. by A.G.Philippov. M.: Spark, 2013. Vol. 2 (46). P. 7–18.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ МИТРОФАНОВНЫ ЦЕПКОВОЙ

15 октября 2020 г. на 76-м году ушла из жизни кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации **Татьяна Митрофановна Цепкова**. Вся жизнь которой была связана с Саратовской государственной юри-

дической академией — Саратовским юридическим институтом имени Д.И. Курского.

Татьяна Митрофановна начала трудовую деятельность в Саратовском юридическом институте им. Д.И. Курского в 1963 г. в должности секретаря Вечернего факультета. В 1969 г. Т.М. Цепкова окончила СЮИ им. Д.И. Курского.

Т.М. Цепкова прошла профессиональный путь от лаборанта до профессора кафедры гражданского процесса, посвятив методической, научной и преподавательской деятельности более 50 лет. В 2000 г. Татьяна Митрофановна защитила кандидатскую диссертацию по теме «Проблемы правового регулирования процессуального положения и деятельности лиц, участвующих в судебных семейных делах».

Татьяна Митрофановна Цепкова внесла большой вклад в развитие отечественной юридической науки и в подготовку высокопрофессиональных кадров, являлась автором более 80 научных и учебно-методических работ. Для своих коллег по кафедре гражданского процесса Татьяна Митрофановна была примером доброжелательности во всех видах научной, педагогической и учебно-методической деятельности. Тем самым как ученый и преподаватель Т.М. Цепкова заслужила высокий авторитет студентов и сотрудников.

Проводимые Т.М. Цепковой лекции и практические занятия на кафедре единовременно оценивались как образцовые, с позиций педагогики высшей школы, она постоянно использовала новейшие методы обучения и достижения современных технологий, до последнего момента вела образовательную деятельность через онлайн-портал со студентами. Татьяна Митрофановна руководила постоянным кружком по проблемам гражданского процесса, пользующимся большой популярностью среди студентов. Она неоднократно поощрялась ректором благодарностями.

В 2000 г. была награждена Почетной грамотой губернатора Саратовской области за большой личный вклад в подготовку квалифицированных юристов.

В 2001 г. Цепкова Т.М. была награждена Министерством образования Российской Федерации нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

Под руководством Татьяны Митрофановны защищено восемь диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук и по состоянию здоровья она не смогла присутствовать только на последней защите своей ученицы Каламовой Юлии Баязовны, которая 2 октября 2020 г. успешно защитила

диссертацию на тему «Исполнение третейского решения как альтернативная гарантия защиты нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов».

Татьяна Митрофановна была замечательным Педагогом, любимым Учителем, красивой женщиной и добрейшей коллегой для многих сотрудников академии и ее выпускников. Она была один из самых опытных преподавателей Академии, неизменно любимой студентами.

Руководство академии, кафедра гражданского процесса СГЮА и весь профессорско-преподавательский и студенческий коллективы академии искренне скорбят в связи с кончиной Т.М. Цепковой.

*О.В. Исаенкова
и коллектив кафедры
гражданского процесса ФГБОУ ВО «СГЮА»*

**ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»**

1. Редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1 Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) 1 экземпляр рукописи, сшитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см.; библиографические ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника и страница. В списке литературы нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте (например: [5, с. 5]). Библиографический список размещается в конце статьи. В нем перечисляются все источники, на которые ссылается автор, с полным библиографическим аппаратом издания (место издания: издательство, год издания, общее кол-во страниц. Например: М.: Юридическая литература, 2010. 200 с.) Ссылки на нормативно-правовые акты и электронные ресурсы оформляются как постраничные сноски.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru (все требования к компьютерному набору полностью сохраняются).

1.2. Отпечатанные (четкой качественной печатью на белой бумаге) сведения об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, адрес электронной почты, контактный телефон (все параметры обязательны); название.

1.3. CD диск (или флеш-карта) с электронным вариантом рукописи в Word (файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М.И._статья»); и сведениями об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, контактный телефон (все параметры обязательны).

2. Каждая статья или другие материалы (см. п. 1.2) должна начинаться:

а) индексом УДК; б) фамилией, именем и отчеством (полностью) автора (авторов); в) названием; г) местом работы автора (авторов); д) электронным адресом автора (авторов); е) аннотацией содержания рукописи (100–150 слов, не должны повторять название); ж) списком ключевых слов или словосочетаний (7–10).

Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

3. Рисунки и схемы вставляются в тексте в нужное место. За качество рисунков или фотографий редакция ответственности не несет.

4. Оформление рисунков и таблиц.

4. 1. Таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

5. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

6. Все рукописи, принятые редакцией журнала к рассмотрению, подлежат обязательному рецензированию. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии журнала. Редакция использует принцип анонимного рецензирования (double-blind peer-review): рецензент и авторы не знают фамилии друг друга. Копия рецензии может быть направлена автору (соавтору) статьи по его запросу.

Примечания:

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.

2. Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по тел.: (8452) 29-90-87 или по адресу: vestnik@ssla.ru, vestnik2@ssla.ru.

3. По другим вопросам и в частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.

4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.

5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, автор обязан поставить редакцию в известность.

6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте.

7. Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается. Гонорар не выплачивается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:

410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, к. 216.

Тел.: (845-2) 29-90-87. E-mail: vestnik2@ssla.ru, vestnik@ssla.ru

Сайт: <http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>